

ЛЮБИТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КЛУБ
"ЗОЛОТОЕ
ПЕРО"

ГУСТАВ ЭМАР

Длибустьеры

ЛЮБИТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КЛУБ
"ЗОЛОТОЕ
ПЕРО"

КЛУБ
"ЗОЛОТОЕ
ПЕРО"

ЛЮБИТЕЛЯМ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГУСТАВ ЭМАР

Флибустьеры
Морские цыгане

Перевод с французского

Москва
«Топикал»
1993

Оформление серии
ВЛАДИМИРА КАТИНА
Иллюстрации
АЛЕКСАНДРА ЯЦКЕВИЧА

- Эмар Г.
Э59 Флибустьеры: Романы/Пер. с фр.— М.. Топикал, 1993.— 448 с. ил.— (Клуб «Золотое перо»: Любителям прикл.).

В серии «Клуб Золотое перо» публикуются историко-приключенческие произведения известного французского писателя, издававшегося на русском языке много лет назад,— романы «Флибустьеры» и «Морские цыгане». С драматической напряженностью описывает автор захватывающие любовные истории, морские сражения, экзотические страны, где действуют гордые и благородные герои, безжалостные к врагам, но честные и справедливые. Готовится к выпуску роман «Золотая Кастилья», завершающий трилогию, в котором участвуют уже знакомые персонажи. Издатели постарались сохранить стиль, а также написание географических названий, принятые при первых публикациях.

ББК 84.4

© Художественное оформление серии,
иллюстрации, составление. «Топикал», 1993

ISBN 5—85256—006—5

Длибустьеры

«ГОСТИНИЦА ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА»

Хотя от Шансо, где начинается Сена, до Гавра, где она впадает в море, не более восьмисот километров, однако, несмотря на это сравнительное протяжение, эта река одна из важнейших в целом свете, потому что от Юлия Цезаря до наших дней на берегах ее решались все великие общественные вопросы, волновавшие новейшие времена.

Туристы, живописцы, путешественники, отправляющиеся далеко отыскивать красивые места, не могут найти ничего живописнее извилистых берегов этой реки, окаймленной торговыми городами и прелестными деревнями, кокетливо разбросанными направо и налево по зеленым долинам или исчезающими среди густой зелени ее крутых берегов.

Наша история началась 26 марта 1641 года в одной из этих деревень, в нескольких лье от Парижа.

Деревня эта имела только одну улицу, длинную и узкую, спускавшуюся с довольно крутой горы, шла вдоль небольшой речки и кончалась в нескольких шагах от Сены. Улица эта во всю свою длину была обрамлена

низкими и безобразными домами, служившими большей частью гостиницами для извозчиков всякого рода, которые в то время, когда еще не было больших дорог, постоянно проезжали эту деревню и останавливались в ней ночевать.

Верхний конец улицы был занят монастырем, очень богатым, возле которого возвышалось большое здание, скрытое в обширном саду и служившее гостиницей богатым людям, которых дела или удовольствия приводили в эту деревню, окруженную на десять миль вокруг роскошными жилищами знатных вельмож.

Ничто по наружности не могло заставить угадать в этом здании гостиницу: калитка вела в сад, и только пройдя его весь, можно было увидеть дом. Но у гостиницы был другой вход — с дороги, тогда не многолюдной, в который въезжали лошади и экипажи, когда путешественник был принят трактирщиком.

Хотя этот дом был гостиницей, но его хозяин принимал не всех проезжих; напротив, он был очень разборчив, уверяя, что гостиница, удостоенная посещением короля и кардинала-министра, не должна служить убежищем бродягам. Чтобы оправдать присвоенное себе право, трактирщик заказал вывеску, на которой был представлен французский герб с золотыми буквами, подписанными внизу: «Гостиница Французского Двора».

Эта гостиница пользовалась большой известностью не только в окрестностях, но и в самом Париже, и, поспешим прибавить, известностью заслуженною, потому что если трактирщик был разборчив относительно выбора своих посетителей, зато он ухаживал и за людьми и за лошадьми с особенным попечением.

Несмотря на то, что наступили последние числа марта, холод был довольно силен; деревья, отягченные инеем, печально обрисовывали свои тощие силуэты на сером небе, и густой снег довольно толстым слоем покрывал землю. Хотя было около десяти часов вечера, ночь была светлая, и луна, плавающая в облаках, обильно проливая свои бледные лучи, позволявшие видеть как днем.

Все спало в деревне, только из решетчатых окон «Гостиницы Французского Двора» струились широкие по-

лосы света, показывавшие, что по крайней мере там не спали.

Однако в гостинице путешественников не было. Всем присзжавшим днем и с наступлением ночи было отказано трактирщиком, толстяком с круглым лицом, с умными чертами и с лукавой улыбкой, который ходил в эту минуту с озабоченным видом по своей огромной кухне, бросая иногда рассеянный взгляд на приготовления к ужину, которым занимался главный повар и его помощники.

Пожилая женщина, низенькая и кругленькая, вдруг вбежала в кухню и резко спросила трактирщика:

— Правда ли, мэтр Пильвоа, что вы приказали приготовить комнату с балдахином, как уверяет Марьетта?

— Что вам сказала Марьетта?— спросил трактирщик строгим тоном.

— Она велела мне приготовить лучшую комнату.

— Которая лучшая комната, мадам Тифена?

— Комната с балдахином, потому что в ней ее величество...

— Когда так, приготовьте комнату с балдахином,— перебил трактирщик.

— Однако,— осмелилась возразить мадам Тифена, которая пользовалась некоторым кредитом в доме, во-первых, как законная жена трактирщика, во-вторых, по милости некоторых довольно резких оттенков своего характера,— мне кажется, при всем моем к вам уважении...

— При всем моем к вам уважении,— закричал трактирщик, топнув ногою с гневом,— вы дура, моя милая; исполняйте мои приказания и перестаньте жужжать мне в уши...

Мадам Тифена поняла, что ее повелитель и властелин не был расположен в этот вечер переносить противоречия. Как женщина благоразумная, она ушла, предоставляя себе право впоследствии порядком отплатить за резкий выговор, полученный ею.

Довольный, без сомнения, своим повелительным поступком, мэтр Пильвоа, бросив торжествующий взгляд на своих подчиненных, удивленных, хотя они не смели этого показать, этим необычным самовластием, направился к двери, которая вела в сад; но в ту минуту как он брался

рукою за замок, эта дверь вдруг отворилась под носом изумленного трактирщика, который отступил на середину комнаты, и в кухню вошел мужчина.

— Наконец!— радостно вскрикнул незнакомец, бросив свою шляпу с пером на стол и сбрасывая плащ.— Ей-Богу, я думал, что я в пустыне.

Прежде чем трактирщик, все более удивляясь бесцеремонности его обращения, успел воспротивиться, он взял стул и спокойно уселся у камина.

Пришедшему казалось на вид лет двадцать пять; длинные черные волосы в беспорядке падали на его плечи, резкие черты были благородны и умны, пылкие глаза дышали мужеством и привычкою повелевать; физиономия имела отпечаток величия, умеряемого доброжелательной улыбкой, рот был большой, с ослепительными зубами, а красные и несколько толстоватые губы украшались, по моде того времени, усами, прекрасно завитыми; длинная бородка покрывала четырехугольный подбородок, знак упрямства.

Костюм его, не будучи богат, был, однако, опрятен, скроен со вкусом и несколько походил на военный, чему еще способствовали два пистолета, заткнутые за пояс, и длинная шпага с железным эфесом, висевшая на боку. Высокий рост незнакомца, стройного и сильного, и вид отваги, распространенный во всей наружности, показывали одного из тех людей, которых было тогда очень много, людей, с первого раза умевших требовать от тех, с которыми сводил их случай, уважение, полагая, что имеют на это право.

Между тем трактирщик, несколько оправившись от волнения и от удивления, сделал несколько шагов к незнакомцу и, поклонившись ниже, чем ему хотелось бы, и снимая бумажный колпак под влиянием блестящего взгляда, который незнакомец устремил на него, пролепетал не совсем твердым голосом:

— Милостивый государь...

Но незнакомец бесцеремонно перебил его, спросив:

— Вы трактирщик?

— Да,— проворчал мэтр Пильвоа, удивляясь, что принужден отвечать, когда приготовлялся расспрашивать.

— Хорошо!— продолжал незнакомец.— Сыщите мою лошадь, которую я бросил где-то в вашем саду; велите поставить ее в конюшню и вымыть загривок уксусом с водой; я боюсь, что содрана кожа.

Эти слова были произнесены так небрежно, что трактирщик от удивления не нашелся сказать ни слова.

— Ну!— продолжал незнакомец через минуту, слегка нахмутив брови.— Что ты стоишь, дурак, вместо того чтобы исполнять мои приказания?

Мэтр Пильвоа, совершенно укрощенный, повернулся и вышел, шатаясь как пьяный. Незнакомец следил за ним глазами с улыбкою и, обернувшись к слугам, шептавшимся между собой и смотревшим на него украдкой, сказал:

— Поставьте стол передо мной около огня и давайте мне ужин; поскорее, черт побери, я падаю от голода!

Слуги, втайне радуясь сыграть шутку со своим хозяином, не заставили повторять два раза этого приказания; в одно мгновение стол был принесен, прибор поставлен, и трактирщик, воротившись, нашел путешественника разрезающим великолепную куропатку. Лицо Пильвоа приняло все оттенки радуги: сначала побледнело, потом покраснело, так что можно было бояться апоплексического удара.

— Уж это чересчур!— закричал он, топнув ногой с гневом.

— Что это с вами?— спросил незнакомец, поднимая голову и вытирая усы.

— Что со мной?— заворчал трактирщик.

— Да, кстати, что моя лошадь в конюшне?

— Ваша лошадь, ваша лошадь,— бормотал Пильвоа,— до вашей ли теперь лошади!

— А что ж такое, позвольте спросить,— сказал незнакомец, налив себе вина и разом выпивая рюмку,— гм! это юранское!— прибавил он, поставив рюмку на стол с довольным видом,— я его узнал!

Это радушие и эта бесцеремонность довели до крайней степени ярость трактирщика и заставили его забыть всякую осторожность.

— Какая дерзость!— вскричал он, хватая бутылку.— Ворваться в дом честных людей без позволения хозяев!

Убирайтесь-ка отсюда поскорее, если не хотите, чтобы вам худо пришлось; ищите себе другого приюта, а я не могу и не хочу давать вам ночлег.

Незнакомец выслушал трактирщика без малейшего нетерпения, и когда мэтр Пильвоа наконец замолчал, он опрокинулся на спинку стула и посмотрел прямо в лицо трактирщика.

— Теперь вы выслушайте меня,— сказал он,— и запечатлейте мои слова хорошенько в вашей узкой голове; ведь этот дом гостиница, так ли? Стало быть, он должен быть открыт каждому путешественнику, который за деньги ищет приюта и пищи; я знаю, что вы присвоили себе право принимать людей по выбору; если некоторые покоряются, это их дело, а не мое, я же не разделяю этого мнения и останусь здесь до тех пор, пока хочу; я вам не запрещаю содрать с меня лишнее, это ваша трактирская обязанность, я ничего не скажу против этого, но если мне не будут служить вежливо и проворно, если вы не дадите мне приличной комнаты, в которой я мог бы ночевать — словом, если вы не выполните относительно меня все обязанности гостеприимства, я обещаю вам сорвать вашу вывеску, а вас повесить на ее место; теперь вы поняли, хозяин?— прибавил незнакомец, так крепко сжав трактирщику руку, что бедный мэтр Пильвоа вскрикнул от боли, и оттолкнул к самой стене кухни, так что трактирщик едва удержался на ногах.— Служите мне и не спорьте.

Не занимаясь более трактирщиком, путешественник спокойно продолжал свой прерванный ужин.

Трактирщик чувствовал себя побежденным и не пытался продолжать борьбу, сделавшуюся невозможной. Пристыженный и униженный, он старался угодить странному посетителю, который насильно ворвался к нему в дом.

Путешественник не употребил во зло своей победы; довольный результатом, которого он добивался, он этим не воспользовался. Так что мало-помалу и хозяин, и посетитель скоро оказались в самых лучших отношениях и к концу ужина даже короткими друзьями.

Они стали разговаривать сначала о дожде и о хорошей погоде, о дороговизне съестных припасов, о болезни короля

и кардинала, потом мэтр Пильвоа налил большой стакан вина своему непрошеному гостю и, вооружившись мужеством, сказал, качая головою:

— Знаете ли, что вы меня ужасно стесняете?

— Уж вы опять принимаетесь за старую историю?— отвечал незнакомец, выпивая стакан и пожимая плечами.— А я думал, что этот вопрос давно решен.

— Умоляю вас, не горячитесь,— боязливо сказал трактирщик,— я не имею ни малейшего намерения вас оскорблять.

— Так объяснитесь же откровенно, почему я так стесняю вас?

Трактирщик видел, что делать нечего, страх придал ему мужество.

— Поверьте,— сказал он смиренно,— я слишком хорошо знаю свет, чтобы осмелиться быть невежливым с таким знатым дворянином, как вы...

— Оставим это,— улыбаясь, перебил незнакомец.

— Но моя гостиница нанята уже неделю тому назад целым обществом дворян; они должны приехать через час, а может быть, и через полчаса. Эти дворяне желают быть одни в гостинице, и взяли с меня клятву не принимать никаких других путешественников, и заплатили мне за это.

— Очень хорошо,— сказал незнакомец с равнодушным видом.

— Как очень хорошо?— вскрикнул трактирщик.

— Что же мне больше сказать? Вы строго исполнили обязательство, и никто не может упрекнуть вас ни в чем.

— Как это?

— Разве только у вас здесь спрятался кто-нибудь,— с невозмутимым хладнокровием ответил незнакомец,— что, признаюсь, было бы нечестно с вашей стороны.

— У меня нет никого.

— Ну так что ж?

— А вы?— боязливо произнес трактирщик.

— О! Я это другое дело,— смеясь, сказал незнакомец,— вы меня не приняли; напротив, я насильно к вам вошел. Ну, когда эти дворяне к вам явятся, вам остается только одно.

— Что такое?

— Рассказать в точности, что произошло между нами; или я очень ошибаюсь, или это откровенное объяснение удовлетворит их, а если нет...

— А если нет, что я буду делать?

— Пришлите их ко мне, и я возьмусь их победить; дворяне хорошего происхождения всегда понимают друг друга.

— Однако...

— Ни слова более об этом; да вот, кажется, и они,— прибавил незнакомец, прислушиваясь и небрежно откидываясь на спинку своего стула.

На затвердевшем снегу слышался топот лошадей, потом несколько раз постучались в дверь.

— Это они!— прошептал трактирщик.

— Нет более причины заставлять их ждать, отворите, хозяин, сегодня очень холодно.

Трактирщик колебался с минуту, потом вышел, ничего не возразив.

Незнакомец старательно закутался в плащ, надвинул на глаза шляпу и ждал приезжих с равнодушным видом. Слуги, забившись в самый отдаленный угол кухни, дрожали, предвидя грозу.

II

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Между тем приезжие шумели на дороге и, по-видимому, теряли терпение от промедления трактирщика. Он наконец решился отворить, хотя тайно опасался последствий, какие могло иметь для него присутствие незнакомца в его доме.

Как только, по его приказанию, конюх отпер запор и отворил ворота, несколько всадников въехало во двор, а за ними карета, запряженная четверкой. При свете фонаря, который держал слуга, трактирщик увидел, что путешественников семеро: три господина, три лакея и кучер на

козлах. Все были закутаны в толстые плащи и вооружены с головы до ног.

Как только карета въехала на двор, всадники сошли с лошадей; один из них, по-видимому имевший некоторую власть над своими спутниками, подошел к трактирщику, между тем как другие повернули карету в сад, где находился главный вход в дом, а лакеи затворяли ворота.

— Мои приказания исполнены буквально?— спросил путешественник с сильным иностранным выговором, хотя он очень правильно выражался по-французски.

При этом довольно затруднительном вопросе Пильвоа почесал в голове, потом ответил хитро:

— Насколько было возможно.

— Что вы хотите сказать?— грубо спросил путешественник.— Однако инструкции были очень точны?

— Да,— смиренно отвечал трактирщик,— я даже скажу, что мне щедро заплатили вперед.

— Ну так что ж?

— Я сделал, что мог,— ответил Пильвоа, все более смущаясь.

— Гм! то есть у вас есть кто-нибудь?

— Увы! есть, монсеньор,— отвечал трактирщик.

Путешественник с гневом топнул ногой, но тотчас же принял спокойный вид и спросил:

— Кто эти люди?

— Только один человек.

— А! только один,— сказал путешественник с довольным видом,— стало быть, ничего не может быть легче спровадить его.

— Я боюсь, что нет,— робко сказал трактирщик,— этот путешественник, которого я не знаю, кажется мне перегруженным, и я не думаю, что он расположен был уйти.

— Хорошо, хорошо, я беру это на себя,— беззаботно сказал путешественник,— где он?

— Там, в кухне, греется у огня.

— Хорошо; комната приготовлена?

— Да, монсеньор.

— Проводите сами этих господ; никто из ваших людей не должен знать, что будет здесь происходить.

Трактирщик, обрадовавшись, что так дешево отделался,

почтительно поклонился и поспешил уйти в сад, а путешественник, обменявшись шепотом несколькими словами с лакеем, оставшимся возле него, надвинул шляпу на глаза, отворил дверь и вошел в кухню.

Она была пуста, незнакомец исчез. Путешественник бросил вокруг озабоченный взгляд; слуги, вероятно по приказаниям, прежде полученным от трактирщика, благо-разумно удалились. После минутной нерешительности путешественник пошел в сад.

— Ну что, вы его видели, монсеньор?— спросил трактирщик.

— Нет, но это все равно,— ответил путешественник,— ни слова о нем тем, кто приехал со мною; он, верно, ушел, а если нет, смотрите, чтобы он не подходил к тем комнатам, которые вы нам отвели.

«Гм! все это не совсем чисто»,— подумал трактирщик, и, задумавшись, ушел.

Дело в том, что он боялся. Посетители его имели угрюмые физиономии и резкие манеры; потом, между деревьями его сада виднелись какие-то тени; он остерегался выяснять это обстоятельство, но оно увеличивало его тайные опасения.

Тифена с фонарем в руке ждала у дверей дома, чтобы осветить путешественникам и проводить их в их комнаты; когда карета остановилась у дверей, один из путешественников подошел, отворил дверцу и помог выйти даме.

Эта дама, роскошно одетая, по-видимому, страдала и шла с трудом. Однако, несмотря на свою слабость, она оттолкнула руку, поданную ей одним из путешественников, и, приблизившись к Тифене, которая, сострадательная, как все женщины, поспешила помочь ей войти на лестницу, несколько крутую, которая вела в комнату с балдахином.

Путешественники оставили кучера и одного лакея стеречь карету, которую не откладывали, и молча пошли за больной дамой.

Комната с балдахином, самая красивая в гостинице, была велика и меблирована с роскошью; яркий огонь горел в камине, и несколько свечей, расставленных на стенах,

разливали довольно большой свет. Дверь, закрытая обоями, сообщалась с небольшой комнаткой, имевшей выход в другие части дома.

Когда дама вошла в комнату с балдахином, она опустилась на стул и поблагодарила трактирщицу наклоном головы. Тифена скромно ушла, удивленная и почти испуганная при виде мрачных лиц людей, среди которых она находилась.

— Господи Боже мой! Что здесь такое будет?— сказала она мужу, которого встретила в коридоре, где он прохаживался с озабоченным видом.— Эти люди меня пугают. Эта бедная дама вся дрожит; насколько я могла приметить ее лицо под маской, оно было как снег.

— Я так же испуган, как и вы, душа моя,— отвсчал со вздохом Пильвоа,— но мы ничего не можем сделать; это слишком знатные господа, друзья кардинала; они погубят нас. Нам остается только удалиться в нашу комнату, как нам приказано, до тех пор, пока потребуются наши услуги.

Трактирщик и жена его ушли в свою спальню и не только заперли дверь ключом, но еще загородили ее всем, что попало им под руку.

Незнакомец, притворяясь равнодушным, следил глазами за всеми движениями трактирщика, и как только тот вышел из кухни, чтобы отворить путешественникам, он встал, бросил кошелек, полный золота, поварам, приложив палец к губам в знак молчания, и, закутавшись в плащ, вышел из кухни.

Повара поняли, что незнакомец скрывает какие-нибудь планы, в которые им не следовало вмешиваться, разделили между собою деньги, так щедро им подаренные, и, припомнив приказания, полученные от хозяина, отправились спать.

Незнакомец, пока трактирщик принимал путешественников, углубился в сад. Дойдя до маленькой двери, о которой мы говорили, он тихо засвистал. Тотчас два человека явились перед ним. У каждого была длинная рапира на боку, за поясом пистолеты и карабин в руке.

— Что нового?— спросил незнакомец.— Вы видели что-нибудь, Мишель?

— Капитан,— ответил тот, к которому относился этот вопрос,— я ничего не видел, но я опасаясь засады.

— Засады?

— Да, вот Тихий Ветерок приметил несколько человек подозрительной наружности, которые, кажется, хотят взять нас на абордаж.

— Вы с ума сошли, Мишель! Вы видели путешественников, приехавших в гостиницу?

— Нет, капитан, они похожи, напротив, как две капли воды на тех, которые гонятся за нами с третьего дня; я готов побиться об заклад, что это сыщики кардинала.

Незнакомец, по-видимому, размышлял.

— Далеко они?— спросил незнакомец.

— Говори, Тихий Ветерок,— обратился Мишель к своему товарищу.

— Я их проведаль около пяти часов назад,— сказал Тихий Ветерок, бретонец, низенький и коренастый, с хитрой и лукавой физиономией,— я шел под нижними парусами только для того, чтобы перегнать их, и, кажется, оставил их позади.

— Стало быть, впереди у нас час.

— Около того, капитан.

— Это более, чем нам нужно; послушайте, молодцы, поклянитесь вашей матросской честью, что вы будете повиноваться мне.

— Это известно,— сказал Мишель.

— Что бы ни случилось, предоставьте мне действовать одному, если я не дам вам особенного приказания помочь мне. Если, пока мы здесь, явятся сыщики кардинала, вы убежите.

— Мы убежим!— воскликнули оба моряка.

— Это необходимо, дети! Кто меня освободит, если мы все трое будем в плену?

— Это справедливо,— заметил Мишель.

— Итак, решено?

— Да, капитан,— ответили оба.

— Ах! кстати, если меня возьмут, вам будут нужны деньги, чтобы освободить меня; возьмите.

Он подал им тяжелый кошелек, который матросы взяли без всяких замечаний.

— Теперь ступайте за мной и глядите в оба.

— Будьте спокойны, капитан,— сказал Мишель,— мы станем смотреть.

Незнакомец пошел к дому, а за ним оба моряка. Они пришли в коридор, в конце которого находилась комната путешественников, в ту минуту, когда мэтр Пильвоа со своею супругой заперлись в своей спальне. Карета, которую стерегли кучер и слуга, все стояла перед главной дверью, но три человека прошли не замеченными никем.

Как только трактирщица вышла из комнаты с балдахином, путешественник, по-видимому, пользовавшийся некоторой властью над своими спутниками, отворил дверь в смежную комнату, чтобы удостовериться, не подслушивает ли там какой-нибудь шпион, потом сел около камина и сделал знак своим спутникам последовать его примеру; только два лакея остались на ногах у двери, опираясь на карабины.

Несколько секунд продолжалось молчание в комнате, где, однако, находилось десять человек. Наконец путешественник решился заговорить с молодой дамой, которая лежала на стуле, склонив голову на грудь и свесив руки.

— Дочь моя,— сказал он голосом серьезным по-испански,— настала минута ясного и категорического объяснения между нами, потому что нам остается только четыре мили до конца нашего продолжительного путешествия. Я намерен остаться сутки в этой гостинице, чтобы дать вам время собраться с силами и явиться в приличном виде перед тем, кого я назначаю вам.

Молодая женщина ответила на эту сухую речь только глухим стенанием. Отец продолжал, не подавая вида, что примечает ее унылый вид:

— Вспомните, дочь моя, что я только по просьбе ваших братьев согласился простить вам проступок ваш с непременным условием, что вы будете повиноваться моим приказаниям.

— Где дитя мое,— прошептала дама голосом, прерывавшимся от горя,— что вы сделали с моим ребенком?

Путешественник нахмурил брови, бледность разлилась по лицу его, но он тотчас оправился и сказал мрачным голосом:

— Опять этот вопрос! Не шутите моим гневом, напоминая мне ваше преступление и бесславие нашего дома.

При этих словах молодая дама вдруг выпрямилась и, сорвав бархатную маску, покрывавшую ее лицо, сказала голосом гордым и прямо смотря в лицо отцу:

— Я не виновата, и вы это знаете! Вы сами представили мне графа де Бармона, вы сами одобрили нашу любовь, по вашим же приказаниям мы были тайно обвенчаны. Осмелюсь опровергнуть это!

— Молчать!— закричал путешественник, вскочив.

— Батюшка!— вскрикнули два других путешественника, до сих пор остававшиеся неподвижны и как бы чужды этому бурному разговору, бросаясь к отцу.

— Хорошо, я обуздаю себя,— сказал он, садясь на прежнее место.— Я задам вам только один вопрос, донна Клара: будете вы повиноваться мне?

Она колебалась с минуту, потом, приняв решение, ответила голосом резким и твердым:

— Выслушайте меня, батюшка; вы сами сказали, что настала минута объяснения, объяснитесь же. Я ваша дочь и также ревную к чести нашего дома, вот почему я требую, чтобы вы мне отвечали без обиняков и без изворотов.

Эта молодая женщина, говорившая с энергией, которую придавала ей гордость, была красоты необыкновенной. Откинувшись назад, гордо подняв голову с длинными шелковистыми черными волосами, падавшими в беспорядке на плечи и составлявшими контраст с мраморной бледностью лица, с большими глазами, горевшими лихорадкой и наполненными слезами, которые медленно текли по ее щекам, она имела во всей своей наружности что-то роковое, как будто не принадлежавшее земле. Отец ее растрогался, несмотря на свою свирепую гордость, и отвечал голосом менее грубым:

— Я вас слушаю.

— Я вам сказала уже, что я не виновата,— продолжала она,— и повторяю, что была тайно обвенчана с графом де Бармоном в церкви Мерчед в Кадисе по вашему приказанию. Вы это знаете, стало быть, мне нечего распространяться об этом, мой ребенок законный, и я имею право им гордиться. Каким же образом вы, герцог Пеннафлор,

принадлежа к грандам испанским, не только в день нашей свадьбы похитили у меня супруга, вами же выбранного, но и вдруг прогнали его от себя и отняли у меня ребенка в час его рождения, да еще обвиняете меня в ужасном преступлении и намереваетесь, когда жив еще мой первый муж, выдать меня за другого; отвечайте же мне, в чем состоит честь, о которой вы мне так часто говорите, и по какой причине вы поступаете так жестоко с несчастной, которая обязана вам жизнью и, с тех пор как существует, показывала к вам любовь и уважение?

— Это уже слишком, непослушная дочь!— закричал герцог, вставая с гневом.— Если вы не боитесь идти мне наперекор таким недостойным образом...

Но он вдруг замолчал и остался неподвижен, трепеща от ярости и испуга; дверь комнаты внезапно отворилась, и на пороге явился человек, гордо выпрямившись, с пылающими глазами и положив руку на эфес своей шпаги.

— Людовик!— вскричала молодая женщина, бросаясь к нему. Но братья удержали ее и принудили сесть.

— Граф де Бармон!— прошептал герцог.

— Я самый, герцог Пеннафлор,— отвечал незнакомец с чрезвычайной вежливостью,— вы меня, кажется, не ждали?

Сделав несколько шагов по комнате, между тем как матросы, следовавшие за ним, стерегли дверь, граф де Бармон гордо надел шляпу на голову и, скрестив руки, сказал надменно:

— Что здесь случилось? Кто смеет притеснять графиню де Бармон?

— Графиню де Бармон!— с презрением повторил герцог.

— Это правда,— возразил граф иронически,— я забыл, что вы с минуты на минуту ждете бумагу, которая уничтожит мой брак и позволит вам отдать вашу дочь за человека, влияние которого доставило вам место вице-короля Новой Испании.

— Милостивый государь!— закричал герцог.

— Как! Разве я ошибся? Нет, нет, герцог, мои шпионы не хуже ваших, мне хорошо служат, поверьте, но этот недостойный поступок не будет совершен. Слава Богу, я

поспел вовремя, чтобы помешать. Посторонитесь,— сказал он, оттолкнув сыновей герцога, не пропускавших его пройти,— я ваш муж, графиня, следуйте за мною, я сумею вас защитить.

Молодые люди, бросив сестру, которая была почти без чувств, устремились на графа, и оба ударили его в лицо перчатками, обнажив шпаги. Граф при этом жестоком оскорблении страшно побледнел, заревел, как хищный зверь, и также обнажил шпагу. Лакеи, боясь матросов, не делали ни малейшего движения. Герцог бросился между тремя молодыми людьми, готовыми вступить в бой.

— Граф,— холодно сказал он своему младшему сыну,— предоставьте вашему брату наказать этого человека.

— Благодарю вас, батюшка,— отвечал старший, становясь в позицию, между тем как младший брат опустил шпагу и сделал шаг назад.

Донна Клара без чувств лежала на полу. Было что-то зловещее в зрелище, которое в эту минуту представляла эта комната: женщина хрипела на полу в страшном нервном припадке и никто не думал ей помочь; старик с нахмуренными бровями, с чертами, сжатыми горестью, присутствовал внешне бесстрастно при дуэли своего старшего сына со своим зятем, между тем как его младший сын кусал губы от гнева, что не может помочь своему брату; матросы, приставившие пистолеты к горлу лакеев, бледных от страха, а среди комнаты, слабо освещенной несколькими дымящимися свечами, два человека со шпагами в руках готовы зарезать друг друга.

Дуэль продолжалась недолго; слишком сильная ненависть одушевляла противников для того, чтобы они стали понапрасну терять время. Сын герцога, бывший нетерпеливее графа, наносил ему удар за ударом, которые граф, несмотря на свое искусство, отражал с трудом; но вдруг молодой человек поскользнулся, и граф в это мгновение сделал движение быстрее мысли, и шпага его по рукоять вонзилась в грудь его противника. Молодой человек протянул руку, выпустил шпагу и упал на пол, не произнеся ни одного слова; он умер.

— Убийца!— закричал его брат, бросаясь на графа со шпагою в руке.

— Вероломный!— ответил граф, отражая нанесенный ему удар и выбивая шпагу, которая полетела к потолку.

— Остановитесь! Остановитесь!— закричал герцог, обезумев от горя и бросаясь к двум противникам, которые схватились в рукопашном бою.

Но это позднее вмешательство было бесполезно: граф, одаренный необыкновенной силой, легко успел освободиться от молодого человека и, бросив его на пол, стал коленом на его грудь.

Вдруг раздался топот лошадей, слышался звук оружия и поспешные шаги нескольких человек, бежавших на лестницу.

— А!— закричал герцог со свирепой радостью,— вот и мщение наконец!

Граф, не устаивая ответом своего врага, обратился к матросам.

— Бегите!— закричал он громким голосом.

Они не решались.

— Бегите, если хотите меня спасти,— прибавил он.

Оба матроса схватили свои карабины за дуло, чтобы проложить себе путь, употребив их как палицы, бросились в коридор и исчезли.

Граф тревожно прислушивался и слышал ругательства, шум ожесточенной борьбы, потом через минуту отдаленный крик, так хорошо известный морякам. Лицо его прояснилось, он вложил шпагу в ножны и холодно ждал, прошептав:

— Они спасены! Мне остается надежда!

III

АРЕСТ

Почти тотчас в комнату вбежало человек двенадцать; шум, продолжавшийся извне, показывал, что на лестницах и в коридорах были люди, готовые в случае необходимости поспеть на помощь к первым. Все эти люди были вооружены; впрочем, в них легко было узнать королевских

или, лучше сказать, кардинальских гвардейцев. Только двое из них, с лукавой и кошачьей физиономией, с косыми взглядами и в черном платье, не имели оружия; но, по всей вероятности, их надо было опасаться более других, потому что под своей раболепной вежливостью они, без сомнения, скрывали неумолимую волю делать вред. Один из них держал в правой руке несколько бумаг; он сделал вперед три шага, бросил вокруг подозрительный взгляд и сказал голосом резким и прерывистым:

— Именем короля, господа!

— Что вам нужно?— спросил граф де Бармон, решительно подходя к нему.

При этом движении, которое он принял за враждебную демонстрацию, человек в черном платье с живостью отступил, но тотчас возвратил хладнокровие и отвечал со злобещей улыбкой:

— Граф Людовик де Бармон, кажется?

— К делу, милостивый государь, к делу!— надменно возразил граф.— Я граф де Бармон.

— Капитан королевского корабля,— бесстрастно продолжал человек в черном,— командир фрегата его величества «Эригона».

— Я вам сказал, что я тот, кого вы ищете,— отвечал граф.

— Я действительно к вам имею дело, граф. Вас нелегко нагнать; вот уже целую неделю я рыскаю за вами; я почти потерял надежду встретиться.

Все это было сказано с раболепным видом, сладеньким голосом и с приторной улыбкой, которые могли взбесить и праведника, а тем более того, к которому обращался этот странный человек, — граф был характера не очень терпеливого.

— Скоро ли вы кончите?— вскричал он, с гневом топнув ногой.

— Имейте терпение, граф, имейте терпение,— отвечал человек в черном тем же бесстрастным тоном,— Боже мой, как вы запальчивы! Так как вы, по собственному вашему признанию, граф Людовик де Бармон, командир фрегата его величества «Эригона»,— прибавил он, бросив взгляд на бумаги, которые держал в руках,— то в силу данных

мне приказаний я вас арестую именем короля за дезертирство, за то, что вы без позволения бросили в чужих краях, то есть в Лиссабоне, в Португалии, ваш фрегат. Отдайте мне вашу шпагу, граф,— прибавил он, подняв голову и устремив на графа свои косые глаза.

Граф де Бармон презрительно пожал плечами.

— Шпага дворянина моей фамилии никогда не будет отдана такому негодяю, как ты,— с презрением сказал он и, обнажив шпагу, холодно сломал лезвие о колено, а куски бросил в окно, разбив стекло. Потом схватил из-за пояса два пистолета и зарядил их.

— Граф, граф,— закричал сбир, с испугом отступая,— это бунт, подумайте, бунт против приказа его величества и его святейшества кардинала!

Граф презрительно улыбнулся и, подняв пистолеты, выстрелил в окно и, скрестив руки на груди, холодно сказал:

— Теперь делайте со мною что хотите.

— Вы сдались, граф?— спросил сбир с плохо скрываемым страхом.

— Да, с этой минуты я ваш пленник.

Сбир свободно перевел дух; хотя и безоружный, граф еще пугал его.

— Только,— продолжал граф,— дайте мне сказать два слова этой даме.

Он указал на донну Клару, которая при попечениях трактирщика, прибежавшего на шум, начала приходить в себя.

— Нет, нет, ни слова!— закричал герцог, бросаясь между своей дочерью и графом.— Уведите этого негодяя, уведите его!

Но сбир, обрадовавшись легкости, с какою граф ему сдался, и не желая возбуждать его гнева, а в особенности для того, чтобы показать свою власть, не подвергаясь никакому риску, сказал:

— Позвольте, позвольте, граф желает говорить с этой дамой.

— Но этот человек убийца!— запальчиво закричал герцог.— Перед вами лежит тело моего несчастного сына, убитого им.

— Я сожалею о вас,— ответил сбир,— но в этом я ничего не могу сделать; обратитесь к кому следует; однако, если вам может быть это приятно, я запишу ваше обвинение, но вы, наверно, столько же желаете освободиться от нас, сколько мы желаем уехать; позвольте же графу спокойно проститься с молодой дамой; я уверен, что это продолжится не долго.

Герцог бросил на сбира свирепый взгляд, но, не желая компрометировать себя с таким негодяем, ничего не ответил и отступил с мрачным видом.

Граф присутствовал при этом споре, не показывая ни нетерпения, ни досады; с бледным лицом, с нахмуренными бровями, он ждал, готовый, без сомнения, решиться на какую-нибудь страшную крайность, если бы ему отказали.

Сбиру стоило бросить на него один взгляд, чтобы угадать, что происходило в его сердце; не желая возобновления неприятностей, он благоразумно сказал:

— Говорите, никто вам не мешает.

— Благодарю,— глухо отвечал граф, приближаясь к донне Кларе, которая смотрела на него горящим взором.

— Клара,— сказал граф голосом твердым и внятным,— вы любите меня?

Она колебалась с минуту, склонив голову и глубоко вздохнув.

— Вы любите меня?— повторил граф.

— Я вас люблю, Людовик,— ответила она голосом слабым и дрожащим.

— Вы любите меня, как вашего супруга, перед Богом и перед людьми, и как отца вашего ребенка?

Молодая женщина встала, ее черные глаза бросили молнию и, протянув руку вперед, она произнесла голосом, прерывавшимся от волнения:

— В присутствии моего отца, готового проклясть меня, перед телом моего умершего брата, при людях, слушающих меня, я клянусь, Людовик, что я люблю вас как отца моего ребенка и что останусь вам верна.

— Хорошо, Клара,— сказал граф,— Господь принял вашу клятву. Он поможет вам сдержать ее; вспомните, что, мертвая или живая, вы принадлежите мне, так же

как я принадлежу вам, и никакое могущество в мире не может разорвать связь, соединяющую нас. Теперь прощайте и не теряйте мужества.

— Прощайте!— прошептала она, падая на стул и закрывая лицо руками.

— Пойдемте, господа! Делайте со мною что хотите,— сказал граф, обращаясь к сбирам, тронутым невольно этой сценой.

Герцог бросился к дочери как тигр и, неистово схватив ее за правую руку, принудил поднять лицо, омоченное слезами, и, устремив на нее взгляд, сверкавший всем бешенством, которое раздирало его сердце, он закричал:

— Дочь моя! Приготовьтесь через два дня выйти за человека, которого я назначаю вам в супруги. А ребенка вашего вы не увидите никогда, он для вас не существует.

Молодая женщина вскрикнула от отчаяния и упала без чувств на руки трактирщицы. Граф, в эту минуту выходящий из комнаты, обернулся к герцогу и, протянув к нему руку, закричал голосом, который оледенил ужасом присутствующих:

— Палач! Будь проклят! Клянусь честным словом дворянина, что я так страшно отмщу тебе и твоим, что воспоминание об этом мщении останется вечно; а если не могу поразить тебя, вся нация, к которой ты принадлежишь, согнетса от страшной тяжести моей неумолимой ненависти. Между нами теперь война дикарей и хищных зверей, без пощады и без милосердия; прощайте!

Оставив гордого испанца в испуге от этого страшного проклятия, граф вышел твердыми шагами, бросив последний взгляд любви на женщину, которую он любил и с которой он расстался, может быть, навсегда.

Коридоры, лестницы и сад гостиницы были наполнены вооруженными людьми; это придало графу надежду, и он сошел твердыми шагами под внимательным надзором сбиров, не терявших его из вида. Сбирам давно сказали, что они будут иметь дело с морским офицером страшно запальчивого характера, изумительной силы и неукротимого мужества; поэтому добровольная покорность пленника, которую они считали притворной, не внушала им доверия, и они держались в оборонительной позиции.

Когда они вышли в сад, начальник сбиров приметил карету, стоявшую перед дверью.

— Вот именно то, что нам нужно!— сказал он, потирая руки.— Мы так спешили сюда, что забыли взять карету; прошу вас, садитесь, граф,— прибавил он, отворяя дверцу.

Граф сел, не заставляя себя просить. Сбир обратился к кучеру, сидевшему неподвижно на козлах.

— Сойди!— закричал он повелительным тоном.— Именем короля, я беру эту карету; уступи свое место одному из моих подчиненных. Эвелье,— обратился он к высокому сбиру дерзкой наружности и такому худощавому, что тот, кто стоял возле него, всегда видел только его профиль,— садись на козлы вместо этого человека, и поедем!

Кучер не сопротивлялся такому решительному приказанию, сошел с козел, и на его место тотчас сел Эвелье, а начальник сбиров поместился в карете напротив своего пленника, запер дверцу, и лошади, погоняемые сильными ударами бича, поскакали, таща за собою тяжелую карету, около которой ехало двадцать солдат.

Довольно долго ни одного слова не было произнесено между пленником и сбиром. Граф думал, сбир спал или, лучше сказать, притворялся спящим. В марте ночи уже коротки, и скоро широкие белые полосы начали показываться на горизонте. Граф, до сих пор остававшийся неподвижен, сделал легкое движение.

— Вы страдаете, граф?— спросил сбир.

Этот вопрос был сделан тоном, совсем непохожим на тот, которым до сих пор говорил сбир; в голосе его слышалось такое кроткое сострадание, что граф невольно вздрогнул и пристально посмотрел на говорившего; но, насколько он мог заметить при слабом свете начинающегося дня, человек, находившийся перед ним, имел все такую же невзрачную физиономию и ту же ироническую и стереотипную улыбку на губах; граф подумал, что ошибся, и, откинувшись назад, ответил сухим тоном, которым хотел прекратить всякое желание разговаривать с ним:

— Нет!

Но сбир, вероятно, был расположен говорить, потому

что сделал вид, будто не примечает, каким образом приняли его предупредительность, и продолжал:

— Ночи еще холодные, воздух со всех сторон входит в эту карсту, и я боялся, не озябли ли вы.

— Я привык переносить и холод, и жару,— отвечал граф,— притом если бы даже я привык не вполне, то скоро, вероятно, должен буду привыкнуть терпеть все безропотно.

— Почем знать, граф?— сказал сбир, качая головой.

— Как! Разве я не осужден на продолжительный плен в крепости?

— Так значит в приказе, исполнение которого поручено мне.

Наступило минутное молчание; граф рассеянно смотрел на окрестности, освещенные первыми лучами рассвета; наконец он обратился к сбиру:

— Могу я вас спросить, куда вы меня всезете?

— Почему же?— отвечал сбир.

— И вы будете отвечать на мой вопрос?

— Мне это не запрещено.

— Итак, куда же мы едем?

— На остров Святой Маргариты.

Граф внутренне вздрогнул. Острова Лерен или Святой Маргариты уже в то время пользовались почти столь же ужасной известностью, какую приобрели они впоследствии, когда служили тюрьмою таинственной железной маске, на которую смотреть было запрещено под опасением смерти.

Сбир пристально и не говоря ни слова смотрел на графа.

Тот продолжал:

— Где мы теперь?

Сбир наклонился к окну, выглянул и сказал:

— Мы подъезжаем к Корбейлю; будут переменять лошадей. Если вы желаете отдохнуть, я могу приказать остановиться на час. Может быть, вам угодно закусить чем-нибудь?

Этот странный человек мало-помалу приобретал в глазах графа интерес загадки.

— Хорошо,— сказал он.

Ничего не отвечая, сбир опустил стекла и закричал:

— Эвелье!

— Что?— спросил тот.

— Остановись в гостинице «Золотой лев».

— Хорошо!

Через десять минут карета остановилась на улице Сен-Спир перед дверью гостиницы; сбир вышел из кареты, граф за ним, и оба вошли в гостиницу; часть конвоя осталась на улице, остальные сошли с лошадей и поместились в общей зале.

По знаку сбира, которого он, по-видимому, знал хорошо, трактирщик провел его в комнату в первом этаже, довольно хорошо меблированную и где в камине горел большой огонь, потом ушел, не говоря ни слова, против обыкновения своих собратьев.

Граф машинально последовал за сбиром и сел на стул возле камина, слишком озабоченный своими собственными мыслями для того, чтобы придавать большое внимание тому, что происходило вокруг него. Когда трактирщик оставил их одних, сбир запер дверь и, сев напротив пленника, сказал:

— Теперь поговорим откровенно, граф.

Граф, удивленный этими словами, с живостью поднял голову.

— Мы не можем терять время, ваше сиятельство,— продолжал сбир.— Выслушайте же меня, не прерывая. Я Франсуа Бульо, младший брат мужа вашей кормилицы; вы узнаете меня?

— Нет,— отвечал граф, с минуту пристально рассматривавший сбира.

— Это меня не удивляет; вам было только восемь лет, как я в последний раз имел честь вас видеть в замке Бармон; но все равно! Я вам предан и хочу вас спасти.

— Кто меня удостоверит, что вы точно Франсуа Бульо, брат мужа моей кормилицы, и что вы не стараетесь меня обмануть?— отвечал граф подозрительным тоном.

Сбир пошарил в кармане, вынул оттуда несколько бумаг, которые подал графу. Тот машинально взглянул на них: это было метрическое свидетельство, несколько писем, доказывавших личность брата мужа его кормилицы; граф возвратил ему бумаги.

— Как же это вы меня арестовали так кстати, чтобы подать мне помощь?— спросил он.

— Очень просто, граф, голландское посольство просило кардинала-министра вас арестовать. Лаффема, приближенный кардинала и хорошо расположенный ко мне, выбрал меня для приведения в исполнение распоряжения кардинала; если бы дело шло о другом, я отказался бы, но я вспомнил о милостях вашего семейства ко мне и к моему брату, и, воспользовавшись случаем, который мне представляла моя должность, я захотел из признательности вас спасти.

— Это, мне кажется, не легко, мой бедный друг.

— Гораздо легче, чем вы думаете, ваше сиятельство; я здесь оставлю половину нашего конвоя, человек двенадцать, с нами останется только десять.

— Гм! и это уже довольно порядочное количество,— ответил граф, заинтересовавшись.

— Этого было бы слишком много, если бы в числе этих десяти человек не было семи, в которых я уверен, значит, мы должны опасаться только троих. Я давно гоняюсь за вами, ваше сиятельство,— прибавил сбир, смеясь,— и предосторожности мои приняты, как вы увидите, под предлогом, который придумать не трудно; мы проедем через Тулон и там остановимся часа на два в известной нам гостинице. Вы переоденетесь монахом нищенствующего ордена и выйдете из гостиницы неприметно. Я постараюсь удалить тех конвойных, в которых я не уверен. Вы пойдете к пристани с бумагами, которые я вам отдам, отправитесь на очаровательном люгере под названием «Чайка», который я нанял для вас и который вас ждет. Хозяин люгера узнает вас по паролю, который я вам скажу, и вы поедете куда хотите. Не прост ли этот план, ваше сиятельство, и не предвидел ли я всего?— прибавил сбир, радостно потирая руки.

— Нет, друг мой,— отвечал граф, с волнением протягивая ему руку,— вы не предвидели одного.

— Чего, граф?— спросил сбир с удивлением.

— Я не хочу бежать!— ответил молодой человек, печально качая головой.

ОСТРОВ СВ. МАРГАРИТЫ

При этом ответе, которого сбир не ожидал, он посмотрел на графа с удивлением, как будто не понял. Граф кротко улыбнулся.

— Это вас удивляет?— спросил он.

— Признаюсь, граф,— отвечал сбир с замешательством.

— Да,— продолжал граф,— я понимаю, что вам должен казаться странным отказ принять такие великодушные предложения. Это не часто бывает, что пленник, которому предлагают свободу, упорно остается в плену. Я должен вам объяснить такое странное поведение, и я объясню его немедленно, чтобы вы не настаивали и предоставили мне действовать по моему усмотрению.

— Я более ничего как ваш нижайший слуга, ваше сиятельство; вы, конечно, лучше меня знаете, как вам следует поступить,— стало быть, вы не имеете никакой надобности объяснять мне ваши поступки.

— Именно потому, что вы старый слуга моего семейства и даете мне в эту минуту доказательство безграничной преданности, должен я объяснить вам причины отказа, которые так вас удивляют. Выслушайте же меня.

— Если вы непременно этого желаете, граф, я вам повинуюсь.

— Хорошо, садитесь возле меня, другие не должны знать, что я буду вам говорить.

Сбир взял табурет и сел возле графа, как тот приказал ему, сохраняя, однако, почтительное расстояние.

— Во-первых, будьте убеждены,— продолжал граф,— что я отказываюсь от вашего предложения не по какому-нибудь предубеждению против вас: я имею к вам полное доверие; более двухсот лет ваша фамилия привязана к моей, и мы всегда могли похвалиться вашей преданностью нашим интересам. Доказав этот важный пункт, я продолжаю. Положим, что план, придуманный вами, удастся, хотя, мне кажется, очень трудно привести его в исполнение и малейшая случайность может в самое последнее мгновение подвергнуть опасности успех. Что случится? Я

принужден бежать без всяких средств, без друзей, и не только я не могу отмстить моим врагам, как замышляю, но, преданный, так сказать, на их произвол, я опять скоро попадусь к ним в руки и сделаюсь предметом посмешища тех, кого я ненавижу; я буду обесславлен, они станут меня презирать, и мне останется только одно средство: расстаться с жизнью, которая делается для меня бесполезной, когда все мои планы будут разрушены, — застрелиться.

— Ах, ваше сиятельство!— воскликнул Бульо, сложив руки.

— Я не хочу потерпеть неудачу,— невозмутимо продолжал граф,— в страшной борьбе, начинающейся ныне между моими врагами и мною; я дал клятву, эту клятву я должен сдерживать во что бы то ни стало. Я молод, мне только двадцать пять лет, до сих пор жизнь была для меня продолжительной улыбкой, мне все удавалось — и планы честолюбия, и богатства, и любви. Ныне горесть меня коснулась, пусть ее приходит; тот, кто не страдал, тот не вполне мужчина; горесть очищает душу и укрепляет сердце. Уединение хороший советник; оно заставляет понять ничтожество маловажных обстоятельств, расширяет идеи и prepares великие намерения. Я должен закалить себя горестью для того, чтобы возвратить моим врагам сторицею все, что я выстрадал через них. Думая о моей разбитой карьере, о моей погибшей будущности, я найду необходимые силы для совершения своего мщения! Когда мое сердце умрет для всякого другого чувства, кроме ненависти, тогда, только тогда я сделаюсь неумолимым и могу безжалостно затоптать ногами тех, которые теперь насмеются надо мною и думают, что уничтожили меня, потому что поразили; и тогда горе тем, кто осмелится помериться со мною! Вы дрожите от того, что я говорю вам, мой старый слуга,— прибавил граф более кротким голосом,— что же было бы, если бы вам позволено было читать в моем сердце весь гнев, всю ненависть, все бешенство, которые заключаются в нем против тех, кто безжалостно похитил у меня счастье, чтобы удовлетворить жалким расчетам мелкого и преступного честолюбия!

— О, граф! Позвольте старому служителю вашей

фамилии, человеку преданному вам, умолять вас отказаться от этих ужасных планов мщения. Ах! Вы будете первою жертвою вашей ненависти.

— Разве вы не помните, Бульо,— с иронией ответил граф,— что у нас говорят о характере членов той фамилии, к которой я имею честь принадлежать?

— Да, да, граф,— отвечал сбир, печально качая головою,— помню и даже повторяю, если вы желаете.

— Повторите, друг мой.

— Вот, граф, эта поговорка:

У Бармонов-Сепектеров
Ненависть демонская, сердце каменное.

Граф улыбнулся.

— Ну! Неужели вы предполагаете, что я выродок моих предков?

— Я ничего не предполагаю, сохрани меня Бог!— ответил он смиренно.— Только я с испугом вижу, что вы готовите себе страшную будущность.

— Я принимаю эту будущность во всем ее ужасе, только бы я исполнил мою клятву.

— Ах, граф! Вы знаете, человек предполагает, а Бог располагает; вы теперь пленник кардинала; подумайте, прошу вас; кто знает, выйдете ли вы когда-нибудь из тюрьмы, в которую я вас везу? Согласитесь быть свободным.

— Нет, перестаньте просить; кардинал не бессмертен. Если не прежде, то после его смерти, весьма недалеко, я надеюсь, моя свобода будет мне возвращена. А теперь помните хорошенько вот это: мое намерение до того неизменно, что если, несмотря на мое нежелание, вы оставите меня здесь, первое употребление, которое я сделаю из моей свободы, будет состоять в том, что я тотчас предам себя в руки кардинала; вы поняли, не правда ли?

Старый слуга склонил голову, ничего не отвечая, и две слезы потекли по его щекам. Эта безмолвная горесть, столь истинная и столь трогательная, взволновала графа более, нежели он думал; он встал, взял за руку бедного сбира и пожал ее несколько раз.

— Не будем более говорить об этом, Бульо,— сказал

он дружеским голосом,— хотя я не хочу воспользоваться вашей преданностью, она меня очень тронула, и я сохраню к вам вечную признательность. Обнимите меня, мой старый друг, и не будем умиляться; мы мужчины, а не трусливые дети, черт побери!

— О, ваше сиятельство! Я все-таки не стану унывать,— отвечал сбир, бросаясь в открытые для него объятия,— вы мне не мешаете и вблизи и издали заботиться о вас.

— Я этому не противлюсь, друг мой,— ответил граф, смеясь,— поступайте как хотите; притом,— прибавил он серьезно,— признаюсь, я не прочь, когда буду вдали от света, знать, что там происходит; может случиться такое непредвиденное обстоятельство, которое изменит мои намерения и заставит меня пожелать возвратить свободу.

— О, будьте спокойны, ваше сиятельство!— вскричал сбир, почти обрадовавшись этому условному обещанию.— Я устрою так, что вы будете знать все новости; я недаром шесть лет служу кардиналу, он хороший учитель, я воспользовался его уроками и знаю не одну штуку; вы увидите меня на деле.

— Итак, это решено; теперь, кажется, не худо бы позавтракать, прежде чем мы будем продолжать путь; я чувствую аппетит, который надо удовлетворить.

— Я прикажу трактирщику сейчас подать вам завтрак.

— Вы будете завтракать со мною, Бульо,— сказал он, дружески ударяя его по плечу,— и надеюсь, что до нашего приезда на остров Святой Маргариты всегда будет так.

— Конечно, это для меня большая честь, но...

— Я этого хочу; притом ведь вы составляете часть моего семейства.

Франсуа Бульо поклонился и вышел. Заказав обильный завтрак, он распорядился, чтобы часть конвойных отправилась в Париж, потом воротился к графу в сопровождении трактирщика, который в несколько минут накрыл стол и ушел, оставив своих посетителей за кушаньями, поставленными перед ними.

Путешествие продолжалось без всяких происшествий, о которых стоило бы упоминать. Разговор пленника со своим стражем был решительный; тот слишком хорошо знал характер человека, с которым имел дело, для того чтобы

пытаться возвращаться к предмету, который с первого раза так резко был определен.

В ту эпоху, когда происходит наша история, Франция не была, как ныне, прорезана сетью железных дорог, малейший переезд требовал огромной траты времени; тяжелые экипажи с трудом выдерживали тряску и вязли в грязи; таким образом, несмотря на скорость езды, семнадцать дней прошло, прежде чем пленник со своим конвоем приехали в Тулон.

Этот город был уже в ту эпоху одною из главных гаваней во Франции; сердце графа сжалось при въезде в него. В этом городе началась его военная карьера; тут в первый раз он поступил на корабль в качестве хранителя флага и вынес подготовительные испытания к трудному званию моряка, в котором он не замедлил, несмотря на свою молодость, заслужить огромную известность.

Карета остановилась на Сенной площади у двери гостиницы «Мальтийский крест», которая, сказать мимоходом, может быть, самая старая во всей Франции, потому что она существует еще и ныне, хотя внутри и снаружи подверглась необходимым переменам.

Удобно поместив своего пленника в гостинице, Франсуа Бульо отправился в город. Если он поставил часового у двери комнаты графа, то это только для того, чтобы исполнить полученное приказание, а не из опасения, что пленник убежит, потому что он даже не потрудился запереть эту дверь, будучи убежден, что его пленник и не подумает переступить за нее.

Его не было около двух часов.

— Вы долго находились в отсутствии, — сказал ему граф, когда он воротился.

— Мне надо было кончить серьезные дела, — ответил он.

Граф, не произнеся ни слова, опять начал ходить взад и вперед по комнате, как он это делал до прихода сбира. Наступило минутное молчание. Бульо, очевидно, находился в замешательстве; он суетился по комнате, делал вид, будто переставляет мебель; наконец, видя, что граф продолжает молчать и не хочет приметить его присутствие,

он стал на его дороге и, посмотрев на него пристально, сказал шепотом:

— Вы меня не спрашиваете, где я был?

— К чему?— беззаботно отвечал граф.— Вы, вероятно, занимались вашими делами!

— Нет, ваше сиятельство, вашими.

— А!

— Да, вас ожидает «Чайка».

Граф улыбнулся и слегка пожал плечами.

— А! а! вы еще думаете об этом; а я думал, любезный Бульо, что мы уже решили не возвращаться более к этому предмету. Вот для чего вы замедлили наш путь, направившись через Тулон; это меня удивляло, я не понимал странной дороги, избранной вами.

— Ваше сиятельство...— прошептал сбир, сложив руки с мольбой.

— Вы помешались, любезный Бульо; вы, однако, должны знать, что если я принял намерение, дурное или хорошее, то я не изменяю сго никогда; пожалуйста, прекратите этот разговор; даю вам честное слово дворянина, что все будет бесполезно.

Старый слуга испустил стон, походивший на хрипение агонии.

— Да будет ваша воля, граф!— сказал он.

— Когда мы сдем в Антиб?

— Сейчас, если вы желаете.

— Хорошо, чем скорее, тем лучше.

Сбир поклонился и вышел, чтобы все приготовить к отъезду. Роли совершенно переменились, пленник распоряжался своим стражем. Через час граф выехал из Тулона. Всю дорогу граф и сбир пили и ели вместе и разговаривали о посторонних предметах. Бульо наконец убедился, что бесполезно настаивать более, чтобы граф согласился на побег, однако он не отказался от своего намерения, а только отложил его, рассчитывая на действие скуки продолжительного заточения и жизни бездейственной и бесполезной на пылкую организацию своего пленника.

Приехав в Антиб, Бульо по приказанию графа, который как будто находил удовольствие мучить его, стал отыски-

вать лодку для переезда на остров Св. Маргариты. Его поиски не были ни продолжительны, ни трудны; с приказом кардинала в руках, он взял первую рыбацью лодку и переехал в ней со всеми своими людьми.

Оставляя твердую землю, граф обернулся, и странная улыбка сжала его губы. Бульо, обманутый этой улыбкой, тайного значения которой он не понял, наклонился к графу и прошептал:

— Если хотите, еще есть время.

Граф посмотрел на него, пожал плечами и ничего не отвечал.

Острова Лерен составляют группу из нескольких скал и из двух островов, окруженных подводными камнями; первый называется островом Св. Маргариты, а второй — островом Св. Онора. В то время, когда происходит наша история, только один остров был укреплен, а на другом жили рыбаки и находились развалины монастыря, основанного Св. Онора в 400 году.

Остров Св. Маргариты был необитаем; плоский и представляющий по всей своей длине не совсем безопасную губу для пристани судов; хотя он чрезвычайно плодоносен и гранатовые, померанцевые и фиговые деревья растут там, никто не думал там поселиться, и мы не знаем, иначе ли это теперь.

Крепость, довольно важная, которая впоследствии приобрела довольно печальную известность как тюрьма, возвышалась на острове и занимала большую его часть. Эта крепость состояла из трех башен, связанных между собою террасами, которые время покрыло мхом; широкий и глубокий ров опоясывал эту крепость.

За несколько лет до начала нашего рассказа, в 1635 году, испанцы неожиданно овладели этой крепостью. Кардинал, для избежания подобной катастрофы, заблаговременно рассудил поместить в крепости гарнизон из пятидесяти избранных солдат, под начальством майора, исполнявшего должность губернатора, старого офицера, которому эта должность служила вместо пенсии и который вдали от забот света вел настоящую жизнь каноника по милости безмолвного соглашения с контрабандистами, которые только одни и приставали к этому острову.

Офицер, командовавший крепостью, был высокий и худощавый старик, с жесткими чертами, без руки и без ноги; его звали де л'Урсьер; он постоянно ворчал и бранил своих подчиненных; тот день, когда он вышел из полка, где он служил майором, праздновал весь полк, и офицеры, и солдаты: до такой степени ненавидели они этого достойного человека.

Кардинал де Ришелье знал толк в людях; выбрав майора де л'Урсьера в губернаторы острова Св. Маргариты и превратив его в тюремщика, он нашел именно такое место, которое приходилось по его сварливому характеру и злым инстинктам.

От этого любезного человека граф де Бармон должен был зависеть довольно долгое время, без сомнения, потому что если кардинал-министр легко сажал в государственную тюрьму дворянина, зато он не торопился выпускать его, и пленник, кроме каких-нибудь необыкновенных происшествий, мог почти знать наверное, что умрет забытый в тюрьме, если только, как это случалось иногда, кардиналу не придет на мысль приказать отрубить ему голову на площади.

После разных переговоров и нескончаемых предосторожностей, показывавших строгую дисциплину коменданта, пленника с его конвоем впустили наконец в крепость и привели к майору. Он кончал завтрак в ту минуту, как ему доложили о прибытии посланного от кардинала; он застегнул мундир, надел шпагу и шляпу и приказал впустить посланного. Франсуа Бульо поклонился и подал приказ. Губернатор пробежал глазами, потом обратился к графу, который стоял несколько позади, небрежно поклонился ему и сказал сухим и надменным тоном:

— Вы граф де Бармон, имя которого написано на этой бумаге?

— Да,— ответил граф, кланяясь в свою очередь.

— Я в отчаянии, решительно в отчаянии,— продолжал майор,— но я получил строгие приказания на ваш счет, однако поверьте, гм! гм! что я постараюсь согласить мое природное человеколюбие с предписанною мне строгостью; гм! гм! будьте уверены, что я знаю обязанности дворян друг к другу.

Комендант, довольный, без сомнения, своей речью, улыбнулся и грациозно выпрямился. Граф поклонился и ничего не отвечал.

— Вас сейчас проводят в вашу комнату, граф,— продолжал комендант,— гм! гм! Мне хотелось бы, чтобы эта комната была лучше, но я вас не ждал, гм! гм! После мы лучше вас поместим. Берлок,— обратился он к солдату, неподвижно стоявшему у двери,— проводи этого господина, гм! гм! в комнату под номером восемь, во вторую башню; гм! гм! Это, кажется, самая удобная; к вашим услугам, милостивый государь, к вашим услугам, гм! гм!

Майор ушел в другую комнату, а граф в сопровождении Бульо и конвойных пошел за солдатом, который провел его по нескольким коридорам, потом остановился перед дверью, запертой огромными запорами.

— Здесь,— сказал он.

Граф обернулся к Бульо и дружески протянул ему руку.

— Прощайте, мой старый друг,— сказал он голосом кротким, но твердым, между тем как неопределенная улыбка мелькала на его губах.

— До свидания, ваше сиятельство,— выразительно сказал Бульо и удалился со слезами на глазах.

Дверь затворилась за пленником со зловещим шумом.

— Горе тем, кто осмелится помериться с графом де Бармоном,— шепнул Бульо, задумчиво спускаясь с лестницы,— если он выйдет из тюрьмы, а он выйдет, я в этом клянусь, даже если б мне пришлось подвергнуть опасности мою жизнь для спасения его!

V

ВЗГЛЯД НАЗАД

Фамилия графов де Бармон-Сенектер была одною из самых старинных и самых знатных в Лондоне; происхождение ее доходило до такой древности, что можно было утверждать без опасения, что оно терялось во мраке времен.

Один Бармон-Сенектер сражался в Бувине возле Филиппа-Августа. Жоанвильская хроника говорит о кавалере Бармон-Сенектере, умершем от чумы в Тунисе в 1270 году, во второй крестовый поход короля Людовика IX. Франциск I при Мариньяне пожаловал графом на поле сражения Ангеррана де Бармон-Сенектера, в вознаграждение за храбрость и за удары, которые он наносил на глазах короля во все продолжение этой гигантской битвы. Мало благородных фамилий имеют столько прекрасных документов в своих хартиях. Графы де Бармоны всегда принадлежали к военному званию и дали Франции несколько знаменитых полководцев.

Но с течением времени могущество и богатство этой фамилии уменьшились; в царствование короля Генриха III она была доведена почти до бедности. Однако, гордясь безукоризненным прошлым, она продолжала высоко держать голову в провинции, и если, для того чтобы достойно поддержать свое имя, граф де Бармон налагал на себя жестокие лишения, никто никогда этого не знал.

Граф поступил на службу к королю Наваррскому, не столько затем, чтобы по милости войны составить себе лучшее положение, сколько и из восторга к доблестным качествам этого государя, гениальность которого, может быть, он угадал. Храбрый, молодой, пылкий, красавец собою, граф имел много любовных приключений и, между прочим, одно в Кагоре с девицею, помолвленной с очень богатым испанцем, которую он успел похитить накануне дня, назначенного для свадьбы. Испанец, очень щекотливый относительно чести, требовал удовлетворения от графа, который нанес ему две раны шпагою и оставил замертво на месте. Это дело наделало большого шума и принесло графу большой почет между утонченными молодыми людьми, однако, против общего чаяния, испанец выздоровел от ран. Они опять дрались, и на этот раз граф так отделал своего противника, что тот волею-неволею должен был отказаться от новой дуэли. Это приключение внушило графу отвращение к волокитству, хотя он не опасался последствий ненависти, в которой поклялся ему герцог Пеннафлор, потому что с тех пор он ничего о нем не слышал, но потому что совесть

упрекала его в том, что он из пустой прихоти разрушил счастье честного человека.

Храбро сражаясь возле короля во всех его войнах, граф наконец удалился в свое поместье в 1610 году, после смерти Генриха IV, получив отвращение к французскому двору и чувствуя потребность к отдохновению после стольких усталостей.

Там, лет через пять, соскучась уединением, в котором он жил, а может быть, в надежде прогнать докучливое воспоминание, которое, несмотря на прошедшее время, не переставало его мучить, граф решил жениться на молодой девушке, принадлежавшей к одной из лучших фамилий в провинции, кроткой и прелестной, но такой же бедной, как и он, и положение его делалось день ото дня труднее. Однако этот союз был счастлив; в 1616 году графиня родила сына, того самого графа Людовика, историю которого мы взялись рассказывать.

Несмотря на свою нежность к ребенку, граф, однако, строго воспитал его, желая сделать из него такого же сурового, храброго и честного дворянина, как он сам.

Молодой Людовик рано понял, сколько тайной нищеты скрывается под внешней пышностью в его фамилии, и почувствовал потребность составить себе независимое положение, которое позволило бы ему не только не быть в тягость обожаемым родителям, жертвовавшим для него всем своим доходом, но и вернуть помрачившийся блеск носимого им имени. Вопреки обычаю его предков, которые все служили королю в сухопутном войске, склонность увлекла его к морской службе. Благодаря прилежным попечениям старого и достойного аббата, который из привязанности к его семейству сделался его наставником, он получил прочное образование, которым воспользовался. Путешествия, бывшие любимым его чтением, воспламенили его воображение, и все его мысли обратились к Америке, где, по словам моряков, золото было в изобилии, и он имел одно желание — тоже побывать в этой таинственной земле и взять свою долю в богатой жатве, которую каждый там собирал.

Отец его, а в особенности мать, долго сопротивлялись его просьбам. Старик, воевавший столько лет, не понимал,

как сын его может предпочитать морскую службу военной. Графиня не желала видеть своего сына ни военным, ни моряком; обе эти профессии пугали ее; она опасалась для сына неизвестных опасностей отдаленных странствий, и ее пугала разлука, которая могла быть вечною.

Однако надо было решиться, и так как молодой человек упорно стоял на своем намерении, родители принуждены были уступить и согласиться на его желание, каковы ни должны были бы быть последствия.

Граф сохранил при дворе нескольких друзей, между прочими герцога де Белльгарда, пользовавшегося большим расположением короля Людовика XIII, прозванного при жизни «Справедливым», потому что он родился под знаком созвездия Весы. Граф де Бармон был также дружен прежде с герцогом д'Эперноном, произведенном в адмиралы в 1587 году, но графу не хотелось обращаться к нему по причине слухов, распространившихся после убийства Генриха IV. Однако, в таком важном обстоятельстве, граф понял, что для пользы сына он должен заставить умолкнуть свои чувства, и в то время как он отправил письмо герцогу де Белльгарду, он написал другое герцогу д'Эпернону, который в то время был гвианским губернатором.

Оба ответа не заставили себя ждать. Оба старых друга графа де Бармона не забыли его и поспешили употребить свое влияние для того, чтобы услужить ему. Особенно герцог д'Эпернон, находившийся в лучшем положении быть полезным молодому человеку по своему адмиральскому званию, писал, что он с радостью берется продвинуть его в свете.

Это было в начале 1631 года; Людовику де Бармону было тогда пятнадцать лет. Высокого роста, с гордым и надменным видом, одаренный редкою силою и большою ловкостью, молодой человек казался старше своих лет. С живейшей радостью узнал он, что его желание исполнилось и что нет уже никаких препятствий для поступления его во флот. В письме герцога д'Эпернона заключалась просьба к графу прислать его сына в Бордо как можно скорее, чтобы он, герцог, немедленно мог поместить его на военное судно, где он начнет учиться обязанностям моряка.

Через два дня после получения этого письма молодой человек с трудом вырвался из объятий матери, почтительно простился с отцом и на хорошей лошади, в сопровождении доверенного слуги, поехал по дороге в Бордо.

Флот долго был в пренебрежении во Франции и в средние века предоставлен частным людям, а правительство и не думало, по примеру других континентальных государств, которые приобрели если не превосходство, то по крайней мере некоторое влияние в морях; итак, мы видим, что в царствование Франциска I, который, однако, был одним из воинственных французских королей, дьеппский арматор, Анго, у которого в мирное время португальцы отняли судно, с позволения короля, не имевшего возможности оказать ему правосудие, снарядить целый флот на свой счет и блокировать лиссабонский порт, прекратить неприязненные действия только тогда, когда принудил португалец послать во Францию посланников смиренно просить мира у короля.

Между тем открытие Нового Света и не менее важное открытие мыса Доброй Надежды, придав мореплаванию большую деятельность и более обширную сферу, заставили почувствовать необходимость создать военный флот для защиты купеческих судов против нападения корсаров.

Только в царствование Людовика XIII эта мысль начала приводиться в исполнение. Кардинал Ришелье, обширный гений которого обнимал все и которого английский флот не раз заставлял трепетать во время продолжительной и трудной осады Ла-Рошели, издал несколько указов, относившихся к флоту, и основал школу навигации молодых дворян, желавших служить во флоте.

Франция обязана этому великому министру первою мыслью о военном флоте, которому суждено было бороться с испанским и голландским флотами в царствование Людовика XIV, приобрести такое важное значение и поколебать на время могущество Англии.

В эту школу, основанную Ришелье, вступил виконт де Бармон, благодаря влиянию герцога д'Эпернона. Старый герцог строго сдержал слово, данное своему бывшему товарищу по оружию: он не переставал покровительствовать молодому человеку, что, впрочем, было для него легко,

потому что виконт де Бармон показывал необыкновенную и очень редкую в то время способность к избранной им профессии.

В 1641 году он был уже капитаном и командовал двадцатишестипушечным фрегатом.

К несчастью, ни старый граф де Бармон, ни жена его не могли насладиться успехами сына и новой эрою, открывавшейся для их дома: оба умерли вскоре один после другого, оставив молодого человека сиротою в двадцать два года.

Людовик, как почтительный сын, истинно любивший своих родителей, оплакал их, пожалел особенно о матери, которая всегда была так добра и нежна к нему, но так как он привык уже несколько лет жить один в продолжительных поездках по морю и полагаться только на себя самого, эта потеря была менее чувствительна и менее горестна для него, чем если бы он никогда не оставлял родительского крова.

Оставшись теперь единственным представителем своего дома, он стал серьезнее смотреть на жизнь и удвоил усилия, чтобы придать своему имени блеск, почти помраченный, и которое, по милости его, начинало уже сиять новым блеском.

Герцог д'Эпернон еще был жив. Но, забытый обломок поколения, почти совершенно исчезнувшего, болезненный старик, давно поссорившийся с кардиналом Ришелье, он не имел уже никакого влияния и уже ничего не мог сделать для того, кому он так горячо покровительствовал несколько лет тому назад. Но граф не терял бодрости. Морскую службу не любило дворянство, хорошие морские офицеры были редки: граф де Бармон думал, что, не вмешиваясь в политические интриги, он проложит себе хороший путь.

Случай, который невозможно было предвидеть, должен был разрушить его честолюбивые планы и навсегда испортить его карьеру. Вот как это случилось.

Граф де Бармон командовал «Эригоной», двадцатишестипушечным фрегатом, и после довольно продолжительного плавания вдоль алжирских берегов для защиты французских купеческих судов против варварийских пират-

тов, вошел в Гибралтарский пролив, но в ту минуту, как он входил в пролив, его вдруг застиг встречный ветер, и после неслыханных усилий продолжать путь он был принужден лавировать несколько часов и наконец укрыться в порту Алжезир на испанском берегу.

Зная по опыту, что пройдет дня три или четыре, прежде чем ветер позволит ему переехать пролив, он приказал спустить свою лодку и отправился на берег. Хотя город Алжезир был очень старинный, он был мал, дурно выстроен и мало населен. Только с тех пор, как англичане овладели Гибралтаром, находящимся по другую сторону бухты, испанцы поняли важность Алжезира и сделали из него правильный порт.

Граф не имел никакой другой причины ехать в Алжезир, кроме беспокойства, свойственного морякам, которое побуждает их оставлять свой корабль тотчас, как только они войдут в порт.

Торговые сношения тогда еще не были установлены; правительства не имели обыкновения посылать в иностранные порты консулов, чтобы защищать торговые операции своих соотечественников; военные суда, которых случай приводил в какое-нибудь место, брались заступаться за своих соотечественников, интересы которых подвергались опасности.

Отдав приказания шлюпке приехать за ним на закате солнца, капитан в сопровождении только одного матроса, по имени Мишель, к которому он был очень привязан и который провожал его повсюду, отправился по извилистым улицам Алжезира, с любопытством осматривая все, что представлялось его глазам.

Этот Мишель, о котором нам много придется говорить впоследствии, был огромного роста, лет тридцати, с умным лицом и имевший к своему начальнику неограниченную преданность с тех пор, как тот спас ему жизнь с опасностью для своей собственной жизни, бросившись в лодку в ужасную погоду, чтобы подать помощь Мишелю, когда он четыре года тому назад упал в воду с мачты, поправляя зацепившийся рангоут. С тех пор Мишель не расставался с графом. Родившись в окрестностях По, отечестве Генриха IV, он был, подобно

этому королю, своему соотечественнику, весел, насмешлив, даже скептик; превосходный матрос, отважно храбрый, силы необыкновенной, Мишель олицетворял собою полный тип бискайца, породу сильную и грубую, но честную и верную.

Только одно существо разделяло в сердце Мишеля неограниченную дружбу, которую он питал к своему начальнику; это был бретонский матрос, мрачный и угрюмый, составлявший с Мишелем совершенную противоположность. По причине медлительности этого матроса экипаж прозвал его Тихий Ветерок, и тот так привык к этому имени, что почти забыл свое настоящее.

Услугу, которую граф оказал Мишелю, Мишель оказал Тихому Ветерку, и по причине этой услуги привязался к бретонцу, хотя насмехался над ним и дразнил его с утра до вечера, имея к нему искреннюю дружбу.

Бретонец это понимал и, насколько позволяла его сосредоточенная и необщительная натура, при каждом удобном случае выказывал свою признательность бискайцу, подчиняясь ему совершенно во всех своих поступках и никогда не возмущаясь против требований, часто непомерных, своего ментора.

Если мы так долго распространялись об этих двух людях, то это потому, что им придется играть важную роль в этом рассказе и читателю необходимо их знать.

Граф и матрос продолжали прогуливаться по улицам, один размышлял и наслаждался на солнце, другой из уважения оставался в нескольких шагах позади, отчаянно куря трубку с таким коротким чубуком, что огонь почти касался его губ. Гуляющие скоро дошли до конца города и отправились по тропинке, окаймленной алоями, которая шла довольно круто на вершину холма, откуда виднелась вся панорама залива, сказать мимоходом, одного из прекраснейших в целом свете.

Было около двух часов пополудни, самое жаркое время дня, все удалились в дома для сиесты, так что моряки не встретили живой души, и если б «Тысяча и одна ночь», переведенная столетием позже, была известна тогда, граф, без особенных усилий, вообразил бы себя в этом городе арабских сказок, жителей которого усыпил злой волшебник:

так вокруг него было тихо и пейзаж походил на пустыню; для пополнения обманчивой мечты, ветер спал, в воздухе не было ни малейшего дуновения, и обширная водная скатерть, расстилавшаяся у ног графа, была неподвижна, как будто ледяная.

Граф задумчиво остановился и рассеянно смотрел на свой фрегат, который издали казался не более лодки. Мишель все курил и, расставив ноги, заложив руки за спину, в любимой позе матросов, любовался окрестностями.

— Смотрите, смотрите!— сказал он вдруг.

— Что такое?— спросил граф, обернувшись.

— Сюда скачет дама верхом, вот фантазия скакать в такую жару!

— Где?— спросил граф.

— Вон там, капитан,— ответил Мишель, протягивая руку.

Граф направил свой взор к той стороне, куда указывал Мишель.

— Это лошадь взбесилась!— вскричал он через минуту.

— Вы думаете, капитан?— спокойно спросил матрос.

— Я в этом уверен; посмотри, теперь она ближе; амазонка отчаянно уцепилась за гриву; несчастная погибла.

— Очень может быть,— философски отвечал Мишель.

— Проворнее, проворнее, мой милый!— вскричал капитан, бросаясь в ту сторону, откуда скакала лошадь.— Надо спасти эту женщину, даже если б нам пришлось погибнуть.

Матрос не отвечал, он только из предосторожности вынул трубку изо рта и положил ее в карман, потом побежал за своим капитаном.

Лошадь мчалась как ураган; это была берберийская лошадь чистой арабской породы, с маленькой головой, с тонкими ногами; она бешено скакала по узкой тропинке, из глаз ее сверкали молнии, а из расширенных ноздрей как будто пылал огонь. Амазонка, ухватившись обеими руками за длинную гриву, обезумев от страха, чувствовала себя погибшею и время от времени глухо вскрикивала. Далеко, позади нее, почти не приметными точками на

горизонте, несколько всадников скакали во весь опор. Тропинка, по которой мчалась лошадь, была узка, камениста и вела к пропасти страшной глубины, к которой лошадь скакала с головокружительной быстротой. Только безумец или человек, одаренный мужеством льва, мог пытаться спасти эту несчастную женщину. Однако оба моряка не рассуждали и, не колеблясь, стали напротив друг друга по правую и левую сторону дороги и ждали, не говоря ни слова; они поняли друг друга.

Прошло две или три минуты, потом лошадь пролетела как вихрь, но граф и матрос устремились быстрее мысли, ухватились за поводья, и бешеная лошадь потащила их. С минуту продолжалась борьба разума над зверской силой, наконец лошадь была побеждена и, хрипя, повалилась на землю. Граф схватил на руки молодую женщину, столь чудесно спасенную, и отнес ее на дорогу, где почтительно положил ее на землю. Амазонка от страха лишилась чувств.

Граф, угадывая, что подъезжавшие всадники были родственники или друзья той, которой он оказал такую важную услугу, поправил беспорядок своей одежды и ждал, с восторгом смотря на молодую женщину, распростертую у его ног.

Это была восхитительная семнадцатилетняя девушка, с тонкой и гибкой талией, с прелестными чертами; черные волосы, длинные и шелковистые, выбились из-под сетки, удерживавшей их, и душистыми локонами рассыпались по ее лицу, где легкий румянец показывал уже быстрое возвращение к жизни. Костюм этой молодой особы, чрезвычайно богатый, заставил бы угадать, что она высокого происхождения, если б печать аристократии, разлитая по всей ее наружности, не уничтожала все сомнения на этот счет.

Мишель с хладнокровием, отличавшим его и из которого ничто не могло его вывести, остался возле лошади, которая, успокоившись от падения и дрожа всеми членами, встала без сопротивления. Мишель снял с нее подпругу, сорвал горсть травы и начал обтирать лошадь, восхищаясь ею и бормоча:

— Какое благородное и прекрасное животное! Жаль, если б оно упало в эту ужасную пропасть; я рад, что оно спаслось!

О молодой девушке достойный матрос вовсе не думал;

весь его интерес сосредоточился на лошади. Обтерев ее травой, Мишель опять взнуздал ее и отвел к графу.

— Вот, — сказал он с довольным видом, — теперь она усмирилась; ребенок может вести ее на веревке.

Между тем всадники быстро приближались и скоро подъехали к двум французским матросам.

VI

УВЛЕЧЕНИЕ

Всадников было четверо. Двое казались людьми важными, двое остальных были слугами. В нескольких шагах от графа двое первых сошли с лошадей, бросили поводья слугам и подошли со шляпами в руках к графу, который поклонился им с изящной вежливостью. Укравкой рассматривая их, граф отвечал им вежливым поклоном. Первый был человек лет шестидесяти, высокого роста, походка его была благородна, физиономия казалась красива с первого взгляда, выражение лица было величественно, хотя кротко и даже доброжелательно; но, рассматривая его с большим вниманием, можно было заметить по мрачному огню глаз которые иногда бросали магическую молнию, что эта кротость была только маской, чтоб обмануть толпу; выдающиеся скулы, низенький, хотя широкий лоб, нос, загнутый как птичий клюв, квадратный подбородок показывали холодную злость, смешанную с сильной долей упрямства и гордости. На этом человеке был богатый охотничий костюм с вышивками, а тяжелая золотая цепь, называвшаяся тогда «фанфаронкой»¹, несколько раз обвивала его шляпу с султаном из страусовых перьев. Эту фанфаронку ввели в моду авантюристы, возвращавшиеся из Новой Испании, и, как ни была она смешна, горделивые кастильцы с восторгом принялись ее носить.

Спутник этого человека был гораздо моложе его, но

1

Так называли тяжелую цепь, которую богатые авантюристы носили на шляпе.

одет так же богато. Черты его лица казались сначала такими обыкновенными и незначительными, что наблюдатель прошел бы мимо, не обратив на них внимания, но его маленькие серые глазки сверкали хитростью, полужакрытые густыми бровями, а линия рта с тонкими и насмешливыми губами совершенно опровергала бы предположение физиономиста, который подумал бы, что этот человек ума обыкновенного и посредственных способностей.

Старший из всадников поклонился во второй раз.

— Милостивый государь, — сказал он, — я герцог Пеннафлор; та, которой вы спасли жизнь, подвергаясь опасности сами лишиться жизни, моя дочь донна Клара Пеннафлор.

Граф был уроженец Лангедока и говорил по-испански так чисто, как на родном языке.

— Я очень рад, — отвечал он с любезным поклоном, — что послужил орудием Провидению сохранить дочь отцу.

— Мне кажется, — заметил второй всадник, — что следовало бы подать помощь донне Кларе; моя милая кузина, должно быть, очень серьезно нездорова.

— Только одно волнение, — продолжал молодой человек, — было причиною этого обморока, который, если не ошибаюсь, начинает уже проходить.

— В самом деле, — сказал герцог, — я, кажется, видел, что она сделала легкое движение; лучше ее не мучить и дать ей опомниться; таким образом мы избежим потрясения, последствия которого очень опасны для организаций деликатных и нервных, как у моей милой дочери.

Все это было сказано холодным, сдержанным и мерным тоном, очень отдаленным от того, который должен был употребить отец, дочь которого таким чудом избежала смерти. Молодой офицер не знал, что думать об этом истинном или притворном равнодушии. Это была только испанская спесь. Герцог любил свою дочь, насколько позволяла его высокомерная и честолюбивая натура, но ему было стыдно выказывать это при постороннем.

— Милостивый государь, — продолжал герцог после минутного молчания, посторонившись, чтоб представить провожавшего его господина, — имею честь рекомендовать

вам моего родственника и друга, графа дона Стенио де Бехар-Суза.

Оба поклонились. Граф не имел никакой причины сохранять инкогнито; он понял, что настала минута сказать, кто он.

— Господа,— сказал он,— я граф Людовик де Бармон-Сенектер, капитан флота его величества французского короля и командир фрегата «Эригона», в настоящее время стоящего на якоре в Алжезирайской бухте.

Услышав имя графа, герцог страшно побледнел, брови его нахмурились, и он бросил на графа взгляд странного выражения. Но это волнение продолжалось не более блеска молнии, необыкновенным усилием воли испанец скрыл в глубине сердца чувства, волновавшие его, придал своему лицу прежнее бесстрашие и поклонился с улыбкой. Лед был разломан между тремя этими лицами, они узнали друг в друге людей одного происхождения, обращение их тотчас переменилось, они сделались столь же любезны, сколь прежде были холодны и сдержанны. Герцог первый возобновил разговор самым дружеским тоном.

— Вы, вероятно, пользуетесь перемирием, которое было объявлено несколько времени тому назад между двумя народами, чтобы посетить наш край?

— Извините, герцог, я не знал, что неприязненные действия прекратились между обеими нашими армиями; я давно уже на море и не имею известий из Франции; один случай привел меня на этот берег; несколько часов назад я укрылся в Алжезирайской бухте, чтобы подождать, когда ветер переменится и позволит переплыть пролив.

— Я благословляю этот случай, граф, потому что я ему обязан спасением моей дочери.

Донна Клара раскрыла глаза и, хотя еще была очень слаба, начала понимать положение, в котором она находилась.

— О!— сказала она голосом кротким и дрожащим и с внутренним трепетом,— без этого кабальеро я умерла бы.

Она старалась улыбнуться, устремив на молодого человека большие глаза, наполненные слезами, с выражением признательности, которое невозможно описать.

— Как вы чувствуете себя, дочь моя?— спросил герцог.

— Теперь я совершенно оправилась, благодарю вас, батюшка,— отвечала она.— Когда я почувствовала, что Морено не повинуетя уздечке и мчит меня, я считала себя погибшей и от страха лишилась чувств; но где же этот бедный Морено?— прибавила она через минуту.— Не случилось ли с ним несчастья?

— Успокойтесь, сеньорита,— отвечал граф, улыбаясь и указывая на лошадь,— вот он, здоров, невредим и совершенно успокоился; вы можете даже, если это вам угодно, воротиться на нем без опасения.

— Конечно, я поеду на этом добром Морено,— сказала донна Клара,— я нисколько не сержусь на его шалость, хотя она чуть было дорого не обошлась мне.

— Граф,— сказал тогда герцог,— смею надеяться, что мы не расстанемся таким образом и что вы удостоите принять дружелюбное гостеприимство, которое я предлагаю вам в моем замке.

— К несчастью, я не завишу от себя, герцог,— долг службы требует моего немедленного присутствия на фрегате. Будьте убеждены, что я очень сожалею, что не могу ответить на ваше благосклонное предложение иначе как отказом.

— Неужели вы так скоро отправляетесь в море?

— Нет, напротив, я надеюсь,— отвечал граф, сделав ударение на этих словах,— остаться здесь еще некоторое время.

— Когда так,— возразил, улыбаясь, герцог,— я не принимаю вашего отказа и уверен, что мы скоро увидимся и познакомимся короче.

— Это мое живейшее желание,— ответил молодой человек, бросив украдкой взгляд на донну Клару, которая покраснела, потупив глаза.

Граф простился и направился к Алжезиру, между тем как всадники удалились шагом по направлению диаметрально противоположному. Капитан шел, задумавшись, думая о странном приключении, которого так неожиданно он сделался героем, вспоминая о малейших подробностях, восхищаясь великолепной красотой молодой девушки, которой он имел счастье спасти жизнь.

Постоянно занятый требованиями своей грубой профес-

сии, почти всегда находясь в море, граф, хотя ему было уже около двадцати пяти лет, не любил никого, никогда даже не думал о любви. Женщины, которых он видел до сих пор, не производили никакого действия на его сердце, мысли его всегда оставались свободны при них, и никакое серьезное чувство не возмутило еще спокойствие его души; поэтому с некоторым испугом, смешанным с удивлением, думал он о встрече, которая вдруг прервала его спокойную прогулку, и заметил, что красота донны Клары и ее кроткий разговор произвели на него сильное впечатление, что ее образ присутствовал перед ним и память его напомнила ему до самых мелких подробностей короткий разговор, который он вел с нею.

— Полно, полно!— сказал он, несколько раз покачав головой, как бы для того, чтобы прогнать докучливую мысль.— Я сошел с ума.

— Что вы говорите, капитан?— спросил Мишель, который воспользовался этим восклицанием, чтобы дать полную волю размышлениям, которые он горел нетерпением выразить вслух.— Надо признаться, что эта молодая девица очень счастлива, что мы к ней подоспели вовремя.

— Действительно, очень счастлива, Мишель,— отвстил граф,— без нас эта несчастная молодая девушка погибла бы.

— Это правда, бедняжка!

— Это было ужасно. Она так молода и хороша!

— Не дурна, только я нахожу ее немножко худощавой и чересчур уж бледной.

Граф улыбнулся на эту оценку красоты. Ободренный матрос продолжал:

— Позвольте ли вы дать мне совет, капитан?

— Какой? Говори, не бойся.

— Бояться-то я не боюсь, черт меня побери, только мне бы не хотелось вас огорчить.

— Огорчить меня, Мишель, чем?

— Вот видите ли, капитан, когда вы сказали ваше имя старому герцогу...

— Ну что же случилось?

— Случилось то, что, услышав его, он вдруг побледнел как смерть, нахмурил брови да так страшно на вас

посмотрел, что мне представилось, будто он хочет вас убить. Вам не кажется это странно, капитан?

— То, что ты говоришь, невозможно, ты ошибаешься.

— Вы этого не заметили, потому что потупили голову, а я видел и знаю наверно то, что говорю.

— Подумай, Мишель, что я не знаю этого господина, что я не видал его никогда; каким же образом может он иметь ко мне ненависть? Ты говоришь вздор, друг мой.

— Нет, капитан, я знаю наверно то, что я говорю; знали вы его или нет, это не мое дело, а что он вас знает, и даже коротко, об этом я побьюсь об заклад; впечатление, которое вы произвели на него, так сильно, что иначе не может быть.

— Согласен, если ты уж непременно утверждаешь, что он знает меня; по крайней мере я знаю наверно, что никогда его не оскорблял.

— Этого никогда нельзя знать наверно, капитан; видите ли, я бискаец и давно знаю испанцев; это странный народ, гордый, как петухи, и злонамеренный как демоны; верьте мне, остерегайтесь всегда, это повредить не может, притом у этого старика лицо такое хитрое, что оно вовсе мне не нравится.

— Во всем этом нет здравого смысла, Мишель, и я такой же сумасшедший, как и ты, оттого что слушаю тебя.

— Хорошо, хорошо,— сказал матрос, качая головой,— мы после увидим, ошибся ли я.

Разговор на том и кончился; однако слова Мишеля занимали капитана более, чем он хотел высказать, и он воротился на фрегат с озабоченным видом.

На другой день к десяти часам утра щегольская шлюпка подъехала к фрегату. В этой шлюпке сидели герцог Пеннафлор и граф Бехар-Суза, его молчаливый кузен.

— Право, любезный граф,— сказал герцог добродушным тоном после первых комплиментов,— вы найдете меня бесцеремонным и требовательным, я просто приехал вас увезти.

— Увезти?— с улыбкой ответил молодой человек.

— Право, так. Представьте себе, граф, что моя дочь непременно хочет вас видеть; она говорит только о вас, а так как делает из меня почти все, что хочет, чему,

вероятно, вы не удивляетесь, она послала меня к вам, приказав непременно привезти вас в замок.

— Действительно,— сказал, поклонившись, дон Стенио,— сеньорита донна Клара непременно хочет видеть вас, капитан.

— Однако...— возразил граф.

— Я ничего не слушаю,— с живостью возразил герцог,— вы должны решиться, любезный граф; вам надо повиноваться: вы знаете, что дам ослушаться нельзя; поедемте же, но успокойтесь, я повезу вас недалеко; мой замок находится в двух милях отсюда.

Граф, тайно испытывавший сильное желание увидеть донну Клару, позволил упрашивать себя только для приличия, потом, отдав необходимые приказания своему лейтенанту, поехал с герцогом Пеннафлором в сопровождении Мишеля, который казался тенью своего капитана.

Вот таким образом началось знакомство, которое почти тотчас перешло в любовь и потом имело такие ужасные последствия для несчастного офицера. Герцог и неразлучный с ним кузен осыпали графа уверениями в дружбе, оставляли ему полную свободу в замке и как будто не примечали склонности, возникшей между донной Кларой и молодым человеком.

Тот, совершенно поработанный своей страстью к молодой девушке, предавался любви с доверчивым и необузданным влечением сердца, любящего первый раз. Донна Клара, простая и наивная молодая девушка, воспитанная с суровой строгостью испанских нравов, но андалузка с ног до головы, приняла с трепетом счастье признания в этой любви, которую она разделяла с первой минуты.

Итак, все казались счастливы в замке, только Мишель портил все своим нахмуренным лицом, которое не разглаживалось никогда. И чем быстрее дело приближалось к тому заключению, которого желали молодые люди, тем более он становился мрачен и озабочен...

Между тем фрегат ушел в Кадис. Герцог, его дочь и дон Стенио отправились на этом фрегате; герцогу Пеннафлору нужно было отправиться в Севилью, где у герцога было большое имение; он с большой радостью принял

предложение, сделанное ему графом, отвезти его на фрегате до Кадиса, который отстоит только миль на двадцать с небольшим от Севильи.

На другой день прибытия фрегата в Кадис капитан надел свой парадный мундир и отправился к герцогу Пеннафлору. Герцог, конечно зная о его визите, принял его с улыбкой на губах и с самым дружеским видом. Ободренный этим приемом, граф, преодолевая свою робость, формально начал свататься за донну Клару. Герцог благоприятно принял это предложение, сказав, что он ожидал, что оно удовлетворяет его искреннему желанию, потому что составит счастье обожаемой им дочери. Только он заметил графу, что между обеими нациями заключено перемирие, однако мир еще не подписан, хотя, по всей вероятности, это случится скоро; что он боится, чтобы известие об этом браке не повредило карьере графа, расположив дурно кардинала против него. Это размышление уже несколько раз приходило в голову молодому офицеру, поэтому он потупил голову, не смея отвечать, так как, к несчастью, он не имел никакого основательного довода, чтобы опровергнуть возражения герцога. Тот подоспел к нему на помощь, сказав ему, что он имеет очень простой способ устроить все к всеобщему удовольствию и обойти это затруднение.

Граф, трепеща от страха и надежды, спросил, какой это способ. Герцог объяснил ему тогда, что дело идет просто о секретном браке. Пока продолжится война, тайна будет сохраняться, но тотчас по заключении перемирия, когда посланник будет отправлен в Париж, брак будет объявлен кардиналу, которого, вероятно, уже не оскорбит этот союз.

Мечты о счастье молодого человека так были близки к уничтожению, что он не сделал ни малейшего возражения на предложение герцога; брак, хотя тайный, тем не менее будет действителен, а до остального ему было мало дела, и потому он согласился на все условия, которые наложил на него герцог, потребовавший, чтоб брак совершился будто бы в тайне от него, на тот случай, что если его враги постараются вооружить короля против него, то он мог бы сослаться на свое неведение и таким образом расстроить

недоброжелательство тех, которые будут стараться погубить его.

Граф не совсем понял, какое дело испанскому королю до его брака, но так как герцог говорил тоном убеждения и, по-видимому, очень боялся неудовольствия короля, то граф согласился на все.

Через два дня, при наступлении ночи, молодые люди были обвенчаны в церкви Мерчед, священником, согласившимся за большую сумму помочь этому не совсем законному поступку. Мишель Бискаец и Тихий Ветерок были свидетелями у своего командира, который по настоятельной просьбе герцога не сообщил о своей тайне ни одному из своих офицеров, но он был уверен в молчании своих матросов. Тотчас после венчального обряда новобрачную увели ее свидетели в одну сторону, между тем как ее муж, очень раздосадованный, воротился на свой фрегат.

Когда на другой день он явился к герцогу, тот сказал ему, что для того, чтоб отнять всякий предлог от недоброжелателей, он счел за лучшее удалить свою дочь на некоторое время и отослал ее к одной родственнице, жившей в Гренаде. Граф не выказал неудовольствия, а ушел, сделав вид, будто он доволен не совсем правдоподобными доводами своего тестя. Однако он начинал находить очень странными поступки герцога и обещал разъяснить сомнения, возникавшие в его уме. Тихий Ветерок и Мишель Бискаец были отправлены разузнать. Граф узнал от них не без удивления после двухдневных поисков, что донна Клара была не в Гренаде, а в очаровательном городке, расположенном напротив Кадиса на противоположном берегу рейда. Как только капитан собрал сведения, нужные ему для успеха в замышляемом плане, он послал с Мишелем, который говорил по-испански, как севильский уроженец, письмо к донне Кларе, и при наступлении ночи, в сопровождении своих верных матросов, высадился на берег в Санта-Марии. Дом, в котором жила молодая девушка, стоял довольно уединенно. Граф поставил матросов караулить, а сам прямо пошел к дому.

Отворила дверь сама донна Клара. Радость супругов была безмерна; незадолго до восхода солнца граф ушел; к десяти часам он отправился, по обыкновению, сделать визит

тестю, пред которым продолжал выказывать полнейшее неведение о местопребывании донны Клары. Герцог принял графа очень хорошо. Эти проделки продолжались около месяца. Однажды граф неожиданно получил известие о возобновлении неприятельских действий между Францией и Испанией; он был принужден оставить Кадис, но желал иметь последнее свидание с герцогом, чтобы потребовать он него откровенного объяснения его поведения; в том случае, когда это объяснение не удовлетворит его, он решился похитить жену и увезти ее с собою.

Когда граф пришел к герцогу, доверенный слуга герцога сказал ему, что господина его вдруг потребовал король и он уехал в Мадрид час тому назад, не имев даже времени, к своему величайшему сожалению, проститься с графом. При этом известии граф предчувствовал несчастье и побледнел, но он успел преодолеть свое волнение и холодно спросил слугу, не оставил ли его господин письма или записки на его имя; слуга отвечал утвердительно и подал графу запечатанный конверт. Граф сорвал печать дрожащею рукою, пробежал это письмо глазами, но его волнение сделалось так сильно при чтении того, что заключалось в этом письме, что он зашатался, и если б слуга не бросился его поддерживать, он упал бы на пол.

— Ах!— прошептал он,— Мишель прав!

Он с бешенством смял письмо в руках. Но вдруг выпрямился, он укрепился против горести и, дав слуге несколько луидоров, удалился поспешными шагами.

— Бедный молодой человек!— прошептал слуга, печально качая головой.

VII

ОТЧАЯНИЕ

В нескольких шагах от дома герцога граф встретил Мишеля, который подходил к нему.

— Скорее, скорее шлюпку, мой добрый Мишель!— вскричал он.— Дело идет о жизни и смерти.

Матрос, испуганный тем состоянием, в котором он видел своего командира, хотел у него спросить, что случилось, но тот заставил его молчать, повторив приказание сейчас достать лодку. Мишель потупил голову.

— Увы! Я это предвидел,— прошептал он с горестным гневом и бросился бегом к гавани.

Лодку в Кадисе найти не трудно: Мишелю оставалось только выбирать; понимая, что граф торопится, он нанял лодку с десятью веслами. Граф почти тотчас же подошел.

— Десять луидоров вам и вашему экипажу, если вы будете в Пуэрто через двадцать минут!— воскликнул он, бросаясь в лодку, которая полетела по воде. Капитан, упорно устремив глаза на Санта-Марию, беспрестанно повторял задыхающимся голосом:— Скорее, скорее!

Они пролетели как стрела перед фрегатом, который приготовился сняться с якоря. Наконец доехали до Санта-Марии.

— Никто не должен идти за мной!— закричал капитан, выпрыгивая на берег.

Но Мишель не обратил никакого внимания на это приказание и пустился в погоню за графом, которого он не хотел бросить в таком ужасном положении. Хорошо, что он решился на это, потому что когда он дошел до того дома, в котором жила донна Клара, он увидел, что молодой человек лежит без чувств на земле. Дом был пуст, донна Клара исчезла. Матрос взвалил капитана на свои плечи и добежал до шлюпки, где уложил его так спокойно, как только мог.

— Куда ехать?— спросил лодочник.

— К французскому фрегату, и как можно скорее,— отвечал Мишель.

Когда лодка подъехала к фрегату, Мишель заплатил лодочнику обещанную награду, потом с помощью матросов перенес капитана в его каюту. Так как прежде всего следовало сохранить тайну графа и не возбудить подозрений, матрос в своем рапорте лейтенанту приписал падению с лошади состояние, в котором находился капитан, потом, сделав знак Тихому Ветерку следовать за ним, сошел в каюту капитана. Граф де Бармон все лежал неподвижно,

как мертвый; главный хирург фрегата ухаживал за ним, но не мог пробудить в нем жизнь, которая будто исчезла навсегда.

— Удалите ваших помощников, довольно будет нас с Тихим Ветерком, майор,— сказал Мишель доктору, сделав ему знак.

Хирург понял и отпустил своих помощников; когда дверь затворилась за ними, матрос отвел доктора в сторону и сказал ему так тихо, что только один доктор мог слышать:

— Майор, командир узнал очень горестное известие, возбуждавшее страшный кризис, которому он подвергся в эту минуту. Я сообщаю это вам, майор, потому что доктор все равно что духовник.

— Можешь быть спокоен, мой милый,— отвечал хирург,— тайна командира попала в надежные уши.

— Я в этом убежден, майор. Пусть весь экипаж думает, будто командир упал с лошади; вы понимаете; я уже говорил об этом лейтенанту, подавая ему рапорт.

— Очень хорошо. Я подтверждаю твои слова.

— Благодарю, майор; теперь мне остается еще задать вам один вопрос.

— Говори.

— Вы должны получить от лейтенанта позволение, чтобы из всего экипажа никто, кроме Тихого Ветерка и меня, не ухаживал за командиром; видите ли, майор, мы старые его матросы, он все может говорить при нас не стесняясь, притом ему будет приятно видеть нас возле себя; вы получите позволение от лейтенанта, майор?

— Да, мой друг, я знаю, что ты человек честный и очень привязанный к командиру; знаю также, что он имеет к тебе полное доверие; поэтому не тревожься, я устрою это с лейтенантом; ты и твой товарищ будете входить сюда одни вместе со мной, пока граф болен.

— Благодарю, майор, если представится случай, я вам услужу. Говорю вам по чести, как бискаец, что вы предостойный человек.

Хирург расхохотался.

— Вернемся к нашему больному,— сказал он, чтобы прекратить разговор.

Несмотря на разумное попечение хирурга, обморок графа продолжался целый день.

— Потрясение было ужасно,— сказал он,— чуть было не сделалось воспаление в мозгу.

Только к вечеру, когда фрегат давно уже плыл под парусами и оставил далеко за собою кадисский рейд, наступил благоприятный кризис и графу сделалось легче.

— Он сейчас придет в себя,— сказал доктор.

Действительно, несколько судорожных движений пробежало по телу графа, он раскрыл глаза, но взоры его были мутны и как бы дики; он поворачивал голову во все стороны, как бы стараясь понять, где он находится и зачем лежит на постели. Три человека, устремив на него глаза, заботливо подстерегали это возвращение к жизни, не казавшееся им успокоительным. Особенно был встревожен хирург, лоб его нахмурился, брови сдвинулись от внутреннего волнения. Вдруг граф приподнялся и сказал резким и жестким голосом Мишелю, стоявшему возле него:

— Лейтенант, для чего вы не созвали экипаж к сражению? Ведь испанский корабль опять убежит от нас!

Хирург сделал Мишелю знак.

— Извините, командир,— отвечал матрос, потакая фантазии больного,— все готово к сражению.

— Очень хорошо,— сказал больной.

Потом вдруг мысли его перемешались, и он прошептал:

— Она придет, она мне обещала! Нет, нет! Она не придет; теперь она умерла для меня! Умерла! Умерла!— повторил он глухим голосом.

Потом вдруг громко вскрикнул:

— О! Как я страдаю! Боже мой!— И поток слез облил его лицо.

Граф закрыл голову руками и опять упал на постель. Оба матроса тревожно допрашивали хирурга, стараясь прочесть на его лице, чего они должны опасаться или надеяться. Хирург вздохнул с облегчением, провел рукою по своему лбу, увлажненному потом, и, обернувшись к Мишелю, сказал:

— Слава Богу! Он плачет, он спасен!

— Слава Богу!— повторили матросы, набожно перекрестившись.

— Не думаете ли вы, что он сошел с ума, майор?— спросил Мишель дрожащим голосом.

— Нет, это не сумасшествие, а бред; он скоро заснет, не оставляйте его. Проснувшись, он не будет помнить ничего; если попросит пить, дайте ему лекарство, которое я приготовил и поставил на этот стол.

— Слушаю, майор.

— Теперь я уйду, а если случится что-нибудь непредвиденное, дайте мне знать сейчас же. Впрочем, я зайду еще ночью.

Хирург ушел, его предсказания скоро осуществились, мало-помалу граф де Бармон заснул тихим и спокойным сном. Оба матроса стояли неподвижно возле его постели; никакая сиделка не могла ухаживать за больным с таким нежным попечением, как эти два человека, оболочка которых казалась так жестка, а сердце было такое доброе.

Таким образом прошла вся ночь; хирург приходил несколько раз, но всегда уходил через несколько секунд с довольным видом и приложив палец к губам. К утру, при первом луче солнца, ворвавшемся в его комнату, граф сделал движение, раскрыл глаза и, повернув несколько голову, сказал слабым голосом:

— Мой добрый Мишель, дай мне пить.

Матрос подал ему стакан.

— Я совсем разбит,— прошептал он,— стало быть, я был болен?

— Да, немножко,— отвечал матрос,— но теперь прошло, слава Богу; надо только не терять терпения.

— Мне кажется, я чувствую, как фрегат идет; разве мы под парусами?

— Точно так, командир.

— Кто же приказал сниматься с якоря?

— Вы сами вчера вечером.

— А!— произнес граф, возвращая стакан.

Голова его тяжело упала на изголовье, и он замолчал. Однако он не спал, глаза его были открыты, взор с беспокойством блуждал вокруг.

— Вспоминаю!— прошептал он, и слезы брызнули из его глаз, потом вдруг, обратившись к Мишелю, он прибавил:— Это ты меня поднял и привез на фрегат?

— Я, капитан.

— Благодарю; однако, может быть, было бы лучше дать мне умереть.

Матрос презрительно пожал плечами.

— Вот богатая мысль!— заворчал он.

— О, если бы ты знал!— сказал граф с горестью.

— Я знаю все; не предупреждал ли я вас с первого дня?

— Это правда, мне следовало бы тебе поверить; увы! я уже любил ее.

— Знаю, притом она заслужила это.

— Не правда ли, она все еще меня любит?

— Кто в этом сомневался? Бедное, милое существо!

— Какой ты добрый, Мишель!

— Я справедлив.

Наступило новое молчание. Через несколько минут граф возобновил разговор.

— Ты нашел письмо?— спросил он.

— Нашел, капитан.

— Где оно?

— Вот здесь.

Граф с живостью схватил письмо.

— Ты прочел?— спросил он.

— Для чего?— ответил Мишель.— Там, должно быть, все ложь да гадость, а я не любопытен на эти вещи.

— Вот, возьми.

— Чтобы разорвать?

— Нет, чтобы прочесть.

— К чему?

— Ты должен знать, что заключается в этом письме, я так хочу.

— Это другое дело, дайте.

Он взял письмо и развернул его.

— Читай громко,— сказал граф.

— Славное поручение даете вы мне, капитан! Но если вы хотите, я должен повиноваться вам.

— Я прошу тебя, Мишель.

— Довольно, капитан, начинаю.

Он начал читать вслух это странное послание. Оно было короткое, лаконичное, но действие, которое должно

было произвести это письмо, было тем ужаснее, что каждое слово было рассчитано для того, чтобы нанести удар. Вот содержание письма:

«Граф, вы не женились на моей дочери; я обманул вас ложным браком. Вы никогда ее не увидите... она умерла для вас. Уже много лет неумолимая ненависть существует между вашей фамилией и моей. Я вас не отыскивал, сам Господь свел меня с вами. Я понял, что Он предписывает мне мщение. Я повиновался Ему. Кажется, мне навсегда удалось разбить ваше сердце. Любовь, которую вы имеете к моей дочери, искренна и глубока. Тем вы будете более страдать. Прощайте, граф. Послушайтесь меня, не старайтесь увидаться со мною; на этот раз мое мщение будет еще ужаснее. Моя дочь выходит через месяц за того, кого она любит и кого одного любила всегда.

Дон Эстебан Сильва, герцог Пеннафлор».

Когда матрос кончил чтение, он устремил на своего командира вопросительный взгляд. Тот несколько раз покачал головою и ничего не отвечал. Мишель возвратил ему письмо, которое капитан тотчас спрятал под изголовье.

— Что будете вы делать?— спросил матрос через минуту.

— После,— отвечал граф мрачным голосом,— после ты узнаешь, я не могу в эту минуту принять никакого намерения; моя голова еще слаба, мне нужно подумать.

Мишель сделал знак одобрения. В эту минуту вошел доктор. Он, по-видимому, пришел в восторг, когда увидал, что его больной в таком хорошем положении, и обещал ему, весело потирая руки, что через неделю он встанет с постели.

Действительно, доктор не ошибся, граф быстро выздоравливал; наконец он мог встать, и через несколько дней, кроме мертвенной бледности, разлившейся по его лицу, бледности, которую он с тех пор сохранил навсегда, силы его воротились вполне. Граф де Бармон ввел свой фрегат в Таго, бросил якорь перед Лиссабоном и тотчас позвал лейтенанта в свою каюту и имел с ним продолжительный

разговор, вследствие которого капитан поехал на берег с Мишелем и Тихим Ветерком.

Фрегат остался под начальством первого лейтенанта; граф оставил его навсегда. Этот поступок мог почти назваться бегством, но граф де Бармон решился во что бы то ни стало вернуться в Кадис. В те немногие дни, которые прошли после его разговора с Мишелем, граф все обдумал. Результатом его размышлений было, что донна Клара была так же, как и он, обманута герцогом, что она считала себя замужем; все доказывало ему в обращении молодой девушки с ним. В желании обеспечить свое мщение герцог перешел границы: донна Клара любила его, он был уверен в том. Она повиновалась отцу не иначе как принужденная к тому насилием. Когда граф дошел до этого заключения, ему оставалось только одно — воротиться в Кадис, собрать сведения, отыскать герцога и иметь с ним при дочери последнее объяснение. Остановившись на этом намерении, молодой человек немедленно исполнил его, поручив своему лейтенанту начальство над фрегатом, рискуя испортить свою карьеру, подвергнуться преследованию как изменник, так как война была во всей силе между Францией и Испанией: он нанял прибрежное судно, и в сопровождении двух матросов, которым он объяснил свои намерения, но которые не хотели оставить его, он воротился в Кадис.

По милости глубоких познаний в испанском языке граф не возбудил никаких подозрений в этом городе, где ему легко было собрать желанные сведения. Герцог уехал в Мадрид. Граф тотчас направился туда же.

Такой знатный вельможа, как герцог Пеннафлор, испанский гранд первого разряда, не может путешествовать не оставляя следов, так что граф без всякого труда узнал, по какой дороге он поехал; он приехал в Мадрид в убеждении, что скоро будет иметь с герцогом то объяснение, которого он так пламенно желает.

Но надежда его была обманута. Герцог был на аудиенции короля, а потом уехал в Барселону. Это походило на какой-то гибельный рок; граф не унывал, верхом проехал Испанию и добрался до Барселоны. Герцог накануне уехал в Неаполь. Эта погоня принимала размеры

Одиссеи, точно герцог чувствовал, что его преследуют. Ничуть не бывало, однако, он исполнял поручение, данное ему королем.

Граф осведомился и узнал, что с герцогом едут оба сына и дочь. Через два дня граф де Бармон отправился в Неаполь на контрабандном судне. Мы не будем входить во все подробности этой упорной погони, которая продолжалась несколько месяцев; мы скажем только, что граф не застал герцога и в Неаполе, как не заставлял в Мадриде и Барселоне, что он проехал всю Италию и въехал во Францию, все преследуя неуловимого врага, который исчезал перед ним.

Но хотя граф не подозревал, однако в этот промежуток роли значительно изменились. Вот каким образом: герцогу очень интересно было узнать, что сделает граф. Хотя он был уверен, что война принудит его оставить Испанию, однако он слишком хорошо знал решительный характер молодого человека, для того чтобы предполагать хоть одно мгновение, что он примет нанесенное ему оскорбление, не постаравшись блистательно отомстить. Вследствие этого он оставил в Кадисс доверенного человека, которому поручил, если граф там появится, наблюдать за его поступками с величайшим старанием и уведомить его, герцога, что будет делать граф. Человек этот добросовестно и очень ловко исполнил трудное поручение, вверенное ему, и в то время как граф преследовал герцога, он преследовал графа, не теряя его из вида, останавливаясь, где останавливался он, перегнал графа, догнал герцога в окрестностях Пиньероля и передал ему все, что узнал. Герцог, хотя внутренне испугался настойчивой ненависти своего врага, притворился, будто приписывает очень мало важности этому известию, и презрительно улыбнулся, слушая донесение своего слуги. Но несмотря на это, он не пренебрег предосторожностями, и так как мир был почти подписан и испанский уполномоченный находился в Париже, он отправил к нему этого самого слугу с письмом. В письме заключался формальный донос на графа де Бармона-Сенектера. Кардинал Ришелье без всякого труда дал приказ арестовать графа, и полицейские агенты его преосвященства под командою Франсуа Бульо выехали из Парижа в

погоню за несчастным офицером. Тот, в полном неведении того, что происходило, продолжал свой путь и даже обогнал герцога, который в убеждении, что ему нечего опасаться своего врага, ехал не торопясь.

Но расчет герцога был неверен; он не подумал, что агенты кардинала, не зная, где встретят того, кого им велено было арестовать, будут принуждены ехать наугад, тем более что, кроме Бульо, никто из них не знал лично графа, а тот, как нам теперь известно, желал дать беглецу возможность убежать.

Мы рассказали выше, какое бурное объяснение произошло между тестем и зятем. Тот наконец был арестован, отвезен на остров Св. Маргариты и отдан в руки майора де л'Урсьера. А теперь, так как мы объяснили относительное положение каждого из наших действующих лиц, мы будем продолжать наш рассказ с того пункта, на котором остановились.

VIII

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Мы сказали, что майор де л'Урсьер, комендант крепости, велел отвести графа де Бармон-Сенектера в ту комнату, которая должна была служить ему тюрьмой до тех пор, пока кардиналу будет угодно возвратить ему свободу.

Эта комната, довольно обширная и довольно высокая, была восьмиугольной формы, с выбеленными стенами в пятнадцать футов толщины, и освещалась двумя узкими бойницами с двойной железной решеткой, внутренней и наружной, которая пропускала тусклый свет сквозь свои частые отверстия и совершенно скрывала вид извне. Большой камин занимал один угол; напротив стояла деревянная кровать с узким тюфяком, когда-то выкрашенная желтой краской, но совершенно побелевшая от времени. Стол, скамейка, стул, ночной столик, железный подсвечник дополнили меблировку, более чем скромную. Комната эта

находилась в самом верхнем этаже башни, платформа которой, где день и ночь прохаживался часовой, служила ей потолком. Солдат запер запоры и замки двери, обитой железом, и граф вошел в комнату твердыми шагами. Бросив взгляд на эти холодные и печальные стены, в которых он должен был жить, он сел на стул, скрестил руки на груди, потупил голову и начал размышлять.

Солдат или, лучше сказать, тюремщик ушел и, воротясь через час, нашел графа в том же положении. Человек этот принес простыню, одеяло, дров, а за ним два солдата несли чемодан с платьем и бельем заключенного, который поставили в угол, и ушли. Тюремщик тотчас постелил постель, потом вымел комнату и затопил камин. Исполнив это, он подошел к заключенному.

— Ваше сиятельство,— вежливо сказал он.

— Что вам угодно, друг мой?— ответил граф, приподнимая голову и смотря на него с кротостью.

— Комендант желает говорить с вами. Он должен сообщить вам что-то важное.

— Я к услугам господина коменданта,— лаконично ответил граф.

Тюремщик поклонился и вышел.

— Чего хочет от меня этот человек?— прошептал граф, оставшись один.

Ожидание его было непродолжительным, дверь снова отворилась, и явился комендант. Заключенный встал принять его, поклонился и молча ждал, чтобы он заговорил. Комендант сделал тюремщику знак уйти, потом после нового поклона он сказал с холодной вежливостью:

— Граф, дворяне должны оказывать внимание друг к другу. Хотя приказания, полученные мною от кардинала, очень строги, я желаю, однако, щадить вас, насколько мне позволяет моя обязанность, я прямо пришел к вам, чтобы поговорить с вами об этом.

Граф угадал, куда клонится эта речь, но не выказал этого и отвечал:

— Господин комендант, я должен быть признателен за такой шаг с вашей стороны; будьте же так добры, объясните мне, в чем состоят полученные вами приказания и каким образом возможно вам смягчить их. Но прежде всего, так

как я нахожусь здесь у себя,— прибавил он с меланхолической улыбкой,— сделайте мне честь и сядьте.

Майор поклонился, но не сел.

— Это бесполезно, граф,— сказал он,— то, что я должен вам сказать, очень коротко; прежде всего прошу вас заметить, что я имел деликатность прислать к вам чемодан с вашими вещами, не осмотрев его, как имел на то право.

— Вижу и очень вам благодарен.

Майор поклонился.

— Вы сами служите, граф,— сказал он,— вы знаете, что его преосвященство кардинал, хотя великий человек, не очень щедр к офицерам, которых старость или раны принуждают выйти в отставку.

— Это правда,— отвечал граф.

— В особенности коменданты крепости, хотя назначенные королем, принуждены покупать на наличные деньги места их предшественников и находятся в совершенной нищете, если не накопят себе денег заранее.

— Я этого не знал; я думал, что начальство над крепостью служит наградой.

— Оно так и есть, граф; покупается место только в таких крепостях, которые, как эта, служат государственной тюрьмой.

— А! очень хорошо.

— Вы понимаете, что это делается по причине тех выгод, которые комендант имеет право извлекать из заключенных, вверенных ему.

— Понимаю как нельзя лучше. Много ли содержится несчастных в этом замке, подвергшихся немилости его преосвященства?

— Увы! вы один. Вот по какой причине желал я дружелюбно уговориться с вами.

— Поверьте, что я сам очень этого желаю.

— Я в этом убежден и поэтому прямо приступлю к делу.

— Приступайте, приступайте, я слушаю вас с самым серьезным вниманием.

— Мне приказано не позволять вам иметь сообщения ни с кем, кроме вашего тюремщика, не давать вам ни книг, ни бумаг, ни перьев, ни чернил и никогда не

позволять вам выходить из этой комнаты; кажется, очень опасаются, что вы убежите отсюда, а, должно быть, его преосвященство хочет вас удержать.

— Я очень признателен его преосвященству, но, к счастью для меня, — улыбаясь, ответил граф, — вместо того чтобы дело иметь с тюремщиком, я завишу от храброго воина, который, строго исполняя свою обязанность, считает бесполезным мучить заключенного, уже несчастного и без того, потому что он заслужил немилость короля и кардинала-министра.

— Суждение ваше обо мне верно, граф; как ни строги эти приказания, я один распоряжаюсь в этой крепости, где мне нечего опасаться контроля, и надеюсь, что я буду в состоянии смягчить относительно вас строгость, предписанную мне.

— Каково бы ни было ваше намерение на этот счет, позвольте мне поговорить с вами в свою очередь как откровенному и честному офицеру. Так как, без сомнения, я останусь в заключении очень долго, деньги мне совершенно бесполезны; не будучи богат, я пользуюсь, однако, некоторым довольством и очень этому рад, потому что это довольно позволяет мне выразить вам признательность за то снисхождение, которое вы имеете ко мне; услуга за услугу, милостивый государь; я буду давать вам десять тысяч в год вперед, а вы, с вашей стороны, позвольте мне иметь, разумеется за мой счет, все вещи, которые могут смягчить мое заключение.

У майора закружилась голова; старый офицер во всю свою жизнь не имел такой большой суммы.

Граф продолжал, не показывая, что он заметил, какое действие произвели его слова на коменданта:

— Итак, это решено, к той сумме, которую король назначил вам для моего содержания, мы будем прибавлять двести ливров в месяц, то есть две тысячи четыреста в год, на бумагу, перья, книги и прочее, даже положим для круглой цифры три тысячи; вы согласны?

— Ах! этого много, даже слишком много.

— Нет, потому что я помогаю благородному человеку, который останется мне признателен.

— Ах! я останусь вам признателен вечно; только не

сердитесь, я бы хотел, чтобы вы остались здесь как можно дольше.

— Почем знать, майор, может быть, мой отъезд будет для вас еще выгоднее моего здесь пребывания,— сказал граф с лукавой улыбкой,— позвольте мне вашу записную книжку.

Майор подал. Граф вырвал листок, написал несколько слов карандашом и подал майору, говоря:

— Вот чек на тысячу шестьсот ливров, которые вы можете получить из банка «Дюбоа, Лусталь и К°» в Тулоне.

Комендант схватил бумагу с радостным трепетом.

— Но мне кажется, что на этой бумаге написано на восемьсот ливров более той суммы, о которой мы условились.

— Правда, но эти восемьсот ливров назначены на покупку разных вещей, поставленных в этом списке и которые я вас прошу достать для меня.

— Завтра вы их получите, граф.

Поклонившись очень низко, комендант вышел, пятясь задом.

— Я не ошибся,— весело прошептал граф, когда тяжелая дверь закрылась за майором,— я не ошибся, я верно оценил этого человека, в нем сосредоточились все пороки, но самый главный в нем порок — скупость; кажется, я сделаю с ним что хочу; я должен спешить, но мне надо действовать очень осторожно.

В той уверенности, что его не потревожат несколько часов, граф отпер чемодан, принесенный солдатами, чтобы удостовериться, правду ли сказал комендант и точно ли все вещи в целости. Действительно, чемодан был не тронут.

Предвидя вероятный арест, граф, когда пустился в погоню за герцогом Пеннафлором, купил несколько вещей, которые теперь нашел в чемодане с величайшим удовольствием. Кроме платья и белья, в чемодане лежала очень тонкая и крепкая веревка длиною во сто сажений, две пары пистолетов, порох и пули, кинжал, шпага; эти вещи, которыми граф запасся на всякий случай, комендант конфисковал бы без всякого зазрения совести, если б видел их; стало быть, чемодан раскрывать не стали.

В чемодане лежали еще стальные и железные инструменты, в двойном дне, старательно скрытом, тяжелый кошелек с суммою в двадцать пять тысяч ливров золотом, не считая другой суммы, почти столь же значительной, испанскими квадруплями, зашитыми в широкий кожаный пояс.

Как только граф удостоверился, что комендант ему не солгал, он старательно запер чемодан, повесил ключ на шею на стальной цепочке и спокойно сел у камина.

Размышления его были прерваны тюремным сторожем. На этот раз тюремщик принес ему не только полный постельный прибор, гораздо лучше того, который он принес прежде, но прибавил к нему ковер, зеркало и даже туалетные принадлежности. Стол он накрыл скатертью и поставил довольно вкусный обед.

— Комендант просит у вас извинения,— сказал тюремщик,— завтра он пришлет все, что вы потребовали от него, а пока он присылает вам книги.

— Хорошо, друг мой,— отвечал граф,— как вас зовут?

— Ла-Гренад.

— Вас назначил комендант служить мне, Ла-Гренад?

— Меня.

— Друг мой, я нахожу, что вы человек хороший, вот вам три луидора. Если я буду вами доволен, то каждый месяц буду давать вам столько же.

— Если б вы ничего не дали мне,— отвечал Ла-Гренад, взяв деньги,— это не помешало бы мне служить вам со всем усердием, к какому я способен; я беру эти три луидора только потому, что такой бедняга, как я, не имеет права отказываться от подарка такого щедрого господина, как вы. Но, повторяю вам, я готов служить вам, и вы можете распоряжаться мною как вам угодно.

— Однако я вас не знаю, Ла-Гренад,— с удивлением сказал граф,— откуда у вас явилась такая преданность ко мне?

— Я готов вам сказать, если это вас интересует; я дружен с господином Франсуа Бульо, которому я обязан; это он приказал мне вам служить и повиноваться во всем.

— Какой добрый этот Бульо!— сказал граф.— Хорошо,

друг мой, я неблагодарным не буду. Ступайте, вы мне не нужны теперь.

Тюремщик подложил дров в камин, зажег лампу и ушел.

— Ах,— сказал граф, смеясь,— прости Господи! Мне кажется, что хотя я пленник по сути, а такой же хозяин, как и комендант в этой крепости, и в тот день, когда захочу, я выйду отсюда, и этому не воспротивится никто. Что подумал бы кардинал, если б знал, каким образом исполняются его приказания?

Он сел за стол, развернул салфетку и начал обедать с аппетитом.

Все случилось так, как заключенный условился с комендантом. Прибытие графа де Бармона в крепость было очень прибыльно для майора, который с тех пор, как получил начальство над крепостью, не имел еще случая извлечь какую-нибудь выгоду из положения, в которое его поставили. Поэтому он обещал себе извлечь всевозможные выгоды из своего единственного пленника, потому что остров Св. Маргариты, как мы уже заметили, не приобрел еще тогда той репутации, которую впоследствии он заслужил.

Комната графа была меблирована так прилично, как только это возможно было сделать. Ему дали, разумеется, за очень дорогую цену все книги, какие он спросил, даже ему позволили прогулку на платформе башни. Граф был счастлив, насколько позволяли обстоятельства, в которых он находился; никто не предположил бы, видя, как он усердно трудится над математикой и навигацией и заботится об усовершенствовании своего морского образования, что человек этот питает в сердце мысль о неумолимом мщении и что эта мысль не оставляет его никогда.

С первого взгляда намерение графа допустить заключить себя в тюрьму, когда ему было так легко остаться на свободе, может показаться странным; но граф принадлежал к числу тех людей, мысль которых остается неизменной и которые, как только приняли какое-нибудь намерение, как только с величайшим хладнокровием рассчитали все возможности успеха и неудачи, идут по пути, начертанному

себе, по прямой линии, не затрудняясь препятствиями, встречающимися им на каждом шагу, и преодолевают их, потому что они сначала решили, что должно быть так. Такие характеры возвеличиваются и дополняются в борьбе, достигая рано или поздно назначенной цели.

Граф понял, что всякое сопротивление кардиналу кончится для него верной гибелью. Много доказательств подтверждали эту мысль. Убежав от стражей, которые вели его в тюрьму, он оставался бы на свободе, это правда, но, изгнанный, он принужден бы был оставить Францию и странствовать в чужих краях одиноко и без средств, вечно настороже, вечно остерегаясь, не имея никакой возможности собрать необходимые сведения для того, чтобы отомстить человеку, который, отняв у него любимую женщину, сразу разбил не только его карьеру, но и счастье. Граф был молод, он мог ждать; притом, как он сказал Бульо в минуту излияния, он хотел страдать для того, чтобы убить в себе всякое человеческое чувство, еще оставшееся в его сердце, и явиться перед своим врагом в полном вооружении.

И кардинал Ришелье, и Людовик XIII — оба были серьезно больны. Смерть их должна была привести перемену царствования через два, три, четыре года, никак не позже, и катастрофа эта будет иметь последствием то, что все заключенные в тюрьме покойным министром будут выпущены на свободу. Графу было двадцать пять лет; следовательно, перед ним было много времени, тем более что, воротившись на свободу, он вступит во все свои права и в качестве врага кардинала Ришелье будет хорошо принят при дворе и, таким образом, будет иметь возможность воспользоваться всеми выгодами против своего врага.

Только люди энергически одаренные и уверенные в себе способны на такие расчеты, и эти люди, так решительно полагающиеся на случай, всегда успевают во всем, что хотят сделать, если смерть не остановит их.

Через Ла-Гренада и по безмолвному согласию коменданта, который закрывал глаза с очаровательной беспечностью, граф не только знал все, что происходило вне тюрьмы, но и получал письма от своих друзей и отвечал на них.

Однажды, прочитав письмо, которое Ла-Гренад подал ему, когда принес завтрак — письмо от герцога де Белльгарда, доставленное Мишелем — добрый моряк не хотел удалиться от своего бывшего командира и сделался рыбаком в Антибе, а Тихий Ветерок определился к нему в матросы, граф поручил Ла-Гренаду просить коменданта поговорить с ним несколько минут. Майор знал, что каждое пожелание, которое он делал своему пленнику, приносит ему выгоды, и поспешил к нему в комнату.

— Вы знаете новость?— тотчас сказал ему граф.

— Какую новость, граф?— сказал майор с изумлением, потому что он не знал ничего.

Действительно, находясь на крайней границе королевства, комендант случайно узнавал все новости.

— Кардинал-министр умер; я узнал это из достоверного источника.

— О!— сказал майор, сложив руки, эта смерть могла лишить его места.

— Его величество король Людовик Тринадцатый очень болен,— прибавил граф.

— Какое несчастье, Боже мой!— вскрикнул комендант.

— Это несчастье может быть счастливо для вас,— сказал граф.

— Счастливо! Когда от меня могут отнять мое место! Ах! вам известно, граф, куда же я денусь, если меня прогонят отсюда?

— Это очень может случиться,— сказал граф,— вы всегда были большим приятелем покойного кардинала.

— К несчастью!— прошептал майор, растерявшись и понимая справедливость этого замечания.

— А есть способ устроить это дело.

— Какой же это, граф? Скажите, умоляю вас.

— Вот этот способ: выслушайте меня хорошенько; то, что я вам скажу, очень для вас важно.

— Я слушаю, граф.

— Вот письмо к герцогу де Белльгарду. Поезжайте сейчас в Париж через Тулон, где вы получите по этому чеку две тысячи ливров на ваши дорожные издержки. Герцог очень меня любит. Из уважения ко мне примет

вас хорошо, условьтесь с ним и повинуйтесь ему во всем, что он вам скажет.

— Да, да, граф.

— А если не позже как через месяц...

— Не позже как через месяц...— повторил комендант, едва переводя дух от нетерпения.

— Вы привезете мне сюда мое полное и совершенное помилование, подписанное его величеством Людовиком Тринадцатым...

— Как?— воскликнул комендант с удивлением.

— Я немедленно отсчитаю вам,— холодно продолжал граф,— пятьдесят тысяч ливров, чтобы вознаградить вас за те неудобства, которые причинит вам мое освобождение.

— Пятьдесят тысяч ливров!— воскликнул майор, и глаза его сверкнули алчностью.

— Пятьдесят тысяч ливров, да!— подтвердил граф.— Сверх того я обязуюсь, если вы желаете, оставить вас на этом месте. Решенное ли это дело?

— Но как же мне действовать в Париже, граф?

— По указанию, которое вы получите от герцога де Белльгарда.

— То, чего вы от меня требуете, очень затруднительно.

— Совсем не так, как вы думаете. Притом, если это поручение для вас неудобно...

— Я этого не говорил.

— Как хотите, берете или нет?

— Беру, граф, пятьдесят тысяч!

— И едете?

— Завтра.

— Нет, сегодня вечером.

— Хорошо, сегодня.

— Вот письмо и вот чек. Да! Кстати, постарайтесь увидеть антибского рыбака Мишеля.

— Я его знаю,— улыбаясь, сказал майор.

— А!— сказал граф.— Не дурно было бы вам отыскать полицейского, который привез меня сюда, Франсуа Бульо.

— Я знаю, где его найти,— отвечал майор с тою же хитрой улыбкой.

— Очень хорошо! Когда так, любезный комендант, мне

нечего более прибавить, а остается только пожелать вам благополучного пути.

— Путь будет благополучен, граф, клянусь вам.

— Правда, сумма-то порядочная. Пятьдесят тысяч!

— Я не забуду этой цифры.

С этими словами майор простился со своим пленником и ушел с низкими поклонами.

— Кажется, на этот раз я сделаюсь свободным!— вскричал граф, оставшись один.— Ах, герцог, мы наконец будем сражаться равным оружием!

IX

ДЕ Л'УРСЬЕР

Если бы графу де Бармону было возможно сквозь толстые дубовые доски, обитые железом, приметить лицо коменданта, когда тот вышел из его комнаты, он не так громко провозгласил бы свою победу или считал бы себя так близко к освобождению.

Как только майору нечего было опасаться проницательного взгляда его пленника, черты его приняли немедленно выражение циничной злости, которое невозможно передать, глаза его засверкали мрачным огнем, и ироническая улыбка мелькнула на бледных и тонких губах.

Наступила ночь, и темнота покрывала все предметы мраком, увеличивавшимся каждую минуту. Майор воротился в свои комнаты, надел толстый плащ, надвинул шляпу на глаза и позвал своего помощника. Тот явился тотчас. Это был человек лет сорока, с умным лицом, черты которого были отмечены кротостью, даже добротой.

— Я сейчас еду в Антиб,— сказал ему комендант,— куда меня призывают важные дела; вероятно, мое отсутствие продолжится несколько дней. На это время я поручаю вам начальство над крепостью, наблюдайте в особенности за тем, чтобы заключенный не мог, если он захочет, чего, впрочем, я не думаю, покуситься на побег. Эти попытки, хотя не удаются, роняют коменданта крепости.

— Буду наблюдать с величайшим старанием, господин майор.

— Есть ли у нас в гавани какая-нибудь рыбацья лодка? Я предпочел бы не брать лодок из крепости, так как гарнизон у нас очень слабый.

— Лодка рыбака Мишеля, в которой вы обыкновенно ездите, кажется, находилась в гавани час тому назад, но, может быть, он поехал, по своему обыкновению, бросить невод.

— Гм!— сказал майор.— Если бы даже и так, я не хочу заставить терять время бедного человека. Эти рыбаки небогаты; каждая минута, отнимаемая у них, заставляет их лишиться прибыли, уже и без того ничтожной, которую может им доставить продолжительная и трудная ночь.

Офицер поклонился, по-видимому разделяя филантропические мысли своего начальника, хотя на лице его выражалось удивление, возбужденное в нем выражением подобных чувств от такого человека, как майор.

— Нет ли здесь других лодок?— сказал майор, выказывая равнодушный вид.

— Контрабандный люгер готовится в эту минуту выйти в море.

— Хорошо, предупредите хозяина, что я желаю поехать на его судне, и, пожалуйста, поспешите, я тороплюсь.

Офицер ушел исполнить отданное ему приказание, майор взял несколько бумаг, вероятно важных, из железной шкатулки, крепко запертой, спрятал эти бумаги в карман, закутался в плащ и вышел из крепости; по дороге часовые отдавали ему честь.

— Ну и что?— спросил он офицера, который шел к нему навстречу.

— Я говорил с хозяином; он ждет вас.

— Благодарю, теперь воротитесь в крепость и внимательно наблюдайте за безопасностью до моего возвращения.

Офицер простился, а майор пошел к набережной, где его ждала шлюпка с люгера. Как только комендант вошел на люгер, распустили паруса, и хозяин почтительно приблизился к майору.

— Куда нам ехать, господин комендант?— спросил он, снимая свою шерстяную шляпу.

— А! а! это вы, Нико?— спросил комендант, который, часто имея дело с контрабандистами, знал большую часть из них по именам.

— Я самолично к вашим услугам, господин комендант,— вежливо отвечал хозяин.

— Скажите мне,— продолжал майор,— не хотите ли вы заработать десять луидоров?

Моряк расхохотался.

— Вы, верно, подсмеиваетесь надо мной, господин комендант,— сказал он.

— Вовсе нет,— отвечал майор,— и вот вам доказательство,— прибавил он, вынимая из кармана горсть золота,— я жду вашего ответа.

— Вам известно, господин комендант, что десять луидоров сумма очень порядочная для такого бедного человека, как я. Я очень желаю заработать желтушки; что должен я сделать?

— О, Боже мой! Дело очень простое, отвезти меня в Сент-Онора, где мне хочется погулять.

— Ночью-то?— с удивлением спросил хозяин судна.

Майор закусил губы, сознавая, что он сказал глупость.

— Я большой любитель живописного и хочу полюбоваться эффектом монастырских развалин при лунном свете.

— У всякого свой вкус,— ответил хозяин,— и так как вы мне платите, господин комендант, то мне до этого нет никакого дела.

— Это правда, везите же меня в Сент-Онора, высадите меня на берег и ждите в море. Согласны вы?

— Вполне.

— Я очень люблю уединение и непременно желаю, чтобы никто из ваших людей не выходил на остров, пока я буду там.

— Весь экипаж останется на люгере, будьте покойны.

— Хорошо, вот вам деньги.

— Благодарю.

Легкий люгер понесся по волнам к Сент-Онора, мрачные контуры которого темнели на горизонте. Переезд был непродолжительным на таком легком судне, как этот контрабандный люгер. Скоро легкое судно очутилось

напротив острова. Хозяин велел лечь в дрейф и спустить шлюпку в море.

— Господин комендант,— сказал он, почтительно снимая шляпу и останавливая майора, который ходил взад и вперед на корме,— шлюпка вас ждет.

— Уже? Тем лучше!— ответил майор.

В ту минуту как он спустился в шлюпку хозяин люгера остановил его.

— Есть у вас пистолеты?

— Пистолеты!— повторил майор, обернувшись.— К чему? Ведь этот остров пуст.

— Совершенно.

— Стало быть, я не подвергаюсь никакой опасности.

— Ни малейшей; я сделал вам вопрос совсем не поэтому.

— По какой же причине?

— Темно, луны нет, в десяти шагах невозможно ничего рассмотреть; как я узнаю, когда вы воротитесь на люгер, если вы не предупредите меня сигналом?

— Это правда; как же быть?

— Вот пистолет; он не заряжен, но на полке есть порох.

— Благодарю,— сказал майор, взяв пистолет и заткнув его за пояс.

Он спустился в шлюпку, которая прыгала на волнах, и четыре сильных матроса нагнулись над веслами.

— Счастливый путь!— сказал хозяин.

Майору показалось, что это желание было произнесено ироническим тоном, но он не приписал ему никакой важности и посмотрел на землю, которая все более приближалась. Скоро нос шлюпки закрипел на песке. Майор вышел на берег и, приказав матросам воротиться на люгер, закрыл лицо плащом, удалился большими шагами и скоро исчез в темноте.

Но вместо того чтобы повиноваться отданному им приказанию, три матроса вышли на берег, в свою очередь, и пошли за майором, стараясь держаться так, чтобы он их не приметил, а четвертый остался караулить шлюпку, спрятав ее за узким рифом и прикрепив к обломку скалы. Потом он вышел на берег с ружьем в руке и стал на одно колено, устремив глаза в глубь острова, в положении охотника, который сторожил дичь.

Между тем майор продолжал двигаться большими шагами по направлению к развалинам, величественный силуэт которых начинал уже вырисовываться глазам его, заимствуя у окружающего мрака вид еще более таинственный. Майор, убежденный, что его приказание было буквально исполнено, потому что он не имел никакой причины не доверять хозяину люгера, который всегда старался ему угодить, шел не оборачиваясь, даже не принимая предосторожностей, которые он считал бесполезными, и вовсе не подозревал, что несколько человек следовали за ним и подстерегали его поступки. Легко было узнать по легкости, с какою он находится в этом месте, как ни казалось оно уединенно и брошено.

Войдя в развалины, де л'Урсьер прошел монастырь, заваленный обломками, и, пробравшись сквозь камни и терновник, вступил в монастырскую церковь, великолепный образчик чистейшего римского стиля, купол которой обрушился и остались только хоры и клирос среди разбитых колонн.

Внимательно осмотрев окружавшие его предметы, как будто ожидая увидеть кого-нибудь, майор решился наконец три раза хлопнуть в ладоши. В эту самую минуту в двух шагах от него очутился человек. Появление его было так внезапно, что майор вздрогнул и сделал шаг назад, с живостью положив руку на шпагу.

— А! А! — сказал незнакомец насмешливым голосом. — Уж не принимаете ли вы меня за привидение, что так испугались?

Этот человек был закутан в толстый плащ, складки которого скрывали его стан, а шляпа с перьями и широкими полями — лицо, так что его решительно нельзя было узнать; только плащ, приподнятый ножнами длинной рапиры, показывал, что, кто бы то ни был этот человек, он пришел небезоружный на это свидание.

— Я к вашим услугам, милостивый государь, — сказал майор, поднося руку к шляпе, но не снимая ее.

— И, без сомнения, готовы мне служить, — отвечал незнакомец.

— Это смотря по обстоятельствам, — грубо отвечал майор, — времена переменились.

— А! А!— сказал незнакомец с насмешкой.— Что нового? Я буду рад узнать от вас.

— Вы это знаете так же хорошо, как и я.

— Все равно, скажите мне, какая это важная новость вдруг изменила наши дружеские отношения?

— Бесполезно насмехаться таким образом. Я вам служил, вы мне платили, мы квиты.

— Может быть, но продолжайте. Вы мне предлагаете, вероятно, новое условие?

— Я ничего не хочу вам предлагать, я пришел, потому что вы изъявили желание меня видеть, вот и все.

— А вашим пленником вы все еще довольны?

— Больше прежнего, это очаровательный молодой человек, который, конечно, не заслуживает своей несчастной участи; я принимаю в нем искреннее участие.

— Черт побери! Стало быть, обойдется дорого, я не сосчитал этого участия, я ошибся, я это вижу.

— Что вы хотите сказать?— вскричал майор с обиженным видом.

— Именно то, что я говорю. Вы не обманете меня вашей совестливостью, вы хватаете обеими руками вот уже полтора года. Кардинал умер, и король при смерти, вот что вы хотите мне сообщить, не правда ли? Приготавливается новое царствование, и вероятно, что по духу противоречия новое правительство пойдет наперекор предшествовавшему, и первую его заботою будет раскрыть темницы; вы хотели мне сказать еще, что граф де Бармон, имеющий при дворе горячих друзей, скоро должен быть освобожден. Я знал все это так же хорошо, как вы, и даже лучше вас, но что мне за нужда!

— Как что за нужда?

— Конечно, если у графа де Бармона есть преданные друзья, то есть также неумолимые враги; запомните это хорошенько.

— Что из этого?

— А то, что через четыре дня вы получите приказ, подписанный самим Людовиком Тринадцатым.

— Что же будет заключаться в этом приказе?

— О, Боже мой! Безделица, а именно: что граф немедленно будет переведен с острова Святой Маргариты

в Бастилию, а те, которые попадают в Бастилию,— прибавил он мрачным голосом, заставившим майора невольно вздрогнуть,— навсегда вычеркиваются из числа живых и выходят оттуда только мертвыми или сумасшедшими. Понимаете ли вы меня теперь?

— Да, я вас понимаю; но почему вы можете знать, не убежит ли граф в эти четыре дня, о которых вы говорите?

— О! При таком коменданте, как вы, эта случайность кажется мне невероятной.

— Э! э! Рассказывают вещи очень необыкновенные о побеге пленников, но меня еще одно успокаивает относительно этого побега.

— Что же такое?

— Просто то, что граф сам объявил, что он не согласится никогда бежать и не хочет быть свободным.

— Вы ошибаетесь, он теперь передумал и хлопочет через своих друзей о своем освобождении.

— А! Вот оно что!— сказал незнакомец, бросив на майора взгляд, сверкнувший молнией в темноте.

Комендант поклонился. Наступило молчание, во время которого не слышалось другого шума, кроме полета ночных птиц в развалинах.

— Прекратим излишнюю болтовню,— сказал незнакомец твердым голосом,— сколько вы хотите за то, чтобы пленник не убежал до получения приказа короля?

— Двести тысяч,— грубо отвечал майор.

— Не правду ли я сказал, что обойдется дорого?— заметил незнакомец с усмешкой.

— Дорого или нет, а это моя цена, и я ничего не сбавлю.

— Хорошо, вы получите эти деньги.

— Когда?

— Завтра.

— Это будет слишком поздно.

— Что?— надменно спросил незнакомец.

— Я сказал, что это будет слишком поздно,— невозмутимо повторил майор.

— Когда же вам их нужно?

— Сейчас.

— Неужели вы думаете, что я ношу при себе двести тысяч?

— Я этого не говорю, только я могу отправиться с вами в Антиб, где вы и отсчитаете мне эту сумму.

— Это средство было бы хорошо, если б только не было помехи.

— Какой же?

— Если я вам назначил свидание здесь, если я прихожу сюда переодетый и один, то, вероятно, у меня есть цель.

— Цель остаться неизвестным.

— Вы очень проницательны. Но мы можем, однако, сойтись.

— Я не вижу, каким образом, если только вы не согласитесь на мое требование.

— Вы знаете толк в бриллиантах, ведь мы до сих пор иначе и не имели дело.

— Знаю немножко.

— Вот этот бриллиант стоит сто тысяч экю, возьмите его.

Он подал футляр из черной шагреновой кожи. Майор с живостью его схватил.

— Но каким образом я удостоверюсь, что вы не обманываете меня?

— Трогательное доверие, — смеясь, сказал незнакомец.

— Дела должны остаться делами; я рискую моей душой, чтобы услужить вам.

— Насчет вашей души успокойтесь; с этой стороны вам ничего не угрожает, но я исполню ваше желание.

Вынув глухой фонарь из-под плаща, он направил свет на бриллиант. Майору достаточно было одного взгляда, чтобы удостовериться в богатой награде, назначенной ему.

— Довольны ли вы? — спросил незнакомец, спрятав опять фонарь под плащом.

— Вот доказательство, — отвечал майор, спрятав футляр и подавая незнакомцу связку бумаг.

— Это что такое? — спросил незнакомец.

— Бумаги, очень важные для вас в том отношении, что вы узнаете из них друзей графа и средства, которые они могут употребить, чтобы возвратить ему свободу.

— Право,— вскричал незнакомец, с живостью схватив бумаги,— я не сожалею, что так дорого заплатил за ваше содействие! Теперь мы все сказали друг другу.

— Кажется.

— Прощайте же! Когда вы будете мне нужны, я вас предупрежу.

— Вы уже уходите?

— Что же еще делать в этом совином гнезде? Кажется, каждому из нас пора вернуться к тем, кто его ждет.

Сделав майору легкий поклон, незнакомец повернулся и исчез в развалинах алтаря. В ту же минуту незнакомца схватили несколько человек, и так быстро, что не только он не мог покуситься на бесполезную защиту, но и очутился связанным и с кляпом во рту, прежде чем опомнился от удивления, вызванного нападением. Его безмолвные враги бросили его таким образом, катающегося по земле с судорожными движениями бессильной ярости, и исчезли в темноте, не занимаясь более им. Майор после некоторой нерешимости также собрался уйти и медленно направился к берегу. Там, по совету Нико, он выстрелил из пистолета, потом продолжал продвигаться медленными шагами. Шлюпка подошла к берегу, майор молча сел и через двадцать минут снова очутился на люгере, где Нико почтительно принял его с шапкою в руке. Шлюпку подняли, люгер распустил паруса и поплыл.

Х

ЛЮГЕР «ЧАЙКА»

Люгер «Чайка» было судном в девяносто тонн, с четырьмя пушками, которые делали его более похожим на корсара, чем на мирное каботажное судно. Однако уже около года, как этот легкий люгер ездил вдоль берегов Прованса и Леринских островов, и никогда не говорили о нем дурно; хозяин этого судна, Нико, слыл честным и добрым человеком, хотя немножко грубым и задиристым. Эти недостатки, впрочем принадлежащие почти всем

морякам, нисколько не уменьшали доброй славы, которую пользовался командир «Чайки».

Майор де л'Урсьер по прибытии на люгер тотчас отправился в каюту и, войдя туда, с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть от удивления. В каюте находился человек, который сидел за столом и небрежно пил ром, смешанный с водой, куря огромную трубку и распуская около себя огромное облако синеватого дыма, которое закрывало его, как ореол. В этом человеке майор узнал Мишеля Бискайца, рыбака. После минутной нерешительности майор вошел. Хотя присутствие этого человека на люгере было довольно странно, однако оно не могло испугать майора, который не имел никакой причины предполагать, что Мишель неприязненно к нему расположен и что он должен его опасаться.

При шуме, сделанном майором при входе в комнату, матрос обернулся к нему, не вынимая трубки изо рта. Однако, поднося к губам стакан, который он держал в правой руке, Мишель сказал насмешливым тоном:

— Э! Да это, если я не ошибаюсь, наш достойный комендант; очень вас рад видеть, майор.

— Скажите пожалуйста,— отвечал майор таким же тоном,— это наш Мишель. По какому случаю я нахожу вас здесь, когда я считал себя вправе предполагать вас занятым в эту минуту рыбной ловлей?

— Ба!— сказал Мишель с насмешкой.— Рыбу можно ловить везде, и здесь не хуже, чем в другом месте. Что же вы не садитесь, майор, или вы боитесь унизиться, сев возле такого человека как я?

— Вы не можете этого думать,— отвечал майор, садясь на стул.

— А вы не курите?— спросил Мишель.

— Нет, это развлечение моряка.

— Это правда, майор, но вы пьете, я полагаю.

Майор подал свой стакан, который матрос наполнил до краев.

— За ваше здоровье, майор; уж вас-то я не ожидал увидеть здесь.

— Не правда ли?

— Право, так.

— Ну, говоря откровенно, и я не думал вас встретить.

— Знаю, вы с острова Сент-Онора.

— Вы не можете этого не знать, если я нашел вас здесь.

— Так это мы для вас потеряли два часа, лавируя между островами, рискуя наткнуться на какой-нибудь бурун, вместо того чтобы заниматься нашими делами?

— Как — вашими делами? Разве вы теперь сделались контрабандистом?

— Я занимаюсь всем,— лаконично ответил Мишель, наполняя свой стакан.

— Но за каким чертом вы здесь?— спросил майор.

— А вы?— сказал матрос, отвечая на вопрос другим вопросом.

— Я... я...— с замешательством начал майор.

— Вы колеблетесь,— с насмешкой продолжал Мишель,— хотите, я вам скажу?

— Вы, Мишель?

— Вы ездили на Сент-Онора любоваться природой, не так ли?— сказал Мишель с громким хохотом.

— Действительно, я всегда имел склонность к живописному; но теперь я вспомнил, что я забыл сказать Нико, где я желаю выйти на берег.

Он сделал движение, чтобы встать.

— Не нужно,— сказал матрос, принуждая его сесть.

— Как — не нужно! Напротив, надо не медлить...

— А я вам говорю, что вы еще поспеете, майор,— решительно перебил матрос,— мне нужно прежде поговорить с вами.

— Поговорить со мною!— с изумлением вскричал майор.

— Точно так, майор,— сказал Мишель тоном сарказма,— я должен вам сказать очень важные вещи; в вашей чертовой крепости это невозможно; там у вас множество солдат и тюремщиков, которые, как только вы нахмурите брови, схватят вашего собеседника и без церемонии бросят его в какую-нибудь яму, где и оставят его жить без всякого зазрения совести. Это очень неприятно, честное слово, здесь гораздо приятнее; я не боюсь, что вы заключите меня в тюрьму, поэтому и хочу воспользоваться

представившимся случаем высказать вам то, что у меня на сердце.

Майор внутренне растревожился, еще не зная положительно, чего он должен опасаться, до того обращение этого матроса, который всегда был с ним раболепно вежлив, казалось странным; однако он не обнаружил ничего и, небрежно облокотившись о стол, сказал:

— Хорошо, будем говорить, если вам так хочется, добрый Мишель; я поспею, мне незачем торопиться.

Матрос несколько повернул свой стул, так что очутился прямо напротив де л'Урсьера. Посмотрев на него с лукавым видом и прихлебывая ром, он вдруг сказал, стукнув пустым стаканом о стол:

— Премилая у вас страсть, майор, отправляться по ночам любоваться развалинами монастыря впотьмах, премилая страсть! Притом она вам приносит большие барыши, как я узнал.

— Что вы хотите сказать?— вскричал майор, побледнев.

— То, что говорю! Уж не верите ли вы случайности, майор?

— Но...

— Случайности, по которой вы встретили меня здесь и по которой нашли на пустынном острове бриллиант в триста тысяч? Ведь и та и другая случайности совершенно невозможны.

На этот раз майор и не пытался отвечать; он видел, что он попался. Мишель все продолжал насмешливым тоном:

— Конечно, действуя так, как вы, очень умно, можно скоро обогатиться, хватая обеими руками, только ремесло это очень ненадежно.

— Вы меня оскорбляете, негодяй!— пролепетал майор.— Берегитесь, если я позову...

— Полноте,— перебил матрос с громким смехом,— я не хочу обращать внимания на ваши оскорбления; я занят другим в эту минуту, а если вы хотите позвать, попробуйте, вы увидите, что случится.

— Но это измена!

— Еще бы! Ведь мы все изменники более или менее! И вы изменник, и я изменник, это уже решено; поверьте

мне, бесполезно будет разговаривать об этом предмете, гораздо лучше воротиться к нашему делу.

— Говорите,— пробормотал майор мрачным голосом.

— Послушайте, я хочу дать вам доказательство откровенности и показать вам раз и навсегда, как напрасно будете вы сохранять малейшую надежду относительно того, что случится здесь. Эй, Нико!— закричал он громким голосом, слегка ударив стаканом по столу.— Явись сюда, мой милый!

Тяжелые шаги раздались на ступенях лестницы, и тотчас лукавое лицо Нико явилось в дверях.

— Чего ты хочешь от меня, Мишель?— спросил он, делая вид, будто не примечает присутствия майора.

— Очень немного, мой милый,— отвечал матрос, указывая на офицера, побледневшего от волнения,— одного простого вопроса, чтобы сделать личное удовольствие этому господину.

— Говори.

— Кто теперь командует люгером «Чайка», в каюте которого мы находимся в эту минуту?

— Ты.

— И все на люгере, включая и тебя, обязаны мне повиноваться?

— Непременно, да еще без малейшего возражения.

— Очень хорошо; положим, Нико, я прикажу тебе захватить майора, привязать ему к ногам два ядра и бросить в море, что ты сделаешь, мой милый?

— Что я сделаю?

— Да.

— Я буду повиноваться.

— Без возражения?

Нико пожал плечами.

— Прикажешь?— сказал он, протянув свою широкую руку к майору, который задрожал.

— Пока еще нет,— отвечал Мишель,— воротись на палубу, но не уходи далеко; вероятно, ты скоро мне понадобишься.

— Хорошо,— отвечал хозяин люгера и исчез.

— Теперь вы узнали, господин майор,— сказал Мишель, небрежно повернувшись к испуганному коменданту,— и

начинаете понимать, что как бы я ни был ничтожен в сравнении с вами, однако, по крайней мере на время, вы находитесь в моей власти.

— Сознаюсь,— произнес майор слабым, прерывающимся голосом.

— Когда так, я думаю, что мы скоро поймем друг друга.

— Приступайте же к делу без дальних околичностей.

— Хорошо!— грубо вскричал Мишель.— Вот это мне нравится. Благоволите вручить мне бриллиант, который отдал вам ваш сообщник в развалинах.

— Грабеж! А я лучшее имел о вас мнение,— презрительно отвечал майор.

— Называйте это как хотите,— хладнокровно возразил матрос,— название ничего не значит, а бриллиант отдайте мне.

— Нет,— холодно отвечал майор,— этот бриллиант составляет мое богатство, и вы получите его только с моей жизнью.

— Это меня не остановит; я вас убью, если будет нужно, а после возьму бриллиант.

Он зарядил пистолеты; наступило молчание.

— Итак, вы непременно хотите отнять у меня этот бриллиант?

— И бриллиант, и еще кое-что другое.

— Я вас не понимаю.

Матрос встал, приставил пистолет к груди майора и, нахмутив брови, сказал:

— Вы меня поймете.

Майор почувствовал, что он погиб и что этот человек убьет его.

— Остановитесь,— сказал он.

— Вы решаетесь?

— Да,— сказал майор голосом, прерывавшимся от бешенства, и, вынув футляр из кармана, он прошептал:— Возьми и будь проклят!

Мишель заткнул пистолет за пояс, раскрыл футляр и внимательно рассмотрел бриллиант.

— Тот самый!— сказал он, закрыв футляр и спрятав его в свой карман.

Несчастный комендант следил за всеми его движениями

тусклым взором. Мишель сел на свое место, налил себе стакан рому, опорожнил его одним глотком и, откинувшись назад, стал набивать свою трубку и сказал:

— Теперь поговорим.

— Как, поговорим?— спросил майор.— Разве еще не кончено?

— Нет еще. Гм! Как вы торопитесь; мы еще ничего не сказали.

— Чего же еще вы хотите от меня?

— Это упрек; но я приписываю его вашей досаде и не сержусь на вас за это; неприятно, когда человек, бывший бедным всю жизнь, вдруг лишен состояния, которого он наконец добился, и в одно мгновение. Выслушайте же меня, майор,— продолжал Мишель, приняв добродушный вид и положив локти на стол,— состояние, которого вы лишились, вам легко будет воротить назад, это зависит от вас.

Майор вытаращил глаза, не зная, должен ли он верить словам матроса, но, так как он не рисковал ничем, позволив Мишелю объясниться, он приготовился слушать его с самым серьезным вниманием. Тот продолжал:

— Это все равно, как я узнал, но дело в том, что я знаю наверно, чему служит неопровержимым доказательством и бриллиант, что между тем как, с одной стороны вы притворялись, будто принимаете величайшее участие в графе де Бармоне, у которого, не в упрек вам будет сказано, вы посредством этого притворного сострадания выманили значительные суммы, с другой стороны, вы изменяли ему без стыда, услуживая его врагам, от которых также получали большую плату. Это только для памяти; об этом бесполезно рассуждать,— сказал Мишель, останавливая движением руки майора, который хотел заговорить,— а я забрал себе в голову, что несмотря на интриги его врагов, граф будет освобожден, и освобожден мною. Вот мой план: выслушайте хорошенько, господин комендант, потому что дело это касается вас более, чем вы, по-видимому, предполагаете. Граф узнал о смерти кардинала Ришелье. Это я передал ему это известие в письме герцога де Белльгарда. Вы видите, что я знаю все или почти все; он тотчас попросил вас к себе, вы исполнили

его желание. Что происходило в этом разговоре? Говорите и в особенности будьте откровенны; я, в свою очередь, слушаю вас.

— Для чего мне пересказывать вам этот разговор?— иронически сказал майор.

— Для моего личного удовольствия,— ответил Мишель,— и для ваших собственных выгод; не спешите радоваться, майор, вы не высвободились еще из моих рук; поверьте мне, согласитесь добровольно, этого требуют ваши выгоды.

— Мои выгоды?— спросил майор с удивлением.

— Будьте спокойны; когда наступит время, я дам вам объяснение, которого вы желаете.

Старый офицер задумался и наконец решился говорить, дав себе слово, если представится случай, заставить матроса дорого поплатиться за свое беспокойство и унижение.

— Граф,— начал комендант,— просил меня съездить в Париж для переговоров с герцогом де Белльгардом, чтобы привезти ему приказ об освобождении, который герцог должен был получить от короля.

— Хорошо. А когда же намеревались вы ехать в Париж?

— Я уехал.

— А! А!— сказал Мишель, смеясь.— Вы, кажется, остановились на дороге; но это ничего не значит. Все?

— Почти.

— Гм! Стало быть, есть еще кое-что.

— Почти ничего.

— Все равно, говорите; я очень любопытен. Граф ничего вам не обещал?

— Обещал.

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч,— неохотно сказал майор.

— Э! Э! Сумма хорошая, а вы приготавлились зарабатывать ее довольно странным образом; но я не хочу возвращаться к этому. Не желаете ли вы воротить ваш бриллиант и в то же время получить пятьдесят тысяч, обещанные вам графом? Говорите; это зависит от вас.

— Вы насмехаетесь надо мною, вы не серьезно говорите.

— Напротив, я никогда не говорил серьезнее. По прибытии графа в крепость вы были бедным человеком,

всю жизнь бились кое-как и, сидя, как сова на старой стене, подвергались опасности умереть на вашем острове так, как вы жили, то есть без копейки наличных денег. Вот уже года полтора ваши обстоятельства совершенно переменились. Из тех денег, которые вы выманили у графа, и из тех, которые его враги давали вам, вы успели составить себе довольно порядочную сумму. Положим, что вы получите пятьдесят тысяч от графа и что я возвращу вам бриллиант, это составит вам состояние совершенно независимое, которое позволит вам кончить вашу жизнь в радости и изобилии. Согласны вы с этим?

— Конечно. Но пятьдесят тысяч я не получу, а бриллиант вы у меня взяли.

— Это правда, но я прибавил, что это зависит от вас, от вас самих, опять получить его.

— Что же я должен сделать для этого?

— Вот чего я ожидал от вас, майор; стало быть, вы соглашаетесь вступить в переговоры.

— Я должен это сделать; разве я пользуюсь свободой выбора в эту минуту?

— Свободой выбора можно пользоваться всегда, когда захочешь, майор, и вы это знаете так же хорошо, как и я; только, так как вы человек очень умный и понимаете, что когда составишь себе состояние более или менее честными средствами, то надо сохранить его во что бы то ни стало, и вы начинаете слушать предложения, которые, как вы угадаете, я приготавливаюсь сделать вам, гораздо внимательнее, оттого что вы убедились наконец, что ваши выгоды требуют войти в соглашение со мною.

— Предполагайте что хотите, для меня это все равно, но скажите мне наконец эти предложения, чтобы я узнал, предписывает ли мне честь принять их, или я должен отказаться.

Мишель бесцеремонно засмеялся на эту выходку, которой майор старался замаскировать свое согласие.

— Вместо того чтобы ехать в Париж,— сказал Мишель,— воротитесь на остров Святой Маргариты, ступайте к графу, скажите ему, что он свободен, и воротитесь с ним на люгер, который будет вас ждать. Когда вы с графом приедете на люгер, он распустит паруса, тогда я возвращу

вам бриллиант, отсчитаю пятьдесят тысяч, а так как, без сомнения, вы не захотите после этого опять принять начальство над вашей крепостью, я перевезу вас и ваше богатство, куда вам угодно будет удалиться, чтобы наслаждаться им без опасения.

— Но что я скажу графу, — заметил майор, — чтобы убедить его, будто он свободен по приказу короля?

— Это меня не касается; это ваше дело, черт побери! Вы обижаете себя, любезный майор, заставляя меня сомневаться в силе вашего воображения. Теперь что вы думаете о моем предложении; принимаете вы его?

— Кто меня уверит, что вы меня не обманываете и что, когда я исполню условие, которое вы предписываете мне, вы так же строго исполните и ваше?

— Слово честного человека, которое, хотя этот человек простой матрос, стоит слова дворянина.

— Я вам верю, — отвечал майор, потупив глаза от блеска сверкающего взгляда Мишеля.

— Итак, это решено?

— Да.

— Хорошо. Эй, Нико! — закричал Мишель.

Хозяин люгера явился с быстротою, доказывавшей, что он оставался недалеко от собеседников.

— Я здесь, Мишель, чего ты от меня хочешь?

— Где мы находимся теперь? — спросил матрос.

— В пяти милях от острова Святой Маргариты.

— Хорошо, будем держаться здесь до рассвета; на восходе солнца мы пойдем к острову.

— Хорошо.

— Вот господин комендант, кажется, желает немножко отдохнуть. Не можешь ли ты поместить его где-нибудь, чтобы он мог соснуть часа три-четыре?

— Ничего не может быть легче; так как я не лягу спать нынешнюю ночь и ты также, конечно, то моя комната в распоряжении господина майора, если ему будет угодно.

Старый офицер действительно был разбит, не только от усталости и продолжительной бессонницы, но и от волнения, которое он испытывал в этот вечер. В уверенности, что ему нечего опасаться за свою безопасность, он

без церемоний принял предложение хозяина люгера и ушел в каюту, дверь которой Нико вежливо отворил ему.

Оба моряка возвратились на палубу.

— На этот раз,— сказал Мишель,— кажется, мы придумали хорошо и наш план удастся.

— Начинаю соглашаться с тобою, а все-таки с этим старым бакланом трудно было справиться!

— Не слишком,— сказал Мишель, смеясь,— притом ему нельзя было выбирать; волею или неволею, а он должен был согласиться.

Как было решено, люгер лавировал всю ночь на расстоянии пяти миль от берега. На восходе солнца подъехали к острову. Ветер ослабел возле берегов, так что требовалось довольно много времени для того, чтобы легкое судно дошло до небольшой пристани, находившейся перед крепостью. Люгер сидел в воде так глубоко, что он не мог подойти к самой набережной; поэтому он лег в дрейф в некотором расстоянии; хозяин люгера Нико спустил шлюпку, а Мишель спустился в каюту предупредить майора.

Комендант уже проснулся; освеженный сном, он сделался совсем другим человеком; теперь он смотрел на свое положение с настоящей точки зрения и понимал, что способ, предложенный ему, выйти из трудного положения, в которое он сам поставил себя по милости своей двойной измены, был более выгоден, чем неприятен для него. Почти с веселым видом поздоровался он с Мишелем и без всякого замедления пожал руку, протянутую ему им.

— Где мы теперь, Мишель?— спросил он.

— Мы приехали, майор.

— Уже? Не боитесь ли вы, что немножко рано выходить на берег?

— Нет; уже девять часов утра.

— Так поздно? Черт побери! Кажется, я хорошо соснул; я чувствую себя совсем здоровым сегодня.

— Тем лучше, майор, это хороший знак; вы помните наши условия, не правда ли?

— Совершенно.

— И вы поступите с нами добросовестно?

— Добросовестно! Я в свою очередь даю вам честное слово и, что бы ни случилось, сдержу его.

— Мне приятно слышать от вас это, я начинаю думать о вас иначе.

— Ба! Ба!— смеясь, сказал майор.— Вы меня еще не знаете.

— Вам известно, что шлюпка готова; она ждет только вас.

— Если так, я иду за вами, Мишель; теперь я так же тороплюсь кончить это дело, как и вы.

Майор вышел на палубу, сел в шлюпку, которая тотчас направилась к набережной. Сердце Мишеля сильно билось, в то время как он следил тревожным взором за легкой шлюпкой, быстро удалявшейся от люгера к берегу.

ХІ

ПРОЩАЙ, ФРАНЦИЯ!

Как только майор де л'Урсьер вышел на остров Св. Маргариты, в крепости началась тревога. Накануне, оставляя остров, комендант объявил, что отсутствие его продолжится одну неделю, а может быть, и две. Помощник его, капитан, которому он передал начальство над крепостью во время своего отсутствия, поспешно бросился к нему навстречу, любопытствуя узнать причину такого скорого возвращения. Майор отвечал сначала уклончиво, что известия, полученные им на дороге, заставили его немедленно воротиться. Разговаривая таким образом, он вошел в крепость и прямо отправился в свои комнаты, в сопровождении своего помощника, которого он пригласил с собою.

— Милостивый государь,— сказал он, как только они остались одни,— выберите немедленно из гарнизона десять решительных человек, отправляйтесь с ними на рыбацкой лодке, которую по приезде я видел выброшенной на берег. Поручение, которое я даю вам, очень

важно, и если вы используете его хорошо, оно должно быть ведено в глубочайшем секрете; это государственная тайна.

Помощник коменданта поклонился с признательностью; ему, очевидно, было лестно доверие его начальника. Майор продолжал:

— Велите высадить вас на берег немножко ниже Антиба и удержите лодку, которая должна будет служить вам для возвращения. Устройте таким образом, чтобы войти в город ночью, не привлекая внимания на себя; разместите ваших людей как можете, не возбуждая недоверия и так, чтобы иметь их под рукою в одну минуту. Завтра в десять часов утра явитесь к губернатору, вручите ему письмо, которое я вам дам, и будьте готовы исполнить его распоряжения. Вы поняли меня?

— Совершенно, господин комендант.

— В особенности я прошу вас соблюдать величайшую осторожность; помните, что от успеха этого поручения зависит, вероятно, ваша карьера.

— Я буду вам повиноваться, господин комендант; я надеюсь, что, когда возвращусь, я получу от вас только похвалы.

— Надеюсь; ступайте же; вам надо схать через полчаса. Пока вы станете приготавливаться, я напишу письмо; оно будет готово, когда вы придете проститься со мною.

Помощник коменданта после почтительного поклона удалился с радостью в сердце, не имея ни малейшего подозрения об измене, замышляемой его начальником, и пошел наскоро готовиться к отъезду.

У майора был под начальством гарнизон из пятидесяти солдат, под командою трех офицеров: одного капитана и двух поручиков. Этот капитан, помощник его, стеснил бы его в исполнении того плана, который он замыслил, потому коменданту пришлось придумывать предлог, чтобы прикрыть в глазах его отсутствие приказа освободить графа. Удалив его, майор оставался с двумя офицерами, стоявшими так низко в военной иерархии, что они не могли позволить себе никаких замечаний и не смели не исполнить его приказаний, тем более что де л'Урсьер, в течение десяти лет бывший комендантом крепости, не подавал ни

малейшего повода к предположениям, оскорбительным для его чести.

Принужденный событиями изменить своей обязанности и навсегда удалиться из отечества, которое он не надеялся увидеть после своего смелого поступка, майор хотел извлечь из своего неприятного положения что только мог, и вследствие мер, принятых им, надеялся быть вне всякой опасности, когда измена откроется. Но по чувству справедливости, весьма похвальному, особенно со стороны такого человека и при подобных обстоятельствах, майор захотел один нести тяжесть своего гнусного поступка и не навлекать подозрения в сообщничестве на бедных офицеров, которые обязаны были повиноваться ему по служебному долгу.

Он написал губернатору Антиба письмо, очень подробное, в котором рассказал замышляемую им измену, которая будет уже исполнена, когда губернатор прочтет это странное послание; он изложил причины, принуждавшие его действовать таким образом, присваивая себе всю ответственность за этот поступок и оправдывая совершенно своих офицеров и солдат не только от всякого соучастия, но и от знания, даже косвенного, его намерения. Исполнив эту обязанность, майор запечатал письмо и положил его на стол, в ожидании возвращения своего помощника. Теперь де л'Урсьеру уже нельзя было отступать назад, а надо было во что бы то ни стало подвигаться вперед. Уверенность в гибели, если план его не удастся, отняла у него последнее сомнение и возвратила ему все необходимое спокойствие для того, чтобы действовать с хладнокровием, требуемым странными обстоятельствами, в которых он находился. Капитан вошел.

— Ну что?— спросил майор.

— Я готов, господин комендант; мои солдаты находятся уже в рыбацкой лодке; через десять минут мы оставим остров.

— Вот письмо, которое вы должны отдать в собственные руки антибскому губернатору. Помните мои инструкции.

— Я исполню их в точности.

— Итак, до свидания; да храни вас Господь!— сказал майор, вставая.

Офицер поклонился и вышел. Майор следил за ним глазами в полуоткрытое окно своей комнаты, видел, как он вышел из крепости, направился к берегу, сел в рыбацкую лодку; лодка отчалила, подняла парус и наконец удалилась с попутным ветром.

— Уф!— сказал майор, запирая окно со вздохом облегчения.— С одним кончено, теперь пойдем к другому.

Но прежде всего старый офицер заперся в своей комнате, сжег одни бумаги, взял с собою другие, положил кое-какие вещи в легкий чемодан, не желая брать с собою всего ему принадлежащего, из опасения возбудить подозрение, и, старательно спрятав под плащом небольшую железную шкатулку, в которой, без сомнения, лежали его наличные деньги, он отпер дверь и позвал. Явился солдат.

— Попроси сюда поручиков де Кастэ и де Мирсея, я желаю с ними говорить,— сказал майор.

Поручики де Кастэ и де Мирсей скоро пришли, очень заинтересованные этой неожиданной аудиенцией; обыкновенно комендант мало разговаривал со своими офицерами.

— Господа,— сказал он, отвечая на их поклон,— приказ короля заставил меня поспешно воротиться сюда. Я должен отвезти нашего заключенного, графа де Бармона, в Антиб, куда уже отправился ваш капитан с конвоем, достаточным для того, чтобы парализовать всякую попытку к побегу со стороны заключенного; я действовал таким образом потому, что королю угодно, чтобы этот переезд графа из одного места в другое имел вид освобождения; именно в таком смысле я и буду говорить с заключенным, чтобы он вовсе не подозревал новых приказаний, полученных мною. Во время моего отсутствия, которое продолжится не более двух дней, вы, господин де Кастэ, как старший по чину, должны принять начальство над крепостью; мне приятно думать, господа, что я останусь вполне доволен исполнением ваших обязанностей во время моего отсутствия.

Офицеры поклонились; привыкнув к извилистой и таинственной политике кардинала, они несколько не были удивлены словами майора, потому что, хотя кардинал умер,

король еще не мог в такое короткое время изменить мрачный образ своего правления.

— Отдайте же приказания, чтобы заключенного привели ко мне, пока я буду объявлять ему об его освобождении,— прибавил майор с насмешливой улыбкой, странное значение которой не могли понять,— вы велите отнести все его вещи в шлюпку контрабандного люгера, на котором я вернулся. Ступайте, господа.

Офицеры ушли. Граф очень удивился, когда Ла-Гренад отворил его тюрьму и просил следовать за ним, говоря, что комендант желает с ним говорить. Он думал, что майор отправился в Париж, как он с ним условился, и не понимал его присутствия в крепости после торжественного обещания, которое он дал накануне.

Еще одно очень удивило его: с тех пор как он был в заключении, комендант никогда не требовал его к себе, а, напротив, всегда сам приходил к нему. Но мысли его окончательно расстроились, когда Ла-Гренад сказал ему, чтобы он уложил все свои вещи в чемодан и запер его на ключ.

— Но для чего эти бесполезные предосторожности?— спросил граф.

— Неизвестно, что может случиться,— лукаво ответил тюремщик,— предосторожности всегда следует принимать; на вашем месте я надел бы шляпу и взял бы плащ.

Говоря таким образом, солдат деятельно помогал ему укладывать вещи в чемодан.

— Шляпу-то я возьму,— смеясь, сказал молодой человек,— а плащ-то к чему? Я не рискую простудиться по дороге из моей тюрьмы до комнаты коменданта.

— Вы не хотите взять ваш плащ?

— Конечно, нет.

— Ну так я его возьму; вы увидите, что он вам понадобится.

Молодой человек молча пожал плечами и вышел из комнаты, дверь которой тюремщик даже не потрудился затворить.

Майор ждал своего пленника, большими шагами расхаживая по комнате. Ла-Гренад ввел графа, положил плащ на стул и вышел.

— А! А!— смеясь, сказал майор.— Я вижу, что вы догадались.

— О чем же я догадался, позвольте вас спросить, господин комендант?

— Ведь вы оделись по-дорожному?

— Это дурак Ла-Гренад, не знаю почему, принудил меня надеть шляпу и непременно захотел принести сюда мой плащ.

— Он был прав.

— Как это?

— Граф, имею честь сообщить вам, что вы свободны.

— Я свободен!— вскричал граф, побледнев от радости и волнения.

— Король удостоил подписать приказ о вашем освобождении.

— Можете вы показать мне этот приказ?

— Извините, граф, мне это запрещено.

— По какой же причине?

— Это мера общая.

— Хорошо, я не настаиваю; можете ли вы, по крайней мере, сказать мне, по чьей просьбе возвращена мне свобода?

— Я не вижу к этому никакого препятствия; вы освобождены по просьбе герцога де Белльгарда.

— Этот милый герцог истинный друг!— с волнением вскричал граф.

Майор с величайшим хладнокровием подал графу перо и, указав на пустое место в какой-то книге, сказал:

— Угодно вам подписать?

Граф быстро пробежал глазами написанное свидетельство о том, как с ним обращались во время его заключения, и подписал.

— Теперь,— сказал он,— так как я свободен... ведь я свободен, не правда ли?

— Как воздух.

— Стало быть, я могу уйти; мне кажется, что эти мрачные стены меня душат; я вздохну свободно только тогда, когда почувствую себя на вольном воздухе.

— Я это понимаю; я приготовил все, мы поедем, когда вам будет угодно.

— Мы?— с удивлением спросил граф.

— Да, граф, я поеду с вами.

— Для чего?

— Чтобы оказать вам честь.

— Хорошо,— сказал граф с озабоченным видом,— поедemте, но у меня здесь есть кое-какие вещи.

— Они уже отправлены; поедemте.

Майор взял свой чемодан и шкатулку и вышел в сопровождении графа.

— Я ведь вам говорил, что вам понадобится ваш плащ,— сказал Ла-Гренад графу де Бармону, кланяясь ему, когда граф проходил мимо него,— благополучного пути и счастливого успеха!

Они подошли к берегу. Во время этого перехода, который был непродолжителен, лоб графа опять нахмурился; он заметил печаль на лице солдат и офицеров, смотревших на его отъезд. Они перешептывались между собой, указывая на него пальцем так, что это начало беспокоить графа. Он иногда украдкой взглядывал на майора, тот казался спокоен, на лице его была улыбка. Они дошли наконец до лодки; майор посторонился, чтобы пропустить графа, и сел за ним в шлюпку.

Во время переезда с берега на люгер граф и майор молчали. Наконец они подъехали к люгеру, им бросили веревку и они поднялись на трап. Шлюпку немедленно подняли, паруса распустили, и люгер полетел по волнам.

— А!— вскричал граф, заметив Мишеля.— Ты здесь, я спасен!

— Надеюсь,— весело ответил тот,— но пожалуйста, граф, мы должны поговорить.

Они спустились в каюту в сопровождении майора.

— Теперь мы можем говорить; капитан, нам надо свести счета.

— Счета?— с удивлением сказал граф де Бармон.

— Да, начнем по порядку; вы обещали майору пятьдесят тысяч?

— Обещал.

— И позволяете мне отдать их?

— Конечно.

— Хорошо, он получит их. Вы сдержали ваше обещание,— обратился он к майору,— а мы также честно сдержим наше. Вот возвращаю вам ваш бриллиант; деньги я сейчас вам отдам; кажется, вы так же, как и мы, не желаете возвращаться во Францию.

— Вовсе не желаю,— отвечал майор, радуясь, что ему возвратили бриллиант.

— Где вы хотите высадиться? Нравится вам Англия? Или вы предпочитаете Италию?

— Я бы предпочел Португалию.

— Хорошо, мы оставим вас в Португалии проездом.

Граф с возрастающим удивлением слушал этот разговор, непонятный для него.

— Что это значит?— сказал он наконец.

— Это значит, капитан,— ответил Мишель,— что король вашего помилования не подписывал, что вы пленник и, вероятно, остались бы в заключении всю жизнь, если б, к счастью для вас, комендант не согласился отворить вам двери.

— Комендант!— вскричал граф, делая шаг к майору.

— Не спешите благодарить коменданта,— сказал он,— подождите, пока он вам расскажет, что случилось и каким образом он должен был освободить вас, когда, может быть, предпочел бы не делать этого.

— Посмотрим, посмотрим,— сказал граф, с гневом топнув ногой,— объяснитесь; я ничего не понимаю, я хочу знать все, все, слышите ли вы?

— Этот человек все расскажет вам, капитан, только он боится последствий своих признаний, вот почему он не решается начинать.

Граф де Бармон презрительно улыбнулся.

— Этот человек не стоит моего гнева,— сказал он,— что он бы ни рассказал, я не стану ему мстить; он прощен заранее, даю честное слово.

— Рассказывайте, майор,— сказал Мишель,— а я в это время вернусь на палубу к хозяину люгера Нико или, если вы предпочитаете, к Тихому Ветерку, который довольно хорошо разыграл свою роль во всем этом деле.

Мишель вышел, майор и граф остались одни. Майор понял, что лучше откровенно во всем сознаться, и

рассказал графу о своей измене со всеми подробностями и каким образом Мишель принудил его спасти графа, когда, напротив, он получил плату за то, чтобы погубить его. Хотя имя герцога Пеннафлора ни разу не было произнесено во время рассказа майора, граф угадал, однако, что один герцог наносил ему все удары; несмотря на всю его решимость, эта глубина ненависти, этот мстительный макиавеллизм испугали его; но в этом подробном рассказе для него осталось темным одно обстоятельство: каким образом Мишель узнал о последней проделке его врага, и как раз вовремя, чтобы расстроить ее?

На все вопросы графа майор ничего не мог ответить, он этого не знал.

— Что же, теперь вы все узнали, капитан?— сказал матрос, вдруг входя в каюту.

— Да,— ответил граф с некоторым оттенком грусти,— кроме одного обстоятельства.

— Какого, капитан?

— Мне хотелось бы узнать, каким образом вы открыли так искусно составленный заговор.

— Самым простым, капитан. Вот в двух словах, как все было: Тихий Ветерок и я, незаметно от майора, следили за ним, когда он вошел в развалины, и слышали весь разговор его с незнакомцем. Когда майор отдал ему бумаги, а незнакомец удалился, я бросился на него и схватил его за горло с помощью Тихого Ветерка и отнял у него бумаги...

— Где же эти бумаги?— с живостью перебил граф.

— Я отдам их вам, граф.

— Благодарю, Мишель; теперь продолжай.

— Я уже кончил. Я связал его и вложил в рот кляп, чтобы помешать ему кричать, бросил там и убежал.

— Как! Ты убежал, Мишель, бросив связанного человека на пустом острове?

— Что же я должен был сделать, капитан?

— О! Может быть, лучше было бы его убить, чем оставить в таком ужасном положении.

— А он-то уж лучше поступил с вами, капитан! Полноте, жалость к такому хищному зверю была бы

глупостью с вашей стороны; притом черт всегда протезирует своим помощникам; будьте спокойны, я уверен, что он спасся.

— Как это?

— Ведь он не вплавь же добрался до острова Сент-Онора; верно, его люди были спрятаны где-нибудь; соскучившись, что он не идет, они стали его искать и подняли, так что ему пришлось только повалиться часа два или три, может быть.

— Это возможно, Мишель, это даже вероятно. Куда ты нас везешь?

— Вы здесь распоряжаетесь; капитан, мы поедem, куда вы хотите.

— Я тебе скажу, но прежде высадим на берег майора; кажется, он столько же желает освободиться от нашего общества, как мы от его.

В эту минуту слышался голос Тихого Ветерка.

— Эй! Мишель,— сказал он,— к нам идет навстречу большое судно.

— Черт побери!— сказал Мишель.— А флаг поднят?

— Поднят. Это судно норвежское.

— Вот прекрасный для вас случай, майор,— сказал граф.

— Эй, матрос!— закричал Мишель, не дожидаясь ответа майора.— Правь на норвежца.

Майор счел бесполезным протестовать. Через два часа оба судна подошли друг к другу; норвежское судно шло в Гельсинбор, и капитан согласился взять предлагаемого ему пассажира. Майора перевезли туда со всеми принадлежавшими ему вещами.

— Теперь, капитан,— сказал Мишель, когда шлюпка вернулась,— куда пойдem мы?

— Пойдем к островам,— печально ответил граф,— там только мы найдем убежище,— и, бросив последний взгляд на берега Франции, очертания которых начинали утопать в синеватой дали горизонта, он прошептал, с горестным вздохом:— Прощай, Франция!

В этих двух словах вылилось все последнее человеческое чувство, оставшееся в глубине сердца этого человека, столь испытанного злополучием и который, побежденный отча-

янием, отправлялся требовать от Нового Света мщения, в котором так упорно отказывал ему Старый Свет.

XII

НАЧАЛО ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Семнадцатое столетие было переходной эпохой между средними веками, которые испускали последний вздох, и современной эрой, которую великие мыслители восемнадцатого столетия должны были так великолепно учредить.

Под ударами неумолимого кардинала де Ришелье в идеях произошла огромная реакция, реакция скрытная, которая подтачивала в самом принципе дело министра, хотя ни причины, ни силы этой реакции он вовсе не подозревал. Особенно во второй половине семнадцатого столетия свет представлял странное зрелище.

В это время испанцы, обладая по праву сильного большей частью Америки, где они настроили колоний, были властелинами моря, которого знаменитая «Голландская Метла» еще не очистила. Английский флот едва начинал формироваться, и, несмотря на постоянные усилия Ришелье, французский флот еще не существовал. Вдруг, неизвестно откуда, явились авантюристы, люди всех сословий, от самого высокого до самого ничтожного, всех наций, особенно французской, и, поселившись как коршуны на не приметном острове Атлантического океана, предприняли борьбу против кастильского могущества и сами от себя объявили ему беспощадную войну, нападая на испанский флот с неслыханной смелостью, и, как слепень, вонзившийся в бок льва, теснили испанский колосс, принуждая его вступать с ним в переговоры без всякой другой помощи, кроме их мужества и энергичной воли.

Через несколько лет их невероятные подвиги, их смелые предприятия внушили такой страх испанцам и доставили им так справедливо заслуженную славу, что люди,

преследуемые судьбой, искатели приключений, стекались со всех углов мира на остров, служивший им убежищем, и число их увеличивалось в таких размерах, что они почти успели составить себе национальность одною силою воли и отваги.

Скажем в нескольких словах, кто были эти люди и как началась их странная карьера. Для этого нам надо вернуться к испанцам.

После своих огромных открытий в Новом Свете испанцы выпросили у папы Александра VI буллу, отдававшую им в исключительную собственность обе Америки. Опираясь на эту буллу и считая себя единственными обладателями Нового Света, испанцы захотели удалить оттуда все другие народы и начали обращаться, как с корсарами, со всеми судами, которые встречали под обоими тропиками. Их могущество на море и важная роль, которую они играли тогда на Американском континенте, не давали возможности правительствам протестовать, как они желали бы, против этого гнусного тиранства. Только французские и английские арматоры, подстрекаемые приманкой барыша и не обращая никакого внимания на испанские притязания, вооружили суда и послали их к этим богатым странам, чтобы захватывать испанские конвои, грабить американские берега и сжигать города. Когда с ними стали обращаться как с пиратами, эти смелые моряки приняли то положение, в которое их поставили, совершая гнусные поступки повсюду, где высаживались на землю, захватывали богатую добычу, и, презирая права народов, не заботясь, в войне находятся испанцы или нет с той страной, к которой они принадлежали, они нападали на них повсюду, где встречались с ними.

Испанцы, занятые своими богатыми владениями в Мексике, в Перу и вообще всеми своими владениями на твердой земле, которые служили для них источником неисчерпаемого богатства, сделали ту ошибку, что пренебрегли Антильскими островами, простирающимися от залива Мексиканского до залива Мараканбского, и устроили колонии только на четырех больших островах этого архипелага. Скрываясь в небольших губах за извилинами берега, авантюристы вдруг насккивали на испанские суда,

брали их на abordаж, потом возвращались на землю делить свою добычу. Испанцы, несмотря на большое число своих судов, на деятельный надзор, не могли более ездить по Антильскому морю, которое авантюристы избрали сценой своих подвигов, не рискуя вступить в ожесточенную битву против людей, которые сделались почти неуловимыми по милости небольшого объема и легкости их судов.

Странствующая жизнь имела столько очарования для этих авантюристов, что они сами дали себе характерное название «флибустьеров», то есть вольных грабителей, и долго не приходила к ним мысль составить прочное поселение среди этих островов, которые служили им временным приютом. Дела находились в таком положении, когда в 1625 году младший сын одного нормандского дворянина, по имени д'Эснамбюк, которому право старшинства не давало никакой надежды составить себе состояние, кроме того, которое он мог приобрести своим трудолюбием или мужеством, снарядив в Дьеппе бригантину в семьдесят тонн, на которую поставили четыре пушки и сорок решительных матросов, поехал гоняться за испанцами и постараться обогатиться какой-нибудь прибыльной добычей. Доехав до Кайманов, островков, находящихся между Кубой и Ямайкой, он нечаянно наткнулся на большой испанский корабль в тридцать пять пушек и с тремястами человек экипажа; положение корсаров было критическое. Д'Эснамбюк, не давая испанцам времени опомниться, атаковал их. Битва продолжалась три часа с неслыханным ожесточением. Дьеппцы защищались так хорошо, что испанцы, отчаявшись их победить и лишившись половины экипажа, первые прекратили битву и постыдно бежали от маленькой бригантины. Однако она очень пострадала и едва могла держаться на воде; десять человек из экипажа были убиты, другие, покрытые ранами, тоже не годились никуда.

Остров Св. Христофора был не очень далеко, д'Эснамбюк добрался до него с большим трудом и укрылся там, чтобы починить свое судно и вылечить раненых; потом, рассчитав, что для успеха его будущих набегов ему нужно надежное убежище, он решился поселиться на этом острове.

Остров Св. Христофора, названный караибами Лиамни-

га, находится в двадцати трех милях от Антигоа и в тридцати милях от Гваделупы и составляет часть Малых Антильских островов. Общий вид этого острова замечательно красив; на нем возвышается гора Мизер, потухший вулкан в три тысячи пятьсот футов высоты, занимающий всю северо-западную часть и постепенно спускающийся уступами до тех пор, пока теряется на юге в долинах Нижней Земли. Бесплодие гор составляет поразительный контраст с плодородием равнин. Долины покрыты необыкновенно богатой растительностью, между тем как горы представляют глазам только смутный хаос разбитых скал, промежутки которых наполнены глинистым веществом, останавливающим всякую растительность. Воды мало, и она дурного качества, потому что источники, сбегающие с горы Мизер, сильно пропитаны солеными частицами, к которым приезжие привыкают с трудом. Но для флибустьеров было важно то, что остров Св. Христофора имеет две великолепные гавани, хорошо укрытые, легко защищаемые, а берега его изрублены глубокими губами, где, в случае опасности, легкие суда флибустьеров легко могли находить убежище.

Д'Эснамбюк встретил, высадившись на берег, несколько французов, живших в согласии с караибами. Эти французы не только приняли его с распростертыми объятиями, но даже присоединились к нему и выбрали его начальником. По странной случайности, в тот самый день, когда дьеппцы пристали к острову Св. Христофора, английские флибустьеры под командою капитана Уарнера, также пострадавшие в битве с испанцами, укрылись на острове с другой стороны. Корсары обеих наций, которых не разделяли никакие мысли о завоевании, земледелии или торговле и которые стремились к одной цели — сражаться с испанцами и найти себе убежище против общего врага, сговорились легко; потом, разделив остров, поселились друг возле друга и жили в добром согласии, которого долго не нарушало ничто. Однажды даже они соединили свои силы против карайбов, которые, испугавшись успехов их нового поселения, пытались их прогнать. Флибустьеры разбили индейцев и заставили их просить пощады.

Через несколько месяцев Уарнер и д'Эснамбюк отправились — первый в Лондон, второй в Париж, просить покровительства своих правительств для новой колонии. Как случается всегда, эти люди, которые искали временного убежища, чувствовали теперь желание видеть развитие поселения, основанного ими, которое в непродолжительное время сделалось очень важным.

Кардинал Ришелье, всегда расположенный покровительствовать планам к увеличению могущества Франции извне, принял флибустьера с большим почетом, согласился на его просьбу и составил компанию, под названием Компания Островов для разработки земель в колонии. Капитал общества состоял из сорока пяти тысяч ливров, а Ришелье, со своей стороны, подписался на десять тысяч. Д'Эснамбюк был сделан главным начальником.

Между пунктами, поставленными в обязанность его должности, мы должны упомянуть об одном по причине его странности. По этому пункту белые в Америке подвергались временному рабству, еще более жестокому, чем рабство негров. Вот этот гибельный пункт, последствия которого обнаружатся в этой истории:

«Никакой работник не будет принят в колонию, если не обяжется остаться три года на службе Компании, которая будет иметь право употреблять его на все работы, какие ей заблагорассудятся, и он не будет иметь права жаловаться или нарушать условие, заключенное им».

Этих работников называли обязанными, приличное название для рабов.

Возвращение нового губернатора было несчастливым. Претерпевая непрерывный ряд бурь, он высадился на остров только с несколькими умирающими людьми, потому что болезни истребили почти весь его экипаж.

Капитану Уарнеру больше посчастливилось: он воротился с множеством колонистов. Однако доброе согласие еще несколько времени поддерживалось между двумя нациями, но англичане, которых было больше, воспользовались тем, что французы по своей малочисленности не могли им воспротивиться, и основали новое поселение на острове Ниев, соседнем с островом Св. Христофора. Однако д'Эснамбюк не отчаивался в улучшении участи колонии и

снова отправился во Францию просить у кардинала помощи людьми и деньгами, чтобы уничтожить предприятия его беспокойных соседей. Ришелье согласился на его просьбу. По приказанию кардинала начальник эскадры де Кюссак прибыл к острову Св. Христофора с шестью большими кораблями, сильно вооруженными; он застал на рейде десять английских судов, три захватил, три потопил, а остальных обратил в бегство. Испуганные англичане не старались более выходить из своих границ, и мир восстановился. Де Кюссак, снабдив колонию людьми и съестными припасами, отправился основывать поселение на острове Св. Евстафия, за четыре мили от острова Св. Христофора.

Между тем испанцы, после появления флибустьеров в американских морях так страдавшие от их грабежа, с чрезвычайным беспокойством смотрели на их окончательное поселение на Антильских островах. Они поняли, как важно для них не позволять флибустьерам основывать прочные поселения в этих областях, если они не хотят, чтобы их колонии были уничтожены, а торговля разорена. Поэтому они решились принять сильные меры против тех, кого они считали пиратами, и навсегда уничтожить их притоны, которые приняли уже грозные размеры. Вследствие чего адмирал дон Фернанд Толед, которого мадридский двор сделал начальником сильного флота, отправленного в 1630 году в Бразилию сражаться с голландцами, получил приказ уничтожить мимоходом гнезда ехидн, основанные флибустьерами на острове Св. Христофора.

Внезапное появление этих громадных сил перед островом привело жителей в испуг. Соединение сил французских и английских авантюристов, их отчаянного мужества не было достаточно для того, чтобы отвратить опасность, угрожавшую им, и отразить такое грозное нападение. После ожесточенной битвы, где множество флибустьеров, особенно французских, было убито, остальные сели в легкие пироги и укрылись на соседних островах. К несчастью, мы принуждены сказать, что англичане постыдно бежали при начале битвы и наконец сдались в плен. Половину отослали в Англию на испанских кораблях, остальные обязались очистить остров как можно скорее.

Это обещание, естественно, было забыто тотчас после отъезда испанского флота. Впрочем, эта экспедиция была единственная, серьезно предпринятая испанцами против флибустьеров.

Французы оставили острова, на которых они укрылись, и воротились на остров Св. Христофора, где снова поселились, подравшись прежде с англичанами, которые воспользовались случаем захватить их земли, но которых они принудили воротиться в прежние границы.

Замечание странное и доказывающее, что флибустьеры были не разбойники, как старались это разгласить. Жители острова Св. Христофора отличались между всеми колонистами кротостью своих нравов и вежливостью своего обращения; предания о вежливости, оставленные первыми французами, поселившимися там, сохранились даже до нынешнего времени. В восемнадцатом столетии остров Св. Христофора называли кротким островом, а на Антильских островах есть пословица, которая говорит: «На острове Св. Христофора живут дворяне, на Гваделупе — мещане, в Мартинике — солдаты, в Гренаде — мужики».

Дела оставались довольно долго в том положении, которое мы описали; флибустьеры, делаясь все смелее и смелее пред трусостью испанской, расширили место своих подвигов и, сохраняя горькое воспоминание о грабеже на их острове, возненавидели еще больше испанцев, которые заклеили их прозванием воров. Они вышли за свои пределы и на легких пирогах, составлявших весь их флот, подстерегали богатые корабли, плывшие из Мексики, решительно нападали на них и возвращались на остров Св. Христофора с добычей.

Колония преуспевала, земли обрабатывались хорошо. Эти люди, у которых в сердце не оставалось никакой надежды воротиться в отечество, совершали свои подвиги с лихорадочной горячностью людей, создающих себе новую национальность и приготавливающих себе новое убежище, так что через несколько лет после истребления колонии испанцами остров Св. Христофора снова сделался цветущей колонией, по милости своего плодородия, энергии и смысленности его жителей, но в особенности от непрерывного труда обязанных работников Компании.

Теперь настала пора рассказать, какой участи подвергались эти бедные люди у колонистов. Мы сказали выше, что Компания посылала на острова людей, нанимаемых ею на три года. Все годились для нее, работники, даже хирурги, которые в убеждении, что их назначали заниматься их профессией в колониях, прельщались обещаниями, которые Компания расточала им. Но как только они давали, то есть подписывали, свое согласие, Компания смотрела на них как на людей, принадлежавших ей телом и душой; а когда они приезжали в колонию, агенты продавали их плантаторам по тридцати и сорока экю с души, и это днем в присутствии губернатора. Таким образом, они становились настоящими рабами колонистов, осужденными на самые трудные работы. Эти бедные, несчастные люди, так недостойно обманутые, подвергаясь побоям, изнемогая от усталости в убийственном климате, умирали по большей части прежде, чем достигали третьего года, который должен был возвратить им свободу. Притеснение зашло так далеко, что господа вздумали продлить трехлетнее рабство. В конце 1632 года колония на острове Св. Христофора подвергалась крайней опасности, потому что обязанные работники, срок которых кончился и которым господа отказывались возвратить свободу, взялись за оружие и приготовились атаковать колонистов с той энергией отчаяния, которую не изменит никакая сила. Д'Эснамбюк успел заставить их положить оружие и избежать пролития крови только исполнением их справедливых требований. Когда во Франции узнали впоследствии печальное положение работников, нанимаемых агентами Компании, почти невозможно было найти охотников, так что агенты были принуждены ходить по площадям и перекресткам набирать бродяг, которых они, напоив, заставляли подписывать обязательство, которое те не могли уже нарушить.

Мы не станем более распространяться об этом, так как в продолжение этого рассказа нам часто придется говорить об этих работниках; мы прибавим еще только одно слово о несчастных, которых Англия отправляла на острова с теми же самыми условиями. Если участь французских работников была ужасна, то доказано, что участь англий-

ских работников была просто отвратительна. С ними обращались с самым гнусным варварством, брали в рабство на семь лет, потом когда наступала пора возвратить им свободу, их поили допьяна и, пользуясь их отупением, заставляли подписывать новое обязательство на столько же времени. Кромвель после разграбления Дрогиды продал более тридцати тысяч ирландцев в Ямайку и Барбаду.

Около двух тысяч этих несчастных успели спастись раз на корабле, который по своему неведению в мореплавании они пустили по воле ветра и волнения, и течение прибило их к Сан-Доминго; эти бедные люди, не зная, где они находятся, будучи без провизии и без средств, все умерли с голода. Их кости, побелевшие от времени, долго оставались на мысе Тибюрон, в месте, которое было названо по причине этой ужасной катастрофы губой Ибернойцев, название осталось до сих пор.

Читатель простит нам эти подробности о поселении флибустьеров на острове Св. Христофора, но так как ужасное общество этих авантюристов основалось на этом уголке земли и так как мы взялись рассказать их историю, нам необходимо было объяснить читателю эти события, чтобы к ним не возвращаться впоследствии. Теперь мы будем продолжать наш рассказ, которому предшествующие главы служат, так сказать, прологом, и, перескочив одним прыжком пространство между островом Св. Маргариты и Антильским архипелагом, мы перенесемся на остров Св. Христофора через несколько месяцев после побега — мы не смеем сказать: освобождения — графа Людовика де Бармон-Сепектера.

XIII

СОВЕТ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Прошло несколько лет, не принеся значительных перемен в колонии. Флибустьеры все продолжали с тем же ожесточением набеги против испанцев, но так как экспедиции их были одиночны, так как между ними не

было никакой организации, то потери испанцев, хотя очень большие, были, однако, не так значительны, как можно было бы предполагать.

В один день люгер с четырьмя железными пушками и с экипажем из сорока человек бросил якорь у острова Св. Христофора, гордо выкинув французский флаг. Это судно привезло колонистам новый контингент храбрых авантюристов. Они высадились, сошлись с жителями и изъявили желание поселиться на острове. Начальник их, которого товарищи называли Монбаром и к которому они, по-видимому, имели неограниченную преданность, объявил колонистам, что он так же, как и они, питает глубокую ненависть к испанцам, и что за ним идут два испанских корабля, захваченных им, и что капитанам этих кораблей он приказал бросить якорь у острова Св. Христофора. Эти приятные известия были приняты жителями с радостными восклицаниями, и Монбара едва не отнесли на руках с триумфом.

Как он и объявил, через четыре дня два испанских корабля бросили якорь у острова Св. Христофора; над кастильским флагом, перевернутым в знак унижения, гордо развевался флаг французский. Только, к ужасу, оледенившему даже самых храбрых, на реях этих кораблей висели трупы; по приказанию Монбара, экипаж этих кораблей был повешен; не пощадили даже ни одного юнги.

Начальник французских авантюристов великодушно подарил груз обоих кораблей колонистам, потребовав взамен только землю, на которой он мог бы построить себе жилище. На это требование тотчас последовало согласие. Приезжие разгрузили свой люгер, вышли на берег и принялись устраиваться.

Монбар был молодой человек, лет двадцати восьми, с мужественными и резкими чертами, с пристальным и проницательным взглядом. Выражение его физиономии было печально, насмешливо и жестоко; матовая бледность, разлитая по лицу его, еще увеличивала отпечаток странности во всей его наружности; высокого роста, сильного сложения, но гибкий и грациозный, он отличался изящными и благородными движениями, кротким разговором и всегда

употреблял вежливые выражения; он производил странное очарование на окружающих его, и даже на тех, кого случай с ним сводил. Все чувствовали какое-то и отвращение, и влечение к этому странному человеку, который, как бы не заботясь о том, налагал на всех свою волю, заставлял себе повиноваться одним движением или просто нахмутив брови, и, по-видимому, жил, только когда находился среди битвы, когда трупы валялись около него, кровь текла под его ногами, свист пуль смешивался с грохотом пушек и когда он, опьянев от пороха и резни, бросался на палубу испанского корабля.

Вот что говорили о нем его товарищи тем, кого поражала его странная физиономия и которые старались его узнать. Но, кроме нравственного и физического портрета этого человека, невозможно было узнать ни малейших сведений об его прошлой жизни; ни один из моряков, приехавших с ним, не знал ни малейшего эпизода из его жизни или, скорее, не хотел сказать. Когда колонисты узнали, что все их вопросы остаются без ответа, они перестали делать их, тем более что прошлая жизнь Монбара не только их не касалась, но и мало интересовала.

Авантюрист оставался на острове только необходимое время для того, чтобы хорошо устроить свое помещение, потом в один день, не предупредив никого, перебрался на свой люгер с людьми, которых он привез с собой, оставив человек шесть на острове, чтобы смотреть за его плантациями, и уехал.

Через месяц он воротился, ведя на буксире испанский корабль с богатым грузом и со всей командой, повешенной на реях.

Монбар продолжал таким образом целый год, никогда не оставаясь на острове больше трех дней: уезжал и всегда возвращался с добычей и с командой, повешенной на реях.

Смелость отважного корсара увенчалась таким большим успехом, что слухи о том достигли Франции; тогда дьеппские авантюристы, понимая, какую пользу они могут извлечь из контрабандной войны, снарядили суда и присоединились к Монбару на острове с намерением организовать набеги против испанцев.

Флибустьерство вступало во второй период и сделалось правильным товариществом. Монбар построил свое жилище на том самом месте, где впоследствии англичане выстроили батарею. Эта позиция была выбрана очень хорошо, и в случае нападения было легко не только обороняться, но и отразить неприятеля со значительным уроном.

Жилище это, выстроенное из древесных стволов и покрытое пальмовыми листьями, возвышалось почти на краю мыса, откуда виднелась большая часть острова и море на большое расстояние справа и слева. До этого мыса, возвышавшегося отвесно на сорок метров над морем, можно было добраться не иначе как по узкой и неровной тропинке, перерезываемой на известном расстоянии крепкими палисадами, широкими и глубокими рвами, через которые необходимо было проходить по доскам, небрежно переброшенным и которые легко было снять в случае тревоги; две пушки, поставленные на вершине тропинки, защищали вход.

Дом разделялся на пять комнат, довольно больших, меблированных с роскошью и комфортом, довольно странным на таком отдаленном острове, но это вполне оправдывалось ремеслом хозяина, который выбрал для себя эту мебель из добыч, доставленных ему грабежом. На длинном шесте, вбитом в землю перед дверью дома, развешивался белый флаг корсаров, который Монбар переменил иногда на черный, в середине которого виднелась мертвая голова и две кости крест-накрест белого цвета, флаг зловещий, показывавший, что побежденные не должны были ждать пощады.

В один жаркий день в конце мая, через полтора года после прибытия Монбара на остров, несколько человек свирепого вида и с грубыми ухватками, вооруженные с ног до головы, шли, разговаривая между собой, по тропинке, которая из долины вела на платформу, где возвышался дом Монбара. Было около десяти часов вечера; ночь была прозрачная и светлая; миллионы звезд сверкали на небе, луна обильно проливала свой белый свет, атмосфера была так прозрачна, что самые маленькие предметы виднелись на самом далеком расстоянии; в

воздухе не было ни малейшего дуновения, в листьях деревьев ни малейшего шелеста; море, спокойное как зеркало, с тихим и таинственным шепотом плескалось на песчаном берегу; светляки летали без шума и иногда касались путников, которые небрежно отталкивали из рукой, не прерывая разговора, который, по-видимому, их очень интересовал.

Людей этих было пятеро, все находились в силе возраста, черты их были энергичны и резки, физиономии дышали смелостью и решимостью, доведенной до величайшей степени, плечи были несколько сгорблены, а по походке и по размахиванью рук в них с первого взгляда можно было узнать моряков, если бы костюм не обнаруживал этого достаточно. Они говорили по-английски.

— Ба!— говорил один из них в ту минуту, когда мы начинаем прислушиваться к их разговору.— Надо посмотреть; не все золото, что блестит; притом я был бы рад ошибиться.

— Ты по своей похвальной привычке,— отвечал другой,— начинаешь выказывать сомнение.

— Нет,— с живостью отвечал первый,— а только опасение.

— Наконец мы узнаем, в чем дело,— сказал третий,— вот мы уже прошли половину тропинки, слава Богу!

— Этот демон Монбар,— продолжал первый,— отлично выбрал место — какой вид! Его дом неприступен.

— Да, не думаю, чтоб испанцы отважились на приступ. Только бы,— прибавил этот человек, вдруг остановившись,— нам не пришлось бы идти понапрасну; дома ли будет Монбар?

— Ручаюсь вам, Красный Чулок, что Монбар дома, будьте спокойны.

— Вы почему знаете?— сказал тот, кто носил странное наименование Красного Чулка.

— Разве вы не видите, что флаг его развевается?

— Это правда, я не заметил.

— Но теперь вы видите, я полагаю?

— Если только я не ослеп!

— А!— сказал один из флибустьеров, который до сих пор молчал.— Мы все-таки не знаем, для чего созывают нас; вы знаете, брат?

— Ничего не знаю,— отвечал Красный Чулок,— верно, Монбар придумал какой-нибудь смелый план и хочет пригласить нас.

— Вы знаете, что он созвал не только нас, но и главных французских флибустьеров.

— Я не понимаю дела этого собрания,— продолжал Красный Чулок,— впрочем, это все равно, мы теперь скоро узнаем, в чем дело.

— Это правда, вот мы и пришли.

Действительно, они дошли в эту минуту до конца тропинки и очутились на платформе прямо напротив дома, дверь которого была отперта, как бы приглашая их войти. Довольно яркий свет виднелся в отпертую дверь, и громкий говор голосов достаточно показывал, что в доме собралось большое общество. Англичане подошли и остановились у порога двери.

— Войдите, братья,— сказал тогда изнутри гармонически звучный голос Монбара,— войдите, вас ждут.

Семь или восемь человек находились в комнате, в которую вошли англичане; эти восемь человек были самыми знаменитыми начальниками флибустьеров. Между ними находились: Красивая Голова, тот свирепый деспот, который убил более трехсот своих обязанных работников, сославшись потом на то, что они умерли от лени; Пьер Высокий, бретанец, который шел на abordаж не иначе как переодевшись женщиной; Александр Железная Рука, молодой человек, слабый и деликатный по наружности, с женственными чертами, но одаренный силой поистине геркулесовской и впоследствии сделавшийся одним из героев флибустьерства; Рок, прозванный Бразильцем, хотя родился в Гронинге, городе восточной Фрисландии, потом двое из наших бывших знакомых, Тихий Ветерок и Мишель Бискаец, оба приехавшие на остров Св. Христофора в одно время с Монбаром и репутация которых между флибустьерами была уже очень велика.

Пятеро пришедших англичан назывались: Красный

Чулок, имя которого уже было произнесено в предыдущем разговоре; Морган, молодой человек лет восемнадцати, с надменным лицом и с аристократическим обращением; Жан Давид, голландский моряк, поселившийся в английской части острова; Бартелеми, португалец, также поселившийся в английской колонии, и, наконец, Уильям Дрэк, давший клятву нападать на испанцев не иначе как в то время, когда их будет пятнадцать против одного, так было велико презрение, которое он показывал к этой гордой нации.

Таким образом, тут было избранное собрание всех знаменитых флибустьеров того времени.

— Добро пожаловать, братья,— сказал Монбар,— я очень рад вас видеть; я ждал вас с нетерпением; вот трубки, табак и водка; курите и пейте,— прибавил он, указывая на стол, стоявший посредине залы и на котором лежали трубки, стояли стаканы, кружки с водой и горшок с табаком. Флибустьеры сели, закурили трубки и наполнили стаканы.

— Братья,— продолжал Монбар через минуту,— я просил вас к себе по двум причинам, очень важным, из которых одна происходит от другой; вы расположены выслушать меня?

— Говори, Монбар,— отвечал Уильям Дрэк от имени всех,— тебя испанцы прозвали Истребителем; я завидую этому названию, брат, и ты можешь желать флибустьерству только пользы.

— Об этой-то пользе и идет дело,— отвечал Монбар.

— Я в этом уверен, брат; говори, мы слушаем тебя благоговейно.

Они внимательно прислушались; все эти люди, так энергически закаленные, не признававшие других законов, кроме тех, которые они сами создали себе, не знали зависти и готовы были рассуждать добросовестно о предложениях, которые Монбар желал им сделать.

Монбар собирался с мыслями несколько минут, потом заговорил кротким голосом, симпатичный звук которого скоро пленил его слушателей.

— Братья,— сказал он,— я не стану распространяться,

потому что все вы люди избранные, с сердцем горячим и с твердой рукой, и с вами продолжительные речи не только бесполезны, но даже смешны. С самого приезда моего на остров Святого Христофора я изучаю флибустьерство, его жизнь, его нравы, его стремления, и с огорчением узнал, что результаты не оправдывают усилий. Что мы делаем? Ничего или почти ничего, несмотря на наше неукротимое мужество; испанцы насмеваются над нами, мы слишком слабы по милости нашего одиночества для того, чтоб причинять им потери; напрасно тратим мы нашу энергию, проливаем нашу кровь, чтоб отнимать у испанцев какие-нибудь жалкие суда; не так должны идти дела, это не то мщение, о котором каждый из нас мечтал. Какая причина нашей относительной слабости против нашего грозного врага? То одиночество, о котором я вам говорил, одиночество, которое всегда будет парализовать наши усилия.

— Это правда,— прошептал Железная Рука.

— Но что же можем мы сделать?— спросил Давид.

— К несчастью, помочь нам ничем невозможно,— сказал Уильям.

— Мы авантюристы, а не государство,— сказал Красивая Голова.

Монбар улыбнулся той бледной и зловещей улыбкой, которая была ему свойственна и холодила сердце.

— Вы ошибаетесь, братья,— сказал он,— средство найдено, если захотим; мы сделаемся государством.

— Говори! Говори, брат!— вскричали все авантюристы, вскочив со своих мест.

— Вот мой план, братья,— продолжал он,— нас здесь двенадцать человек; мы принадлежим к разным нациям, но имеем одно сердце, мы составляем отборный цвет флибустьерства; я объявляю об этом громко, не опасаясь опровержения, потому что каждый из нас дал доказательства своей храбрости, и какие доказательства! Ну, соединимся же, составим одну семью; из нашей доли в добыче уделим сумму на общую казну и, сохранив свободу организовать отдельные экспедиции, поклянемся никогда не вредить, никогда не идти наперекор друг другу, оказывать помощь, когда окажется необходимо,

трудиться изо всех сил на погибель Испании и, не разглашая о нашем товариществе другим нашим братьям, соединять наши силы, когда наступит пора, чтобы раздавить разом нашего неумолимого врага. Вот, братья, мое первое предложение; я жду вашего решения.

Наступило минутное молчание. Флибустьеры понимали важность предложения их брата и силу, которую оно дает им в будущем; они переглянулись между собою, посоветовались шепотом, потом Уильям Дрэк от имени всех взялся отвечать.

— Брат,— сказал он,— ты в нескольких словах разъяснил вопрос, который до сих пор всегда оставался в темноте; ты прекрасно определил причину нашей слабости и в то же время нашел средство сделать товарищество, образовавшееся случайно и почти бесполезное до сих пор, действительно могущественным и полезным; но это не все; товариществу, о котором ты говоришь, потребна голова, которая управляла бы им и, когда наступит пора, обеспечила бы успех его усилий. Следовательно, необходимо не только то, чтобы наше товарищество оставалось тайным и чтобы во всем не относящемся к главной цели оно как бы не существовало, необходимо выбрать начальника, которому мы будем преданы и которому мы будем помогать трудиться для общего блага, сохраняя ему полнейшую тайну.

— Вы согласны с этим, братья?— спросил Монбар.— Вы принимаете мое предложение и изменение, сделанное Уильямом Дрэком?

— Принимаем,— отвечали флибустьеры в один голос.

— Очень хорошо, только начальник, о котором вы говорите, должен быть выбран нами единогласно, а его власть должна быть отнята от него в собрании по большинству голосов, если он не будет строго исполнять условий, принятых им; а будучи хранителем казны товарищей, он должен быть всегда готов отдать отчет, и его назначение, если оно не будет возобновлено, не может превышать пяти лет.

— Все это справедливо,— сказал Красный Чулок,— нельзя лучше тебя понимать общие выгоды, брат.

— Итак,— заметил Давид,— мы будем матросы; ника-

кие ссоры, никакие рассуждения не будут возможны между нами.

— Мы будем сохранять по наружности свободный произвол и полнейшую независимость,— подтвердил Красивая Голова.

— Да,— отвечал Монбар.

— Теперь, братья,— сказал Уильям Дрэк, вставая и снимая шапку,— выслушайте меня: я, Уильям Дрэк, клянусь моей верой и моей честью в полной преданности товариществу Двенадцати, заранее обязуюсь подчиниться наказанию, какое братья мои захотят наложить на меня, даже смерти, если я изменю тайне товарищества и нарушу мою клятву. Да поможет мне Господь!

После Уильяма Дрэка каждый флибустьер твердым голосом произнес ту же клятву. Все опять сели на места.

— Братья,— начал Монбар,— то, что мы сделали до сих пор, ничего не значит: это только рассвет новой эры, счастливые дни флибустьерства едва начинаются; двенадцать человек, таких, как мы, соединенные одной мыслью, должны сделать чудеса.

— Мы сделаем их, будь спокоен, брат,— сказал Морган, беспечно чистивший зубы золотой булавкой.

— Теперь, братья, прежде чем я сделаю вам мое второе предложение, мне кажется, мы сделали бы хорошо, если б выбрали президента.

— Еще одно слово,— сказал Мишель, выходя на середину кружка.

— Говори, брат.

— Я прошу прибавить, что каждый член товарищества, который попадает во власть испанцев, должен быть освобожден другим членом, каким опасностям ни подвергались бы они.

— Клянемся!— с восторгом вскричали флибустьеры.

— Если только это не будет невозможно,— сказал Морган.

— Для нас ничего нет невозможного,— резко ответил Уильям Дрэк.

— Это правда, брат, ты прав, я ошибался,— с улыбкой отвечал Морган.

— Общество будет называться обществом Двенадцати; смерть одного из членов позволит принять другого, который должен быть избран единогласно,— отвечал Мишель.

— Клянемся!— вскричали снова флибустьеры.

— Теперь, братья,— сказал Бартелеми,— займемся выборами секретно, чтобы сохранить свободу в подаче голосов.

— Вот на этом столе есть бумага, перья и чернила, братья,— сказал Монбар.

— А вот моя шапка,— смеясь, сказал Красный Чулок,— бросайте в нее ваши бумажки, братья.

Сняв с головы шапку из бобровой шкуры, флибустьер положил ее на землю посреди залы. Тогда авантюристы в полном порядке один за другим, поочередно, написав что-то на бумажке, свертывали ее и клали в шапку Красного Чулка. Потом все сели на свои места.

— Все подали голоса?— спросил Давид.

— Все,— ответили флибустьеры.

Давид вынул из шапки бумажки, сосчитал их; бумажек оказалось двенадцать.

— Теперь, брат,— сказал Уильм Дрэк Давиду,— так как у тебя в руках шапка, читай же голоса.

Давид посмотрел на товарищей; они утвердительно кивнули головой; тогда он взял первый попавшийся бюллетень, развернул его и прочел:

— Монбар Истребитель.

Потом он взял второй бюллетень и развернул.

— Монбар Истребитель,— прочел он опять.

На каждом бюллетене все стояли слова: «Монбар Истребитель», зловещий вызов, брошенный испанской нации, которой этот человек был самым ожесточенным врагом. Монбар встал, снял шляпу и, любесно поклонившись своим товарищам, сказал:

— Братья, благодарю вас; вы не обманетесь в вашем доверии ко мне.

— Да здравствует Монбар Истребитель!— вскричали с порывом все флибустьеры.

Страшное общество Двенадцати было создано. Флибустьерство действительно становилось грозным и могущественным.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Монбар дал время утихнуть энтузиазму своих товарищей, потом заговорил. Ничего не изменилось в его наружности, ничего не показывало в нем радости торжества или удовлетворенного самолюбия, но выбор его товарищей сделал его в одно мгновение человеком могущественным. Лицо оставалось так же бесстрастно, голос так же тверд.

— Братья,— сказал он,— я должен был сделать вам второе предложение, вы помните?

— Это правда,— сказал Уильям Дрэк,— говори же, брат, мы слушаем тебя.

— Вот это второе предложение; только я вас прошу зрело обдумать, прежде чем вы мне ответите; ваше мнение не должно быть высказано легкомысленно, потому что, повторяю вам еще нарочно для того, чтобы вы поняли меня хорошо, это предложение очень важно и серьезно; вот оно: я предлагаю вам оставить остров Святого Христофора и выбрать другое место убежища, гораздо удобнее, а в особенности безопаснее для нас.

Флибустьеры с удивлением посмотрели на него.

— Я объяснюсь,— сказал он, протянув руку, как бы требуя молчания,— выслушайте меня хорошенько, братья; то, что вы услышите, интересно для вас всех; наше местопребывание дурно выбрано, оно слишком удалено от центра наших экспедиций; затруднения, которые нам надо преодолевать, чтобы возвращаться сюда, по причине течений, сносящих наши суда, и встречных ветров, мешающих быстроте их хода, заставляют нас терять драгоценное время. Антильский архипелаг состоит более чем из тридцати островов, из которых нам, кажется, легко выбрать тот, который для нас удобнее; я давно уже думаю об этом; мои поездки не ограничивались преследованием испанцев, я ездил также разузнавать местность и, кажется, нашел землю удобную, для нас.

— О какой земле говоришь ты?— спросил Давид за всех своих товарищей.

— Я говорю об острове, который испанцы называют Испаньолой, а мы Сан-Доминго.

— Но, брат,— сказал Бартелеми,— это остров огромный, с великолепными лесами, и на нем живут испанцы; мы буквально попадем в волчью пасть.

— Я сам так думал, прежде чем разузнал все, но теперь я уверился не только в том, что проклятые испанцы занимают не весь этот остров, но и в том, что в той части острова, которую они не заняли, мы встретим помощников.

— Помощников?— С удивлением вскричали флибустьеры.

— Да, братья, и вот каким образом. Во время высадки адмирала дона Толедо на остров Святого Христофора французы, успевшие спастись от резни, убежали, как вам известно, на соседние острова, а многие даже отправились дальше; они добрались до Сан-Доминго; это была большая смелость, не правда ли? Но, повторяю вам, испанцы занимают только половину; в то время, когда они открыли этот остров, они оставили на острове несколько голов рогатого скота; эти животные развелись, и теперь огромные саванны Сан-Доминго покрыты бесчисленными стадами диких волов, пасущихся на всей необитаемой части острова; вам известно, что эти стада доставляют верный провиант для наших судов, и кроме того, соседство испанских колонистов дает нам возможность утолять нашу ненависть к ним; впрочем, те из наших товарищей, которые уже несколько лет поселились на этой земле, ведут с ними непрерывную и ожесточенную борьбу.

— Да, да,— сказал Красивая Голова с задумчивым видом,— я понимаю, что ты нам говоришь, брат; ты прав до некоторой степени, но будем рассуждать спокойно и хладнокровно, как люди серьезные.

— Говори,— отвечал Монбар.— Каждый из нас, когда дело идет об общих интересах, имеет право высказывать свое мнение.

— Как мы ни храбры, а мы можем смело этим похвалиться, потому что, благодаря Богу, наше мужество известно; мы, однако, не довольно сильны, чтоб сражаться на суше с испанцами; захватить корабль или сражаться с

целым народонаселением — дело другое; ты сознаешься в этом, брат?

— Конечно, брат, сознаюсь.

— Хорошо, я продолжаю. Очевидно, что испанцы до сих пор не заметили или по малочисленности и неважности авантюристов, поселившихся в пустой части острова, пренебрегли ими, но когда они увидят, что поселение, которое они считали временным, становится постоянным и принимает грозные размеры колонии, и не захотят его допустить, тогда что случится? Они соединят все свои силы, нападут на нас неожиданно и всех нас перережут после отчаянной борьбы и разрушат одним разом не только нашу новую колонию, но и наши надежды на мщение.

Эти слова Красивой Головы, отличавшиеся сжатой логикой, произвели некоторое действие на флибустьеров, которые начали переглядываться между собою, но Монбар не дал времени распространиться этому духу оппозиции и тотчас сказал:

— Ты был прав, брат, если б, как ты предполагаешь, мы основали наше главное поселение на Сан-Доминго; очевидно, мы были бы разбиты многочисленностью и принуждены постыдно оставить остров; но предполагать, что я, питающий неумолимую ненависть к этому гнусному народу, мог придумать подобный план, не удостоверившись сначала в его успехе и пользе, которые он нам доставит, значит дурно меня знать.

— Объяснись яснее, брат,— сказал Уильям Дрэк,— мы тебя слушаем с самым серьезным вниманием.

— На северо-западе Сан-Доминго находится остров длиною около восьми миль, отделенный от Большой земли узким каналом и окруженный скалами, называющимися Железными берегами, которые делают невозможною высадку, кроме южной стороны, где находится довольно хорошая гавань, грунт которой составлен из очень мелкого песку и где суда укрыты от всех ветров, которые, впрочем, никогда не бывают сильны в тех местах; несколько песчаных губ встречаются еще вдоль берегов, но к ним можно пристать только пирогам; остров этот называется Черепаха — по своей форме, похожий на наружность этого земноводного животного. Вот, братья, где я намерен

основать наше главное поселение, или, если вы предпочитаете это название, нашу главную квартиру. Гавань Мира и гавань Марго, находящиеся напротив острова Черепахи, доставят нам легкое сообщение с Сан-Доминго; укрывшись на нашем острове, как в непроницаемой крепости, мы будем пренебрегать усилиями всего кастильского могущества. Но я не хочу вас обманывать, я должен все сказать вам: испанцы остерегаются, они предвидели, что если набеги продолжатся, то есть если они не успеют нас уничтожить, превосходное положение этого острова от нас не укроется и что, вероятно, мы постараемся завладеть им; поэтому они заняли его отрядом в двадцать пять солдат под командою альфереца; не улыбайтесь, братья, хотя этот гарнизон немногочисленен, его достаточно по милости того способа, которым он укрепил себя, и затруднений при высадке на берег, потом ему легко получить в весьма непродолжительное время подкрепление с Сан-Доминго. Я несколько раз был переодетый на Черепахе, я осматривал все очень внимательно, вы можете вполне поверить сведениям, которые я сообщаю вам.

— Монбар прав,— сказал тогда Рок Бразилец,— я знаю Черепаху, я убежден так же, как и он, что этот остров представляет нам убежище гораздо надежнее и гораздо выгоднее, чем остров Святого Христофора.

— Теперь, братья,— продолжал Монбар,— подумайте и отвечайте: да или нет. Если вы примете мое предложение, я постараюсь осуществить мой план, захватив остров; если вы откажете, об этом более не будет речи.

Для того чтобы своим отсутствием дать более свободы обсудить его предложение, авантюрист вышел из комнаты на террасу, где начал прохаживаться взад и вперед, по наружности равнодушный ко всему, что происходило, но внутренне очень тревожась о результате рассуждения.

Не прошло и нескольких минут, как он прохаживался таким образом, когда слышался легкий свист не в дальнем расстоянии, свист до того тихий, что только такой тонкий слух, каким был одарен флибустьер, мог услышать его. Он сделал несколько шагов по направлению к сигналу, и в ту же минуту человек, лежавший на земле и так слившийся с темнотой, что его невозможно было заметить, поднял

голову и при беловатых отблесках лунных лучей показал смуглое лицо и тонкие, умные черты карамба.

— Омопуа?— сказал флибустьер.

— Я жду,— лаконически отвечал индеец, прямо становясь перед ним.

Омопуа, то есть прыгун, был молодой человек лет двадцати пяти, высокого и удивительно соразмерного роста; кожа его имела золотистый оттенок флорентинской бронзы; он был гол, за исключением легких холстинных панталон, падавших немного ниже колен; длинные черные волосы, ровно разделенные на макушке, спускались с каждой стороны. Кроме длинного ножа и штыка, заткнутого за пояс из коровьей шкуры, другого оружия у него не было.

— Пришел тот человек?— спросил Монбар.

— Пришел.

— Прыгун его видел?

— Видел.

— Он считает себя узнанным?

— Только один глаз ожесточенного врага мог узнать его в таком переодевании.

— Хорошо; мой брат проводит меня к нему.

— Я провожу бледнолицего начальника.

— Хорошо! Где я найду Прыгуна через час после восхождения солнца?

— Прыгун будет в своем доме.

— Я приду туда.

Услышав, что его зовут из комнаты, Монбар прибавил:

— Я полагаюсь на обещание индейца.

— Да, если начальник сдержит свое обещание.

— Сдержу.

Простившись с флибустьером, караиб проскользнул к утесу и исчез почти тотчас. Монбар оставался с минуту неподвижен, погружившись в глубокие размышления, потом, сделав резкое движение и проведя рукою по лбу, как бы для того, чтобы изгладить все следы волнения, воротился большими шагами в дом.

Рассуждения кончились, флибустьеры сели на свои места, Монбар также сел на свое место и ждал с притворным равнодушием, чтобы кто-нибудь из товарищей заговорил.

— Брат,— начал Давид,— мы зрело обдумали твое предложение; наши товарищи поручили мне сказать тебе, что они принимают его; только они желают знать, какие средства намерен ты употребить, чтобы доставить успех твоему плану.

— Братья, благодарю вас за ваше согласие,— ответил Монбар,— а способы, которые я намерен употребить для того, чтобы захватить остров Черепаху, позвольте мне пока сохранить в тайне; успех экспедиции обязывает меня к этому; знайте только, что я не хочу компрометировать ничьих интересов и намерен один подвергнуться всякому риску.

— Ты не так меня понял, брат, или я дурно выразился,— возразил Давид,— если я тебя спросил, каким образом ты намерен действовать, то меня побуждало не пустое любопытство, но в вопросе, таком важном и интересующем все наше общество, мы решились умереть или победить вместе с тобою; мы хотим разделить час торжества или долю в поражении.

Монбар был невольно растроган этими великодушными словами, так благородно произнесенными; с внезапным движением сердца протянув руки флибустьерам, которые энергически пожали их, он сказал:

— Вы правы, братья, мы все должны способствовать тому великому подвигу, который, как я надеюсь, позволит нам совершить благородные дела; мы все отправимся на Черепаху, только — поверьте, я говорю вам не из честолюбия — предоставьте мне дирижировать экспедицией.

— Разве ты не начальник наш?— вскричали флибустьеры.

— Мы будем тебе повиноваться по законам флибустьерским,— сказал Давид,— кто задумал экспедицию, один имеет право начальствовать над нею, мы будем твоими солдатами.

— Это решено, братья; сегодня же в одиннадцать часов утра я отправлюсь на продажу новых испанских работников, прибывших из Франции третьего дня, я пойду к губернатору предупредить его, что я приготавливаю новый набег, и набор начнется тотчас же.

— Все из нас непременно там будут,— сказал Красивая Голова,— мне надо купить двух работников взамен двух лентяев, которые умерли от лени.

— Решено,— сказал Бартелеми,— в одиннадцать часов мы все будем на Нижней Земле.

Они встали и приготовились разойтись, потому что вся ночь прошла в этих рассуждениях и уже солнце, хотя еще находившееся ниже горизонта, уже начинало оттенять его широкими перламутровыми полосами, которые мало-помалу переходили в пурпуровые оттенки и показывали, что солнце не замедлит появиться.

— Кстати,— сказал с равнодушным видом Монбар Моргану, который провожал его вместе с другими флибустьерами до начала тропинки,— если ты не очень дорожишь твоим караибом; не знаю, как его зовут...

— Прыгун.

— А! очень хорошо; итак, я говорил, что если тебе все равно, то я был бы тебе очень обязан, если б ты уступил мне его.

— Он тебе нужен?

— Да, я думаю, что он будет мне полезен.

— Когда так, возьми его, брат; я уступаю его тебе, хотя это хороший работник и я им доволен.

— Благодарю, брат; во сколько ты его ценишь?

— Боже мой! Я с тобою не стану торговаться, брат; я видел у тебя хорошее ружье, отдай его мне и возьми индейца, мы будем квиты.

— Подожди.

— Для чего?

— Для того, что я хочу сейчас отдать тебе это ружье; пришли ко мне индейца, или, если у меня будет время, я сам зайду за ним сегодня.

Флибустьер воротился в дом, снял со стены ружье и принес его Моргану, который набросил его на плечо с движением радости.

— Ну, это решено,— сказал он,— до свидания.

— До свидания,— отвечал Монбар, и они разошлись.

Монбар надел толстый плащ, шляпу с широкими полями, которые закрывали его лицо, и, обернувшись к Мишелю, сказал:

— Матрос, одно важное дело побуждает меня отправиться в Нижнюю Землю; ступай к губернатору, кавалеру де Фонтенэ, и, не входя ни в какие подробности и не открывая нашей тайны, просто скажи ему, что я готовлю новую экспедицию.

— Хорошо, пойду,— отвечал Мишель.

— Потом пойди к люгеру и приготовь там все с Тихим Ветерком к выступлению в море.

Дав эти инструкции морякам, Монбар вышел и спустился с утеса.

Кавалер де Фонтенэ, так же как и д'Эснамбюк, место которого он заступил два года тому назад в звании губернатора острова Св. Христофора, был младший сын нормандского дворянина, приехавшего на острова искать счастья; но прежде чем он сделался губернатором, он долго занимался набегами с флибустьерами. Это был именно такой человек, какого им было нужно; он предоставлял им свободу действовать, как они хотят, и никогда не требовал от них отчета, понимал с полуслова и только брал десятую часть с добычи,— добровольная дань, которую ему платили авантюристы в благодарность за покровительство, которое он им оказывал от имени короля.

Солнце взошло, свежий морской ветерок тихо шелестел листьями деревьев, птицы пели, спрятавшись на ветвях. Монбар шел большими шагами, не смотря ни направо, ни налево, по-видимому, погруженный в глубокие размышления.

При входе в деревню в Нижней Земле, вместо того, чтобы пойти прямо, он пошел по узкой тропинке через плантацию табака к горе Мизер. После довольно продолжительной ходьбы флибустьер наконец остановился при входе в бесплодное ущелье, на косогоре которого возвышалась жалкая хижина из древесных стволов, покрытая пальмовыми листьями. На пороге этой хижины стоял человек; заметив Монбара, он вскрикнул от радости и бегом бросился к нему по скалам с быстротой и легкостью лани. Этот человек был караиб Прыгун; пробежав до флибустьера, он бросился перед ним на колени.

— Встань,— сказал авантюрист,— к чему благодарить меня?

— Господин мой сказал мне час тому назад, что я теперь принадлежу не ему, а тебе.

— Ведь я тебе обещал?

— Это правда, но белые всегда обещают, а никогда не держат обещания.

— Ты видишь доказательство противное тому. Встань. Твой господин продал тебя мне, это правда, а я даю тебе свободу; у тебя теперь только один властелин, Бог.

Индеец встал, приложил руку к груди, зашатался, лицо его судорожно подергивалось, и с минуту он находился в сильном внутреннем волнении, которое, несмотря на всю его власть над собою, он не мог преодолеть. Монбар, спокойный и мрачный, внимательно рассматривал его, устремив на него проницательный взгляд. Наконец индейцу удалось заговорить; голос его, свистя, вырывался из горла.

— Прыгун был начальник, знаменитый между своими, — сказал он, — испанец унизил его, сделав его рабом посредством измены и продав, как выючную скотину; ты возвращаешь Прыгуну то звание, из которого он никогда не должен был сходить. Хорошо, ты теряешь дурного раба, но приобретаешь преданного друга; без тебя я умер бы; моя жизнь принадлежит тебе.

Монбар протянул ему руку, караиб почтительно поцеловал ее.

— Как ты хочешь: остаться здесь или воротиться в Гаити¹?

— Родные Прыгуна и остальной его народ блуждают в степях Богио², — отвечал индеец, — но куда ты пойдешь, туда пойду и я.

— Хорошо, ступай за мной и веди меня к тому человеку, знаешь?

— Сейчас?

— Ты уверен, что он испанец?

— Уверен.

— Ты не знаешь, по каким причинам приехал он на остров?

¹

² Так караибы называют Сан-Доминго; это значит гористая земля.

Другое название, которое караибы дают Сан-Доминго.

— Не знаю.

— В каком месте он остановился?

— У одного англичанина.

— Стало быть, в английской колонии?

— Нет, в Нижней Земле.

— Тем лучше. Как зовут этого англичанина?

— Капитан Уильям Дрэк.

— Капитан Дрэк!— с удивлением вскричал Монбар.— Это невозможно.

— Он там.

— Стало быть, капитан его не знает?

— Не знает; этот человек вошел к нему и попросил гостеприимства, капитан не мог ему отказать.

— Это правда; ступай ко мне в дом, возьми платье, ружье или какое оружие захочешь и приходи ко мне; я буду у капитана Дрэка, а если меня там не будет, ты встретишь меня на пристани. Ступай.

Монбар вернулся тогда назад и направился к Нижней Земле, между тем как караиб пошел прямо к дому Монбара.

Нижняя Земля была, так сказать, главной квартирой французской колонии; в то время, когда происходит наша история, это было жалкое селение, выстроенное без всякого порядка, сообразно прихоти или удобству каждого домовладельца; но издали оно производило самый живописный эффект по причине этого хаоса домов всякой формы и всякой величины, сгруппированных на берегу моря перед великолепным рейдом, наполненным кораблями, стоящими на якоре, и бесчисленным множеством пирог, постоянно сновавшими взад и вперед. Батарея из шести пушек на узком мысе, выдававшемся в море, защищала вход в рейд. Но в этом городе, таком грязном, таком жалком, таком ничтожном по наружности, странные обитатели, единственные на свете, составлявшие разнородное народонаселение, вели жизнь, исполненную энергии. Узкие, темные улицы были наполнены людьми всякого сорта, которые ходили взад и вперед с озабоченным видом. Трактиры виднелись на углу всех площадей и всех перекрестков, странствующие купцы хриплым голосом расхваливали свой товар, а публичные глашатаи в сопровождении толпы,

которую на каждом шагу увеличивали все празднующиеся, объявляли при звуке труб и барабанов о продаже в этот день новых обязанных работников, приехавших накануне на корабле Компании.

Монбар прошел неприметно в толпе к дому Уильяма Дрэка. Дом этот, довольно красивый и опрятный, возвышался на морском берегу, недалеко от дома губернатора. Флибустьер отворил дверь, которая, по тамошнему обычаю, не была заперта, и вошел.

XV

ШПИОН

В первой комнате, которая могла называться и залой, и кухней, находились два человека. Эти два человека были работник капитана Уильяма Дрэка и какой-то незнакомец. Самого капитана тут не было. Глаза флибустьера сверкнули при виде незнакомца, и зловещая улыбка сжала его бледные губы.

Незнакомец сидел за столом, стоявшим посреди комнаты, и спокойно завтракал куском холодного мяса, приправленного перцем, запивая бордоским, которое, скажем мимоходом, хотя сделалось известно в Париже только в царствование Людовика XV, по милости герцога Ришелье, воротившегося из Гиенны, где он был губернатором, уже давно ценилось в Америке. Незнакомец был человек довольно высокого роста, с бледным лицом, с чертами отшельника, худой, костлявый, угловатый, но его благородное обращение доказывало высокое звание в обществе, а простой и даже более чем скромный костюм напрасно старался скрыть это звание.

При входе флибустьера, не поднимая головы, он искоса бросил взгляд из-под своих бархатных ресниц и снова занялся вкусным завтраком, стоявшим перед ним.

У флибустьеров все было общее; каждый брал у другого, дома тот был или нет, все, что было ему нужно, оружие, порох, одежду, пищу, и тот, у кого делался этот засм, не

имел права обижаться или делать самое легкое замечание; это не только допускалось и терпелось, но считалось даже правом, которым пользовались все без малейшего зазрения совести.

Монбар, осмотрев глазами комнату, взял стул и, бесцеремонно сев напротив незнакомца, сказал работнику:

— Подай мне завтракать, я голоден!

Работник, не позволяя себе ни малейшего замечания, тотчас повиновался. В одно мгновение с чрезвычайным проворством он подал флибустьеру обильный завтрак, потом стал позади его стула, чтобы ему служить.

— Друг мой,— небрежно сказал ему флибустьер,— благодарю, но я не люблю, чтобы кто-нибудь стоял позади меня, когда я ем. Ступай, стань перед дверью дома и не пускай сюда никого без моего приказания,— прибавил он, бросив на работника взгляд со странным выражением.— Никого! Ты слышишь?— прибавил он, делая ударение на этих словах.— Если бы даже пришел сам твой господин; ты меня понял?

— Понял, Монбар,— отвечал работник и ушел.

При имени Монбара незнакомец неприметно вздрогнул, бросив тревожный взгляд на флибустьера; но тотчас оправившись, он принялся есть с величайшим спокойствием, по крайней мере по наружности. Монбар, со своей стороны, ел, по-видимому не занимаясь со стольником, сидевшим напротив него. Это продолжалось несколько минут; в комнате не слышалось никакого шума, кроме звона ножей и вилок, между тем как бушевали сильные внутренние страсти. Наконец Монбар поднял голову и посмотрел на незнакомца.

— Вы очень молчаливы,— сказал он добродушным тоном человека, которому надоело продолжительное молчание и который желает начать разговор.

— Я!— сказал незнакомец самым спокойным голосом и приподняв голову.— Кажется, нет...

— Однако я вам замечу,— продолжал флибустьер,— вот уже четверть часа, как я имею честь находиться вместе с вами, вы не сказали мне еще ни слова, даже не поздоровались, когда я вошел.

— Извините меня,— сказал незнакомец, слегка накло-

нив голову,— это поступок совершенно невольный; притом, не имея удовольствия знать вас...

— Уверены ли в этом?— с иронией перебил авантюрист.

— По крайней мере я так думаю, и, не имея ничего сказать вам, я предположил, что бесполезно начинать разговор, у которого нет никакой цели.

— Почему знать?— с насмешкой возразил флибустьер.— Самые пустые разговоры при начале часто становятся очень интересными через несколько минут.

— Я сомневаюсь, чтобы это случилось с нашим разговором. Позвольте же мне прервать его на этих первых словах; притом завтрак мой окончен,— сказал незнакомец, вставая,— и серьезные дела требуют моего присутствия. Извините, что я так скоро оставляю вас, и верьте моим сожалениям.

Флибустьер не вставал с места, но, с грациозной небрежностью опрокинувшись на спинку стула и играя ножом, который он держал в руке, он сказал голосом, кротким и вкрадчивым:

— Извините, только одно слово...

— Говорите скорее,— отвечал незнакомец, останавливаясь,— уверяю вас, я очень тороплюсь.

— О! Вы останетесь со мною на несколько минут,— продолжал авантюрист с насмешкой.

— Если вы так сильно этого желаете, я вам не откажу, но уверяю вас, что я очень тороплюсь.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь; особенно вы торопитесь уйти из этого дома, не правда ли?

— Что вы хотите сказать?— надменно спросил незнакомец.

— Я хочу сказать,— отвечал флибустьер, вставая, подходя к нему и становясь перед дверью,— бесполезно притворяться, вы узнаны.

— Я узнан? Я вас не понимаю; что значат эти слова?

— Они значат,— грубо сказал Монбар,— что вы шпион и изменник, и через несколько минут вы будете повешены!

— Я?— вскричал незнакомец с удивлением, очень хорошо разыгранным.— Вы сошли с ума или ошибаетесь. Прошу вас простить меня.

— Я не сошел с ума и не ошибаюсь, сеньор дон Антонио де ла Ронда.

Незнакомец вздрогнул, смертельная бледность покрыла его лицо, но, тотчас оправившись, он сказал:

— О, это какое-то безумство!

— Милостивый государь,— прошептал Монбар спокойно, но остановившись, как бы пригвожденный к двери,— я утверждаю, вы опровергаете. Очевидно, один из нас лжет или ошибается. Я уверяю вас, что не лгу, стало быть, лжете вы, и чтобы лишить вас последнего сомнения на этот счет, я прошу вас выслушать меня, но прежде не угодно ли вам сесть? Нам надо поговорить несколько минут, а я вам замечу, что не совсем прилично говорить стоя друг против друга, как двум боевым петухам, готовым наскочить друг на друга, когда возможно говорить сидя.

Невольно подчиняясь сверкающему взору флибустьера, упорно устремленному на него, и резкому, повелительному тону, незнакомец сел на свое место или, лучше сказать не сел, а опустился на стул.

— Теперь,— продолжал флибустьер тем же спокойным тоном, садясь на свое прежнее место, опираясь локтями о стол и наклоняясь вперед,— чтобы разом рассеять все сомнения, которые вы могли сохранить, и доказать вам, что я знаю гораздо болсе, чем вы желали бы, позвольте мне в двух словах рассказать вам вашу историю.

— Милостивый государь!— перебил незнакомец.

— О! Не бойтесь,— прибавил флибустьер тоном холодного и сухого сарказма,— я не стану распространяться; так же, как и вы, я не желаю терять время на пустые разговоры; но заметьте мимоходом, каким образом наш пустой разговор, как я предвидел, скоро сделался интересным. Не правда ли, как это странно?

— Я жду, чтобы вы объяснились,— холодно отвечал незнакомец,— потому что до сих пор я не понял ни одного слова из всего, что вы рассказали мне.

— Ей-Богу! Вы пришли мне по сердцу. Я не ошибся на ваш счет. Храбрый, холодный, скрытный, вы достойны быть флибустьером и вести с нами жизнь, исполненную приключений.

— Вы делаете мне большую честь, но все это мне не объясняет...

— Потерпите несколько; как вы пылки! Остерегайтесь, ваше ремесло требует хладнокровия, а у вас его недостает в эту минуту.

— Вы очень остроумны,— сказал незнакомец, иронически поклонившись своему собеседнику.

Тот ударил кулаком по столу и сказал:

— Вот ваша история в двух словах: вы андалузец, родились в Малаге, младший сын и, следовательно, были назначены в духовное звание. В один прекрасный день, не чувствуя никакой склонности к тонзуре, вы уехали на испанском корабле, отправившемся в Испаньолу. Вас зовут дон Антонио де ла Ронда; вы видите, что до сих пор я знаю все хорошо.

— Продолжайте,— отвечал незнакомец совершенно флегматически,— вы чрезвычайно меня интересуете.

Монбар пожал плечами и продолжал:

— Приехав в Испаньолу, вы успели в короткое время, по милости вашей красивой наружности, а особенно вашего тонкого и оригинального ума, найти себе могущественных покровителей, так что через три года по приезде из Европы вы возвысились так быстро, что теперь сделались одним из самых влиятельных людей в колонии; к несчастью...

— Вы сказали: к несчастью?— перебил незнакомец с насмешливой улыбкой.

— Да,— невозмутимо отвечал авантюрист,— к несчастью, фортуна повернулась к вам спиной, и до такой степени...

— До такой степени...

— Что, несмотря на ваших друзей, вас арестовали и угрожали судить за кражу двух миллионов пиастров; цифра хорошая, поздравляю вас. Я сознаюсь, что всякий другой на вашем месте погиб бы; совет обеих Индий не шутит, когда дело идет о деньгах.

— Позвольте мне вас прервать, милостивый государь,— сказал незнакомец с совершенной непринужденностью,— вы рассказываете эту историю чрезвычайно красноречиво, но если вы будете продолжать таким образом, она

продлится нескончаемо. Если вы мне позволите, я кончу ее в нескольких словах.

— А! а! Вы теперь сознаетесь, что она справедлива?

— Еще бы!— отвечал незнакомец с удивительной самоуверенностью.

— Вы сознаетесь, что вы дон Антонио де ла Ронда?

— Для чего мне отпираться, когда вы это знаете?

— Стало быть, вы сознаетесь, что вы обманом забрались в колонию с целью...

— Я признаюсь во всем, что вам будет угодно,— с живостью сказал испанец.

— Стало быть, вы заслуживаете виселицу и будете повешены через несколько минут.

— Ну нет!— возразил испанец, не теряя хладнокровия.— Вот в этом мы с вами не сходимся, милостивый государь. Ваше заключение вовсе не логично.

— Что?— вскричал авантюрист, удивляясь этой внезапной перемене в тоне, которой он не ожидал.

— Я сказал, что ваше заключение не логично.

— Я это слышал.

— И докажу,— продолжал испанец.— Теперь ваша очередь выслушать меня.

— Хорошо; надо быть сострадательным к тем, кто скоро умрет.

— Вы очень добры, но, по милости Божией, я еще до этого не дошел. От стакана до губ еще далеко, гласит очень мудрая пословица на моей родине.

— Продолжайте,— сказал флибустьер со зловещей улыбкой.

Но испанец не дрогнул.

— Для меня очевидно, милостивый государь, что вы желаете предложить мне какое-нибудь условие.

— Я?

— Конечно. Вот почему, узнав во мне шпиона, я должен сознаться, что я действительно шпион; вы видите, что я откровенен в моих признаниях — для вас ничего не могло быть легче, как приказать повесить меня на первом дереве без всякого суда.

— Да, но я это сделаю сейчас.

— Нет, вы не сделаете этого теперь, и вот почему: вы

думаете, по причинам, неизвестным мне, потому что я не хочу обижать вас предположением, будто вы почувствовали ко мне сострадание, когда мои соотечественники так справедливо называли вас Истребителем; вы думаете, говорю я, что я могу быть вам полезен для успеха вашего плана, и, следовательно, вместо того чтобы велеть меня повесить, как вы сделали бы это при всяких других обстоятельствах, вы прямо пришли сюда, чтобы поговорить со мной как друг с другом. Ну! Я сам этого желаю; говорите, я вас слушаю; о чем идет дело?

Произнеся эти слова с самым развязным видом, дон Антонио откинулся на спинку стула, вертя в пальцах сигарку. Флибустьер смотрел на него с минуту с удивлением, которое не старался скрыть, потом, расхохотавшись, сказал:

— Ну, я это предпочитаю, по крайней мере между нами не будет недоразумений. Да, вы угадали, я хочу сделать вам предложение.

— Это не трудно было узнать, но оставим это; в чем состоит ваше предложение?

— Боже мой! Оно очень просто. Вам только надо переменить вашу роль.

— Очень хорошо. Я вас понимаю; то есть вместо того, чтобы изменять вам в пользу Испании, я буду изменять Испании в вашу пользу.

— Вы видите, что это легко.

— Действительно, очень легко, но чертовски опасно; и положим, я соглашусь на вашу просьбу, какая же мне будет польза из того?

— Во-первых, вас не повесят.

— Быть повешенным, утопленным или расстрелянным почти одно и то же. Я желал бы выгоды посущественнее и повиднее.

— Черт побери! Вы прихотливы; разве не значит ничего спасти жизнь от петли?

— Когда так, если мне нечего терять, смерть скорее благодеяние, чем бедствие.

— Вы философ, как кажется.

— Нет, черт побери! Я только человек отчаянный.

— Это часто одно и то же; поворотимся к нашему делу.

— Да, воротимся, это гораздо лучше.

— Я предлагаю вам мою долю добычи с первого корабля, который я захвачу; на это вы согласны?

— Это уже лучше; к несчастью, корабль, о котором вы мне говорите, похож на медведя в басне, он еще в бегах. Я предпочел бы что-нибудь посущественнее.

— Я вижу, что вам надо уступить; служите мне хорошенько, и я награжу вас так щедро, что даже король испанский не мог бы сделать больше.

— Это решено, я рискну. Теперь скажите мне, каких услуг вы требуете от меня?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне захватить врасплох остров Черепажу, на котором вы долго жили и с которым вы, кажется, сохранили сношения.

— Я не вижу к этому никакого препятствия, хотя прежде всего сделаю условие.

— Какое?

— Что я не могу ручаться вам за успех этого смелого предприятия.

— Это замечание справедливо, но будьте спокойны; если остров хорошо защищен, то он будет хорошо атакован.

— В этом я убежден; посмотрим, что далее.

— Я вам скажу после, когда наступит пора, сеньор, а теперь мы должны заняться другим.

— Как вам угодно.

— Теперь, так как я имел честь вам сказать при начале, зная, что вы человек очень хитрый и очень способный проскользнуть, как змея между пальцев, без малейшего зазрения совести, а так как я хочу избежать этой возможности, сделайте мне удовольствие, отправляйтесь сейчас же на мой люгер.

— Пленником?— сказал испанец с досадой.

— Нет, не пленником, любезный дон Антонио, а как аманат, с которым будут обращаться со всем вниманием, совместным с нашей общей безопасностью.

— Но слово дворянина...

— Годится между дворянами, это правда, но с такими негодьями, как вы нас называете, оно, по-моему, не имеет никакой цены; в обязанность нарушать ваше слово без

малейшего зазрения совести, когда вас будут побуждать к этому ваши выгоды.

Дон Антонио потупил голову и ничего не отвечал, внутренне сознаваясь, хотя не хотел этого высказать, в справедливости слов флибустьера. Тот наслаждался с минуту смущением испанца, потом три раза ударил по столу рукояткой ножа. Работник капитана немедленно вошел.

— Что вам нужно, Монбар?

— Скажи мне, мой храбрый товарищ,— сказал авантюрист,— не видал ли ты краснокожего карайба, не бродит ли он вокруг этого дома?

— Монбар, краснокожий караиб спрашивал меня несколько минут тому назад, здесь ли вы; я отвечал утвердительно, но не хотел нарушить приказание, полученное от вас, и впустить его, как он этого желал.

— Очень хорошо. Человек этот не сказал, как его зовут?

— Напротив, он тотчас сказал, что его зовут Прыгун.

— Это тот человек, которого я ждал;пусти его, пожалуйста; он, должно быть, ждет у дверей и войди сам вместе с ним.

Работник вышел.

— Чего вы хотите от этого человека?— спросил испанец с беспокойством, которое не укрылось от проницательных глаз авантюриста.

— Этот индеец просто назначен вам в караульные,— сказал Монбар.

— Стало быть, вы действительно хотите задержать меня?

— Чрезвычайно, сеньор.

В эту минуту работник вошел вместе с караибом, который ничего не изменил в своем первобытном костюме, но воспользовался позволением Монбара, чтобы вооружиться с ног до головы.

— Прыгун и ты, друг мой, выслушайте хорошенько, что я вам скажу. Видите вы этого человека?— сказал флибустьер, указывая на испанца, все бесстрастного.

— Видим,— отвечали они.

— Отведите его между вами обоими на лютер и отдайте моему матросу Мишелю Бискайцу, приказав ему от моего

имени караулить его старательно; если во время перехода до люгера человек этот попытается бежать, прострелите ему голову беспощадно. Поняли вы меня?

— Поняли,— сказал работник,— положитесь на нас, мы ручаемся за него нашей головой.

— Хорошо, полагаюсь на ваше слово; милостивый государь,— прибавил флибустьер, обратившись к дону Антонио,— прошу вас идти с этими людьми.

— Я повинуюсь силе.

— Очень хорошо, я сам понимаю это так; но успокойтесь, ваш плен будет непродолжителен и не жесток; я сдержу свое обещание, которое я вам дал, если вы со своей стороны сдержите ваше. Ступайте же; до свидания!

Испанец ничего не отвечал, сам встал между караульными и вышел вместе с ними.

XVI

ПРОДАЖА НЕВОЛЬНИКОВ

Через минуту Монбар встал, надел плащ, который при входе бросил на стул, и хотел выйти из дома. На пороге двери он очутился лицом к лицу с капитаном Дрэком.

— А! Ты здесь, брат?— сказал Дрэк.

— Да, я завтракал у тебя.

— Ты хорошо сделал.

— Пойдешь со мной на продажу?

— Мне не нужны работники.

— И мне не нужны, но ты знаешь, что тотчас после продажи начнется набор.

— Это правда; дай мне только сказать несколько слов моему работнику, и я пойду с тобой.

— Твой работник вышел.

— А я велел ему не выходить.

— Я дал ему поручение.

— Это другое дело.

Оба флибустьера ушли.

— Ты меня не спрашиваешь, какое поручение я дал

твоему работнику,— сказал Монбар через несколько минут.

— Для чего я стану спрашивать? Это меня не касается.

— Гораздо более, чем ты думаешь, брат.

— Это как?

— Ты дал гостеприимство одному незнакомцу, не так ли?

— Да. Но что же это имеет общего?..

— Ты увидишь; этот незнакомец, которого ты не знаешь... ты ведь не знаешь его?

— Нет. Что мне за дело, кто он такой? В гостеприимстве отказывать нельзя.

— Это правда, но я узнал этого человека.

— А! а! Но кто же он?

— Ни более ни менее, как испанский шпион.

— Вот тебе раз!— сказал капитан, остановившись.

— Что с тобой?

— Ничего, ничего! Я только пойду прострелю ему голову, если ты уже этого не сделал.

— Нет, брат, я убежден, что этот человек нам будет очень полезен.

— Как это?

— Можно умеючи извлечь выгоды даже из испанского шпиона; пока я отправил его с твоим работником и моим человеком на люгер, где его будут караулить, так что он от нас не ускользнет.

— Полагаюсь на тебя; благодарю тебя, брат, что ты избавил меня от этого негодяя.

Разговаривая таким образом, оба флибустьера дошли до того места, где происходила продажа работников.

Направо находился большой навес из досок, открытый ветру и дождю; посреди этого навеса поставили стол для секретарей Компании, которые производили продажу и составляли контракты; для губернатора было приготовлено кресло возле довольно высокой эстрады, куда каждый работник или работница всходили поочередно для того, чтобы покупщики могли свободно их рассматривать. Эти несчастные, обманутые агентами Компании в Европе, заключали обязательства, последствий которых они не понимали, и были убеждены, что по приезде в Америку,

по истечении более или менее продолжительного срока, они сделаются свободны зарабатывать себе на пропитание как захотят; по большей части это были плотники, каменщики, столяры; между ними находились также сыновья разорившихся родителей и кутилы, для которых труд был антипатичен и которые воображали, будто в Америке, стране золота, богатство свалится на них во сне.

Несколько дней тому назад корабль Компании привез полтораста работников, между которыми находились несколько женщин, молодых и хорошеньких по большей части, но развратных, которых полиция задержала на улице и которые без всякого суда были отправлены в Америку. Женщины эти также были проданы колонистам, но не как невольницы, а как жены. Союзы эти, заключаемые по цыганскому обычаю, должны были длиться определенный промежуток времени, не более семи лет, если только не последует взаимного согласия супругов, но это не случалось почти никогда, а по окончании этого срока они расходились, и каждый имел право вступить в новый брак.

Работники были привезены с корабля на остров уже два дня; эти два дня были им даны для того, чтобы они могли несколько оправиться от усталости продолжительного морского путешествия, погулять и подышать животворным воздухом земли, которого они были так долго лишены.

В ту минуту, когда подошли оба флибустьера, продажа уже началась полчасу тому назад, в сарае была целая толпа колонистов, желавших купить невольников, — мы принуждены употребить это слово, потому что эти бедные обязанные работники были не что иное, как рабы. При появлении Монбара, имя которого было знаменито, ряды сжались направо и налево, толпа расступилась, и он довольно легко успел в сопровождении капитана стать возле губернатора, кавалера де Фонтенэ, возле которого уже находились самые знаменитые авантюристы и, между прочим, Бискаец Мишель.

Кавалер де Фонтенэ учтиво принял Монбара, он даже встал со своего места и сделал два шага навстречу ему, что флибустьерам очень понравилось и за что они были очень признательны губернатору; эта почесть, оказанная

самому знаменитому между ними, отражалась на них всех. Обменявшись несколькими учтивыми словами с губернатором, Монбар наклонился к Мишелю и спросил его:

— Ну что, матрос?

— Испанец на люгере, — отвечал Мишель, — под караулом Тихого Ветерка.

— Стало быть, я могу быть спокоен?

— Вполне.

Во время этого разговора продажа продолжалась. Все работники были проданы, кроме одного, который стоял в эту минуту на эстраде возле агента Компании, исполнявшего должность оценщика, и которому поручено было выхвалять достоинство человеческого товара, который он предлагал присутствующим. Человек этот был небольшого роста, коренастый, крепкого сложения, лет двадцати шести, с жесткими, энергичными, но умными чертами, и серые глаза которого дышали смелостью и веселостью.

— Пьер Но, родившийся на Олонских песках, — сказал агент компании, — двадцати пяти лет, сильный и здоровый матрос. Сорок экю за олонца, сорок экю за три года, господа!

— Тот, кто меня купит, сделает выгодное дельце, — сказал Пьер Но.

— Сорок экю, — продолжал агент, — сорок экю, господа! Монбар обернулся к работнику.

— Как, негодяй, ты матрос, и, вместо того чтобы присоединиться к нам, ты продал себя? Какой же ты малодушный!

Олонец засмеялся.

— Вы этого не понимаете, я продал себя потому, что это было необходимо, — отвечал он, — для того, чтобы моя мать могла жить во время моего отсутствия.

— Как это?

— Что вам за дело? Вы не господин мой пока, а если и сделаетесь моим господином, то не будете иметь права расспрашивать меня о моих частных делах.

— Ты мне кажешься отважным удальцом.

— И мне самому это кажется; я хочу сделаться таким же флибустьером, как все вы, а для этого мне необходимо поучиться ремеслу.

— Сорок экю!— кричал агент.

Монбар посмотрел с самым серьезным вниманием на работника, твердый взор которого медленно потупился перед его взором, потом, оставшись, без сомнения, доволен, он обернулся к агенту.

— Хорошо, замолчите,— сказал он,— я покупаю этого человека.

— Олонец присужден Монбару Истребителю за сорок экю,— сказал агент.

— Вот они,— отвечал флибустьер, бросая на стол горсть серебра,— пойдем,— приказал он Олонцу,— ты теперь мой работник.

Тот прыгнул с эстрады и с радостным видом подбежал к Монбару.

— Так это вы Монбар Истребитель?— с любопытством спросил он.

— Ты, кажется, меня допрашиваешь?— смеясь, сказал флибустьер.— Однако, так как твой вопрос, кажется мне довольно естествен, я на этот раз тебе отвечу: да, это я.

— Когда так, я благодарю, что вы купили меня, Монбар; с вами я, наверно, скоро сделаюсь человеком.

По знаку своего нового господина он почтительно стал позади него.

Начиналась самая любопытная часть продажи для авантюристов — продажа женщин. Эти бедные и несчастные женщины, молодые и хорошенькие по большей части, дрожа поднимались на эстраду и, несмотря на свои усилия не теряться, краснели от стыда, и горячие слезы текли по их лицам при виде взглядов всех этих мужчин, пылкие глаза которых устремлялись на них. Компания получала большие барыши, особенно на женщинах, потому что она захватывала их даром и продавала как можно дороже. Мужчины обыкновенно продавались от тридцати до сорока экю и не могли продаваться дороже, женщины же продавались с аукциона; только губернатор имел право остановить продажу, когда цена казалась ему довольно высока. Женщины всегда присуждались покупателю среди криков и насмешек, весьма неприличных, над флибустьерами, которые не боялись пускаться по брачному океану, наполненному подводными камнями.

Красивая Голова, этот свирепый флибустьер, о котором мы уже говорили, купил, так как намеревался, двух работников, взамен двух умерших, как он выражался, от лени, но в действительности от его ударов, потом, вместо того чтоб воротиться домой, он поручил своих работников своему надзирателю, потому что у флибустьеров, так же как и у владельцев негров, были надзиратели, смотревшие за работой белых невольников, и Красивая Голова остался, следя с живейшим участием за продажей женщин. Друзья его подшучивали над ним, но он только пожимал плечами с видом презрения и стоял, скрестив руки на дуле своего длинного ружья и упорно устремив глаза на эстраду.

Там заняла место молодая женщина, нежная, деликатная, почти ребенок, с белокурыми кудрявыми волосами, падавшими на ее белую и худощавую грудь; гладкий и задумчивый лоб, большие голубые глаза, наполненные слезами, свежие щеки, крошечный ротик заставляли ее казаться гораздо моложе, нежели она была в действительности; ей было восемнадцать лет; тонкий и гибкий стан, приличный вид — словом, все в ее восхитительной наружности имело обольстительное очарование, составлявшее полный контраст с решительными и пошлыми ухватками женщин, появлявшихся на эстраде до и после нее.

— Луиза, родившаяся в Монмартре, восемнадцати лет; кто берет ее в жены на три года за пятнадцать экю?— сказал агент Компании насмешливым голосом.

Бедная девушка закрыла голову обеими руками и заплакала.

— Двадцать экю за Луизу!— сказал авантюрист, подходя.

— Двадцать пять,— сказал немедленно другой.

— Велите ей поднять голову, чтобы ее видели!— грубо закричал третий.

— Ну, малютка, будь мила,— сказал агент, принуждая Луизу отнять руки от лица,— дай посмотреть на себя, это для твоей же пользы, черт побери! Двадцать пять экю!

— Пятьдесят!— сказал Красивая Голова, не трогаясь с места.

Взоры всех устремились на него; до сих пор Красивая Голова показывал глубокое презрение к женитьбе.

— Шестьдесят!— закричал один авантюрист, который вовсе не желал купить эту молодую девушку, а хотел только подзадорить своего товарища.

— Семьдесят!— сказал другой с тем же сострадательным намерением.

— Сто!— закричал Красивая Голова с гневом.

— Сто экю, господа! Сто экю! Луизу на три года!— сказал все бесстрашный агент.

— Полтора ста.

— Двести!

— Двести пятьдесят!

— Триста!— закричали в то же время несколько авантюристов, которые все приближались к эстраде.

Красивая Голова был бледен от бешенства; он боялся, чтобы Луиза не досталась кому-нибудь другому. Он вообразил, что ему непременно нужна женщина, чтобы заниматься хозяйством; он увидал Луизу, она ему понравилась, он захотел ее купить.

— Четыреста экю!— закричал он с видом вызова.

— Четыреста экю!— повторил агент компании своим монотонным голосом.

Наступило молчание. Четыреста экю составляют порядочную сумму; Красивая Голова восторжествовал.

— Пятьсот!— вдруг вскричал резкий и звучный голос.

Турнир опять начался; противники остановились только для того, чтобы собраться с силами.

Агент Компании потирал себе руки с веселым видом, повторяя:

— Шестьсот! Семьсот! Восемьсот! Девятьсот!

Зрителями овладело какое-то неистовство, каждый набавлял цену с гневом; молодая девушка все плакала. Красивая Голова находился в бешенстве, похожем на помешательство; с гневом сжимая ружье между судорожно подергивавшимися пальцами, он чувствовал безумное искушение послать пулю в самого решительного из состязателей. Одно присутствие кавалера де Фонтенэ удерживало его.

— Тысячу!— закричал он хриплым голосом.

— Тысячу двести!— немедленно крикнул самый ожесточенный состязатель.

Красивая Голова с бешенством топнул ногой, набросил ружье на плечо, надвинул шапку на лоб и медленными торжественными шагами, как шли бы статуи, если б они умели ходить, подошел и стал рядом со своим докучливым состязателем и, тяжело стукнув о землю дулом ружья в нескольких линиях от ног этого человека, посмотрел на него с видом вызова и закричал голосом, прерывавшимся от волнения:

— Полторы тысячи!

Состязатель в свою очередь посмотрел на него, отступил на шаг, взвел курок у своего ружья, потом сказал спокойным голосом:

— Две тысячи!

Пред этими двумя ожесточенными противниками другие состязатели благоразумно удалились; борьба превратилась в ссору и угрожала сделаться кровавой. Мертвое молчание распространилось под навесом, раздражение этих двух человек уничтожило всякую веселость в присутствующих, остановило все шутки. Губернатор с участием следил за различными изменениями этой борьбы и приговаривался вмешаться. Авантюристы мало-помалу отступили и оставили большое пространство между обоими состязателями. Красивая Голова также сделал несколько шагов назад, положил ружье на плечо и прицелился в своего противника.

— Три тысячи!— сказал он.

Другой состязатель тоже положил ружье на плечо.

— Три тысячи пятьсот!— закричал он, спустив курок, выстрел раздался.

Но губернатор движением, быстрым как мысль, отвел концом своей трости дуло ружья и пуля вонзилась в крышу. Красивая Голова оставался неподвижен, только, услышав выстрел, он опустил дуло ружья.

— Милостивый государь!— с негодованием обратился губернатор к выстрелившему флибустьеру.— Вы поступили бессовестно, вы чуть не совершили убийство.

— Господин губернатор,— холодно отвечал флибустьер,— когда я выстрелил, в меня прицеливались, стало быть — это была дуэль.

Губернатор колебался, предлог был благовиден.

— Это все равно,— продолжал он через минуту,— законы о дуэли не были вами соблюдены; чтобы наказать вас, я вас исключаю из числа конкурентов. Я приказываю,— обратился он к агенту Компании,— чтобы женщина, бывшая причиной этого неприятного спора, была присуждена господину Красивой Голове за три тысячи экю.

Агент поклонился с видом довольно угрюмым; он надеялся, судя по тому, как шли торги, достигнуть цифры гораздо более значительной, но сделать возражение кавалеру де Фонтенэ было нельзя, необходимо было покориться.

— Луиза присуждена за три тысячи экю,— сказал агент Красивой Голове со вздохом сожаления, не о женщине, а о деньгах.

— Очень хорошо, господин губернатор,— сказал флибустьер со злой улыбкой,— я должен преклониться перед вашим приговором, но с Красивой Головой мы увидимся.

— Надеюсь, Пикар!— холодно отвечал дьеппец.— И теперь между нами дело идет о пролитии крови.

В это время Луиза сошла с эстрады, где ее место заняла другая женщина, и, вся в слезах, стала возле Красивой Головы, теперь ее повелителя и властелина. Кавалер де Фонтенэ бросил взгляд сострадания на бедную женщину, для которой, по всей вероятности, начиналась жестокая жизнь с человеком такого жестокого характера, и сказал ей кротким голосом:

— Милостивая государыня, с нынешнего дня на три года вы делаетесь законною супругою Красивой Головы; вы обязаны его любить, повиноваться ему и оставаться ему верной; таковы законы колонии; через три года вы имеете право оставить его или продолжать жить с ним, если он на это будет согласен; подпишите эту бумагу.

Несчастливая женщина, ослепленная слезами, вне себя от отчаяния, подписала бумагу, которую ей подал губернатор, потом бросила взгляд на безмолвную и равнодушную толпу, в которой у нее не было ни одного друга.

— Теперь что я должна делать?— спросила она губернатора тихим и дрожащим голосом.

— Вы должны следовать за этим человеком, который на три года сделался вашим мужем,— отвечал кавалер де Фонтенэ с движением сострадания, которого он не мог преодолеть.

Красивая Голова дотронулся до плеча молодой девушки, все тело которой задрожало и которая посмотрела на него с видом отупения.

— Да,— сказал он,— ты должна следовать за мной; тебе сказал господин губернатор, что я теперь твой муж на три года, и до окончания этого срока у тебя нет другого господина, кроме меня. Слушай же и запомни хорошенько мои слова: то, что ты делала и чем была до сих пор, меня не касается,— прибавил он мрачным и свирепым голосом, который оледенил ужасом бедную молодую девушку,— но начиная с нынешнего дня и с этой минуты ты зависишь от меня, от меня одного, я вверяю тебе мою честь, которая становится твоей честью, и если ты ее скомпрометируешь, если ты забудешь твою обязанность,— прибавил он, крепко стукнув своим ружьем, которое издало зловещий звук,— вот что тебе напомнит о ней; теперь ступай за мной.

— Будьте кротки с нею, Красивая Голова,— сказал кавалер де Фонтенэ, не будучи в состоянии удержаться,— она так молода.

— Я буду справедлив, господин губернатор; благодарю за ваше беспристрастие, мне пора идти. Пикар, мой старый приятель, ты знаешь, где меня найти.

— Я непременно явлюсь к тебе, но не хочу мешать твоему медовому месяцу,— отвечал Пикар с насмешкой.

Красивая Голова ушел в сопровождении своей жены. Продажа не представляла ничего интересного; оставшиеся женщины были присуждены за цену гораздо ниже той, за которую была продана Луиза, к великому сожалению агентов Компании. Флибустьеры хотели уже уходить, но тогда Монбар вошел на эстраду и, обратившись к толпе, сказал звучным голосом:

— Братья, остановитесь, я должен сообщить вам нечто важное...

Авантюристы оставались неподвижны.

НАБОР

Все флибустьеры столпились около эстрады, с нетерпением ожидая, что им скажет Монбар.

— Братья,— сказал он через минуту,— я приготавливаю новую экспедицию, для которой мне нужны триста решительных человек; кто из вас хочет отправляться на набег с Монбаром Истребителем?

— Все! Все!— закричали флибустьеры с энтузиазмом. Губернатор сделал движение, чтобы уйти.

— Извините, кавалер де Фонтенэ,— сказал Монбар,— я прошу вас остаться еще несколько минут; я задумал очень серьезную экспедицию и продиктую договор о разделе добычи, который я прошу вас, как губернатора колонии, подписать прежде наших товарищей; притом я должен предложить вам условие.

— Я останусь, если вы желаете, Монбар,— отвечал губернатор, опять садясь на свое место,— теперь позвольте спросить: какое условие хотите вы мне предложить?

— Вы владеец двух бригантин, каждая в двадцать тонн?

— Действительно.

— Эти бригантины для вас бесполезны в эту минуту, потому что вы, кажется, отказались от набегов, а мне они будут очень полезны.

— Извольте, эти бригантины с этой же минуты в вашем распоряжении,— любезно отвечал губернатор.

— Благодарю вас за ваше одолжение, но в такой экспедиции никто не может предвидеть, что случится, и я предлагаю купить два корабля за четыре тысячи экю наличными.

— Хорошо; если вы этого желаете, я очень рад сделать вам удовольствие, оба корабля принадлежат вам.

— Я буду иметь честь вручить вам четыре тысячи экю через час.

Они поклонились друг другу, потом флибустьер обернулся к авантюристам, которые ждали, едва переводя дух от нетерпения. Покупка двух судов еще более увеличила их любопытство.

— Братья,— сказал он своим звучным голосом,— вот уже два месяца мы не предпринимали никаких экспедиций, никакие суда не отправлялись на набеги; разве вам не надоедает праздная жизнь, которую мы ведем? Разве вы не начинаете чувствовать недостаток в деньгах, разве ваш кошелек не начинает уже пустеть? Товарищи, поезжайте-ка со мною, и через две недели ваши карманы наполнятся испанскими пиастрами, и хорошенькие девушки, теперь к вам суровые, станут расточать вам очаровательные улыбки; долой испанцев, братья! Пусть те из вас, которые хотят следовать за мною, скажут свои имена Мишелю Бискайцу, моему матросу. Только так как добыча выгодна, то и опасности велики, я желаю иметь людей решившихся победить или храбро умереть, не прося пощады и сами не щадя врага; я, Монбар Истребитель, не щажу испанцев и не прошу пощады у них!

Трепет восторга принял эти слова, произнесенные тем тоном, который знаменитый флибустьер умел принимать, когда хотел увлечь тех, к кому обращался.

Начался набор. Мишель Бискаец сел у стола, за которым прежде сидел агент Компании, и записывал имена флибустьеров, которые толпились около него и которые все хотели участвовать в экспедиции, предвидя, что она будет очень прибыльна.

Но Мишель получил строгие инструкции от своего начальника; убежденный, что в людях у него не будет недостатка и что всегда найдется больше, нежели нужно, Мишель был разборчив на выбор и безжалостно отказывал флибустьерам, репутация которых — не скажем храбрости, все были храбры как львы — но безумной отваги еще не установилась. Однако, несмотря на рассчитанную строгость Мишеля Бискайца, триста человек скоро были записаны; разумеется, это были самые отборные флибустьеры, совершившие подвиги невероятно отважные, такие люди, с которыми предпринять и исполнять невозможное было детской игрой.

Первые записались, как было условлено накануне, члены общества Двенадцати. Де Фонтенэ, сам бывший флибустьером и не только знавший по репутации, но и видевший на деле всех этих человек, не мог опомниться

от удивления и ежеминутно повторял Монбару, который стоял, спокойно улыбаясь, возле него:

— Но что же намерены вы делать? Уж не хотите ли вы захватить Испаньолу?

— А может быть,— с насмешкой сказал флибустьер.

— Однако мне кажется, что я имею право на ваше доверие,— сказал губернатор обиженным тоном.

— На самое полное доверие, только вам известно, что первое условие успеха подобной экспедиции — тайна.

— Это правда.

— Я ничего не могу вам сказать, но не мешаю вам угадывать.

— Угадывать? Но как?

— Может быть, договор о разделе добычи объяснит вам кое-что?

— Ну, составьте же этот договор.

— Потерпите еще немножко; но вот Мишель идет ко мне. Кончен наш набор?

— Еще бы! У меня записались триста пятьдесят человек.

— Черт побери! Это много.

— Никак нельзя было не взять. Все хотят идти с Монбаром. Невозможно удержать.

— Ну, нечего делать,— улыбаясь, сказал Монбар,— дай мне твой список.

Мишель подал; флибустьер осмотрелся вокруг и приметил агента Компании, которого удержало любопытство и который остался, чтобы присутствовать при наборе.

— Милостивый государь,— вежливо сказал ему Монбар,— вы, кажется, агент Компании?

— Да,— отвечал агент, поклонившись,— имею эту честь.

— Если так, позвольте мне попросить вас оказать мне услугу.

— Говорите, я буду очень рад сделать вам удовольствие.

— Милостивый государь, мы с моими товарищами люди не ученые, мы лучше умеем употреблять топор, чем перо; не будете ли вы так обязательны, чтобы на несколько минут служить мне секретарем и написать договор о разделе добычи, который я буду иметь честь вам продиктовать и который мои товарищи потом подпишут.

— Очень рад, что вы удостоиваете меня вашим доверием,— отвечал агент, поклонившись.

Он сел за стол, взял бумагу, приготовил перо и ждал.

— Молчите, господа,— сказал кавалер де Фонтенэ, который обменялся шепотом несколькими словами с Монбаром.

Отдельные разговоры тотчас прекратились, и немедленно водворилось глубокое молчание. Де Фонтенэ продолжал:

— Экспедиция флибустьеров, состоящая из трех кораблей, двух бригантин и одного люгера, выйдет с острова Святого Христофора под командой Монбара, которого я назначаю именем его величества короля Людовика Пятнадцатого адмиралом флота. Эта экспедиция, цель которой остается секретной, состоит из трехсот пятидесяти человек отборных флибустьеров; командирами кораблей назначаются три капитана: Мишель Бискаец, Уильям Дрэк и Жан Давид; им приказано сообразоваться во всем с приказаниями, которые они получают от адмирала; каждый капитан сам назначит офицеров своего экипажа. Теперь, адмирал,— обратился губернатор к Монбару,— продиктуйте договор.

Флибустьер поклонился и, обратившись к агенту Компании, который ждал, подняв и голову и перо, спросил:

— Вы готовы?

— Я жду ваших приказаний.

— Пишите, я диктую.

Никогда экспедиция не выходила из гавани, не составив заранее договор о разделе добычи; этот договор, где права каждого строго охраняются, служит законом этим людям, которые, хотя с ними трудно было справиться на суше, без ропота покорялись самым строгим требованиям флотской дисциплины; как только они ступали ногою на корабль, вчерашний капитан, сделавшийся сегодня матросом, без ропота покорялся этой случайной подчиненности, продолжавшейся только во время кампании и кончавшейся по возвращении, когда каждый член экспедиции становился на равную ногу со всеми.

Мы буквально приводим странный договор о разделе добычи, потому что по этому подлинному акту читатель легче поймет важность и силу этой ассоциации. Монбар

продиктовал что следует спокойным голосом, среди благоговейного молчания присутствующих, которые прерывали только изредка криками одобрения:

«Договор адмирала Монбара, капитанов Мишеля Бискайца, Уильяма Дрэка и Жана Давида с Береговыми Братьями, подчинившимися им со свободного согласия.

Адмирал будет иметь право, кроме своей доли, на одного человека из сотни.

Каждый капитан получит двенадцать долей.

Каждый брат — четыре доли.

Эти доли будут считаться после того, как доля короля будет взята из всех других долей.

Хирурги, кроме своей доли, получают по двести пиастров в награду за свои лекарства.

Плотники, кроме своей доли, будут иметь право на вознаграждение за свой труд, каждый по сто пиастров.

Всякое неповиновение будет наказано смертью, несмотря на имя и звание того, кто окажется виновным.

Братья, отличившиеся во время экспедиции, будут награждены следующим образом:

Тот, кто опрокинет неприятельский флаг с крепости и воткнет флаг французский, будет иметь право, кроме своей доли, на пятьдесят пиастров.

Тот, кто возьмет в плен неприятеля, кроме своей доли, получит по сто пиастров за каждого.

Гренадеры за каждую гранату, брошенную в крепость, получают по пяти пиастров.

Кто захватит в сражении неприятельского офицера, будет вознагражден, если он рисковал своей жизнью, самим адмиралом.

Сверх того, даются премии, кроме доли, раненым и изувеченным:

За потерю обеих ног — полторы тысячи пиастров или пятнадцать невольников, по выбору изувеченного, если невольников окажется довольно.

За потерю обеих рук — тысячу восемьсот пиастров или восемнадцать невольников, по выбору.

За одну ногу без различия, правую или левую, — пятьсот пиастров или шесть невольников.

За потерю одного глаза — пять пиастров или одного невольника.

За одну руку без различия, правую или левую,— пятьсот пиастров или шесть невольников.

За оба глаза — две тысячи пиастров или двадцать невольников.

За один палец — сто пиастров или одного невольника; если кто-нибудь опасно ранен в тело, тот получит пятьсот пиастров или пять невольников.

Разумеется, все эти награды будут вычтены из всей добычи прежде раздела долей.

Всякий неприятельский корабль, взятый в море или на стоянке, будет разделен между всеми членами экспедиции, если только он не будет оценен более десяти тысяч экю, в каковом случае тысяча экю будет вычтена и дана экипажу корабля, который первый подошел к нему; экспедиция выкинет французский флаг, кроме того, адмирал выкинет на большой мачте трехцветный флаг, синий, белый и красный.

Никакой офицер или моряк, участвующий в экспедиции, не может оставаться на берегу без позволения адмирала, под опасением быть объявленным беглецом и преследуемым за бегство».

Когда этот последний параграф, который, так же как и предшествующий, выслушали в глубоком молчании, был записан агентом Компании, Монбар взял договор и прочел его весь громким, внятным и звучным голосом.

— Согласны вы на этот договор, братья?— спросил он потом флибустьеров.

— Да! Да!— закричали они, махая шапками.— Да здравствует Монбар! Да здравствует Монбар!

— И вы клянётесь, как мои офицеры и я клянемся, повиноваться без ропота и строго исполнить все пункты этого договора?

— Клянемся!— сказали они опять.

— Хорошо,— продолжал Монбар,— завтра на восходе солнца начнется отправление на корабли; все должны быть на кораблях до шести часов утра.

— Будем.

— Теперь, братья, позвольте мне напомнить вам, что каждый из вас должен быть вооружен ружьем и саблей, иметь мешок с пулями и по крайней мере три фунта пороха; повторяю вам, что экспедиция, предпринимаемая нами, очень важна для того, чтобы вы не забыли выбрать своих матросов, чтобы они помогали вам в случае болезни или ран, и завещали в духовной ваши доли на добычу, которые без этой предосторожности достанутся королю. Поняли ли вы меня, братья? Воспользуйтесь как хотите несколькими часами свободы, которые еще остаются у вас, но не забудьте, что завтра на рассвете я жду вас на корабле.

Флибустьеры отвечали криками и вышли из-под навеса, где остался только губернатор. Монбар, его капитан и новый работник Олонец, которого Монбар купил несколько часов тому назад и который, вместо того чтобы печалиться, казался, напротив, очень доволен всем, что происходило около него.

— Мне нечего более отдавать вам приказаний, господа,— сказал Монбар,— вы знаете так же хорошо, как и я, что вы должны делать. Киньте между собой жребий, потом отправляйтесь на корабль, осмотрите все и приготовьтесь сняться с якоря по первому моему сигналу; вот единственное приказание, которое я должен вам дать... Ступайте.

Три капитана поклонились и тотчас ушли.

— Ах!— сказал тоном сожаления де Фонтенэ.— Любезный Монбар, я никогда не вижу приготовлений к экспедиции без печали и почти без зависти.

— Вы сожалеете о жизни авантюристов?

— Я понимаю это чувство, хотя каждая экспедиция увеличивает ваше богатство.

— Что мне до этого? Не думайте, чтобы я рассчитывал из скупости; мои мысли гораздо важнее; впрочем, теперь не время разговаривать об этом с вами; отправляйтесь, и, если вы будете иметь успех, как я не сомневаюсь, мы, может быть, сойдемся с вами и тогда вдвоем предпримем экспедицию, о которой долго будут говорить.

— Я очень рад,— отвечал флибустьер,— иметь вас товарищем; ваше блистательное мужество и ваши необык-

новенные заслуги ручаются мне за успех; я буду иметь честь быть наготове исполнить ваше приказание, если Богу будет угодно, чтобы я и на этот раз имел успех и воротился цел и невредим из предпринимаемой мною экспедиции.

— Счастливого успеха и до свидания!

— Благодарю вас.

Они пожали друг другу руку, и так как разговаривая — вышли из сарая, то после последнего поклона разошлись в разные стороны. Флибустьер со своим работником пошел к своему дому. В ту минуту, как он выходил из города, к нему подошел и поклонился какой-то человек.

— Чего вы от меня хотите? — спросил авантюрист, бросив на него проницательный взгляд.

— Сказать вам одно слово.

— Какое?

— Вы капитан Монбар?

— Вы, должно быть, нездешний, если делаете мне такой вопрос.

— Это все равно, отвечайте.

— Я капитан Монбар.

— Так вот это письмо к вам.

— Письмо ко мне? — спросил он с удивлением.

— Вот оно, — сказал незнакомец, подавая Монбару письмо.

— Дайте.

— Теперь данное мне поручение исполнено; прощайте.

— Теперь моя очередь сказать вам одно слово.

— Говорите.

— От кого это письмо?

— Я не знаю, но, прочтя это письмо, вероятно, вы узнаете.

— Это правда.

— Стало быть, я могу уйти?

— Никто вам не мешает.

Незнакомец поклонился и ушел. Монбар распечатал письмо, быстро пробежал его глазами и побледнел, потом прочел опять, но на этот раз медленно и как бы хотел взвесить все выражения. Через минуту он как будто решился и, обернувшись к своему работнику, стоявшему неподвижно в нескольких шагах, сказал:

— Подойди. Ты матрос?

— Матрос, и, я думаю, искусный.

— Хорошо, ступай за мной.

Флибустьер поспешно воротился в город и направился к морю. Он как будто искал чего-то; через минуту его мрачная физиономия прояснилась. Он приметил тонкую и легкую пирогу, выброшенную на берег.

— Помоги мне столкнуть эту пирогу в море,— сказал он работнику.

Тот повиновался. Как только пирога была в воде, Монбар прыгнул в нее в сопровождении своего работника, и, схватив весла, они удалились от берега.

— Поставь мачту, чтобы мы могли распустить парус, как только выберемся в открытое море,— сказал Монбар.

Олонец, ничего не отвечая, сделал, что ему было приказано.

В одно мгновение парус был распущен, и легкая пирога полетела по волнам.

Долго ехали они таким образом, не обменявшись ни одним словом, и, оставив далеко за собою корабли, выехали из рейда.

— Ты говоришь по-испански?— вдруг спросил Монбар работника.

— Как уроженец Старой Кастилии,— отвечал тот.

— А! А!— сказал Монбар.

— Это легко понять,— продолжал Олонец,— я ездил с байоннцами и с бискайцами на ловлю китов и несколько лет занимался контрабандой на испанском берегу.

— Ты любишь испанцев?

— Нет,— отвечал Олонец, нахмутив брови.

— Ты имеешь, верно, причину на это?

— Имею.

— Хочешь мне сказать?

— Почему и не сказать?

— Говори.

— У меня было свое судно, на котором я занимался контрабандой; я трудился шесть лет, чтобы скопить сумму, необходимую на покупку этого судна; в один день, когда я старался привезти запрещенный товар, меня захватил испанский таможенный люгер, судно мое пошло ко дну,

брат мой был убит, я сам опасно ранен и попался в руки испанцев. Вместо того чтобы перевязать мои раны, они отколотили меня палками и оставили замертво на месте. Думая, без сомнения, что они меня убили, они бросили меня, не занимаясь более мною. Мне удалось посредством смелости и хитрости, выстрадав неописанные мучения, голод, холод, усталость и тому подобное, что было бы слишком долго перечислять, пробраться наконец за границу и отдохнуть на французской земле. Я был свободен, но брат мой умер, я разорился, а мой старый отец чуть не умер с голода, по милости испанцев. Вот моя история, она не долга; как она вам кажется?

— Печальна, мой милый; стало быть, тебя привела к нам столько же ненависть, сколько и желание обогатиться?

— В особенности ненависть.

— Хорошо! Возьми руль и сядь на мое место, пока я обдумаю кое-что. Мы едем в Ниев; держи к тому мысу, выдающемуся к юго-востоку.

Олонец взял руль, Монбар закутался в плащ, надвинул шляпу на глаза, опустил голову на грудь и остался неподвижен, как статуя. Пирога все плыла, гонимая ветром.

XVIII

НИЕВ

Ниев отделен от острова Св. Христофора каналом только в полмили ширины. Этот очаровательный остров, плодородие которого замечательно, есть, по всей вероятности, произведение вулканического взрыва. Это доказывается кратером, содержащим источник горячей воды, сильно пропитанной серой. Издали он представляет вид обширного конуса, и в действительности весь остров более ничего, как очень высокая гора, подножие которой омывается волнами; склоны этой горы, сначала отлогие, становятся мало-помалу крутыми, растительность прекращается, а вершина, покрытая снегом, теряется в облаках.

Во время высадки испанцев на остров Св. Христофора много флибустьеров искали приюта на этом острове; и некоторые, прельщенные романтическим положением, окончательно поселились там и начали разводить плантации, немногочисленные, это правда, и слишком отдаленные одна от другой, для того, чтобы обитатели могли помогать друг другу в случае нападения неприятеля; но эти плантации преуспевали, однако, и обещали скоро сделаться довольно важными.

Хотя легкая пирога флибустьера неслась по попутному ветру, однако он довольно долго добирался до острова, потому что ему необходимо было войти в пролив и проплыть его во всю длину, прежде чем он мог достигнуть того места, куда он ехал.

Солнце начинало уже закатываться, когда, наконец, пирога въехала в небольшую песчаную губу и остановилась.

— Прикрепи лодку к берегу, спрячь весла в траве,— сказал Монбар,— и ступай за мной.

Олонец повиновался с той точностью и с той быстрой понятливостью, которые он показывал во всем.

— Взять мне ружье?— спросил он своего господина.

— Возьми, это повредить не может,— отвечал Монбар,— флибустьер никогда не должен ходить без оружия.

— Хорошо, буду помнить.

Они прошли по тропинке, едва проложенной, которая от берега шла покато и кончалась узкой эспланадой, посреди которой была раскинута легкая палатка недалеко от скалы. У входа в эту палатку сидел человек, читавший служебник. На человеке этом был строгий костюм францисканцев, он казался пожилых лет. Он был бледен, худощав, со строгими и отшельническими чертами, с умной физиономией и с выражением кротости на лице. При шуме тяжелых шагов авантюристов он с живостью приподнял голову, и печальная улыбка мелькнула на его губах. Поспешно закрыв книгу, он встал и сделал несколько шагов навстречу пришедшим.

— Господь да будет с вами, мои братья!— сказал он по-испански.— Если вы пришли с чистым намерением, если нет, да внушит Он вам чистые мысли.

— Отец мой,— сказал флибустьер, отвечая на его

поклон,— я тот, кого флибустьеры на острове Святого Христофора называют Монбаром; намерения мои чисты; приехав сюда, я исполнил ваше желание видеть меня, если вы действительно фра Арсенио Мендоца, тот, кто несколько часов тому назад прислал ко мне письмо.

— Я действительно тот, кто к вам писал, брат мой, меня зовут фра Арсенио Мендоца.

— Если так, говорите, я готов выслушать вас.

— Брат мой,— отвечал монах,— то, что я имею вам сообщить, чрезвычайно важно и касается только вас; может быть, лучше было бы выслушать вам это одному.

— Я не знаю, какие важные вещи имеете вы сообщить мне, отец мой; во всяком случае, знайте, этот человек мой работник и обязан быть глухим и немым, когда я ему прикажу.

— Хорошо, я буду говорить при нем, если вы этого требуете, но повторяю, нам лучше остаться одним.

— Пусть будет по вашему желанию. Удались отсюда, но стань так, чтобы я мог тебя видеть,— обратился Монбар к работнику.

Олонец отошел на сто шагов и оперся на свое ружье.

— Неужели вы опасаетесь какой-нибудь измены от такого бедного монаха, как я?— сказал францисканец с печальной улыбкой.— Это значило бы предполагать во мне намерения, очень далекие от моих мыслей.

— Я ничего не предполагаю, отец мой; только я имею привычку,— отвечал флибустьер грубым голосом,— всегда остерегаться, когда нахожусь лицом к лицу с человеком вашей нации, духовным или светским.

— Да, да,— сказал монах печальным голосом,— вы выказываете неумолимую ненависть к моей несчастной родне, поэтому вас и называют Истребителем.

— Какие бы чувства я ни показывал к вашим соотечественникам, какое бы имя ни дали они мне, я полагаю, вы не для того, чтобы рассуждать со мною об этом вопросе, пригласили меня сюда.

— Действительно, не по этой причине, вы правы, сын мой, хотя, может быть, я и об этом мог бы сказать вам многое.

— Я замечу вам, отец мой, что время уходит, я не

могу оставаться здесь долго, и если вы не поспешите объясниться, я к величайшему моему сожалению принужден буду уехать.

— Вы будете сожалеть об этом всю жизнь, брат мой, будь она даже так продолжительна, как жизнь патриарха.

— Может быть, хотя я очень в этом сомневаюсь. Я могу только получить неприятные известия из Испании.

— Это невозможно; во всяком случае, вот что я имею вам сообщить...

— Я слушаю вас.

— Как вам показывает моя одежда, я монах францисканского ордена.

— По крайней мере по наружности,— сказал флибустьер с иронической улыбкой.

— Вы сомневаетесь в этом?

— Почему же мне не сомневаться? Разве вы первый испанец, который не побоялся осквернить святую одежду для того, чтобы удобнее подсматривать за нашими поступками?

— К несчастью, ваши слова справедливы, это случалось слишком часто; но я действительно монах.

— Я вам верю, пока не получу доказательства в противном; продолжайте.

— Я духовник многих знатных дам на острове Испаньола. Между ними одна, молодая и прекрасная, недавно приехавшая на острова со своим мужем, по-видимому, погружена в неизлечимую горесть.

— А! Чем же я могу помочь, отец мой, позвольте вас спросить?

— Я не знаю; только вот что произошло между этой дамой и мною... Дама эта, которая, как я вам уже говорил, молода и прекрасна, а благотворительность и доброта которой неисчерпаемы, проводит большую часть времени в своей молельной на коленях пред образом Божией Матери и молится со слезами и с рыданиями. Невольно заинтересованный этой истинной и глубокой горестью, я несколько раз, пользуясь правом, которое мне дает мое звание, старался проникнуть в это растерзанное сердце и возбудить в моей духовной дочери доверие, которое позволило бы мне подать ей утешение.

— И вам, конечно, не удалось, отец мой?

— Нет, не удалось.

— Позвольте мне повторить вам, что до сих пор я не вижу в этой истории, очень печальной, но похожей на историю многих женщин, ничего интересного для меня.

— Подождите, брат мой.

— Продолжайте.

— В один день эта дама показалась мне печальнее обыкновенного; я удвоил усилия, чтобы уговорить ее открыть мне свое сердце; побежденная, без сомнения, моими просьбами, она сказала мне эти слова, которые я передаю вам буквально: «Отец мой, я несчастное существо, низкое и гнусное, страшное проклятие тяготеет надо мною; один человек имеет право знать тайну, которую я напрасно стараюсь подавить в моем сердце; от этого человека зависит мое спасение; он может осудить меня или простить, но, каков бы ни был приговор, который он произнесет, я без ропота покорюсь его воле и буду считать себя счастливою, если искуплю этой ценой преступление, в котором я была виновна».

Пока монах произносил эти слова, лицо флибустьера, и без того бледное, помертвело, судорожный трепет пробежал по его членам, и, несмотря на усилия казаться спокойным, он был принужден прислониться к одному из кольев палатки, чтобы не упасть.

— Продолжайте,— сказал он хриплым голосом,— и эта женщина назвала вам этого человека?

— Назвала, брат мой. «Увы!— сказала она мне.— К несчастью, человек, от которого зависит моя участь, самый непримиримый враг моего народа; это один из главных начальников тех свирепых флибустьеров, которые поклялись вести против Испании беспощадную войну; я с ним не встречусь никогда, разве в каком-нибудь сражении или в разграбленном городе, сожженном по его приказанию; словом, человек о котором я вам говорю, некто иной, как страшный Монбар Истребитель».

— А!— прошептал флибустьер прерывающимся голосом и крепко прижимая руку к груди.— Она сказала это?

— Да, брат мой, она произнесла эти самые слова.

— И тогда?

— Тогда, брат мой, я, бедный монах, обещал ей отыскать вас, где бы вы ни были, и повторить вам ее слова; я должен был опасаться только смерти, стараясь увидаться с вами, а я давно уже принес Богу в жертву мою жизнь.

— Вы поступили как человек с сердцем, монах, и я благодарю вас за ваше доверие ко мне; вы ничего более не имеете прибавить?

— Имею, брат мой. Когда эта дама увидала, что я решился пренебречь всеми опасностями, чтобы отыскать вас, она прибавила: «Ступайте, отец мой, верно, Бог сжалился надо мной и вдохновил вас в эту минуту; если вы успеете добраться до Монбара, скажите ему, что я должна вверить ему тайну, от которой зависит счастье его жизни, но пусть он поторопится, если захочет узнать; я чувствую, что дни мои сочтены и что я скоро умру».

Наступило минутное молчание. Монбар с волнением ходил взад и вперед с потупленной головой, иногда останавливаясь и с гневом топая ногой, потом продолжая ходить и бормоча вполголоса бессвязные слова. Вдруг он остановился перед монахом и посмотрел ему в лицо.

— Вы сказали мне не все?— сказал он.

— Извините меня, брат мой, все: от слова до слова.

— Однако есть одна важная подробность, которую вы, вероятно, забыли, потому что умолчали о ней.

— Я не понимаю, на что вы намекаете, брат мой,— отвечал монах.

— Вы забыли сказать мне имя и звание этой женщины, отец мой.

— Правда, но это не забывчивость с моей стороны; действуя таким образом, я сообразовался с отданными мне приказаниями. Эта дама умоляла меня не говорить вам об ее имени и звании, она сама хочет открыть вам и то и другое; я поклялся ей умолчать об этом.

— А! а!— сказал флибустьер с гневом, тем более ужасным, что он был сосредоточен.— Вы дали клятву?

— Да, брат мой, и сдержу ее во что бы то ни стало,— с твердостью отвечал монах.

Флибустьер засмеялся нервным хохотом.

— Вам, вероятно, не известно,— сказал он,— что мы,

негодяи, как нас называют ваши соотечественники, знаем удивительные секреты, чтобы развязать самый непокорный язык, а вы находитесь в моей власти!

— Я нахожусь в руках Бога, брат мой; попытайтесь, я бедный, беззащитный человек, я не могу сопротивляться вам, пытайте же меня, если хотите, но знайте, что я умру, не изменив моей тайне.

Монбар устремил сверкающий взгляд на монаха, который оставался так спокоен перед ним, потом через минуту, с гневом ударив себя по лбу, вскричал:

— Я с ума сошел! Что мне за нужда до этого имени, разве я его не знаю? Послушайте, отец мой, простите мне то, что я сказал; гнев ослеплял меня; свободным пришли вы на этот остров, свободным и выйдете отсюда; я клянусь вам в этом, а, так же как и вы, я не имею привычки нарушать данные мною клятвы, каковы бы они ни были.

— Я это знаю, брат мой, мне не в чем вас прощать; я вижу, что горесть помрачила ваш рассудок, и сожалею о вас, потому что я предчувствую, что Господь выбрал меня для того, чтобы сообщить вам большое несчастье.

— Да, вы говорите правду. Я не искал этой женщины, я старался ее забыть, она сама встречается со мною; хорошо, Господь рассудит между нами; она требует, чтобы я виделся с нею, хорошо! Я пойду к ней. Но пусть она обвиняет себя одну в ужасных последствиях нашего свидания; однако я соглашаюсь оставить ей еще путь спасения. Когда вы воротитесь к ней, уговорите ее не стараться более видаться со мною; вы видите, что у меня есть еще к ней в глубине сердца остаток сострадания, несмотря на то, что она заставила меня выстрадать; но если, несмотря на ваши просьбы, она настойчиво будет желать встретиться со мною, тогда да будет ее воля, я отправлюсь на свидание, которое она назначит мне.

— Мне сегодня же поручено назначить вам это свидание, брат мой.

— А!— недоверчиво сказал флибустьер.— Она ничего не забыла; где же назначено это свидание?

— Вы знаете, что эта дама не может, если бы и желала, оставить остров.

— Стало быть, мы будем видаться на Испаньоле?

— Да, брат мой.

— Какое же место выбрала она?

— Большую степь, отделяющую Мирбалэ от Сан-Хуан-де-Гуаява.

— А! Это место прекрасно выбрано для засады,— с насмешкой сказал флибустьер,— сколько мне известно, оно находится на испанской земле.

— Оно составляет границу этой земли, брат мой; но я могу постараться уговорить эту даму выбрать другое место, если вы боитесь за вашу безопасность.

Монбар пожал плечами с презрительным хохотом.

— Стану ли я бояться,— сказал он,— полноте, монах, вы сошли с ума! Какая мне нужда до испанцев! Если бы их сидело в засаде пятьсот, я и то сумел бы от них освободиться. Стало быть, решено, что если эта дама станет упорствовать в своем намерении иметь со мною объяснение, я отправлюсь в степь, расстилающуюся между Мирбалэ и Сан-Хуан-де-Гуава у слияния Большой реки и Артибонита.

— Я исполню ваше желание, брат мой, но если эта дама потребует, несмотря на мои увещания и просьбы, чтобы свидание произошло, как я вас уведомлю?

— Если для вас было возможно приехать сюда, тем более можете вы, не навлекая подозрений, пробраться во французскую часть Сан-Доминго.

— По крайней мере постараюсь, брат мой, если это решительно необходимо.

— Разведите большой огонь на берегу около Марго, я буду знать, что это значит.

— Я буду повиноваться вам, брат мой, но когда же я должен развести этот огонь?

— Сколько времени намереваетесь вы остаться здесь?

— Я намерен уехать тотчас после нашего свидания.

— Стало быть, сегодня же?

— Да, брат мой.

— А! а! Стало быть, в окрестностях есть испанское судно?

— Вероятно, брат мой; но если вы найдете его и захватите, как же я доберусь до Испаньолы?

— Правда. Эта причина спасает испанцев; по зрелом размышлении, я хочу подать вам совет.

— Каков бы он ни был, брат мой, от вас я с удовольствием приму совет.

— Уезжайте сейчас; завтра для вас будет нехорошо в этом месте; я не поручусь за безопасность вашу и вашего корабля; вы понимаете?

— Совершенно, брат мой, а сигнал?

— Сигнал зажгите через две недели; я постараюсь к тому времени добраться до Сан-Доминго.

— Хорошо, брат мой.

— А теперь, монах, прощайте или, лучше сказать, до свидания, потому что, вероятно, мы скоро увидимся.

— Вероятно, брат мой; до свидания же, и да будет с вами милосердный Господь!

— Да будет!— с ироническим хохотом сказал флибустьер.

Он сделал последний прощальный знак рукою, набросил ружье на плечо и удалился, но через несколько минут остановился и поспешно воротился назад. Францисканец оставался неподвижен на одном месте.

— Последнее слово, отец мой,— сказал он.

— Говорите, брат мой, я вас слушаю,— отвечал он кротко.

— Послушайтесь меня, употребите все ваше влияние на эту даму, чтобы уговорить ее отказаться от этого свидания, последствия которого могут быть ужасны.

— Я употреблю все силы, брат мой,— отвечал монах,— я буду молить Бога, чтобы Он позволил мне уговорить мою духовную дочь.

— Да,— продолжал Монбар мрачным голосом,— может быть, лучше для нее и для меня, чтобы мы не видались никогда.

Повернувшись спиной к монаху, флибустьер большими шагами отправился по тропинке, где скоро исчез.

Когда фра Арсенио удостоверился на этот раз, что авантюрист ушел, он тихо приподнял полотно и вошел в палатку; там на голой земле стояла на коленях женщина, закрыв голову обеими руками и молясь с заглушаемыми рыданиями.

— В точности ли исполнил я порученные вами приказания, дочь моя?— сказал монах.

Женщина приподнялась, обратив к нему свое прескрасное и бледное лицо, омоченное слезами, и прошептала тихим и дрожащим голосом:

— Да, отец мой, да благословит вас Бог за то, что вы не оставили меня в моей горести.

— Это тот самый человек, с которым вы желали говорить?

— Он самый, да, отец мой.

— И вы непременно желаете видеться с ним?

Она колебалась с минуту, трепет пробежал по всем ее членам, и голосом едва внятным она прошептала:

— Это необходимо, отец мой.

— Надеюсь, что вы одумаетесь до тех пор,— продолжал монах.

— Нет, нет,— сказала она, печально качая головой,— если бы даже этот человек вонзил мне кинжал в сердце — я должна иметь с ним последнее объяснение.

— Да будет ваша воля!— сказал он.

В эту минуту послышался легкий шум. Монах вышел, но почти тотчас воротился.

— Приготовьтесь,— сказал он,— за нами пришли с корабля; вспомните последний совет, который дал вам этот разбойник, — поедem как можно скорее.

Ничего не отвечая, дама эта встала, закуталась в мантилью и вышла. Через час она оставила остров Ниев в сопровождении фра Арсенио Мендоцы.

Монбар давно уже доехал до острова Св. Христофора.

XIX

ЭКСПЕДИЦИЯ

Во все время перезда с острова Ниева до острова Св. Христофора Монбар находился в сильном волнении. Разговор, который он имел с монахом, пробудил в его сердце глубокую горестъ, смягченную, но не излеченную временем, и которая после первых слов облилась кровью, как в первый день.

Каким образом эта женщина, которую он не хотел назвать, присутствия которой в Америке он не знал, от которой он бежал, скрывшись между флибустьерами, успела в такое короткое время не только узнать о его присутствии на островах, но даже отыскала его? С какой целью отыскивала она его? Для чего она так сильно желала его видеть?

Все эти вопросы, которые Монбар задавал себе один за одним, конечно, оставались без ответа и по этому самому увеличивали беспокойство флибустьера. Несколько минут он думал засечь в засаду в проливе между островами Ниевом и Св. Эвстафием, двумя островами, между которыми находился остров Св. Христофора, напасть на испанский корабль, захватить его и добиться посредством пытки сведений, которые монах отказал ему сообщить. Но он почти тотчас отказался от этого плана, он дал честное слово и ни за что на свете не изменил бы ему. Между тем настала ночь, пирога все подвигалась. Монбар направил ее на свой люгер, и когда легкая лодочка подъехала к нему, флибустьер закричал громким голосом:

— Эй!

Тотчас человек, черный силуэт которого обрисовался на темной синеве горизонта, наклонился вперед.

— Это ты, Тихий Ветерок?— спросил Монбар.

— Это я,— отвечал тот.

— Мишель на люгерс?

— Да, адмирал.

— А! Ты меня узнал?

— Еще бы не узнать!— отвечал бретонец.

— Вы караулите моего пленника, не правда ли?

— Будьте спокойны, я ручаюсь за него.

— Только не делайте ему бесполезных притеснений.

— Хорошо, адмирал, мы будем ласковы.

— Прыгун на люгерс?

— Я здесь,— тотчас отвечал второй голос.

— А! а!— с удовольствием сказал флибустьер.— Тем лучше. Ты мне нужен, съезжай на берег.

— Нужно скоро?

— Очень скоро.

— Подождите.

Прежде чем флибустьер угадал намерение караиба, слышался шум тела, падающего в воду, и минуты через три индеец ухватился обеими руками за край пирога.

— Я здесь,— сказал он.

Монбар не мог не улыбнуться, видя, с какой быстротой дикарь повинуетя его приказаниям. Он протянул ему руку и помог сесть в лодку.

— Для чего ты так торопишься?— сказал ему Монбар тоном дружеского упрека.

Индеец отряхнулся, как мокрый пудель.

— Ба!— отвечал он.— Вот я и готов.

— У вас индеец?— спросил Тихий Ветерок.

— Да. Теперь прощайте, до завтра.

— До завтра.

— Отваливай,— сказал флибустьер своему работнику.

Тот наклонился над веслами, и пирога продолжала путь. Через десять минут она вошла в то самое место, где Монбар захватил ее, отправляясь в Ниев. Три человека вышли на берег, толкнули пирогу в море и пошли к дому Монбара.

Они прошли через город среди толпы флибустьеров, праздновавших пением, криками и возлияниями последние часы свободы. Путь совершился безмолвно. Когда эти три человека дошли до дома Монбара, флибустьер зажег резиновую свечу и осмотрел дом с величайшим вниманием, чтобы удостовериться, нет ли там посторонних, потом воротился к своим спутникам, которые ждали на эспланаде.

— Войдите,— сказал он.

Они вошли. Монбар сел на стул и, обратившись к караибу, сказал:

— Мне нужно говорить с тобою, Прыгун.

— Хорошо,— сказал индеец,— стало быть, я нужен вам.

— Разве ты был бы этим доволен?

— Да, я был бы этим доволен.

— По какой причине?

— Потому что, так как я нашел белого доброго и великодушного, я хочу доказать вам, что не все караибы свирепы и неукротимы и умеют быть признательны.

— Я обещал тебе, не правда ли, позволить воротиться к твоим?

— Да, вы мне это обещали.

— К несчастью, так как я назначен начальником важной экспедиции, которая, вероятно, будет продолжительна, мне невозможно теперь проводить тебя на Гаити.

Лоб индейца помрачился при этих словах.

— Не огорчайся еще и выслушай меня внимательно,— продолжал флибустьер, заметивший перемену в физиономии индейца.

— Я слушаю вас.

— Ты можешь сделать то, чего не могу сделать я, если я дам тебе способ.

— Я не совсем понимаю то, что хочет сделать бледнолицый начальник; я бедный индеец со слабыми понятиями. Мне нужно объяснить, чтобы я понял; правда, что когда я понял, то я не забываю.

— Ты караиб, стало быть, ты умеешь управлять пирогой?

— Умею,— отвечал индеец с гордой улыбкой.

— Если я дам тебе пирогу, как ты думаешь, доедешь ты до Гаити?

— Большая земля очень далеко,— сказал караиб печальным голосом,— путь очень далек для одного человека, как он ни храбр.

— Согласен, но если я положу в пирогу не только провизию, но и сабли, топоры, кинжалы и четыре ружья с порохом и пулями?

— Бледнолицый начальник сделает это!— вскричал караиб с недоверчивым видом.— Когда Прыгун будет вооружен таким образом, кто может ему сопротивляться?

— А если я сделаю еще больше?— продолжал флибустьер с улыбкой.

— Начальник шутит, он очень весел. Он говорит себе: индейцы легковверны, я хочу посмеяться над Прыгуном.

— Я не шучу; я, напротив, говорю очень серьезно; я дам тебе все, о чем я упомянул, и для того, чтобы ты безопасно добрался к своим, я дам тебе товарища, человека храброго, который будет твоим братом и станет защищать тебя.

— Кто же этот товарищ?

— Вот он,— сказал Монбар, указав на своего работника, который стоял спокойно и неподвижно перед ним.

— Стало быть, я не пойду с тобой в экспедицию, Монбар?— сказал флибустьер печальным голосом и тоном упрека.

— Успокойся,— сказал Монбар, тихо ударив его по плечу.— Я даю тебе поручение гораздо опаснее предпринимаемой мною экспедиции. Мне был нужен преданный человек, другой я, и я выбрал тебя.

— Ты хорошо сделал в таком случае; я тебе докажу, что ты не ошибся во мне.

— Я уже в этом убежден. Согласен ты взять с собой этого товарища, Прыгун? Он поможет тебе проехать мимо флибустьеров, которых ты встретишь на дороге, не подвергаясь их оскорблениям и нападениям.

— Хорошо, бледнолицый начальник действительно любит Прыгуна. Что же будет делать индеец, когда он придет к своим?

— Братья Прыгуна, кажется, приютились в окрестностях Артибонита?

— Да, в больших степях, которые французы называют Мирбалэ.

— Хорошо, Прыгун отправится к своим, скажет им, каким образом флибустьеры обращаются с караибами; он представит им своего товарища и будет ждать.

— Я буду ждать! Бледнолицый начальник придет на Гаити?

— Вероятно,— сказал Монбар с улыбкой неопределенного выражения,— и доказательством служит то, что мой работник останется у твоего народа до моего прибытия.

— Хорошо! Я буду ждать прибытия белого начальника. Но когда же я уеду?

— Нынешней ночью. Ступай на берег, сходи от моего имени к хозяину пироги, в которой мы приехали; вот тебе деньги, — он дал ему несколько пиастров, — скажи ему, что я покупаю эту лодку, достань также провизии и жди твоего спутника, которому я должен сказать еще несколько слов. Он скоро к тебе придет.

— Иду; благодарность в моем сердце, а не на губах; в

тот день, когда ты потребуешь от меня жизни, я дам тебе ее, потому что она принадлежит тебе и всем, кто меня любит. Прощай!

Он сделал движение, чтобы уйти.

— Куда ты идешь?— спросил Монбар.

— Ведь ты позволил мне уйти?

— Да, но ты забыл взять...

— Что такое?

— Обещанное тебе оружие. Возьми ружье для себя и еще четыре ружья, которыми распорядись как знаешь, шесть сабель, шесть кинжалов, шесть топоров; когда ты выйдешь из гавани, проезжая мимо люгера, ты спросишь от моего имени два бочонка пороху и два бочонка пуль у Мишеля Бискайца; он даст тебе их. Теперь ступай, и благополучного пути!

Караиб, побежденный этою простотою и исполненною величия щедростью, стал на колена перед авантюристом и, схватив его ногу, поставил ее себе на голову, вскричав голосом глубоко взволнованным:

— Провозглашаю тебя лучшим из людей! Я и мой народ будем отныне преданными тебе невольниками.

Он приподнялся, положил на плечо оружие, которое подал ему работник, и вышел. Несколько минут слышались его шаги на тропинке, но шум, все ослабевавший, скоро прекратился, и все смолкло.

— Теперь мы остались вдвоем, Олонец!— обратился тогда Монбар к своему работнику.

Тот подошел.

— Я слушаю,— сказал он.

— Я видел тебя сегодня в первый раз, но ты мне понравился с первого взгляда,— продолжал авантюрист.— Я имею притязание быть хорошим физиономистом; твое чистосердечное и открытое лицо, глаза, смотрящие прямо, выражение смелости и ума, разлитое на твоих чертах, расположили меня в твою пользу, вот почему я купил тебя; я надеюсь, что я не ошибся в тебе, но хочу испытать тебя. Ты знаешь, что я имею право уменьшить твое обязательство и дать тебе, если захочу, свободу даже завтра; подумай об этом и действуй, соображаясь с этим.

— Невольник или свободный, я буду тебе предан, Монбар,— отвечал Олонец,— не говори мне о награде, со мною это не нужно; испытай меня; надеюсь, что я с честью выйду из этого испытания.

— Вот что значит говорить как следует человеку и авантюристу! Выслушай же меня, и чтобы ни одно слово из того, что ты услышишь, не сорвалось с твоих губ.

— Я буду нем...

— Через десять дней я брошу якорь у гавани Марго в Сан-Доминго; экспедиция, над которой начальствую я, должна напасть врасплох на остров Черепаха и захватить его; но не надо, чтоб, пока мы будем нападать на испанцев, они могли атаковать нас сзади и уничтожить наши поселения на Большой земле.

— Я понимаю, караибы занимают испанскую границу, мы должны сделать их помощниками экспедиции.

— Именно, ты меня прекрасно понял; вот в чем состоит данное тебе поручение, только надо действовать чрезвычайно хитро и очень осторожно, чтобы не возбудить тревоги в испанцах, с одной стороны, и не возбудить подозрений караибов, с другой; индейцы обидчивы и недоверчивы, особенно к белым, на которых они имеют повод жаловаться. Роль, которую ты должен играть, довольно трудна, но я думаю, что, по милости влияния Прыгуна, ты будешь иметь успех; притом через два дня после моего прибытия в гавань Марго я отправлюсь в степи Артибонита, чтобы условиться вместе с тобою и сделать распоряжения, которые я сочту нужными. Ты видишь, что я действую с тобою откровенно и скорее как с братом, чем с работником.

— Благодарю тебя, ты не будешь раскаиваться!

— Надеюсь... А! Еще одно, последнее приказание, второстепенной важности, правда, но все-таки серьезное.

— Какое?

— Часто испанцы отправляются на охоту или на прогулку в степи Артибонитские; наблюдай за ними, но так, чтобы они не могли тебя заметить, пусть они не подозревают того, что мы замыслиаем против них, малейшая неосторожность может иметь последствия чрезвычайно серьезные для успеха наших планов.

— Я буду действовать осторожно, будь спокоен.

— Теперь, мой милый, мне остается только пожелать тебе благополучного пути и успеха.

— Позволишь мне сделать тебе один вопрос перед моим отъездом?

— Говори, я позволяю.

— По какой причине, когда у тебя столько храбрых и преданных друзей, ты, вместо того, чтобы обратиться к кому-нибудь из них, выбрал неизвестного работника, которого совсем не знаешь, для такого трудного и секретного поручения?

— Ты непременно хочешь это знать?— смеясь, спросил авантюрист.

— Да, если ты не находишь нескромным это желание.

— Вовсе нет, и я удовлетворю твое любопытство в двух словах. Я тебя выбрал, кроме моего доброго мнения о тебе, мнения чисто личного, потому что ты бедный работник, приехавший из Франции только два дня тому назад, которого не знает никто; никто не знает также, что я тебя купил, и по этой причине никто не станет тебя остерегаться, и следовательно, ты будешь для меня агентом тем более драгоценным, что никто не догадается, что ты уполномочен мною и действуешь по моим приказаниям; понимаешь ли ты теперь?

— Вполне и благодарю тебя за объяснение. Прощай, не пройдет и часа, как мы с караибом выедем с острова Святого Христофора.

— Слушайся его во время твоего пути; этот индеец очень смысленный человек и, наверно, довезет тебя благополучно.

— Непременно; притом уважение, которое я выражу ему, расположит его в мою пользу и ускорит успех наших планов.

— Я вижу, что ты умен,— сказал, смеясь, флибустьер,— и теперь вполне надеюсь, что мое поручение будет иметь успех.

Олонец вооружился точно так, как караиб, потом простился со своим господином и ушел.

— Э!— прошептал Монбар, оставшись один.— Кажется, мои планы начинают подвигаться к осуществлению, и я скоро буду в состоянии нанести сильный удар.

На другой день, на восходе солнца, необыкновенное волнение царствовало в городе, который и без того не бывал никогда спокоен. Флибустьеры, вооруженные с ног до головы, прощались со своими друзьями и приготавливались отправляться на те корабли, на которые они определились накануне.

По рейду сновало по всем направлениям бесчисленное множество пирог, перевозивших людей и провизию на уезжавшие корабли. Кавалер де Фонтенэ, окруженный главным штабом знаменитых флибустьеров и Монбаром, Давидом, Дрэком, Мишелем Бискайцем, стоял на краю деревянной пристани, служившей дебаркадером, присутствуя при отъезде флибустьеров.

Эти люди с загорелыми лицами, с энергическими и свирепыми чертами, с крепкими фигурами в простых полотняных панталонах, в старых шапках, но вооруженные длинными ружьями, сделанными в Дьеппе нарочно для них, острыми длинными ножами, заткнутыми за пояс, и с сумками, наполненными порохом и пулями, имели странный и необыкновенно страшный вид, который делался еще поразительнее от выражения беззаботности и неукротимой смелости, разлитого по лицам. При виде флибустьеров понятен становился ужас, который они внушали испанцам, и невероятные подвиги, которые они совершали почти шутя, не считая жизнь свою ни во что и видя только одну цель, то есть грабеж.

По мере того, как они проходили мимо губернатора и офицеров, выбранных в их начальники, они почтительно кланялись им, потому что этого требовала дисциплина, но в этом поклоне не было ничего низкого и раболепного, это был поклон людей, вполне сознавших свое достоинство и знавших, что если ныне они матросы, то завтра, если захотят, могут быть капитанами.

К полудню экипажи всех судов оказались в полном комплекте, на берегу остались только адмирал и три капитана.

— Господа, — сказал Монбар своим офицерам, — как только мы выйдем из рейда, каждый может идти как хочет; у нас на судах мало провизии, испанские острова, которые попадутся нам на дороге, снабдят нас съестными припасами;

не бойтесь грабить острова испанцев, это все-таки будет часть победы над врагами. Итак, решили, что каждый из нас, со своей стороны, должен спешить на общее место сближения; осторожность принуждает нас не допустить неприятеля подозревать наши силы; пункт нашего соединения — остров Кейе; первый прибывший туда должен ждать остальных; там я вам дам последние инструкции о цели экспедиции, часть которой уже вам известна.

— Итак, — сказал де Фонтенэ, — вы настойчиво желаете сохранить тайну?

— Если вы непременно требуете, господин губернатор, — отвечал Монбар, — я вам...

— Нет, нет, — смеясь, сказал кавалер де Фонтенэ, — для чего мне это знать? Притом я ее почти угадал.

— А! — сказал Монбар с недоверчивым видом.

— Или я очень ошибаюсь, или вы предпринимаете что-то против Сан-Доминго.

Авантюрист отвечал хитрой улыбкой и простился с губернатором, который весело потирал руки, в том убеждении, что он действительно угадал тайну, которую скрывали от него.

Через час три легких судна снялись с якоря, распустили паруса и удалились, сделав прощальный салют земле, на который отвечала батарея с мыса. Скоро суда слились вдали с беловатым туманом на горизонте и исчезли совсем.

— Вы увидите, что я не ошибся, — сказал Фонтенэ своим офицерам, возвращаясь к губернаторскому дому, — вы увидите, что я не ошибся и что этот демон Монбар действительно идет на Сан-Доминго. Гм! Я жалею испанцев.

XX

ДЕЛЬ-РИНКОН

Оставим пока флот флибустьеров, к которому мы скоро воротимся, направляться по непроходимому лабиринту Антильского архипелага к Сан-Доминго, как его называют французы, к Испаньоле, как называл его Колумб, или к

Гаити, как называли его караибы, первые и настоящие его владельцы.

Говоря о караибах, мы разумеем и негров, и краснокожих, потому что многим неизвестна та особенность, что некоторые караибы черны и так походят на африканскую породу негров, что когда французские плантаторы поселились на острове Сан-Винцент и привезли с собою черных невольников, черные караибы, негодуя на свое сходство с людьми, униженными рабством, и боясь, кроме того, чтобы впоследствии цвет их кожи не сделался предлогом для того, чтобы их подвергнуть той же участи, бежали в самые непроходимые леса, и чтобы навсегда установить очевидное различие между своей породой и невольниками, перевезенными на остров, они стали сжимать лоб у новорожденных так, чтоб он был совершенно плоский; это составило как бы новую породу у нового поколения и потом сделалось знаком независимости. Прежде чем мы будем продолжать наш рассказ, мы попросим у читателя позволения заняться географией; так как события в истории флибустьерства будут происходить в Сан-Доминго, то необходимо, чтобы этот остров сделался известен.

Остров Сан-Доминго, открытый 6 декабря 1492 года Христофором Колумбом, по общему мнению, самый красивый из всех Антильских островов; длина его семьсот километров, средняя ширина — сто двадцать, диаметр — тысяча четыреста километров, не считая губ.

В центре острова находится цепь гор, возвышающихся одна над другой по трем различным направлениям; самая длинная простирается к востоку и проходит посредине острова, разделяя его на две почти равные части. Вторая цепь направляется к северу. Третья, короче второй, идет сначала по тому же направлению, но, описывая изгиб к югу, кончается у мыса Св. Марка.

Внутри острова встречаются несколько других цепей гор, но гораздо менее значительных. Такое множество гор было причиною, что сообщения, особенно в то время, когда происходит наша история, были чрезвычайно трудны между северной и южной частью острова.

У подножия всех этих гор находятся огромные равнины, покрытые роскошной растительностью; горы, перерезанные

оврагами, поддерживающими постоянную и благотворную влажность, содержат в себе различные металлы, кроме горного хрусталя, каменного угля, серы, каменоломен порфира и мрамора, покрыты лесами банановых и пальмовых деревьев.

Хотя рек много, к несчастью, даже самые значительные несудоходны. Главные называются Нейва, Юзак или Монте-Кристо, Юна и Артибонит — самая большая из всех рек. С моря вид этого острова очарователен; точно будто огромный букет цветов вырос из недр моря. Мы не станем рассказывать историю Сан-Домингской колонии. Этот богатый и плодоносный остров по милости нерадения, жестокости и скупости испанцев через полтора столетия после его открытия дошел до такой степени нищеты и унижения, что испанское правительство было вынуждено послать в эту колонию, сделавшуюся не только не производительной, но и убыточной, фонды на жалование войскам и чиновникам.

Пока Сан-Доминго медленно приходил в упадок, новые колонисты, приведенные случаем, поселились на северо-западной стороне острова и завладели ею, несмотря на сопротивление испанцев. Эти новые колонисты были французские авантюристы, прогнанные с острова Св. Христофора во время высадки адмирала Толеда в эту колонию, искавшие приюта.

Во время открытия первые испанцы оставили на острове сорок штук быков и телок; животные эти быстро размножились и огромными стадами пробегали по внутренним степям острова; французские авантюристы по прибытии нисколько не думали обрабатывать землю, но, увлеченные прелестью охоты, исключительно занялись преследованием волков и кабанов, тоже очень многочисленных и особенно очень опасных.

Единственное занятие этих авантюристов составляла охота. Мясо убитых волков они коптили по индейскому обычаю. Отсюда происходит название буканьеров, потому что караибы называли буканами те места, где они коптили мясо пленников, захваченных на войне и которых они съедали, прежде откормив их хорошенько.

Мы часто будем иметь случай возвращаться к этому

предмету и войдем в большие подробности об этих странных людях. Однако, несмотря на свою любовь к независимости, эти авантюристы поняли необходимость устроить сбыт для продажи кож и основали несколько контор в гаванях Марго и Мира, которые они считали столицей своих поселений; но положение этих контор было очень ненадежно по причине соседства испанцев, до сих пор единственных обитателей острова, не желавших согласиться на такое близкое соседство; поэтому они постоянно вели ожесточенную войну, тем более жестокую, что ни с той стороны, ни с другой не было никакой пощады.

Вот каково было положение Сан-Доминго в ту минуту, когда мы опять будем продолжать наш рассказ, то есть через две недели после отъезда флота флибустьеров с острова Св. Христофора под начальством Монбара Истребителя.

Солнце, уже низко спустившееся на горизонт, непомерно удлиняло тень деревьев, поднимался вечерний ветерок, слегка шевеливший листьями и сгибавший высокую траву. Человек на сильной гнедочалой лошади, в костюме испанских кампезино, ехал по едва проложенной тропинке, извивавшейся среди обширной равнины, покрытой великолепными плантациями сахарного тростника и кофейных деревьев и доходившей до щегольского домика, с кокетливой галереи которого далеко виднелись окрестности.

Человеку этому, казалось было лет двадцать пять; черты его были красивы, но запечатлены выражением надменности и нестерпимого презрения; одежда, очень простая, украшалась длинной рапирой с эфесом чеканного серебра, висевшей на его левом боку и по которой в нем можно было узнать дворянина, потому что только одно дворянство имело право носить шпагу.

Четыре черных и полуобнаженных невольника, обливаясь потом, бежали за его лошадью. Один нес ружье с богатой насечкой, второй — охотничью сумку, двое других — мертвого кабана, связанные ноги которого были вдеты в бамбук, поддерживаемый плечами бедных негров.

Но всадник казался очень мало занят своими спутниками, или невольниками, к которым он не удостоивал

повернуть голову, даже разговаривая с ними, когда ему случалось заговаривать с ними смелым и презрительным тоном. Он держал в руке вышитый носовой платок, которым каждую минуту вытирал пот, орошавший его лоб, и бросал гневные взгляды около себя, подстрекая свою лошадь шпорами, к великому отчаянию невольников, принужденных удваивать усилия, чтоб следовать за ним.

— Неужели мы никогда не доберемся до этого проклятого дома?— сказал он с досадой.

— Еще через полчаса,— почтительно отвечал негр,— вы видите галерею?

— Что за чертовская мысль у сестры моей похоронить себя в этой страшной яме, вместо того чтоб спокойно оставаться в своем палаццо в Сан-Доминго? Как сумасбродны женщины, клянусь честью!— пробормотал он сквозь зубы.

Он приправил это замечание бешеным ударом шпор, и лошадь его помчалась во весь опор.

Он быстро приближался к дому, который легко было рассмотреть. Это был очаровательный дом, с террасой, с бельведером и перистилем из четырех колонн, поддерживавших галерею. Густая изгородь окружала дом, к которому можно было пройти через сад, довольно обширный; позади него находились конюшни для лошадей и помещение для негров, нечто вроде жалких, низких хижин, полуразрушенных, выстроенных из древесных ветвей и прикрытых пальмовыми листьями. Этот домик, спокойный и уединенный среди равнины с роскошной растительностью, полузакрытый деревьями, составлявшими ему лиственный пояс, имел вид очаровательный, который, однако, произвел на путешественника только глубокую досаду и сильную скуку.

Вероятно, приезд путешественника был примечен часовым, поставленным в бельведере, чтобы наблюдать за окрестностями, потому что от дома отделился всадник и направился к небольшой группе, составленной из дворянина, которого мы описали, и четырех невольников, которые все бежали за ним, показывая свои белые зубы и отдуваясь, как тюлени.

Всадник был низенького роста, но его широкие плечи

и соразмерные члены показывали необыкновенную физическую силу; ему было лет сорок, черты жесткие и резкие, выражение физиономии мрачное и скрытное; соломенная шляпа с широкими полями почти закрывала ему лицо; плащ, называемый пончо, сделанный из одного куска материи и с отверстием в середине, чтобы просунуть голову, покрывал его плечи; рукоятка длинного ножа высовывалась из правого сапога, сабля висела на левом боку, а поперек седла лежало длинное ружье. Доехав до путешественника, он остановил свою лошадь, снял шляпу и почтительно поклонился.

— Добро пожаловать, сеньор дон Санчо,— сказал он раболепным голосом.

— А! А! Это ты, Бирбомоно,— отвечал молодой человек, слегка коснувшись своей шляпы,— что ты делаешь здесь? Я думал, что ты давно уже повешен.

— Ваше сиятельство изволите шутить,— отвечал путешественник со злобной гримасой,— я майордом сеньоры.

— Поздравляю с этим и тебя, и ее.

— Сеньора очень тревожится за ваше сиятельство; я приготовлялся по ее приказанию осмотреть окрестности; она будет очень рада, что вы приехали благополучно.

— Как, благополучно,— продолжал молодой человек, выпустив узду своей лошади,— что ты хочешь сказать, негодяй? Чего я должен опасаться на дорогах?

— Вашему сиятельству известно, что негодяи испанцы разъезжают по степям.

Молодой человек расхохотался.

— Какую смешную сказку рассказываешь ты! Скажи доложить о моем приезде моей сестре и перестань болтать.

Майордом не заставил повторять этого приказания, пришпорил лошадь и ускакал галопом.

Через десять минут дон Санчо сходил с лошади перед крыльцом дома, где его ждала женщина редкой красоты, но страшно бледная, которая, по-видимому, едва держалась на ногах, так казалась она слаба и болезненна. Эта дама была сестра дона Санчо и хозяйка этого дома. Молодые люди долго стояли обнявшись, не произнося ни слова, потом дон Санчо предложил руку сестре и вошел с нею в комнаты, предоставив майордому смотреть за лошадейю

и поклажей. Молодой человек отвел сестру к креслу, подвинул свое кресло к сестриному и сел.

— Наконец,— сказала она дружелюбным голосом и взяв руку молодого человека,— я вижу тебя опять, брат; ты здесь, возле меня; как я рада тебя видеть!

— Моя добрая Клара,— отвечал дон Санчо, целуя ее в лоб,— вот уже около года, как мы расстались.

— Увы!— прошептала она.

— И в этот год случилось много такого, что ты, конечно, мне расскажешь.

— Моя жизнь в этот год может быть рассказана в двух словах: я страдала.

— Бедная сестра, как ты переменялась в такое короткое время! Тебя едва можно узнать; а я весело приехал в Сан-Доминго и тотчас отправился к тебе; твой муж, который не изменился и которого я нашел тяжелым и молчаливым, с лишней дозой важности, по милости его высокого положения, конечно, сказал мне, что ты не совсем здорова и что доктора предписали тебе деревенский воздух.

— Это правда,— сказала она с печальной улыбкой.

— Да, но я думал, что ты только не совсем здорова, а нахожу тебя умирающей.

— Не будем более говорить об этом, Санчо, умоляю тебя; какая беда, что я больна? Ты получил мое письмо?

— Разве я был бы здесь без этого? Через два часа по получении его я был уже в дороге; вот уже три дня,— прибавил он, улыбаясь,— скачу я по горам и по долам по ужасной дороге, чтоб поскорее быть возле тебя.

— Благодарю, благодарю, Санчо; твое присутствие делает меня счастливой; ты останешься несколько времени со мною, не правда ли?

— Сколько ты хочешь, милая сестра, ведь я свободен.

— Свободен?— спросила она, посмотрев на него с удивленным видом.

— Боже мой, да! Его светлость герцог Пеннафлор, мой и твой знатнейший родитель, вице-король Новой Испании, удостоил дать мне неограниченный отпуск.

При имени отца легкий трепет пробежал по членам молодой женщины, и глаза ее наполнились слезами.

— А!— сказала она.— Отец мой здоров?

— Здоровее прежнего.

— И он говорил тебе обо мне?

Молодой человек закусил губы.

— Он мало говорил со мною,— сказал он,— но зато я много с ним говорил, что восстановило равновесие; я думаю даже, что он дал мне отпуск для того, чтобы освободиться от моей болтовни.

Донна Клара молча потупила голову; брат смотрел на нее с нежным состраданием.

— Будем говорить о тебе, хочешь?— спросил он.

— Нет, нет, Санчо! Будем лучше говорить о нем,— отвечала она нерешительно.

— О нем?— сказал он глухим голосом и нахмурил брови.— Ах, бедная сестра! Что я могу сказать тебе? Все мои усилия были напрасны, я ничего не узнал.

— Да, да,— прошептала донна Клара,— он принял хорошие меры, чтобы спрятать его. О, Боже мой! Боже мой!— вскричала она, сложив руки.— Неужели ты не сжалишься надо мной?

— Успокойся, умоляю тебя, сестра; я увижу, я поищу, я удвою усилия и, может быть, успею наконец...

— Нет,— перебила она,— никогда, никогда мы не добьемся ничего; он осужден моим отцом; этот неумолимый человек никогда не отдаст его мне. О! Я лучше тебя знаю нашего отца; ты, Санчо, мужчина, ты можешь пытаться бороться с ним, но меня он разбил, разбил одним ударом; сердце мое он раздавил, сделав меня невинной сообщницей адского мщения! Потом холодно упрекнул меня в бесславии, которого сам же он причиною, и вдруг навсегда уничтожил счастье трех существ, которые любили его и будущность которых он держал в руках.

— А ты, милая Клара, разве ты ничего не знаешь, ничего не узнала?

— Узнала,— отвечала донна Клара, пристально смотря на брата,— я сделала ужасное открытие.

— Ты меня пугаешь, Клара; что хочешь ты сказать? Объяснись.

— Не теперь, мой добрый Санчо, не теперь; еще не время, потерпи; ты знаешь, что я никогда не имела от тебя тайн; ты один всегда меня любил. Я пригласила тебя

для того, чтобы открыть тебе эту тайну; через три дня ты узнаешь все и тогда...

— Тогда?— сказал он, пристально смотря на сестру.

— Тогда ты измеришь глубину бездны, в которую я упала; но прошу тебя, довольно об этом, я очень больна; поговорим о другом, хочешь?

— Очень этого желаю, милая Клара, но о чем же будем мы говорить?

— Боже мой! О чем тебе угодно, друг мой, о дожде, о хорошей погоде, о твоём путешествии, мало ли еще о чем!

Дон Санчо понял, что его сестра находится в сильном нервном волнении и что он усилит ее болезненное состояние, если не исполнит ее желания, поэтому он не возражал, а охотно исполнил ее прихоть.

— Если так, милая Клара,— сказал он,— я воспользуюсь этим случаем, чтобы попросить у тебя одного сведения.

— Сведения? Какого же, брат мой? Я живу очень уединенно, как ты видишь; не думаю, чтоб я была в состоянии исполнить твое желание, однако все-таки скажи.

— Ты знаешь, сестра, что я приехал в Испаньолу только четыре дня тому назад и в первый раз.

— Это правда, ты ведь никогда не бывал на этом острове; как ты его находишь?

— Ужасным и восхитительным; ужасным в отношении путей сообщения и восхитительным по местоположению.

— Действительно, дороги не очень удобны.

— Скажи, что их вовсе нет, и ты скажешь правду.

— Ты строг.

— Нет, я только справедлив; если б ты видела, какие превосходные дороги у нас в Мексике, ты была бы согласна со мною; но речь идет не об этом в эту минуту.

— А о чем?

— О сведении, которое я хочу у тебя спросить.

— Это правда, я забыла; объяснись, я слушаю тебя.

— Представь себе, когда я отправился сюда из Вера-круса, все, кому я говорил о моем отъезде, непременно отвечали мне: «А! Вы едете в Испаньолу, сеньор дон Санчо Пеннафлор, гм! гм! Берегитесь!» На корабле, на котором я ехал, я постоянно слышал, как офицеры перешептывались между собой: «Будем остерегаться»; наконец, я приехал в

Сан-Доминго. Моим первым старанием было, как я уже сказал, отправиться к графу Бехару, твоему супругу; он принял меня так хорошо, как только мог это сделать; но когда я объявил ему о моем намерении поехать к тебе сюда, брови его нахмурились и первым словом его было: «Черт побери! Черт побери! Вы хотите ехать туда; остерегайтесь, дон Санчо, остерегайтесь!» Это ужас, как меня бесило; зловещее предостережение, всегда и везде раздававшееся в моих ушах, сводило меня с ума; я не спрашивал объяснения от твоего мужа, я ничего не добился бы от него, только мне хотелось разъяснить эту зловещую фразу, как только представится случай, и он действительно представился, и я тебя попрошу объяснить мне эту загадку.

— Я жду, чтобы ты объяснился прежде, потому что признаюсь, я до сих пор решительно не понимаю, что ты рассказываешь.

— Хорошо, дай мне кончить. Как только я отправился в путь с невольниками, которых дал мне твой муж, я увидал, что эти негодяи постоянно повертывали голову направо и налево с испуганным видом. В первую минуту я не приписал этому большой важности, но сегодня утром я заметил великолепного кабана; мне пришло желание выстрелить в него, что, впрочем, я и сделал; я привез тебе этого кабана; когда эти черти негры увидали, что я заряжаю ружье, они бросились на колена передо мною и, с ужасом сложив руки, закричали самыми плачевными голосами: «Остерегайтесь, ваше сиятельство, остерегайтесь!» «Чего я должен остерегаться?», — вскричал я с раздражением. «Негодяев, ваше сиятельство, негодяев!» Я не мог добиться от них другого объяснения; но я надеюсь, сестра, что ты мне скажешь, какие это страшные негодяи.

Он наклонился к ней. Донна Клара, вытаращив глаза, протянув руки, устремила на него такой странный взгляд, что он отступил с испугом.

— Негодяи! Негодяи! — повторила она два раза. — О! Сжался, брат мой!

Она встала, сделала несколько шагов вперед и без чувств упала на пол.

— Что это значит? — вскричал молодой человек, бросаясь к ней, чтоб приподнять ее.

РАССКАЗ МАЙОРДОМА

Дон Санчо, очень растревоженный тем состоянием, в котором он видел сестру, поспешил позвать ее горничных, которые прибежали тотчас. Он вверил ее их попечениям и ушел в комнату, приготовленную для него, приказав, чтобы его предупредили тотчас, как только донне Кларе сделается лучше.

Дон Санчо Пеннафлор был очаровательный мужчина, веселый, беззаботный, отыскивая в жизни только удовольствия и отвергая с эгоизмом своего возраста и своего сословия всякую горесть и всякую скуку.

Принадлежа к одной из самых знатных фамилий испанской аристократии, имея надежду сделаться со временем обладателем семи или восьми миллионов, предназначенный, по милости его имени, занимать впоследствии одну из лучших должностей и вступить в великолепный приличный брак, который делает счастливыми дипломатов, предоставляя им свободу ума для высоких политических соображений, он старался, насколько это было возможно, сдерживать биение своего сердца и не возмущать неуместной страстью спокойной лазури своего существования.

Будучи капитаном в армии, в ожидании лучшего и чтобы иметь какое-нибудь занятие, он поехал в качестве адъютанта с отцом в Мексику, когда герцог был назначен вице-королем Новой Испании. Но будучи еще слишком молод для того, чтобы серьезно смотреть на жизнь и быть честолюбивым, он занимался только игрой и любовными интригами, что очень сердило герцога, который, перейдя возраст удовольствий, не допускал, чтобы молодые люди приносили жертву кумиру, которому он сам так долго курил фимиам. Впрочем, это была натура кроткая, уживчивая, но зараженная, как все испанцы той, а может быть, еще и нынешней эпохи, предрассудками своей касты, считавшая негров и индейцев выючным скотом, созданным для ее пользы, и не скрывавшая своего презрения и отвращения к этим несчастным породам.

Словом, дон Санчо по правилам своей фамилии всегда

смотрел вверх, а не вниз, поддерживал себе равных, но поставил непреодолимую преграду высокомерия и пренебрежения между собою и теми, кто был ниже его.

Однако без его ведома, может быть — мы не хотим поставить этого ему в заслугу, — нежное чувство пробралось среди холодной атмосферы, в которой он принужден был жить, в его сердце и иногда угрожало уничтожить все теории эгоизма.

Чувство это было нечто иное, как дружба, которую он имел к своей сестре, дружба, которая могла быть принята за обожание, до того она была преданна, почтительна и безрасчетна; чтобы угодить сестре, он готов был покуситься на невозможное; одно ее слово делало его послушным как невольника, выраженное ею желание делалось для него тотчас приказанием столько же, а может быть, и более серьезным, чем если б оно было дано королем испанским, хотя этот надменный монарх льстил себя гордой мыслью, что солнце никогда не закатывалось в его владениях. Первое слово графа, когда он остался один в своей комнате, покажет его характер лучше, чем можно его объяснить.

— Ну! — вскричал он, с отчаянием бросаясь на свое кресло. — Я думал, что проведу здесь несколько приятных дней, а мне придется слушать жалобы Клары и утешать ее; черт побери всех несчастных! Точно будто нарочно они преследуют меня, нарушая мое спокойствие.

Через три четверти часа негритянка-невольница пришла сказать ему, что донна Клара опомнилась, но что она чувствует себя слабой и разбитой и просит извинения, что не может видеть его в этот вечер. Молодой человек был внутренне доволен свободой, которую давала ему сестра и которая избавляла его от необходимости возобновлять разговор, не имевший для него никакой привлекательности.

— Хорошо, — сказал он невольнице, — кланяйся сестре и вели подать мне ужинать; попроси также ко мне майордома; мне нужно с ним поговорить.

Невольница вышла и оставила его одного. Тогда молодой граф опрокинулся на спинку своего кресла, протянул ноги и погрузился не в мечтательность, а в ту дремоту, которая не может назваться ни сном, ни бдением, во время которой

душа как будто блуждает в неизвестных областях и которое испанцы называют сиестой. Пока он находился в таком положении, невольники накрыли на стол, остерегаясь, чтобы не разбудить его, и ставили на стол отборные кушанья. Но скоро запах блюд, поставленных перед ним, призвал молодого человека к действительности; он приподнялся и, подойдя к креслу, сел за стол.

— Для чего не пришел майордом?— спросил он.— Разве ему не сказали?

— Сказали, ваше сиятельство, но майордом находится в отсутствии,— почтительно отвечал один невольник.

— В отсутствии, по какой причине?

— Он каждый вечер обходит весь дом, но скоро воротится; если ваше сиятельство будет иметь терпение, вы скоро его увидите.

— Хорошо, хотя я не понимаю, для чего ему осматривать дом, ведь здесь нет хищных зверей.

— Слава Богу! Нет, ваше сиятельство.

— Так к чему же эти предосторожности?

— Эти предосторожности принимаются против негодяев, ваше сиятельство.

— Да какие же это негодяи?— вскричал граф, подпрыгнув на стуле.— Верно все здесь сговорились мистифицировать меня, прости Господи!

В эту минуту послышалось бречанье шпор.

— Вот идет майордом, ваше сиятельство,— сказал один из негров.

— Наконец! Пусть он войдет!

Бирбомоно вошел, снял шляпу, почтительно поклонился и ждал, чтобы граф с ним заговорил.

— Я жду вас уже больше часа,— сказал молодой человек.

— Я очень сожалею об этом, ваше сиятельство, но мне сказали только сейчас.

— Знаю, знаю! Вы обедали?

— Нет еще, ваше сиятельство.

— Ну так садитесь напротив меня.

Майордом, знавший надменный характер графа, колебался; он не понимал такого снисхождения с его стороны.

— Садитесь же,— продолжал молодой человек,— мы в

деревне; следовательно, это ничего не значит; притом я должен поговорить с вами.

Майордом поклонился и занял, не отнекиваясь более, указанное ему место. Ужин был непродолжителен; граф ел, не произнося ни слова; когда ужин кончился, он оттолкнул тарелку, выпил стакан воды, по испанскому обычаю, закурил сигару и подал майордому.

— Курите, я позволяю, — сказал он.

Бирбомоно принял это позволение с признательностью, но, все более и более удивляясь, не мог не спросить себя внутренне, по какой важной причине его молодой господин был так любезен. Когда убрали со стола и невольники ушли, заперев двери, граф и управитель остались одни. Ночь была великолепна, атмосфера необыкновенно прозрачна, бесчисленное множество звезд сияло на небе; приятный, теплый воздух входил в открытые окна, оставленные нарочно отворенными, глубокая тишина царствовала в окрестностях, и с того места, где сидели оба собеседника, виднелась мрачная масса деревьев леса, замыкавшего горизонт.

— Теперь, — сказал граф, выпустив синеватый дымок, — будем говорить.

— Будем говорить, ваше сиятельство, — отвечал майордом.

— Я должен многое у вас спросить, Бирбомоно; вы знаете меня, не так ли? Вы знаете, что я всегда исполняю свои обещания и угрозы?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Хорошо, я приступаю к делу без дальних предисловий; я должен спросить у вас очень важных сведений; отвечать на мои вопросы — не значит изменять вашей госпоже, которая мне сестра и которую я люблю больше всего. Напротив, может быть, вы окажете ей косвенную услугу. Притом то, что вы мне не скажете, я узнаю с другой стороны, и вы, следовательно, лишитесь в моих глазах выгод откровенности; вы меня понимаете, я полагаю?

— Вполне, ваше сиятельство.

— Что же намерены вы делать?

— Ваше сиятельство, я предан телом и душою вашей фамилии и, следовательно, поставлю себе за долг отвечать

как умею, на все вопросы, с которыми вы удостоите ко мне обратиться, в убеждении, что расспрашивая меня, у вас нет другой причины, кроме желания угодить моей госпоже.

— Лучше рассуждать нельзя, Бирбомоно; я всегда говорил, что вы человек умный; этот ответ мне доказывает, что я не ошибся. Я начинаю по порядку: во-первых, скажите мне, что происходило между моей сестрой и ее мужем перед ее приездом сюда и какие причины заставили ее уехать из Сан-Доминго?

— Вы знаете, ваше сиятельство, графа Бехар-Сузу, мужа вашей сестры и моего господина; это вельможа не очень разговорчивый по своему характеру, но добрый и искренне привязанный к своей жене. Он исполняет каждое ее желание и дает возможность жить, как она хочет, никогда не позволяя себе ни малейшего замечания на этот счет; в Сан-Доминго графиня жила в совершенном уединении, постоянно удаляясь в свои комнаты, куда входили только ее горничные, духовник и доктор. Граф посещал ее каждое утро и каждый вечер, оставался с нею около получаса, разговаривая о посторонних предметах, потом уходил.

— Гм! Эта жизнь моей милой сестры кажется мне довольно однообразна; долго продолжалась она?

— Несколько месяцев, ваше сиятельство, и, без сомнения, продолжалась бы еще, если б не одно происшествие, которого, кроме меня, никто не знает и которое побудило ее приехать сюда.

— А! а! Какое же это происшествие?

— А вот, ваше сиятельство, однажды наш испанский корабль пришел в Сан-Доминго; дорогою мимо островов на него напали негодяи, от которых он избавился как бы чудом и захватил многих из них.

— А! Постойте,— вскричал граф,— прежде чем будете рассказывать дальше, объясните мне, какие негодяи, о которых говорят беспрестанно и которых не знает никто? Вы знаете?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Наконец-то,— продолжал граф весело,— я добыюсь, чего хочу; если вы знаете, вы мне объясните, не правда ли?

— Очень буду рад, ваше сиятельство.

— Говорите, я вас слушаю.

— О! Это будет недолго, ваше сиятельство.

— Тем хуже.

— Но я думаю, что это будет интересно.

— Тем лучше; говорите скорее.

— Эти негодяи французские и английские авантюристы, мужество которых превосходит все, что можно было бы о нем сказать. Спрятавшись среди скал, когда проходят наши суда, — они поклялись вести с нами истребительную войну, — они подъезжают на плохих пирогах, наполненных до половины водой, к нашему кораблю, который они приметят, захватят его и уведут с собой. Вред, наносимый этими негодяями нашему флоту, — громаден; всякий корабль, на который они нападут, с весьма редкими исключениями, можно считать погибшим.

— Черт побери! Черт побери! Это очень серьезно, и неужели ничего не предприняли для того, чтобы освободить море от этих дерзких пиратов?

— Извините, ваше сиятельство, адмирал дон Фернандо Толед опустошил по приказанию короля остров Святого Христофора, притон этих пиратов, захватил, кого мог, и не оставил камня на камне в основанной ими колонии.

— А! а! — сказал граф, потирая руки. — Кажется, это было сделано хорошо.

— Нет, ваше сиятельство, и вот по какой причине: прогнанные, но не уничтоженные, эти пираты разъехались по другим островам; некоторые воротились на остров Святого Христофора, но большая часть имела смелость найти себе приют в самой Испаньоле.

— Да, их прогнали, я надеюсь.

— Пытались, по крайней мере, ваше сиятельство, но безуспешно; после того они успели удержаться в той части острова, которую заняли, сопротивляясь всеми силами, посланным против них; часто из осажденных они делаются осаждающими, даже доезжают до испанской границы, жгут, грабят, опустошают все, что встретится им на пути, тем легче, что они внушают такой страх нашим солдатам, что как только те их увидят или услышат, то бегут без оглядки.

Это дошло до такой степени, что граф Бехар, наш губернатор, принужден был взять ружья от отрядов, называющихся пятидесятками, защищающих наши границы, и вооружил их копьями.

— Как — отнял у них ружья! Для чего же? Боже мой! Это мне кажется невероятно.

— Это, однако, очень понятно, ваше сиятельство; солдаты так боятся пиратов, что, опасаясь встречи с ними, нарочно стреляют из ружей, чтобы уведомить их о своем присутствии и убедить их удалиться, и пираты, узнав таким образом, где находятся солдаты, отправляются грабить с другой стороны, в уверенности, что там никто им не помешает¹.

— Это просто невероятно. А здесь вы боитесь их посещения?

— Здесь они еще не были, однако все-таки надо остерегаться.

— Я одобряю вашу осторожность; но воротимся теперь к вашему рассказу, который я прервал, чтобы узнать от вас эти драгоценные сведения. Вы говорили, что испанский корабль пришел в Сан-Доминго и привез с собою нескольких пиратов, взятых им в плен.

— Да, ваше сиятельство, а надо вам знать, что пиратов, захваченных в плен, вешают.

— Это очень благоразумная мера.

— Этих пиратов посадили пока в тюрьму в ожидании казни, и фра Арсенио поручили примирить их с небом.

— Обязанность трудная. Но кто этот фра Арсенио?

— Фра Арсенио духовник графини.

— А! Очень хорошо; продолжайте.

— Представьте себе, ваше сиятельство, что эти пираты люди очень набожные, они никогда не нападают на корабль, не помолившись прежде Богу, и бросаются на abordаж с церковным пением; следовательно, фра Арсенио не было никакого труда исполнять свои религиозные обязанности. Губернатор решил, что для примера другим этих пиратов повесят на испанской границе, и так их вывели из тюрьмы крепко связанных и провезли по городу

1

Все это исторически верно.

на тележках под многочисленным конвоем мимо народонаселения, осыпавшего их проклятиями и криками гнева и угрозы. Но пираты не обращали никакого внимания на это проявление народной ненависти; их было пятеро. Это были люди молодые и очень сильные по наружности; вдруг в ту минуту, когда тележки, которые ехали медленно вследствие стечения толпы, поравнялись с губернаторским дворцом, пираты все встали, громко вскрикнули и, спрыгнув с телеги, бросились во дворец, обезоружили караул, потом заперли за собою дверь; неизвестно, каким образом им удалось разорвать их оковы. Толпа оцепенела при виде такого безумного поступка, но скоро солдаты вооружились мужеством и решительно направились ко дворцу; пираты встретили их ружейными выстрелами. Битва началась тогда храбро с обеих сторон; только вся невыгода осталась на стороне наших, подвергавшихся беззащитно ударам невидимых врагов, известных своим искусством, все удары которых делали по несколько жертв каждый раз. Уже десятка два мертвых и столько же раненых валялось на месте, солдаты не решались продолжать эту убийственную битву, когда губернатор, предупрежденный о том, что происходило, наскоро явился в сопровождении своих офицеров; к счастью для него, графа не было дома, когда захватили его дворец, но графиня была дома, и граф дрожал, чтобы она не попала в руки этих негодяев; он приказывал им сдаться; они отвечали только залпом, убившим несколько человек около губернатора и слегка ранившим его самого.

— Дерзкие негодяи! — прошептал граф. — Надеюсь, что их повесили.

— Нет, ваше сиятельство, два часа боролись они со всеми городскими силами и предложили капитуляцию, которая была принята.

— Как! — вскричал граф. — Принята? О! Это уже чересчур!

— Однако это истинная правда, ваше сиятельство; они угрожали, если им не дадут свободно удалиться, взорвать себя на воздух вместе со дворцом, что повлекло бы за собою общую гибель города, зарезать пленников, находившихся в их власти, и первую графиню; губернатор рвал

на себе волосы от бешенства, а пираты только смеялись.

— Но это не люди!— вскричал граф, с гневом топнув ногой.

— Я вам говорил, что это не люди, а демоны. Офицеры уговорили графа согласиться на капитуляцию; пираты потребовали, чтобы улицы были пусты, велели привести лошадей для себя, для графини и одной ее горничной, намереваясь держать их аманатами до тех пор, пока они не будут в безопасности, и вышли хорошо вооруженные, ведя среди их мою бедную госпожу, дрожавшую от страха и походившую скорее на мертвую, чем на живую. Пираты не торопились, они шли шагом, смеялись и разговаривали между собой, оборачиваясь и даже останавливаясь иногда, чтобы бросить взгляд в толпу, которая следовала за ними в почтительном расстоянии. Таким образом вышли они из города, но добросовестно сдержали свое обещание: через два часа графиня, к которой они были чрезвычайно вежливы, воротилась в Сан-Доминго, провожаемая до дворца восклицаниями и радостными криками народонаселения, которое считало ее погибшей. Через день граф приказал мне проводить сюда мою госпожу, куда доктора предписали ей приехать на некоторое время отдохнуть от ужасных волнений, которые она, без сомнения, испытывала в то время, как находилась во власти разбойников.

— После вашего приезда здесь не случилось ничего необыкновенного, я полагаю.

— Случилось, ваше сиятельство, и вот почему я вам говорил вначале, что мне одному известно происшествие, изменившее образ жизни моей госпожи. Один из пиратов имел с нею очень продолжительный разговор. Я присутствовал при этом разговоре издалека, так что не мог слышать, что он ей сказал, это правда, но настолько близко, чтоб судить об участии, которое он имел к ней, и о впечатлении, которое он сделал на нее. Я последовал за моей госпожой, решившись не оставлять ее и помочь ей, если будет можно, с опасностью для моей жизни.

— Вы добрый слуга, Бирбомоно, я вас благодарю.

— Я исполнил только мою обязанность, ваше сиятельство; как только разбойники оставили ее одну, я приблизился к моей госпоже и проводил ее при ее возвращении

в город. Через несколько дней после нашего приезда сюда госпожа моя оделась по-мужски, вышла тайно из дома в сопровождении только меня и фра Арсенио, который не хотел ее оставить; она привела нас к одной бухте на берегу, где нас ждал один пират. Этот человек опять имел продолжительный разговор с моей госпожой, потом, посадив нас в пирогу, отвез на испанскую бригантину, лавировавшую около берега; после я узнал, что эта бригантина была нанята фра Арсенио по приказанию моей госпожи; как только мы вошли на это судно, оно вышло в открытое море; пират вернулся на берег в своей пироге.

— Какие сказки рассказываешь ты мне, Бирбомоно!

— Сеньор, я говорю вам правду, как вы спрашивали ее у меня, не прибавляя и не убавляя ничего.

— Хорошо, я тебе верю, но все это как-то невероятно.

— Перестать мне, ваше сиятельство, или продолжать мой рассказ?

— Продолжай, черт побери! Может быть, из всего хаоса блеснет какой-нибудь свет.

— Наша бригантина начала лавировать мимо островов, рискуя попасться в руки разбойников, но по непонятному чуду успела пройти неприметно, так что через неделю доехала до острова, имеющего форму горы, называющегося, кажется, Ниев и отделенного только узким каналом от острова Святого Христофора.

— Но вы сами мне сказали, что остров Святого Христофора — притон пиратов?

— Точно так, ваше сиятельство; бригантина якорь не бросила, а только спустила шлюпку. Госпожу мою, монаха и меня посадили в эту шлюпку и высадили на острове; только поставив свою крошечную ножку на берег, графиня обернулась ко мне и взглядом приказала мне остаться в шлюпке, из которой я приготовился выйти. «Вот письмо, — сказала она, подавая мне бумагу, — ты отвезешь это письмо на остров Святого Христофора, отыщешь там одного знаменитого пирата, которого зовут Монбар, и отдашь ему это письмо в собственные руки; ступай, я полагаюсь на твою верность». Что я должен был сделать? Повиноваться, не так ли, ваше сиятельство? Матросы в шлюпке, как будто зная, куда надо меня везти, привезли на остров

Святого Христофора; мне посчастливилось встретиться с Монбаром и отдать ему письмо, потом я убежал; шлюпка, ожидавшая меня, отвезла меня в Ниев; сеньора поблагодарила меня. На закате солнца Монбар приехал в Ниев и разговаривал около часа с монахом, пока донна Клара пряталась в палатке; потом он ушел, через несколько минут графиня и фра Арсенио воротились на бригантину, которая также благополучно отвезла нас в Испаньолу; монах остался во французской части острова, по какой причине, я не знаю; графиня и я воротились сюда и вот живем уже здесь десять дней.

— Дальше что?— сказал граф, видя, что майордом молчит.

— Вот и все, ваше сиятельство,— отвечал Бирбомоно,— с тех пор донна Клара оставалась взаперти в своих комнатах и ничто не нарушало однообразия нашей жизни.

Граф не отвечал, встал и с волнением сделал два или три шага по комнате, потом, повернувшись к Бирбомоно, сказал:

— Хорошо, майордом, благодарю; молчите обо всем этом; ступайте и помните, что никто в доме не должен подозревать важности разговора.

— Я буду нем, ваше сиятельство,— отвечал майордом и ушел после почтительного поклона.

— Очевидно, что в этой истории есть какая-то ужасная тайна,— прошептал молодой человек,— и сестра, наверно, желает, чтобы я поделил половину этой тайны! Я боюсь, что я попал в засаду. Неужели Клара не могла оставить меня в покое в Сан-Доминго?

XXII

ПО ДОРОГАМ

На другой день донна Клара, по-видимому, если не совершенно оправилась от волнения, испытанного накануне, по крайней мере, здоровье ее находилось в состоянии более удовлетворительном, чем брат ее осмеливался

надеяться после обморока, которого он был свидетелем.

Но ни брат, ни сестра не делали ни малейшего намека на вчерашний разговор. Донна Клара, хотя очень бледная и в особенности очень слабая, выказывала веселость и даже, опираясь на руку графа, немного погуляла в саду. Но брат не был обманут этой проделкой; он понял, что сестра жалеет, зачем говорила с ним слишком откровенно, и старается обмануть его относительно ее положения, выказывая веселость, — далекую от ее сердца; однако он не высказал этого, и когда спал сильный дневной жар, он выразил желание осмотреть окрестности, чтобы предоставить сестре более свободы; взяв ружье, он отправился верхом в сопровождении майордома, вызвавшегося служить ему проводником. Донна Клара не удерживала его; напротив, она была очень рада остаться одна на несколько часов.

Молодой человек поскакал с лихорадочным нетерпением; он находился в таком волнении, в котором сам не мог дать себе отчета. Несмотря на свой эгоизм, он принимал участие в несчастье сестры; такая кроткая безропотность невольно трогала его; он был бы рад вложить хоть сколько-нибудь радости в это сердце, разбитое горем. С другой стороны, странный рассказ майордома беспрестанно приходил ему на мысль и в высшей степени подстрекал его любопытство. Однако он ни за что на свете не хотел расспросить сестру о темных частях этого рассказа или хотя даже намекнуть ей, что ему известны ее сношения с флибустьерами острова Св. Христофора.

Граф ехал с майордомом по степи, охотился и разговаривал о посторонних предметах, только как бы невольно граф не мог выкинуть из своих мыслей воспоминания о рассказе майордома и вдруг обернулся к нему.

— Кстати, — сказал он вдруг, — я еще не видал духовника моей сестры; как вы его назвали?

— Фра Арсенио, ваше сиятельство, францисканец.

— Для чего же он прячется?

— Я вчера уже объяснил вам причину, ваше сиятельство.

— Может быть, я не спорю, но все это так перемешалось

в голове моей,— сказал граф с притворным равнодушием,— что-то я не помню, что вы сказали мне об этом; вы обяжете меня, если повторите.

— Это легко, ваше сиятельство. Фра Арсенио оставил нас в ту минуту, как только мы приехали сюда, и с тех пор не показывался здесь.

— Это странно; а донну Клару, кажется, вовсе не тревожит это продолжительное отсутствие?

— Во все не тревожит, ваше сиятельство; сеньора ничего не говорит о фра Арсенио и не осведомляется даже, воротился ли он.

— Это странно,— пробормотал молодой человек,— что значит это таинственное отсутствие?

После этого граф быстро прервал разговор и опять занялся охотой. Уже прошло несколько часов, как они выехали из дома и незаметно отъехали на большое расстояние; солнце склонялось к горизонту; граф приговаривая повернуть назад, когда вдруг послышался шум сломанных ветвей на рубеже леса, от которого всадники были разделены только кустами, и несколько волков бросились в степь, преследуемые или, лучше сказать, прогоняемые десятком ищеск, которые выли и кусали их с бешенством. Волы, в числе семи или восьми, промчались как ураган мимо лошади графа, которой это неожиданное появление причинило такой испуг, что она осталась с минуту неподвижна, не зная, что ей делать. Свирепые животные, все преследуемые собаками, вдруг воротились назад, как будто хотели убежать в лес, в то самое место, откуда выбежали, но в эту минуту раздался выстрел, и один вол, пораженный в голову, упал на землю. В это мгновение из леса выскочил человек и бросился к волу, лежавшему неподвижно и полузакрытому высокой травой. Этот человек, по-видимому, не примечал испанцев, он шел большими шагами и опять заряжал свое длинное ружье, из которого сделал такое искусное употребление. Этот охотничий эпизод совершился гораздо скорее, чем мы успели написать, так что дон Санчо еще не опомнился от удивления, когда майордом наклонился к нему и тихим голосом, прерывавшимся от страха, шепнул:

— Ваше сиятельство, вы хотели видеть пирата. Рассмотрите же хорошенько этого человека; он пират.

Дон Санчо был одарен испытанной храбростью. Когда прошло первое удивление, он совершенно овладел собою, хладнокровно и медленно подъехал к незнакомцу и с любопытством стал его рассматривать.

Незнакомец был человек молодой, среднего роста, но очень стройный и сильного сложения. Его правильные, энергичные и довольно красивые черты дышали смелостью и умом, холод, зной, дождь и солнце, которым, без сомнения, он подвергался давно, придали его лицу очень резкий смуглый оттенок; хотя он носил бороду, однако она была довольно коротко обстрижена.

Костюм его отличался простотой, так сказать, первобытной: он состоял из двух рубаш, панталон и казакина из толстого полотна, до того покрытого пятнами крови и грязи, что невозможно было узнать первобытный цвет. На незнакомце был кожаный пояс, с которого висел с одной стороны футляр из крокодиловой шкуры, в котором находились четыре ножа и штык, а с другой стороны большая горлянка, заткнутая воском и наполненная порохом, и кожаный мешок с пулями; через плечо висела у него свернутая маленькая палатка из тонкого полотна. Обувь его состояла из сапог, сшитых из невыделанной воловьей шкуры. Длинные волосы его, связанные кожаным ремешком, вырывались из-под меховой фуражки с козырьком, покрывавшей его голову. Ружье его, дуло которого имело четыре фута с половиною длины, и легко было узнать по его странной форме, что оно сделано в Дьеппе оружейным мастером Браши, который вместе с мастером Желеном в Нанте пользовался монополией фабрикация оружия для авантюристов.

Наружность этого человека, вооруженного и одетого таким образом, имела что-то действительно величественное и страшное. Инстинктивно чувствовалось, что находишься лицом к лицу с могучей натурой, с организацией избранной, привыкшей полагаться только на себя и которую никакая опасность, как бы ни была она велика, не должна была ни удивлять, ни волновать.

Продолжая подходить к волю, он искоса бросил взгляд

на двух охотников, потом, не занимаясь ими, свистнул своим собакам, которые тотчас бросили преследовать волов, послушно воротились и встали около него. Вынув нож из футляра, он стал сдирать кожу с вола, лежавшего у его ног. В эту минуту граф подъехал к нему.

— Кто вы и что делаете тут?— спросил он резким голосом.

Буканьер поднял голову, с лукавым видом взглянул на человека, который спрашивал его таким повелительным тоном, и, презрительно пожав плечами, отвечал с насмешкой:

— Кто я? Вы видите, что я буканьер; что я делаю? Сдираю кожу с вола, которого я убил. Еще что?

— Но по какому праву вы позволяете себе охотиться на моих землях?

— А! Эти земли принадлежат вам? Очень рад. Ну! Я охочусь здесь потому, что мне так нравится; а если это не нравится вам, то мне очень жаль.

— Что это значит?— спросил граф надменно.— Каким тоном осмеливаетесь вы говорить со мной?

— Тоном, который, вероятно, мне нравится,— отвечал буканьер, приосанясь,— поезжайте своей дорогой и послушайте доброго совета: если вы хотите, чтобы через пять минут ваш богатый полукафтан не обогрелся кровью, не занимайтесь больше мною, так как я не стану заниматься вами, и оставьте меня продолжать мои занятия.

— Этого не будет,— запальчиво отвечал молодой человек,— земля, на которой вы распоряжаетесь так дерзко, принадлежит моей сестре, донне Кларе Бехар; я не позволю, чтобы на ней распоряжались так своевольно такие негодяи, как вы. Убирайтесь сию же минуту, а не то...

— А не то?— повторил буканьер, и глаза его сверкнули молнией, между тем как майордом, предчувствуя катастрофу, благоразумно поместился позади своего господина.

Граф оставался холоден и бесстрастен перед буканьером, решившись принять наступательную позицию, если увидит малейшее подозрительное движение. Против всякого ожидания, грозный взгляд авантюриста почти тотчас уже сделался спокойным, черты приняли обычное

беззаботное выражение, и он отвечал тоном почти дружелюбным:

— Э! Э! Чье имя вы произнесли, позвольте вас спросить?

— Владелицы этой земли.

— Это разумеется само собой,— смеясь, сказал авантюрист,— но как ее зовут? Пожалуйста, повторите это имя.

— Позвольте,— отвечал молодой человек презрительно, потому что ему показалось, что его противник отступал перед ссорой, начавшейся между ними,— я произнес имя донны Клары Бехар-Суза...

— И прочее, и прочее,— смеясь, перебил авантюрист,— у этих чертей испанцев есть имена на каждый день в году. Ну, не сердитесь, молодой петушок,— прибавил он, заметив краску, которую вызвало выражение, употребленное им, на лицо графа,— мы, может быть, более близки к соглашению, чем вы полагаете. Что вы выиграете в битве со мною? Ничего! А напротив, можете много потерять.

— Я не понимаю ваших слов,— сухо отвечал молодой человек,— но надеюсь, что вы объясните их мне.

— Это сделать недолго, вы увидите,— продолжал незнакомец все с усмешкой.

Обернувшись к лесу, он приложил руки ко рту и закричал:

— Эй, Олонец!

— Здесь!— тотчас отвечал человек из глубины леса.

— Поди сюда,— продолжал буканьер,— кажется, здесь найдется кое-что по твоему вкусу.

— А! А! — отвечал Олонец, все невидимый.— Посмотрим.

Молодой граф не знал, что думать об этом новом происшествии, которое совершенно изменяло дело. Он опасался грубой шутки со стороны этих полудикарей; он не решался, предаться ли гневу, который кипел внутри его, или терпеливо ждать последствий; но тайное предчувствие побуждало его сдерживаться и действовать осторожно с этим человеком, который, по-видимому, не был одушевлен никаким злым умыслом против него и обращение которого, хотя резкое и грубое, было, однако, дружелюбно.

В эту минуту показался Олонец в таком же костюме, как буканьер; он быстро подошел к нему и, не занимаясь испанцами, спросил, что ему нужно, бросив на траву шкуру дикого вола, которую он нес на плече.

— Кажется, ты мне говорил, что Тихий Ветерок прислал тебе с Прыгуном записку сегодня утром?— продолжал буканьер.

— Это правда, Польшэ,— я тебе говорил об этом,— отвечал тот,— мы даже условились с тобой, что так как тебе известен здешний край, то ты отведешь меня к той особе, которой я должен вручить этот дьявольский лоскуток бумажки.

— Ну! Если ты захочешь, ты можешь сейчас исполнить данное тебе поручение,— продолжал Польшэ, указывая на дону Санчо,— вот родной брат этой особы; по крайней мере он сам так говорит.

— Как!— сказал Олонец, устремив проницательный взгляд на молодого человека.— Этот красивый щеголь?

— Да, по крайней мере он так говорит; ты знаешь, эти испанцы такие лгуны, что на слово их никак нельзя положиться.

Дон Санчо покраснел от негодования.

— Что дало вам право сомневаться в моем слове?— вскричал он.

— До сих пор ничего, и потому я говорю не о вас, а о всех вообще.

— Итак,— спросил его Олонец,— вы брат донны Клары Бехар, владетельницы дома дель-Ринкон?

— Еще раз повторяю, что я ее брат.

— А как вы мне это докажете?

Молодой человек пожал плечами.

— Мне все равно, верите вы мне или нет.

— Может быть, но для меня очень важно знать наверно; мне дали записку к этой даме, и я должен верно исполнить поручение.

— Отдайте же мне эту записку, я сам ей отвезу.

— Вот как вы решили,— сказал Олонец с насмешкой,— я так вам и отдам это письмо ни с того, ни с сего.

Он громко расхохотался, и Польшэ последовал его примеру.

— Эти испанцы не сомневаются ни в чем,— сказал буканьер.

— Так убирайтесь же к черту и с вашей запиской!— вскричал с гневом молодой человек.— Какое мне дело, что вы оставите ее у себя!

— Полно, полно, не сердитесь, черт побери!— примирительным тоном сказал Олонец.— Может быть, есть способ все устроить к всеобщему удовольствию; я не так черен, как кажусь, и намерения у меня хорошие, только я не хочу быть обманут, вот и все.

Молодой человек, несмотря на очевидное отвращение, которое внушали ему авантюристы, не смел, однако, бросить их; письмо это могло быть очень важно, и сестра никогда не простила бы ему, конечно, если б он поступил в этом случае необдуманно.

— Ну, говорите же,— сказал он,— только поскорее; становится поздно, я далеко от дома и хочу воротиться до заката солнца, чтобы не тревожить напрасно сестру.

— Какой добрый брат!— продолжал Олонец с иронической улыбкой.— Вот что я вам предлагаю: скажите этой даме, что обязанному работнику Монбара поручено отдать ей письмо и что если она хочет получить его, то пусть сама придет.

— Как — сама придет, куда?

— Сюда, конечно! Мы с Польшэ хотим устроить букан на этом месте и будем ждать эту даму целый завтрашний день; мне кажется, что я вам предлагаю очень простой и легкий способ.

— И вы думаете,— отвечал граф с иронией,— что моя сестра согласится на свидание, назначенное презренным авантюристом? Полноте, вы с ума сошли!

— Я ничего не думаю, а делаю предложение, которое вы можете принять или отвергнуть, вот и все. Что касается письма, то она получит его не иначе, как если сама за ним придет.

— Для чего вам не пойти со мною к ней, это, кажется, было бы гораздо проще.

— Может быть, я сначала так и намеревался, но потом передумал; сами решайте же, что хотите вы делать.

— Моя сестра слишком уважает себя для того, чтобы

решиться на подобный поступок, я заранее уверен, что она откажется с негодованием.

— А может быть, вы и ошибаетесь, господин щеголь,— сказал Олонец с лукавой улыбкой,— кто может знать, что думают женщины.

— Чтобы прекратить разговор, и то уже слишком долго продолжавшийся, я сообщу ей то, что вы мне сказали, только не скрываю от вас, что я стану ее отговаривать всеми возможными способами.

— Делайте что хотите, это меня не касается, но знайте, если она захочет приехать сюда, то ваши рассуждения не сделают ничего.

— Мы увидим.

— Не забудьте сказать ей, что это письмо от Монбара.

Во время этого разговора, вовсе его не интересовавшего, Польшэ с флегмой и беззаботностью, которые отличали буканьеров, срезывал ветви и вбивал колья для палатки, приготовляемой им на ночь.

— Вы видите,— продолжал Олонец,— что мой товарищ уже принялся за работу; прощайте же, до завтра; мне некогда разговаривать с вами долее. Мне надо помочь ему сделать букан.

— Помогайте сколько хотите, но я убежден, что вы напрасно рассчитываете на успех поручения, которое я принимаю на себя.

— Вы увидите, а все-таки скажите сеньоре. А! Еще одно слово: чтобы не было измены.

Молодой человек не удостоился отвечать, он презрительно пожал плечами, повернул свою лошадь и в сопровождении майордома воротился галопом к домику. Отъехав на некоторое расстояние, он оглянулся; палатка была уже раскинута, и оба буканьера занимались буканом, так мало заботясь об испанцах, которые, без сомнения, бродили в окрестностях, как будто находились за пятьсот миль от всякого жилища. Потом граф задумчиво продолжал подвигаться по направлению к дому.

— Вот, ваше сиятельство,— сказал ему майордом,— вы видели пиратов, что вы теперь думаете о них?

— Это люди грубые,— отвечал граф, печально качая

головой,— натуры зверские и неукротимые, но чистосердечные и относительно честные, по крайней мере с их точки зрения.

— Да, да, вы правы, ваше сиятельство; вот почему они каждый подвигаются все дальше и дальше, и если им позволить, я боюсь, что им скоро будет принадлежать весь остров.

— О! Мы еще до этого не дошли,— сказал граф с улыбкой.

— Извините меня, ваше сиятельство, если я вас спрошу, намерены ли вы говорить сеньоре об этой встрече?

— Мне хотелось бы не говорить; к несчастью, судя по тому, что вы мне рассказали о том, что происходило между моей сестрой и этими людьми, может быть, мое молчание будет иметь последствия очень важные для нее; лучше, кажется, сказать ей прямо; она лучше меня будет знать, как ей поступить.

— Я думаю, что вы правы, ваше сиятельство; для сеньоры может быть очень важно узнать содержание этого письма.

— Наконец мы приехали, слава Богу!

Ночь уже настала около часа, когда они доехали до дома. С удивлением заметили они необыкновенное движение около дома; огни, зажженные в долине, бросали яркий свет впотьмах; приблизившись, граф узнал, что огни эти разведены солдатами, которые расположились на биваках. Доверенный слуга ожидал приезда графа и, заметив его, тотчас подал ему несколько писем и просил пожаловать к сеньоре, которая ждала его с нетерпением.

— Что нового случилось здесь?— спросил он.

— Два пятидесятка прибыли сюда на закате солнца, ваше сиятельство,— отвечал слуга.

— А!— сказал он, слегка нахмурив брови.— Скажите сестре, что я сейчас буду к ней.

Слуга поклонился и ушел. Молодой человек сошел с лошади и отправился в комнату донны Клары, заинтересованный непредвиденным прибытием войска в такое место, которое, по-видимому, пользовалось большим спокойствием и где его присутствие было бесполезно.

ЗАПУТАННОСТЬ

Теперь надо воротиться к одному из наших действующих лиц, которое до сих пор играло весьма второстепенную роль в этой истории, но которое, как это случается часто, должно занять в нашем рассказе место в первом ряду на несколько минут.

Мы говорим о графе дон Стенио Бехар-Суза, испанском гранде первого разряда, губернаторе на острове Испахьола и муже донны Клары Пеннафлор.

Граф дон Стенио Бехар-Суза был настоящий испанец времен Карла Пятого, сухой, жеманный, спесивый, самодовольный, всегда говоривший свысока, когда он удостоивал говорить, что с ним случалось очень редко, не по недостатку ума — он вовсе не был глуп — а из лености и презрения к другим людям, на которых он никогда не смотрел иначе как прищурившись и с презрением приподняв губы. Высокий, хорошо сложенный, с благородным обращением и с чертами очень изящными, граф, несмотря на свою неразговорчивость, был одним из самых интересных мужчин при испанском дворе, которых в то время было очень много. Женился он на донне Кларе из приличия и честолюбия, но мало-помалу, любясь очаровательным личиком женщины, на которой он женился, смотря на ее кроткий взгляд, слыша мелодический звук ее голоса, он влюбился в нее до безумия. Как у всех людей, привыкших сосредоточивать внутренне свои чувства, страсть его к донне Кларе приняла размеры тем более громадные, что она была безнадежна и оставалась в сердце несчастного человека, имевшего отчаянное убеждение, что она никогда не будет разделена тою, кто внушил ему эту страсть. Все угождения дона Стенио жена его так решительно отвергала, что он наконец стал воздерживаться.

Но так как все отвергнутые любовники, этот, кроме того, еще будучи мужем — обстоятельство весьма обидное для пола, слишком ослепленного своими достоинствами, — для того, чтобы приписывать неудачу собственно себе, стал искать около себя, какой счастливый соперник отнял у

него сердце жены. Конечно, графу не удалось найти этого фантастического соперника, который существовал только в его воображении; это подало повод к ревности тем более свирепой, что, не зная, за что взяться, он придирался ко всему.

Итак, граф ревновал не как испанец, потому что вообще испанцы, что ни говорили бы о них, не заражены этой глупой болезнью, но как итальянец, и эта ревность заставляла его страдать тем более, что он не мог выказывать ее. Боясь насмешек, он был принужден старательно заключать ее в своем сердце. Когда, после его женитьбы на донне Кларе, замужества которой с графом де Бармоном он не знал, тесть его герцог Пеннафлор был назначен вице-королем Новой Испании и доставил ему место губернатора на острове Испаньола, граф почувствовал сильную радость; он был убежден, что в Америке его жена, разлученная со своими друзьями и родными, принужденная жить одна и, следовательно, подчиняться его влиянию, от скуки и от праздности, наконец, разделит его любовь или по крайней мере пример; потом на островах ему нечего было бояться соперничества среди народонаселения полудикого и совершенно поглощенного страстью гораздо могущественнее любви — страстью к золоту.

Увы! Он ошибся и на этот раз; правда, донна Клара не дала ему, так же как и в Испании, предложений к ревности, но ему не удалось навязать себя ей; с первого дня приезда в Сан-Доминго она обнаружила желание жить одна и в уединении, занимаясь религиозными обрядами, и граф невольно был принужден с бешенством покориться решимости, которую он признавал неизменной. Он покорился, но ревность его не погасла, и, если можно употребить это выражение, она тлела под пеплом; одной искры было достаточно, чтобы заставить ее вспыхнуть ярче и ужаснее.

Кроме этого легкого неудовольствия, жизнь, которую граф вел в Сан-Доминго, была самая неприятная: он властвовал в звании губернатора, видя, что все преклоняются перед его волей, все, кроме жены, может быть единственного лица, которое он желал бы переломить. Он имел льстецов и распоряжался самовластно со всеми

окружавшими его; сверх того, губернаторское звание доставляло ему некоторые права, быстро округлявшие его состояние, в котором сумасбродства, сделанные в молодости, нанесли довольно серьезные опустошения, но он старался поправить их как можно скорее, так, чтобы не только совершенно их уничтожить, но и не дать возможности подозревать, что они существовали когда-нибудь.

Между тем граф мало-помалу не преодолел, а усилил свою любовь; он одной страстью старался искоренить другую; забота об увеличении его состояния заставила его терпеливо принимать равнодушие графини; он почти начал думать, что чувствует к ней только искреннюю дружбу, тем более что донна Клара, со своей стороны, была очаровательна во всем, что не касалось страсти мужа к ней; она интересовалась или по крайней мере делала вид, будто интересуется, торговыми спекуляциями, которые, по примеру своих предшественников, граф, под чужим именем, не боялся предпринимать, а иногда даже с той верностью суждения, которою обладают женщины, сердце которых свободно, она подавала ему о делах очень скользких превосходные советы, которыми граф пользовался, приписывая всю славу себе.

Дела находились в таком положении, когда настал эпизод с флибустьерами, рассказанный майордомом дону Санчо Пеннафлору. Безумная борьба пяти человек против целого города, борьба, из которой они вышли победителями, возбудила в графе ярость тем сильнейшую, что флибустьеры, оставляя город, увели с собой графиню как аманата; тогда граф понял, как он обманывался, предполагая, что его любовь и ревность угасли. В те два часа, в которые продолжалось отсутствие графини, граф вытерпел пытку тем более ужасную, что ярость, которую он испытывал, была бессильна, а мщение невозможно, по крайней мере в настоящем. С этой минуты граф поклялся в неумолимой ненависти к флибустьерам и дал себе слово вести с ними беспощадную войну.

Благополучное возвращение графини, с которою авантюристы обращались с величайшим уважением во все время, пока она находилась в их власти, успокоило бешенство графа с супружеской точки зрения, но оскорб-

ление, полученное им в качестве губернатора, было слишком серьезно для того, чтобы он отказался от мести. С этой минуты самые строгие приказания были отправлены всем начальникам корпусов, чтобы удвоить бдительность и гоняться за авантюристами повсюду, где они их встретят; были организованы новые пятидесятки из людей решительных. Авантюристы, которых удалось захватить, были безжалостно повешены. Тишина восстановилась, спокойствие и доверие колонистов, на минуту поколебленные, воротились, и все пошло обыкновенным порядком.

Графиня выразила желание поправить свое здоровье, проведя несколько недель в дель-Ринконе, и граф, которому доктор сообщил это желание, нашел его весьма естественным; спокойно смотрел он на отъезд своей жены, в убеждении, что в том месте, куда она отправляется, она не подвергается никакой опасности и что эта снисходительность с его стороны будет оценена графиней. Итак, она уехала, взяв с собою только несколько слуг и доверенных невольников, радуясь, что избавится на несколько времени от принуждения, которое она должна была налагать на себя в Сан-Доминго, и замышляя смелый план, исполнение которого мы видели.

Через час после отъезда дона Санчо Пеннафлор в Ринкон граф кончал свой завтрак и приготовлялся уйти в будуар отдохнуть, когда ему доложили, что какой-то человек, не желавший сказать свое имя, но уверяющий, будто губернатор его знает, непременно хотел видеть его, говоря, что он имеет сообщить ему чрезвычайно важные сведения.

Минута была дурно выбрана для того, чтобы просить аудиенции; графу хотелось спать; он отвечал, что, как бы ни были важны эти сведения, он не считает их настолько важными, чтобы пожертвовать им своим сном, и что он будет свободен только в четыре часа, и что если незнакомец придет тогда, то он его примет. После этих слов граф встал и, направляясь к своему будуару, бормотал:

— Прости Господи! Если верить всем этим мошенникам, так не будешь иметь ни минуты покоя.

Он преспокойно растянулся на большой койке, повешенной от одного до другого угла будуара, закрыл глаза

и заснул. Сон графа продолжался три часа. Это замедление было причиною очень важных и запутанных обстоятельств.

Проснувшись, дон Стенио забыл о незнакомце; ему случалось часто иметь дело по-пустому с людьми, уверявшими, будто они имеют сообщить ему важные сведения, так что он не приписал ни малейшей важности словам незнакомца и они совершенно изгладились из его памяти.

В ту минуту, когда он входил в залу, где он обыкновенно давал аудиенции и которая теперь была совершенно пуста, лакей, прежде докладывавший о незнакомце, явился снова.

— Что тебе нужно?— спросил его губернатор.

— Ваше сиятельство,— отвечал лакей, почтительно поклонившись,— человек этот опять пришел.

— Какой человек?— спросил граф.

— Тот же, который приходил утром.

— А! а! Ну, чего же он хочет?— продолжал граф.

— Он хочет, чтобы вы приняли его. Он говорит, что имеет сообщить вам очень важные вещи.

— А! Очень хорошо; помню; это тот самый, о котором ты докладывал мне утром?

— Тот самый, ваше сиятельство.

— Как его зовут?

— Он желает сказать свое имя только вашему сиятельству.

— Гм! Мне не нравятся эти предосторожности; они не предвещают ничего хорошего. Послушай, Хозе, когда он придет, скажи ему, что я не принимаю людей, которые хотят сохранить инкогнито.

— Он уже пришел.

— Так скажи ему это сейчас.

Он повернулся к лакею спиной; тот вышел, но через пять минут вернулся.

— Ну! Ты ведь велел ему уйти?— спросил граф.

— Нет, он поручил мне передать эту карточку вашему сиятельству. Он уверяет, что этой карточки будет достаточно для того, чтобы ваше сиятельство приняли его.

— О!— сказал граф.— Это очень любопытно; посмотрим этот знаменитый талисман.

Он взял карточку из рук лакея, бросил на нее

рассеянный взгляд, потом вдруг вздрогнул, нахмурил брови и, обернувшись к лакею, приказал:

— Проводи этого человека в желтую гостиную; пусть он подождет меня там, я сейчас иду туда. Черт побери! Черт побери!— бормотал он, оставшись один.— Давно уже этот негодяй не давал о себе известия; я думал, что его повесили или что он утонул. Неужели этот ловкий плут действительно имеет сообщить мне важные известия? Увидим.

Потом, выйдя из комнаты, в которой он находился, он торопливо отправился в желтую гостиную, где уже находился человек, приславший ему карточку. Увидя губернатора, он поспешно встал и сделал почтительный поклон. Граф обернулся к лакею, который пошел за ним отпереть двери.

— Меня нет дома ни для кого,— сказал он,— ступай. Лакей вышел и запер за собою двери.

— Теперь мы остались вдвоем,— сказал граф, опускаясь на кресло и указывая незнакомцу на стул.

— Я жду приказаний вашего сиятельства,— почтительно отвечал тот.

— Моих приказаний? Я, кажется, не отдавал вам никаких.

— Извините, если я позволю себе напомнить вам некоторые обстоятельства, о которых вы, кажется, забыли.

— Напомните, мой милый, я очень этого желаю, только я замечу вам, что мое время драгоценно и другие, кроме вас, ждут моего присутствия.

— Я не стану распространяться, ваше сиятельство.

— Этого-то я и желаю. Начинайте.

— Разве ваше сиятельство не помните, что через несколько дней после происшествий с пиратами вы сказали мне в минуту гнева и нетерпения, что вы дадите десять тысяч пиастров за то, чтобы получить положительные сведения об авантюристах, об их силах, об их планах?

— Действительно, я помню, что я это сказал. Далее?

— Ваше сиятельство дали обещание при мне. Уже несколько раз вы давали мне разные поручения; когда вы сказали это, вы смотрели на меня, я предположил, что вы обращаетесь ко мне, и стал действовать.

— То есть?

— То есть из преданности к вашему сиятельству, несмотря на бесчисленные опасности, которым я должен был подвергаться, я решился достать сведения, которых вы так желали и...

— И вы узнали что-нибудь?— с живостью спросил граф, который до сих пор мало обращал внимания на слова незнакомца.

— Я узнал многое, ваше сиятельство.

— Неужели! Что же, например? Только, пожалуйста,— поправился граф,— не повторяйте мне слухов и разных пустяков, мне прожужжали ими уши.

— Сведения, которые я буду иметь честь сообщить вашему сиятельству, почерпнуты из хорошего источника, потому что я сам ездил за ними в притон этих пиратов.

Граф с восторгом взглянул на этого человека, который не побоялся подвергнуться такой большой опасности.

— Я весь превратился в слух,— сказал он,— говорите, сеньор.

— Ваше сиятельство,— продолжал шпион, теперь мы можем так назвать незнакомца,— я приехал с острова Святого Христофора.

— Э! Но ведь именно на этом острове и приютились пираты.

— Точно так, ваше сиятельство. Мало того, я еще воротился на их корабле.

— О! О!— сказал губернатор.— Расскажите-ка мне это, милый дон Антонио; кажется, так вас зовут?

— Точно так, ваше сиятельство, меня зовут дон Антонио де ла Ронда.

— Вы видите,— улыбаясь, продолжал граф,— что иногда я помню хорошо.

Он сделал на этих словах ударение, заставившее задрожать от радости шпиона. Дон Антонио рассказал, как он попал на остров, как его узнал и захватил Монбар, как он отправил его на свое судно, как авантюристы предприняли большую экспедицию, сначала против острова Сан-Доминго, а потом против острова Черепаха, на котором пираты хотели поселиться, и каким образом по прибытии к гавани Марго ему удалось убежать, и как он поспешил

привезти это известие его сиятельству. Граф выслушал с самым серьезным вниманием рассказ дона Антонио, и, по мере того как шпион рассказывал, лицо губернатора становилось все озабоченнее; действительно, шпион не обманул его: эти известия были чрезвычайно важны.

— Гм!— отвечал он.— Давно ли пираты прибыли к гавани Марго?

— Неделю тому назад.

— Так давно уже, а меня не предупредили!

— Несмотря на то, что я чрезвычайно спешил, будучи принужден принимать величайшие предосторожности, чтобы не попасть опять в руки пиратов, которые, без сомнения, послали за мною погоню, я приехал только сегодня утром и пошел прямо к вам во дворец.

Граф закусил себе губы; по его вине пропало несколько часов, однако он оставил без внимания косвенный упрек, сделанный ему шпионом, потому что понимал всю его справедливость.

— Вы заслужили обещанные десять тысяч пиастров, дон Антонио,— сказал он.

Шпион вздрогнул от удовольствия.

— О! Это еще не все, ваше сиятельство,— отвечал он с улыбкой.

— Разве есть еще что?— спросил граф.— А я думал, что вы сообщили мне все.

— Я сделал официальное донесение губернатору Испаньолы, донесение даже подробное, в котором я не забыл ничего, что могло помочь ему защитить остров, вверенный его попечениям.

— Ну?

— Теперь мне остается сообщить графу Бехару, если только он желает, некоторые сведения, очень интересные для него.

Граф устремил на этого человека проницательный взгляд, как будто хотел прочесть в глубине его души.

— Графу Бехару?— сказал он с рассчитанной холодностью.— Какое интересное известие можете вы сообщить ему? Как партикулярный человек, я, кажется, не имею никаких дел с пиратами.

— Может быть, ваше сиятельство; впрочем, я буду

говорить только по приказанию вашего сиятельства и, прежде чем объяснюсь, попрошу вас простить мне, если то, что я скажу, будет оскорбительно для вашей чести.

Граф побледнел, брови его нахмурились.

— Берегитесь,— сказал он мрачным голосом,— берегитесь переступить за границы и, желая доказать слишком многое, не попадите в противную крайность; честью моего имени играть нельзя, и я никогда не позволю запечатлеть на ней ни малейшего пятна.

— Я не имею никакого намерения оскорбить ваше сиятельство, я говорю таким образом только из усердия к вам.

— Хорошо, я этому верю; однако, так как честь моего имени касается меня одного, я не признаю ни в ком права говорить о ней даже с добрым намерением.

— Прошу прощения у вашего сиятельства, но я, верно, дурно объяснился; то, что я имею вам сообщить, относится только к заговору, задуманному против графини, конечно, без ее ведома.

— Заговор против графини!— запальчиво вскричал дон Стенио.— Что вы хотите сказать, сеньор? Объяснитесь немедленно, я этого требую!

— Ваше сиятельство, если так, я буду говорить. Графиня, кажется, находится теперь в окрестностях городка Сан-Хуана?

— Это правда; но вы почему это знаете, когда, по вашим словам, приехали в Сан-Доминго только несколько часов тому назад?

— Я это предполагаю потому, что я слышал, как говорили на том корабле, на котором я воротился в Испаньолу, о свидании, которое главный начальник авантюристов должен был иметь через несколько дней в окрестностях Артибонита.

— О!— вскричал граф.— Ты лжешь, негодяй!

— С какой стати?— холодно отвечал шпион.

— Почем я знаю, из ненависти, из зависти, может быть.

— Я!— сказал шпион, пожав плечами.— Полноте, ваше сиятельство! Такие люди, как я, шпионы, если уже надо назвать вещи своим именем, увлекаются только одной страстью — к золоту.

— То, что вы мне сказали, совершенно невозможно!— с волнением возразил граф.

— Кто мешает вам удостовериться, что я говорю правду, ваше сиятельство?

— Я это сделаю!— вскричал он, с бешенством топнув ногой.

Потом, приблизившись к шпиону, спокойно и неподвижно стоявшему посреди комнаты, и посмотрев ему в глаза с выражением ярости, которое невозможно передать, граф сказал голосом глухим и прерывавшимся от гнева:

— Послушай, негодяй, если ты солгал, ты умрешь!

— Согласен, ваше сиятельство!— холодно отвечал шпион.— Но если я сказал правду?

— Если ты сказал правду?— вскричал граф.— Нет, повторяю, это невозможно!

Увидя мимолетную улыбку на губах шпиона, граф прибавил:

— Хорошо, если ты сказал правду, сам назначь награду, и какова бы она ни была, клянусь честью дворянина, ты получишь ее.

— Благодарю, ваше сиятельство,— отвечал шпион, поклонившись,— я принимаю ваше слово.

Граф ходил несколько минут большими шагами по комнате в сильном волнении, по-видимому совершенно забыв о присутствии шпиона, бормоча прерывистые слова, с гневом размахивая руками и, по всей вероятности, замышляя зловещий план мщения; наконец, он остановился и, обратившись к шпиону, сказал:

— Ступай, но не уходи из дворца или лучше подожди.

Схватив колокольчик со стола, он сильно позвонил. Вошел лакей.

— Позвать унтер-офицера и четырех солдат,— сказал граф.

Шпион пожал плечами.

— К чему служат все эти предосторожности, ваше сиятельство?— сказал он.— Разве не требуют мои выгоды, чтобы я не уходил?

Граф смотрел на него внимательно несколько минут, потом движением руки выслал лакея.

— Хорошо,— сказал он потом,— я полагаюсь на вас,

дон Антонио де ла Ронда. Ждите моих приказаний; скоро вы мне понадобятся.

— Я не уйду, ваше сиятельство.

Почтительно поклонившись, он наконец ушел. Оставшись один, граф предавался несколько минут всей силе бешенства, так долго сдерживаемого, но мало-помалу к нему воротилось хладнокровие, и он начал размышлять.

— О, я буду мстить!— вскричал он.

Тогда с лихорадочной деятельностью он отдал приказание отправить многочисленные отряды на разные пункты, так чтобы совершенно окружить дель-Ринкон, куда было отправлено два пятидесятка под командою решительных и опытных офицеров. Приняв эти меры и когда отряды были уже отправлены через час после заката солнца, граф, закутавшись в толстый плащ, поехал верхом в сопровождении дона Антонио и доверенных офицеров, инкогнито проехал город, не будучи узнан, и тогда, обернувшись к сопровождавшим его лицам, сказал глухим голосом:

— Теперь скачите во весь опор; не бойтесь загнать ваших лошадей, на дороге приготовлена смена.

Он вонзил шпоры в бока лошади, которая заржала от боли, и все помчались с головокружительной быстротой вихря.

— А! А!— восклицал граф, подстрекая свою лошадь, усилия которой были сверхъестественны.— Поспею ли я вовремя?

XXIV

МАРГО

Теперь мы воротимся к флоту флибустьеров, который мы оставили направляющимся к Кейе, к месту сблища, удачно выбранному по причине близости его к Сан-Доминго, и того обстоятельства, что он находился напротив острова Черепаха.

По своему обыкновению, каждый раз, как авантюристы предпринимали экспедицию, они брали с собою только военные снаряды и съестных припасов дня на два, потому

что они делали высадки на острова, встречавшиеся им на пути, и грабили испанских колонистов поселившихся на этих островах.

Это случилось и теперь: флибустьеры оставляли за собою длинную полосу огня и крови, безжалостно умерщвляя беззащитных испанцев, которых вид их приводил в ужас, захватывая их скот и грабя дома, а потом сжигали их. Первый корабль, доехавший до Кейе, был люгер, на котором находился Монбар и на котором командиром был Мишель Бискаец. На другой день через несколько часов одна после другой пришли две бригантины. Они бросили якорь направо и налево от адмиральского люгера на два кабельтова от берега. В это время в Кейе жили краснокожие караибы, перебежцы с Сан-Доминго, откуда их прогнали жестокости испанцев, и укрылись на этом острове, на котором они жили довольно хорошо по милости плодоносной почвы и союза, который они заключили с флибустьерами. Как только три корабля бросили якорь, их окружило множество пирог, на которых караибы привезли им съестных припасов всякого сорта. В тот же вечер адмирал съехал на берег с большей частью своего экипажа, и другие капитаны последовали его примеру; на судах осталось только необходимое число людей. По знаку адмирала вся команда стала на берегу полукругом около него, капитаны в первом ряду. Позади стояли караибы, внутренне тревожась этой грозной высадкой, причины которой они не понимали, с беспокойством ожидая, что будет происходить.

Монбар, держа в руке белый флаг, широкие складки которого развевались над его головой, а в другой длинную шпагу, обвел взором всех окружавших его.

В одежде весьма легкой, но все хорошо вооруженные, с загорелыми лицами, с сильными членами, с энергичными чертами, с надменным взором, авантюристы, таким образом окружившие этого человека, гордо стоявшего перед ними, отбросив голову назад, с дрожащими губами, с надменным взором — авантюристы представляли, говорим, поразительный вид, свирепая жестокость которого не была лишена некоторого величия, которое еще увеличивалось от первобытного пейзажа, составлявшего грунт картины, и от пестрой толпы индейцев, растревоженные лица которых и

характеристические позы придавали эффект этой сцене. Несколько времени слышался шум морских волн, разбиравшихся о берег, мрачный трепет толпы; потом мало-помалу шум затих, и глубокая тишина водворилась на берегу.

Тогда Монбар сделал шаг вперед, и голосом твердым и звучным, мужественный тон которого скоро пленил всех этих людей, жадно прислушивавшихся к его словам, он объяснил им цель экспедиции, до сих пор никому не известную.

— Береговые Братья,— сказал он,— матросы и друзья! Настала минута обнаружить, чего я жду от вашего мужества и вашей преданности к общему делу. Вы не наемники, которые за умеренную плату дают себя убивать, как скотов, не зная даже, за что они дерутся. Нет, вы все люди с сердцем, натуры избранные; вы хотите знать цель, к которой вы идете, и какую выгоду вы получите от ваших усилий. Многие из наших знаменитых товарищей и я решились напасть на самые богатые владения подлых испанцев, которые думали обесславить нас, заклеив именем разбойников, и которые при виде наших маленьких пирог разбегаются как стая испуганных чаек. Но для того, чтобы мщение наше было верно, для того, чтобы мы успели завладеть богатствами наших врагов, нам надо иметь пункт достаточно близкий к центру наших действий, для того, чтобы мы могли нападать на них неожиданно, и достаточно сильный для того, чтобы все кастильское могущество разбилось о него в бесполезных усилиях. Остров Святого Христофора очень отдален; притом высадка адмирала дона Фернанда Толедо служит нам доказательством, что, как ни храбры мы, нам никогда не удастся укрепиться там настолько, чтобы пренебрегать яростью наших врагов. Следовательно, надо было найти место более благоприятное для наших планов, пункт, который легко сделать неприступным. Наши друзья и я принялись за дело; долго искали мы с настойчивостью людей, решившихся успеть; Господь удостоил, наконец, благословить наши усилия: мы нашли этот приют в условиях самых благоприятных.

Тут Монбар замолчал на несколько минут. Электрический трепет пробежал по рядам авантюристов, глаза их бросали молнии, они сжимали ружья в своих сильных

руках, как будто с нетерпением желали начать обещанную им борьбу. Улыбка удовольствия прояснила на минуту бледное лицо адмирала. Потом, знаком руки потребовав внимания, он продолжал:

— Братья, перед нами остров Сан-Доминго,— он протянул руку к морю,— Сан-Доминго! Прекраснейший и богатейший из всех островов, которыми обладает Испания. На этом острове многие из наших братьев, избавившиеся от резни на острове Святого Христофора, поселились и энергически борются с испанцами, чтобы удержаться на земле, завоеванной ими. К несчастью, их слишком мало, несмотря на их мужество, для того чтобы сопротивляться неприятельским войскам; скоро они будут вынуждены оставить остров, если мы не подоспеем к ним на помощь. Они позвали нас, мы ответили на этот зов наших братьев, которым честь предписывала нам помочь в час опасности; делая доброе дело, мы исполняем план, давно задуманный нами, и находим наконец тот неприступный пункт, которого мы искали так долго! Вы знаете все остров Черепаха, братья. Отделенный только узким каналом от Сан-Доминго, он возвышается как передовой часовой среди моря. Вот орлиное гнездо, откуда мы, смеясь, будем пренебрегать бешенством испанцев. На остров Черепаха, братья!

— На остров Черепаха!— вскричали авантюристы, с восторгом махая оружием.

— Хорошо!— воскликнул Монбар.— Я знал, что вы поймете меня и что я могу на вас положиться. Но прежде чем мы захватим Черепаху, защищаемую только небольшим гарнизоном из двадцати солдат, которые убегут при первом натиске, нам необходимо, защищая наших братьев в Сан-Доминго и обеспечивая им землю, которую они захватили, сохранить для себя полезные гавани, выгодные места для сбыта товаров, а в особенности способы легко повредить испанцам и, если возможно, совершенно прогнать их с острова, часть которого они уже потеряли. Завтра мы отправимся в гавань Марго, там условимся с нашими братьями и соединим наши планы таким образом, чтобы извлечь из нашей экспедиции честь и прибыль. Теперь, братья, пусть каждый экипаж вернется на свой корабль;

завтра на восходе солнца мы бросим якорь у гавани Марго, а через несколько дней я обещаю вам чудные битвы и богатую добычу, которую мы разделим между всеми. Да здравствует Франция и смерть Испании!

— Да здравствует Франция! Смерть Испании! Да здравствует Монбар!— вскричали авантюристы.

— Поедьте, братья,— продолжал Монбар,— в особенности не забудьте, что бедные индейцы, жители этого острова, наши друзья и что с ними следует обращаться как с таковыми.

Авантюристы последовали за своими офицерами и переехали на свои суда в совершенном порядке. На восходе солнца эскадра снялась с якоря. Разумеется, вся провизия была куплена авантюристами у индейцев на наличные деньги, и никто не мог пожаловаться на их пребывание в Кейе. Через несколько часов эскадра вошла в канал, отделяющий Сан-Доминго от Черепахи, и бросила якорь в гавани Марго. Испанский остров виднелся со своими громадными горами, высокими утесами, вершины которых как будто прятались в небе, между тем как с другой стороны Черепаха со своими густыми, зелеными лесами казалась корзиною цветов, вышедшею из глубины моря.

Как только суда бросили якорь, пирога, в которой сидело три человека, подъехала к люгеру. Эти четыре человека были Польшэ, которого мы уже видели, работник Олонец и Прыгун, караибский начальник. Индеец заменил европейский костюм одеждою своего народа. Монбар пошел навстречу к посетителям, поклонился им и повел их в каюту.

— Милости просим,— сказал он им,— через минуту другие начальники экспедиции будут здесь, тогда мы поговорим, а пока не угодно ли выпить?

Он приказал работнику подать напитков, Польшэ и Прыгун сели, не заставляя себя просить. Олонец скромно остался на ногах; как обязанный работник, он не смел позволить себе стать на равную ногу с авантюристами; тогда Мишель Бискаец вошел в каюту.

— Адмирал,— сказал он Монбару,— капитаны Дрэк и Давид приехали; они ждут на палубе.

— Пусть идут сюда, я должен поговорить с ними.

Мишель Бискаец вышел и через несколько минут воротился с обоими капитанами. После первых приветствий оба офицера налили себе полные стаканы и сели в ожидании известий, которые, без сомнения, их начальник приготавливался сделать им. Монбар знал цену времени и не подвергал их терпения продолжительному испытанию.

— Братья,— сказал он,— представляю вам Польшэ, которого, без сомнения, вы знаете понаслышке.

Авантюристы поклонились, улыбаясь, и протянули руки буканьеру. Тот дружелюбно отвечал на их пожатие.

— Польшэ,— продолжал Монбар,— отправлен к нам депутатом нашими братьями буканьерами из гаваней Марго и Мира; я предпочитаю предоставить ему самому объяснить, чего он ждет от нас; таким образом, мы успеем легче уговориться. Говорите же, брат, мы вас слушаем.

Польшэ налил себе сначала полный стакан рому, который опорожнил разом, без сомнения для того, чтобы прояснить себе мысли, потом после двух-трех громких «гм» он решился наконец заговорить.

— Братья,— сказал он,— как бы нас ни называли, флибустьеры, буканьеры или жители, происхождение у нас одно, не правда ли, и мы все авантюристы. Мы обязаны подавать помощь и покровительство друг другу, как чистосердечные матросы; но для того чтобы это покровительство было действительно, чтобы ничего не могло ослабить в будущем союз, в который мы вступаем ныне, и мы, и вы должны находить истинную выгоду в этом союзе, не правда ли?

— Совершенная правда,— подтвердил Мишель.

— Вот в двух словах, что происходит,— продолжал Польшэ,— мы здесь, буканьеры и жители, точно птицы на ветвях; нас постоянно преследуют испанцы, гоняясь за нами, как за хищными зверьми; повсюду, где нас застанут, мы поддерживаем неравную борьбу, в которой мы изнеможем, не знаем сегодня, будем ли живы завтра, и теряем мало-помалу все, что мы приобрели; это не может долее продолжаться без катастрофы, которую с вашей помощью мы надеемся не только отворотить, но и не допустить окончательно; захватив остров Черепаха, дурно защищенный, вы доставите нам верное убежище в случае опасности,

приют, всегда открытый в минуту кризиса; но это еще не все, нам надо упрочить за собой границы, для того чтобы спокойствие царствовало в нашей колонии, чтоб купеческие корабли не боялись входить в наши гавани и чтоб мы нашли сбыт для наших кож, копченого мяса и сажи. Границы эти упрочить за нами легко, надо только захватить два пункта: один внутри, который испанцы называют Большой Сан-Хуанской степью, а второй — который мы называли Большим дном. Сан-Хуанское поселение посредственно укреплено, и в нем живут только мулаты, люди смешанной крови, с которыми мы справимся легко.

— Это Большое дно, как вы его называете, пересекается Артибонитом?— спросил Монбар, переглянувшись с Олонцем, который стоял возле него.

— Да,— продолжал Польшэ,— а в середине находится дом, называемый дель-Ринкон, принадлежащий, кажется, испанскому губернатору.

— Славно было бы захватить этого человека!— сказал Мишель.

— Да, но вряд ли нам это удастся; он должен быть в Сан-Доминго,— заметил Польшэ.

— Может быть; продолжайте.

— Другой пункт называется Леоган, или, как называют его Испанцы, Игуана, то есть ящерица, по причине формы перешейка, на котором он построен; обладание этою гаванью сделало бы нас властелинами всей западной части острова и позволило бы нам прочно там утвердиться.

— Защищен ли Леоган?— спросил Давид.

— Нет,— отвечал Польшэ,— испанцы предоставляют его разрушению, что, впрочем, они делают со всеми пунктами, занимаемыми ими, потому что нет рук для работы после уничтожения туземной породы на острове; они бросают мало-помалу прежние поселения и удаляются к востоку.

— Очень хорошо,— сказал Монбар,— вот все, чего вы желаете.

— Да, все,— отвечал Польшэ.

— Теперь скажите, что же вы предлагаете, брат?

— Вот что: мы, буканьеры, будем охотиться для вас за дикими волами и кабанами и будем снабжать провизией ваши корабли по цене, заранее установленной и которая

не должна превышать половины той цены, которую мы будем спрашивать от иностранных судов, которые будут вести с нами торг. Мы будем вас защищать, когда на вас нападут, и для больших экспедиций вы будете иметь право требовать одного из пяти человек, когда вам понадобятся люди. Жители, обрабатывающие землю, будут доставлять вам овощи, табак, лес для починки ваших судов, на условиях, одинаковых с условиями для провизии. Вот что мне поручено предложить вам, братья, от имени жителей и буканьеров французских на острове Сан-Доминго; если эти условия вам нравятся, а я их нахожу справедливыми, примите их; вы не раскаетесь, что вступили с нами в договор.

Эти предложения уже были известны флибустьерам; они рассуждали уже между собой о выгодах их, чему служило доказательством их присутствие в гавани Марго.

— Мы принимаем ваши предложения, братья,— отвечал Монбар,— вот моя рука от имени флибустьеров, которых я представитель.

— А вот моя,— отвечал Польшэ,— от имени жителей и буканьеров.

Другого договора, кроме этого честного пожатия рук, между авантюристами не было; таким образом был заключен союз, который до последнего вздоха буканьерства оставался так же чистосердечен и жив, как союз авантюристов.

— Теперь,— продолжал Монбар,— начнем по порядку; сколько у вас братьев, готовых к сражению?

— Семьдесят,— отвечал Польшэ.

— Очень хорошо; мы прибавим сто тридцать человек флотской команды, что составит двести хороших ружей, а вы, начальник, что можете сделать для нас?

Прыгун до сих пор молчал, слушая, что говорили, с индейским приличием и важностью, терпеливо ожидая, когда настанет его очередь говорить.

— Прыгун прибавит двести караибских воинов к длинным ружьям бледнолицых,— отвечал он,— сыновья его предупреждены, они ждут приказания начальника; Олонец их видел.

— Хорошо, эти четыреста человек будут под моим

начальством; так как эта экспедиция самая трудная и самая опасная, я беру ее на себя. Со мною поедет Мишель Бискаец; у меня на корабле есть проводник, который доведет нас до Сан-Хуанской степи. Вы, Уильям Дрэк и Давид, нападаете на Леоган с вашими судами; Тихий Ветерок, только с пятнадцатью матросами, захватит Черепаху. Наши действия, братья, должны быть согласованы так, чтобы наши три атаки были сделаны в одно время и чтоб испанцы, застигнутые вдруг на трех пунктах, не могли помогать друг другу. Завтра вы выйдете опять в море, господа, и возьмете с собою сто двадцать пять человек, чего, я полагаю, слишком довольно для того, чтоб захватить Леоган врасплох. А ты, Тихий Ветерок, с остальными пятнадцатью матросами останешься здесь на люгере и будешь наблюдать за Черепахой. Сегодня пятое число, братья, пятнадцатого будет атака; десяти дней достаточно, чтоб каждый из нас отправился к своему посту и чтоб все меры были приняты. Теперь, господа, воротитесь на ваши корабли и пришлите на берег под начальством офицеров все контингенты, которыми я буду распоряжаться.

Оба капитана поклонились адмиралу, вышли из каюты и воротились на суда.

— А вы, брат,— обратился Монбар к Польшэ,— отправляйтесь с Олонцем в Сан-Хуанскую степь как будто на охоту, только внимательно наблюдайте за местечком Сан-Хуан и за домом дель-Ринкон. Нам надо, если возможно, захватить обитателей этого дома; они богаты, влиятельны, взятие их в плен может иметь для нас важность; вы условитесь с Прыгуном насчет помощников, которых он должен привести; может быть, не дурно было бы начальнику постараться привлечь испанцев по своим следам и принудить их оставить свои позиции, тогда мы могли бы разбить их порознь; поняли ли вы меня, брат?

— Еще бы,— отвечал Польшэ,— разве я дурак? Будьте спокойны, я буду действовать соображаясь с этим.

Монбар обернулся к Олонцу и сделал ему знак. Работник подошел.

— Поезжай на берег с караибом и Польшэ,— сказал ему адмирал, наклонясь к его уху,— смотри на все, прислушивайся ко всему, наблюдай за всем; через час

Тихий Ветерок передаст тебе письмо, которое ты должен отдать в собственные руки донне Кларе Бехар; она живет в доме дель-Ринкон.

— Это легко,— отвечал Олонец,— я отдам ей, если нужно, среди всех ее слуг, в самом ее доме.

— Сохрани тебя Бог! Сделай так, чтоб она сама пришла к тебе за письмом.

— Черт побери! Это немножко потруднее, однако я постараюсь успеть.

— Ты должен успеть.

— А! Ну когда так, честное слово, вы можете на это положиться!

Польтэ встал.

— Прощайте, брат,— сказал он,— когда завтра вы съедете на берег, я буду уже на пути к Сан-Хуанской степи; стало быть, мы встретимся только там; но не беспокойтесь, вы все найдете в порядке по приезде; а! кстати, взять мне с собой вспомогательный корпус буканьеров?

— Конечно, они очень будут вам полезны для того, чтобы наблюдать за неприятелем, только спрячьте их хорошенько.

— Не тревожьтесь об этом,— сказал он.

В эту минуту в каюту вдруг вбежал Мишель Бискаец, черты его были расстроены гневом.

— Что такое случилось? Опомнись!— холодно сказал Монбар.

— С нами случилось большое несчастье!— вскричал Мишель, который с бешенством рвал на себе волосы.

— Какое же? Говори!

— Этот негодяй Антонио де ла Ронда...

— Ну!— перебил Монбар, задрожав.

— Убежал.

— Черт побери!

— Десять человек бросились за ним в погоню.

— Конечно, они его не догонят! Как же быть?

— Что с вами случилось?— спросил Польтэ.

— Проводник наш убежал.

— Только-то? Я берусь доставить вам другого.

— Да, но этот шпион, может быть, самый хитрый из

всех испанских шпионов; он знает наши тайны и может повредить успеху нашей экспедиции.

— Сохрани нас Бог! Ба!— беззаботно прибавил буканьер.— Не думайте об этом, брат; сделанного воротить нельзя; пойдем вперед.

Он вышел, по-видимому, вовсе не расстроенный случившимся.

XXV

ФРА АРСЕНИО

Скажем, кто были эти буканьеры, о которых мы уже говорили, и отчего происходит имя, которым называли их другие и сами они. Краснокожие караибы на Антильских островах имели обыкновением, захватывая пленников в ожесточенных битвах, которые они вели друг с другом и с белыми, рубить пленников на куски, которые они раскладывали на плетенках из прутьев, под которыми разводили огонь. Плетенки эти назывались барбако, место, где они клали их — буканом, а копчение мяса — буканировать. Отсюда французские буканьеры заимствовали свое название, с тою разницею, что они поступали с животными таким образом, как караибы с людьми.

Первые буканьеры были испанцы, поселившиеся на Антильских островах и имевшие постоянные сношения с индейцами, когда они занимались охотою; они привыкли называть сами себя этим индейским названием, которое, впрочем, трудно было бы заменить другим. Буканьеры не занимались другим ремеслом, кроме охоты; они разделялись на два разряда; первые охотились только за волами, чтобы сдирать с них кожу, вторые за караибами, чтобы пользоваться мясом, которое они солили и продавали жителям. Эти два разряда буканьеров носили почти одинаковый костюм и вели почти один и тот же образ жизни. Настоящие буканьеры были те, которые охотились за волами, а других они иначе не называли, как охотниками. Буканьеры водили с собою свору из двадцати пяти ищеек, стойкую, по

условию между ними, тридцать ливров. Как мы уже говорили, оружие их составляло длинное ружье, фабрикованное в Дьеппе или Нанте; охотились они всегда по двое по крайней мере, иногда их собиралось и более, и тогда все было общее между ними; по мере того как мы будем подвигаться в рассказе истории этих странных людей, мы войдем в большие подробности об их образе жизни и странных обычаях.

Когда дон Санчо и майордом уехали, Польшэ и Олонец долго и насмешливо глядели им вслед, потом опять принялись устраивать свой букан как ни в чем не бывало. Как только букан был устроен, огонь разведен, мясо положено на плетенку, Олонец и Польшэ принялись за дело. Шкуру вола разостлали они на землю и прибили ее к земле гвоздями, потом сильно натерли золой, смешанной с солью, для того чтобы шкура высохла как можно скорее. Потом занялись ужином; приготовления были непродолжительны и несложны: кусок говядины был положен в котелок, наполненный водой и солью, стоявший на огне; говядина скоро сварилась. Олонец вынул ее из котелка посредством длинной острой палочки и положил на пальмовый лист, служивший вместо блюда, потом собрал жир деревянной ложкой и бросил его в горлянку; на этот жир он выжал сок из лимона, прибавил немного перцу, смешал, и знаменитый перечный соус, так любимый буканьерами, был готов. Тогда, положив говядину на чистое место перед палаткой возле горлянки, он позвал Польшэ, и, сев друг против друга, они взяли ножи, деревянные палочки вместо вилок и принялись есть с аппетитом, старательно обмакивая каждый кусок говядины в перечный соус. Собаки окружали их, не смея ничего просить, и жадно смотрели на разложенную провизию, следя сверкающими глазами за каждым куском, который глотали авантюристы. Они ели таким образом молча уже несколько времени, когда две собаки подняли голову, с беспокойством обнюхали воздух, а потом залаяли, а за ними вся свора разразилась громким лаем.

— Э! Э!— сказал Польшэ, прихлебывая водку и передавая горлянку Олонцу.— Это что значит?

— Это, верно, какой-нибудь путешественник,— беззаботно отвечал Олонец.

— В такое время?— сказал буканьер, подняв глаза к небу и смотря на звезды.— Как, черт побери! Уже больше девяти часов.

— Не знаю, что это может быть, но если я не ошибаюсь, мне слышится лошадиный галоп.

— Это правда, сын мой, ты не ошибаешься, это действительно лошадиный топот. Ну вы, молчите!— закричал он на собак, которые залаяли еще громче и готовы были броситься вперед.— Ложитесь, черт вас побери!

Собаки, давно привыкшие, без сомнения, повиноваться повелительному тону этого голоса, немедленно уселись на свое место, перестали лаять, но продолжали глухо ворчать.

Между тем лошадиный галоп, который собаки услышали издалека, быстро приближался, скоро он сделался совершенно ясен, и наконец через несколько минут всадник выехал из леса, хотя вследствие ночной темноты нельзя было узнать, кто он. Въехав в степь, он остановил свою лошадь, несколько минут осматривался вокруг с нерешительным видом, потом снова прищпорил лошадь и крупной рысью направился к букану. Доехав до двух буканьеров, спокойно продолжавших ужинать, он поклонился им и заговорил с ними по-испански.

— Добрые люди,— сказал он,— кто бы вы ни были, я прошу вас именем нашего Спасителя Иисуса Христа дать на эту ночь гостеприимство заблудившемуся путешественнику.

— Вот костер, вот говядина,— лаконически отвечал буканьер на том же языке, на котором говорил незнакомец,— отдохните и закусите.

— Благодарю вас,— отвечал приезжий.

Он сошел с лошади, и при этом движении плащ его раскрылся, и буканьеры заметили, что на этом человеке монашеская ряса. Открытие это удивило их, но они не обнаружили своего удивления. Незнакомец, со своей стороны, сделал движение испуга, тотчас сдержанное, узнав, что, торопясь отыскать приют на ночь, он напал на букан французских авантюристов.

Между тем буканьеры дали ему место возле себя, и пока он надевал путы на лошадь и снимал с нее узду, для того чтобы она могла есть высокую сухую траву,

росшую в степи, они приготовили ему достаточную часть говядины, чтобы утолить аппетит человека, двадцать четыре часа не имевшего ничего во рту. Несколько успокоенный дружелюбным обращением авантюристов и от невозможности поступить иначе, приезжий храбро покорился тому неприятному положению, в которое поставила его опрометчивая поспешность, и, сев между своими хозяевами, принялся есть, размышляя про себя, каким образом выбраться бы ему из опасности, в какой, по его мнению, он находился.

Между тем авантюристы, которые перед его приездом почти уже закончили свой ужин, дали есть собакам, чего те ждали с нетерпением, потом раскурили трубки и начали курить, вовсе не занимаясь своим гостем. Наконец, приезжий вытер себе рот и, чтобы доказать своим хозяевам, что он был так же спокоен, как и они, взял сигарку и стал курить так же беззаботно, как и буканьеры.

— Благодарю вас за ваше великодушное гостеприимство, сеньоры,— сказал он через минуту, понимая, что более продолжительное молчание может быть перетолковано к невыгоде его,— мне было необходимо собраться с силами, я с самого утра ничего не ел.

— Это большая неосторожность, сеньор,— отвечал Польшэ,— отправиться без сухарей, как выражаемся мы, матросы; степи похожи на море, знаешь, когда пуститься на них, а никогда не знаешь, когда из них выйдешь.

— Вы говорите совершенную правду, сеньор; без вас мне пришлось бы провести очень неприятную ночь.

— Ба! Не говорите об этом, сеньор; мы сделали все, чего в подобных обстоятельствах желали бы, чтобы сделали для нас; гостеприимство священный долг, от которого никто не имеет права отказываться, чему вы сами служите доказательством.

— Как это?

— Вы испанец, если я не ошибаюсь, а мы французы; но мы забыли на время нашу ненависть к вашему народу и приняли вас, как всякий гость, посланный Богом, имеет право быть принятым.

— Это правда, сеньоры, и верьте, что я благодарен вам за это вдвойне.

— О, Боже мой!— отвечал буканьер.— Уверяю вас, что вы напрасно настаиваете так на этом; то, что мы делаем в эту минуту, мы делаем столько же для вас, сколько и для нашей чести; поэтому, сеньор, прошу вас не говорить об этом; право, не стоит труда.

— Может быть, вы не подозреваете, сеньор,— смеясь, сказал Олонец,— а мы с вами старые знакомые.

— Старые знакомые!— вскричал незнакомец с удивлением.— Я вас не понимаю, сеньор.

— Однако мои слова довольно ясны.

— Если вы удостоите объясниться, может быть, я пойму, что доставит мне большое удовольствие.

— Я очень буду рад объясниться, сеньор,— насмешливо продолжал Олонец,— во-первых, позвольте мне заметить, что как вы ни закутываетесь в ваш плащ, а все-таки видна ваша францисканская одежда.

— Я действительно монах этого ордена,— отвечал приезжий, смутившись,— но это не доказывает, что вы меня знаете.

— Действительно, но я уверен, что я одним словом оживлю ваши воспоминания.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, любезный сеньор, мы с вами не видались никогда.

— Уверены ли вы в этом?

— Вы знаете, что человек никогда не может быть уверен ни в чем, однако мне кажется...

— Однако мы с вами встречались не очень давно. Правда, вы, может быть, не обратили на меня большого внимания.

— Клянусь честью, я не знаю, что вы хотите сказать,— возразил монах, внимательно рассматривавший Олонца минуты две.

— Мне жаль вашего недоумения,— смеясь, сказал Олонец,— и я, как вам обещал, одним словом рассею все ваши сомнения; мы виделись на острове Ниев; теперь вспомнили?

При этих словах монах побледнел, смутился и несколько минут оставался как бы поражен; однако ему ни на секунду не пришло в голову опровергать справедливость этого уверения.

— Где вы имели продолжительный разговор с Монбаром,— продолжал Олонец.

— Однако,— сказал монах с нерешимостью, не лишенной и страха,— я не понимаю...

— ...каким образом я знаю все это,— смеясь, добавил Олонец,— ваше удивление еще не кончилось.

— Как — не кончилось?

— Неужели вы думаете, сеньор падре, что я трудился бы подстрекать ваше любопытство по поводу такой безделицы? Я знаю еще кое-что!

— Как! Вы знаете еще кое-что?— сказал монах, инстинктивно отодвигаясь от этого человека, которого он готов был принять за колдуна, тем более что он был француз и сверх того буканьер, две неперемненные причины для того, чтобы его душа принадлежала дьяволу, если только у него была душа, в чем достойный монах очень сомневался.

— Неужели вы предполагаете,— продолжал Олонец,— что я не знаю причину вашего путешествия, откуда вы едете, куда и даже к кому?

— О, это уж невозможно!— с испуганным видом сказал монах.

Польтэ внутренне смеялся над испугом испанца.

— Берегитесь, отец мой,— таинственно шепнул он на ухо фра Арсенио,— человек этот знает все; между нами, я думаю, что в нем сидит демон.

— О!— вскричал монах, вскочив и перекрестившись, что еще более рассмешило авантюристов.

— Полно, сядьте на ваше место и выслушайте меня,— продолжал Олонец, схватив монаха за руку и принуждая его сесть,— мы шутим, и более ничего.

— Извините меня, благородные кабальеро,— пролепетал монах,— я очень тороплюсь, я должен сейчас же оставить вас.

— Ба! Куда поедете вы в такое время? Вы попадете в какую-нибудь рытвину.

Эта не весьма приятная перспектива заставила задуматься монаха, но страх преодолел.

— Все равно, я должен ехать,— сказал он.

— Полноте, в таких потемках вы никогда не найдете дорогу к дель-Ринкону.

На этот раз монах был побежден; это новое открытие

буквально связало его по рукам и ногам; он считал себя жертвою какого-нибудь страшного кошмара и даже не старался продолжать невозможной борьбы.

— Вот вы теперь сделались рассудительны,— продолжал Олонец,— отдохните; я больше не стану вас мучить, и чтобы доказать вам, что я не так зол, как вы предполагаете, я беру на себя найти вам проводника.

— Проводника!— пролепетал фра Арсенио.— Сохрани меня Бог взять от вас проводника!

— Успокойтесь, сеньор падре, это будет не демон, хотя может быть, он имеет какое-нибудь нравственное и физическое сходство со злым духом. Проводник, о котором я говорю, просто караиб.

— А!— сказал монах, глубоко вздохнув, как будто с груди его была снята большая тяжесть.— Это действительно караиб?

— Кто же это может быть?

Фра Арсенио набожно перекрестился.

— Извините меня,— сказал он,— я не хотел вас оскорбить.

— Полноте, полноте, имейте терпение; я сам схожу за обещанным вам проводником. Я действительно вижу, что вы хотите нас оставить.

Олонец встал, взял ружье, свистнул собаке и удалился большими шагами.

— Вам нельзя будет жаловаться,— сказал Польшэ,— вы будете продолжать ваш путь, не боясь на этот раз заблудиться.

— Неужели действительно этот достойный кабальеро пошел за проводником?— спросил фра Арсенио, не смеявший слишком полагаться на обещания Олонца.

— Я не вижу, куда ему отправиться в другое место; ему не для чего оставлять букан.

— Так вы действительно буканьер, сеньор?

— К вашим услугам, сеньор падре.

— А! а! И вы часто бываете в этой стране?

— Мне кажется, черт меня возьми, что вы меня допрашиваете, сеньор падре,— сказал Польшэ, нахмутив брови и смотря ему в лицо,— что вам до того, здесь я бываю или в другом месте?

— Для меня это решительно все равно.

— Это правда, но для других может быть не все равно, не так ли? И вы не прочь бы узнать...

— О! Как можете вы предполагать?— поспешил перебить фра Арсенио.

— Я не предполагаю, а знаю очень хорошо то, что говорю; но послушайте меня, сеньор монах, бросьте привычку допрашивать, особенно буканьеров; эти люди по своему характеру не любят вопросов, таким образом вы когда-нибудь попадете в беду; я просто даю вам совет.

— Благодарю вас, сеньор; я буду это помнить, хотя я не имел того намерения, которое вы предполагаете во мне.

— Тем лучше, а все-таки примите к сведению мой совет.

Получив выговор, монах погрузился в боязливое молчание, и, чтоб развлечь свои мысли, вовсе невеселые, он взял четки, висевшие у него за поясом, и начал шепотом бормотать молитвы. Около часа прошло таким образом, никто не говорил ни слова. Польшэ жевал табак, свистя сквозь зубы, монах молился или по крайней мере делал вид.

Наконец послышался легкий шум, и через несколько минут показался незнакомец; за ним шел Прыгун.

— Проворнее, проворнее, сеньор монах,— весело сказал Олонец,— вот вам проводник; ручаюсь вам за его верность; он безопасно доведет вас на расстояние двух ружейных выстрелов от дома.

Монах не заставил повторить этого приглашения; все казалось ему предпочтительнее опасности оставаться в обществе таких людей, притом ему нечего было опасаться индейца. Он вскочил, надел узду на свою лошадь, которая поужинала отлично и успела отдохнуть.

— Сеньоры,— сказал он, сев в седло,— благодарю вас за ваше дружеское гостеприимство; да будет с вами благословение Господне!

— Благодарю,— смеясь, отвечал работник,— но позвольте мне дать вам перед отъездом последнее поручение: не забудьте сказать от меня донне Кларе Бехар, что я жду ее здесь завтра; вы слышите меня?

Монах вскрикнул от ужаса, ничего не отвечал, вонзил шпоры в бока лошади и поскакал галопом в ту сторону, куда караиб уже направился тем поспешным и легким шагом, за которым лошадь с трудом может поспеть. Оба буканьера смотрели на побег монаха с громким смехом, потом, протянув ноги к огню и положив оружие под руку, они легли спать под охраной своих собак, бдительных часовых, которые не допустят нападения врасплох.

XXVI

ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТРЕЧИ

Фра Арсенио следовал за своим молчаливым проводником, радуясь, хотя он был, так сказать, предан в руки индейца, который по инстинкту должен был ненавидеть испанцев, этих свирепых притеснителей его почти истребленного рода, что он здоров и невредим выбрался из рук авантюристов, которых он опасался не только как разбойников, людей неверующих и порочных, но и как демонов или по крайней мере колдунов, находящихся в сношениях с дьяволом; вот каковы были ошибочные понятия, которые самые просвещенные испанцы имели о флибустьерах и буканьерах.

Монах должен был иметь всю преданность, в которой он уверял донну Клару, и все влияние, которое эта очаровательная женщина имела на окружавших ее, для того чтоб согласиться на исполнение плана, такого безумного, по его мнению, как вступить в прямые сношения с одним из самых знаменитых начальников флибустьеров, и с трепетом провожал он свою духовную дочь на остров Ниев.

Когда мы встретили его теперь, он отправлялся к ней сообщить о прибытии эскадры флибустьеров в гавань Маргои, следовательно, о присутствии Монбара на острове Сан-Доминго. К несчастью, монах, не привыкший к ночным путешествиям по непроложенным дорогам, заблудился в степи. Дрожа от страха, умирая с голоду, разбитый

усталостью, монах увидел огонь не в дальнем расстоянии, почувствовал если не мужество, то надежду, и, как можно поспешнее направившись к огню, попал прямо на букан французских авантюристов, по примеру, конечно невольному, тех ветреных жесткокрылых насекомых, которых губительно привлекает к себе блестящее пламя, на котором они сожгут свои крылья.

Будучи счастливее этих насекомых, достойный монах не обжегся, напротив, он отдохнул, напился, наелся, и, кроме весьма основательного страха очутиться неожиданно в подобном обществе, он благополучно выпутался из опасности, по крайней мере он так предполагал, и даже достал проводника; стало быть, все было к лучшему. Уверенность монаха в безопасности еще увеличивала беззаботная молчаливость проводника, который, не говоря ни слова и, по-видимому, вовсе им не занимаясь, шел впереди лошади, вкось проходя через степь, прокладывая себе дорогу в высокой траве и направляясь в темноте, окружавшей его, так, как будто его освещали яркие солнечные лучи.

Они следовали таким образом довольно долго друг за другом, не размениваясь ни одним словом; как все испанцы, фра Арсенио показывал глубокое презрение к индейцам и входил с ними в сношения только в самых крайних случаях. Со своей стороны, караиб не имел никакого желания вступать с этим человеком, которого он считал природным врагом своего рода, в разговор, который был бы пустой болтовней.

Они достигли небольшого пригорка, с вершины которого виднелись огоньки солдатского бивака, раскинутого около дома дель-Ринкон, как вдруг, вместо того чтобы спуститься с горы и продолжать путь вперед, Прыгун остановился, бросая вокруг тревожные взгляды, и сильно стал вдыхать в себя воздух, делая испанцу рукою знак остановиться. Тот повиновался и остался неподвижен, как конная статуя, примечая с любопытством, смешанным с некоторым беспокойством, движения своего проводника. Караиб растянулся на земле и, приложившись к ней ухом, стал прислушиваться. Через несколько минут он приподнялся, не переставая, однако, прислушиваться.

— Что здесь происходит?— шепотом спросил монах, которого эти проделки начали серьезно тревожить.

— К нам навстречу едут всадники во весь опор.

— Всадники в такое позднее время ночи в степи?— недоверчиво спросил фра Арсенио.— Это невозможно!

— А ведь вы же едете?— заметил индеец с насмешливой улыбкой.

— Гм! Это правда,— прошептал монах, пораженный логикой этого ответа,— кто же это может быть?

— Не знаю, но скоро вам скажу,— возразил караиб.

Прежде чем монах успел спросить, какой у него план, Прыгун проскользнул в высокой траве и исчез, оставив фра Арсенио, совершенно растерявшегося от этого быстрого побега, а в особенности очень испугавшегося, что он остался один в степи. Прошло несколько минут, в продолжение которых монах старался услышать, но напрасно, шум, который индеец по милости своего тонкого слуха различил давно среди смутного шума степи. Монах, считая себя решительно брошенным своим проводником, приготовлялся продолжать путь, поручая Провидению заботу благополучно довести его до конца пути, когда около него в хворосте послышался легкий шелест и явился индеец.

— Я их видел,— сказал он.

— А!— заметил монах.— Кто же эти люди?

— Такие же белые, как и вы.

— Стало быть, испанцы?

— Да, испанцы.

— Тем лучше,— продолжал фра Арсенио, которого это приятное известие окончательно успокоило,— а много их?

— Пятеро или шестеро; они направляются, как и вы, к дель-Ринкону, куда, как я понял, они очень спешат.

— О, это прекрасно! Где же они теперь?

— На расстоянии два раза брошенных камней; судя по направлению, которого они держатся, они проедут мимо того места, где стоите вы.

— Тем лучше, нам остается только их подождать.

— Для вас это удобно, а я не могу встретиться с ними.

— Это правда, друг мой,— продолжал монах с отеческим видом,— может быть, эта встреча будет неприятна для

вас; позвольте же вас поблагодарить за то, что вы меня проводили до этого места.

— Так вы решились ждать их? Я могу, если вы хотите, провести вас так, что вы не встретитесь с ними.

— Я не имею никакой причины прятаться от людей моего цвета, кто бы они ни были; я уверен, что найду в них друзей.

— Очень хорошо, мне нечего вмешиваться в ваши дела. Но шум приближается, они скоро подъедут. Я оставляю вас; им незачем найти меня здесь.

— Прощайте.

— Последняя просьба: если все равно им вздумается спросить вас, кто служил вам проводником, не говорите.

— Невероятно, чтобы они спросили меня об этом.

— Все равно, обещайте мне, если это случится, сохранить тайну.

— Хорошо, я буду молчать, если вы этого требуете, хотя я не понимаю причины этой просьбы.

Монах не кончил еще своей фразы, как индеец исчез. Всадники быстро приближались, лошадиный топот раздавался на земле как раскаты грома. Вдруг несколько теней, едва заметных в темноте, выскочили, так сказать, из середины мрака, и отрывистый голос сказал только эти слова:

— Кто идет?

— Друг,— отвечал монах.

— Скажите ваше имя?— продолжал голос тоном гнева, и сухой звук взводимого курка неприятно раздался в ушах монаха.— Друзей в степи не бывает по ночам.

— Я бедный францисканский монах и еду в дель-Ринкон; зовут меня фра Арсенио Мендоца.

Хриплый крик отвечал на слова монаха, но был ли это крик радости или гнева, монах распознать не успел, потому что всадники налетели на него как молния, прежде чем он мог понять причину такого быстрого движения.

— Э, сеньоры!— вскричал он голосом, дрожавшим от волнения.— Что это значит? Разве я имею дело с разбойниками?

— Хорошо, хорошо, успокойтесь, сеньор падре,— сказал грубый голос, который показался ему знаком,— мы не

разбойники, а такие же испанцы, как вы, и ничто не могло доставить нам более удовольствия, как встреча с вами в эту минуту.

— Я очень рад слышать это от вас, кабальеро; я признаюсь, что резкость вашего обращения сначала очень меня растревожила, но теперь я успокоился вполне.

— Тем лучше,— с иронией отвечал незнакомец,— потому что мне нужно с вами говорить.

— Говорить со мною, сеньор?— спросил он с удивлением.— Мне кажется, время и место дурно выбраны для разговора; если вы хотите подождать, пока мы доедем до дома, тогда я буду готов к вашим услугам.

— Перестаньте болтать и сходите с лошади,— грубо сказал незнакомец,— если вы не предпочитаете, чтобы я вас стащил.

Монах с испугом осмотрелся вокруг: всадники смотрели на него с мрачным видом и, по-видимому, вовсе не были расположены помогать ему. Фра Арсенио и по званию своему, и своей натуре вовсе не был храбр; приключение это начало серьезно его пугать; он не знал еще, в какие руки он попал, но все заставляло его предполагать, что эти люди, кто бы они ни были, недоброжелательно к нему расположены. Однако всякое сопротивление было невозможно; он решился повиноваться, но не без вздоха сожаления о том, что пренебрег советом карайба. Он наконец сошел с лошади и стал перед своим строгим допросчиком.

— Зажгите факел,— сказал незнакомый всадник,— я хочу, чтобы этот человек меня узнал, и, узнав, кто я, он поймет, что ни к чему прибегать со мной к уверткам и что только одна откровенность может спасти его от угрожающей ему участи.

Монах понимал все меньше и меньше; он начал думать, что с ним сделался страшный кошмар. Между тем, по приказанию всадника, один из людей в его свите зажег факел из дерева окотея. Как только пламя осветило лицо незнакомца, монах вздрогнул от удивления, и черты его тотчас прояснились.

— Слава Богу!— вскричал он, сложив руки и тоном радости, которую невозможно было передать.— Возможно

ли, чтоб это были вы, сеньор дон Стенио Бехар? Я вовсе не думал, чтобы в эту ночь имел счастье встретиться с вами, сеньор граф; я не узнал вас и почти испугался.

Граф не отвечал, а только улыбнулся. Дон Стенио Бехар ускакал из Сан-Доминго во весь опор, чтобы удостовериться в сведениях, доставленных ему доном Антонио де ла Ронда, и вдруг нечаянно, в ту минуту, когда он подъезжал к цели своей поездки, он наткнулся на фра Арсенио Мендоца, то есть на единственного человека, который мог доказать ему справедливость или ложь уверений шпиона, который донес на донну Клару ее мужу. Трусость фра Арсенио была давно известна его землякам, следовательно, ничего не могло быть легче, как добиться от него правды со всеми подробностями. Граф был почти уверен, что если он хорошенько напугает фра Арсенио, то монах признается ему во всем, что ему известно. Нам приятно думать, что, действуя таким образом, граф не имел намерения принять с бедным монахом меры непохвальные всегда, но в особенности бесславные для человека в его положении; к несчастью, перед непредвиденным и непонятым сопротивлением, которое, против всякой вероятности, оказал ему монах, граф увлекся гневом и необдуманно отдал приказания, жестокость которых ни в каком случае оправдать нельзя.

Помолчав несколько секунд, дон Стенио проницательно посмотрел на монаха, как будто хотел узнать его мысль в глубине сердца, и, грубо схватив его за руку, сказал сердитым голосом:

— Откуда вы идете? Разве монахи вашего ордена имеют привычку рыскать по степи в такое время?

— Ваше сиятельство!— пролепетал фра Арсенио, застигнутый врасплох этим вопросом, которого он вовсе не ожидал.

— Посмотрим, посмотрим,— продолжал граф,— отвечайте сию минуту, а в особенности не увертывайтесь.

— Я не понимаю, ваше сиятельство, на что вы так сердитесь; клянусь вам, я невинен.

— Ха-ха!— засмеялся граф ироническим смехом.— Вы спешите защищаться прежде, чем вас обвинили, стало быть, вы чувствуете себя виновным.

Фра Арсенио знал ревность графа, которую тот так не умел скрывать, что она каждую минуту обнаруживалась при всех; он понял теперь, что муж узнал тайну донны Клары, и угадал опасность, угрожавшую ему за то, что он был сообщником графини; однако он надеялся, что графу известны только некоторые обстоятельства, а не подробности путешествия графини; хотя он внутренне дрожал при мысли об опасностях, которым он, без сомнения, подвергался, находясь один без защиты в руках человека ослепленного гневом и желанием отомстить за то, что он считал пятном для своей чести, он решился, что ни случилось бы, не изменять доверию, которое эта несчастная женщина оказала ему. Он поднял голову и твердым голосом, который удивлял самого его, отвечал:

— Ваше сиятельство, вы губернатор в Сан-Доминго, вы имеете право распоряжаться людьми, находящимися под вашим начальством, вы располагаете властью почти самодержавной; но, насколько мне известно, вы не имеете права обижать меня ни словами, ни поступками, не имеете права подвергать меня допросу; у меня есть начальники, от которых я завишу; отведите меня к ним, предайте меня их суду; если я сделал какой-нибудь проступок, они меня накажут, потому что им одним принадлежит право осуждать меня или прощать.

Граф выслушал этот длинный ответ монаха, кусая губы от досады и с гневом топая ногой; он не ожидал найти в этом человеке такого сильного сопротивления.

— Вот как!— вскричал он, когда наконец фра Арсенио замолчал.— Вы не хотите мне отвечать?

— Не хочу, ваше сиятельство,— сказал он холодно,— потому что вы не имеете права допрашивать меня.

— Только вы забываете, сеньор падре, что если я не имею права, то имею силу, по крайней мере теперь.

— Вы свободны употребить во зло силу против беззащитного человека; я не воин, физическая боль меня страшит; я не знаю, как вынесу пытку, которой вы меня подвергнете, но я знаю наверно только одно...

— Что такое? Позвольте спросить, сеньор падре.

— Я скорее умру, чем отвечу хоть на один из ваших вопросов.

— Это мы увидим,— сказал граф насмешливо,— если вы меня принудите прибегнуть к насилию.

— Увидите,— сказал францисканец голосом кротким, но твердым, показывавшим неизменную решимость.

— В последний раз я вас предупреждаю, берегитесь, подумайте.

— Я все уже обдумал; я нахожусь в вашей власти; пользуйтесь моей слабостью как заблагорассудите; я не покушусь даже на бесполезную защиту; я буду не первым монахом моего ордена, который падет мучеником своего долга; другие предшествовали мне, и другие последуют за мною на этом горестном пути.

Граф с гневом топнул ногой; безмолвные и неподвижные, присутствующие с испугом переглядывались между собой; они предвидели, что эта сцена скоро будет иметь страшную развязку между этими двумя людьми, из которых ни тот, ни другой не хотел сделать уступки, а первый, ослепленный яростью, скоро не будет в состоянии повиноваться здоровым советам рассудка.

— Ваше сиятельство,— прошептал дон Антонио де ла Ронда,— звезды начинают бледнеть на небе, скоро рассветет; мы еще далеко от дома, не лучше ли отправиться в путь, нисколько не медля?

— Молчите!— отвечал граф с презрительной улыбкой.— Педро,— обратился он к одному из слуг,— подай фитиль.

Лакей сошел с лошади и подошел к графу с длинным фитилем в руках.

— Пальцы!— лаконически сказал граф.

Слуга подошел к монаху, тот не колеблясь протянул обе руки, хотя лицо его было покрыто страшной бледностью, а все тело дрожало. Педро холодно намотал фитиль между пальцев монаха, потом обернулся к графу.

— В последний раз, монах,— сказал граф,— будешь ли ты говорить?

— Мне нечего вам говорить, ваше сиятельство,— отвечал фра Арсенио кротким голосом.

— Зажги!— приказал граф, до крови закусив себе губы.

Слуга с тем бесстрастным повиновением, которое отличает людей этого сословия, зажег фитиль. Монах упал на колена, подняв глаза к небу, лицо его приняло

мертвенный оттенок, холодный пот выступил на висках, волосы встали дыбом; страдание, которое он испытывал, должно быть, было ужасно, потому что грудь его с усилием приподнималась, но полуоткрытые губы оставались безмолвны. Граф с беспокойством смотрел на него.

— Будешь ли ты говорить, монах?— сказал он ему глухим голосом.

Монах обратил к нему лицо, подергивавшееся от боли, и, бросив на него взгляд, запечатленный невыразимой кротостью, сказал:

— Благодарю, ваше сиятельство, за то, что вы мучили меня, боль не существует для человека с живой верой.

— Будь проклят, негодяй!— вскричал граф, ударив его в грудь сапогом.— На лошадей, сеньоры, на лошадей! Мы должны доехать до дома до восхода солнца.

Все сели на лошадей и удалились, бросая взгляд сострадания на бедного монаха, который, побежденный страданием, упал без чувств на землю.

XXVII

ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛОНИИ

Тройная экспедиция, такая серьезная, как та, которую задумал Монбар, требовала необыкновенной осторожности. Несколько пунктов, занимаемых буканьерами на испанском острове, вовсе не походили на города; это было собрание хижин, выстроенных беспорядочно по прихоти хозяев, занимавших пространство в двадцать раз больше того, которое они должны были занять, что делало почти невозможным защищать эти пункты против нападения испанцев, если б тем пришло на мысль покончить разом со всеми опасными соседями. Во-первых, Марго, самый важный пункт по стратегической позиции во всех французских владениях, было жалкое селение, без полиции, без правильной организации, где говорилось на всех языках и куда очень легко испанские шпионы прокрадывались, не подвергаясь опасности быть узнанными.

ми, и разузнавали таким образом все планы флибустьеров.

Монбар, прежде чем атаковал испанцев, подозревая основательно, что они знали уже о причинах его присутствия на острове или от дона Антонио де ла Ронда, или от других шпионов, и не желая, когда он приготавливался напасть врасплох на неприятеля, чтобы на него самого напали неожиданно, решил обезопасить Марго от неожиданного нападения. На адмиральский люгер был созван большой совет флибустьеров; таким образом намерения, принятые в совете, не дойдут до неприятельских ушей.

Через два дня после отъезда Польшэ совет собрался на палубе, так как адмиральскую каюту нашли слишком тесной для вмещения всех тех, кому богатство или репутация давали право находиться на этом собрании. В десять часов утра бесчисленное множество пирог подъехало к люгеру со всех сторон. Монбар принимал депутатов по мере того, как они являлись, и вводил их в палатку, приготовленную для них. Скоро собрались все; их было сорок человек, флибустьеров, буканьеров и жителей; все авантюристы, давно жившие на островах, ожесточенные враги испанцев, лица которых, загорелые от тропического солнца, энергичные черты и пылкие взоры делали их скорее похожими на разбойников, чем на мирных колонистов, а решительные ухватки заставляли угадывать чудеса невероятной отваги, которые они уже совершили и, когда наступит минута, совершат опять.

Когда собрались все члены совета, Мишель Бискаец приказал всем пирогам возвратиться к берегу, а к люгеру подъехать не прежде, как увидят клетчатый флаг, красный с черным, на большой мачте. Великолепный завтрак предшествовал совету, который происходил за столом и во время десерта, чтобы лучше обмануть нескромные взоры, которые с вершины гор, без сомнения, наблюдали за тем, что происходило на люгере. Когда завтрак был кончен и водка, трубки и табак были поданы работниками, было приказано приподнять занавески палатки; весь экипаж люгера ушел на бак, и Монбар, не вставая со стула, ударил ножом по столу, требуя молчания. Депутаты знали, что разговор будет происходить о важных делах, поэтому они пили и ели только для формы, и хотя стол представлял

наружность настоящей флибустьерской оргии, головы были совершенно свежи и холодны. Рейд Марго представлял в эту минуту странное зрелище, не лишенное некоторого живописного и дикого величия. Тысячи пирог составляли огромный круг, в центре которого находилась флибустьерская эскадра. На берегу горы и скалы буквально исчезали под сплошной массой зрителей, сбегавшихся из всех домов, чтобы присутствовать издали на этом гигантском пиру, серьезную причину которого вовсе не подозревали.

Монбар в нескольких словах заметил друзьям огромное стечение зрителей, окружавших их, и как основательно принял он предосторожности. Потом, наполнив свой стакан, встал и сказал звучным голосом:

— Братья, за здоровье короля!

— За здоровье короля!— отвечали флибустьеры, вставая и чокаясь стаканами.

В ту же минуту все пушки с люгера выпалили со страшным грохотом; крики, раздававшиеся с люгера, доказали, что зрители приняли участие в этом патриотическом тосте.

— Теперь,— продолжал адмирал, садясь, и примеру его последовали все собеседники,— поговорим о наших делах, и поговорим таким образом, чтобы наши движения — потому что наших слов никто не может слышать — не позволили догадаться о том, что занимает нас.

Совет начался; тогда Монбар, с тем высоким воззрением и с тою ясностью выражения, которыми он обладал, объяснил в нескольких словах критическое положение, в котором будет находиться колония, если не принять энергичных мер для того, чтобы дать ей не только защищаться, но и обойтись без помощи во время отсутствия членов экспедиции.

— Я понимаю,— сказал Монбар в заключение,— что пока у нас не было другого намерения, как охотиться за дикими волами; но теперь положение переменилось; мы хотим сделать для себя неприступное убежище; мы хотим нападать на испанцев на их земле,— следовательно, мы должны ждать ужасного возмездия со стороны врагов, которые, судя по тому, как мы будем действовать против них, скоро поймут, что мы хотим остаться одни обладате-

лями этой земли, которую они привыкли считать как бы принадлежащею им законно; следовательно, мы должны быть в состоянии не только сопротивляться им, но подвергнуть их такому наказанию за их дерзость, чтобы они навсегда потеряли охоту пытаться снова завладеть землей, завоеванной нами. Для этого нам надо выстроить настоящий городок вместо временного лагеря, которого до сих пор было для нас достаточно, сверх того необходимо, чтобы, кроме членов нашего общества, никто из посторонних не мог забраться к нам, подсматривать за нами и пересказывать нашим врагам наши тайны, какие бы то ни было.

Флибустьеры горячо рукоплескали этим словам, истину которых они признавали; они поняли наконец необходимость завести порядок и вступить в великую человеческую семью, приняв некоторые законы, которые составляют единственные условия живучести обществ. Под всемогущим влиянием Монбара и двенадцати членов общества принялись рассуждать и немедленно решили, какие принять меры; но когда все было решено, совет был вдруг остановлен затруднением, о котором никто не подумал: кому поручить исполнять эти меры, никто из буканьеров не имел признанной власти над другими. Затруднение было велико, почти непреодолимо, однако опять Монбару удалось устранить его, ко всеобщему удовольствию.

— Ничего не может быть легче, — сказал он, — как устранить это затруднение. Это случай исключительный; будем действовать соображаясь с обстоятельствами; выберем начальника как бы для опасной экспедиции, выберем человека энергического и умного, это для нас ничего не значит, так как нам есть из кого выбирать. Начальник этот будет избран нами на первый год, а следующий за ним только на полгода, чтобы исправлять злоупотребление властью, которое впоследствии они могут иметь намерение совершать. Начальник этот будет называться губернатором и станет управлять всеми гражданскими делами с помощью совета из семи членов, выбранных из жителей, и низших агентов, выбранных им; он будет руководствоваться законами нашего общества и охранять, как капитан на своем судне, безопасность колонии; в случае же измены он должен

подлежать смертной казни. Согласны ли вы на это предложение, братья?

Депутаты единогласно согласились.

— Так приступим же немедленно к выборам.

— Извините, братья,— сказал Красивая Голова,— если вы позволите, я предложу совету несколько замечаний.

— Говорите, брат, мы вас слушаем,— отвечал Монбар.

— Я предлагаю в губернаторы себя, не из честолюбия, оно было бы нелепо, но потому, что в эту минуту я считаю себя единственным человеком, годным для этого положения; все вы меня знаете, следовательно, я хвалить себя не стану. Некоторые причины обязывают меня взять назад мое слово и не следовать за экспедицией, которой, однако, по моему убеждению, я окажу большие услуги, если вы меня выберете в губернаторы.

— Вы слышали, братья,— сказал Монбар,— посоветуйтесь между собой, но прежде наполните ваши стаканы; вам остается десять минут на размышление; через десять минут все стаканы, которые окажутся не опорожнены, будут считаться отрицательными голосами.

— А, изменник!— сказал Мишель Бискаец, со смехом наклоняясь к уху Красивой Головы, возле которого он сидел.— Я знаю, зачем вы хотите остаться в Марго.

— Вы знаете? Полноте, пожалуйста!— отвечал тот с замешательством.

— Это не трудно угадать; вы попались, товарищ.

— Это правда, вы правы. Чертовка, которую я купил на острове Святого Христофора, вскружила мне голову; она заставляет меня ходить по струнке.

— А, любовь!— иронически сказал Мишель Бискаец.

— Черт побери любовь, а вместе с нею и эту женщину, она такая слабенькая, что я убью ее ударом кулака.

— Она очень хорошенькая; у вас прекрасный вкус; ее, кажется, зовут Луизой?

— Луиза, да; я сделал очень невыгодную покупку.

— Ба!— сказал Мишель с серьезным видом.— Есть способ все устроить.

— Вы думаете?

— Я знаю наверно.

— Мне хотелось бы узнать этот способ, потому что,

признаюсь, эта женщина перевернула вверх дном все мои мысли; эта чертовка со своим птичьим голосом и лукавой улыбкой вертит мною, как флюгером; ей-Богу! Я несчастнейший из людей; посмотрим, какой ваш способ, брат.

— Продайте ее мне.

Красивая Голова вдруг побледнел при этом неожиданном предложении, которое действительно устраивало все, но он не подозревал, что Мишель сделал ему это предложение шутя и только для того, чтобы испытать его; брови его нахмурились, он ударил кулаком по столу и отвечал с гневом голосом, дрожавшим от волнения:

— Ей-Богу! Товарищ, какой великолепный способ придумали вы, но черт меня побери, если я его приму! Нет, нет, как ни огорчала бы меня эта чертовка, я ведь говорил вам, что она меня околдовала, я ее люблю! Понимаете ли вы это?

— Еще бы! Понимаю ли? Успокойтесь, я не имею никакого намерения отнимать у вас вашу Луизу; что мне делать с женщиной? Притом то, что я видел у других, нисколько не поощряет меня самому заниматься любовью.

— Ну и прекрасно!— отвечал Красивая Голова, успокоенный этим откровенным объяснением.— Вот что значит говорить как следует! Притом вы правы, брат, хотя я ни за что на свете не соглашусь расстаться с Луизой, но если б мне пришлось сызнова покупать ее, черт меня побери, если бы я ее купил!

— Ба!— сказал Мишель, пожав плечами.— Так всегда говорят, а когда наступит время, непременно сделают ту же глупость.

Красивая Голова подумал с минуту, потом дружески ударил по плечу Мишеля и сказал, смеясь:

— Это правда, брат; кажется, действительно я поступил бы так, как вы говорите.

— Я знаю,— отвечал Мишель, пожав плечами.

Во время этого разговора между двумя авантюристами прошло десять минут.

— Брат,— сказал Монбар,— начнем собирать голоса.

Он посмотрел: все стаканы были опорожнены.

— Брат Красивая Голова, вы единогласно избраны губернатором Марго.

— Братья,— сказал Красивая Голова, кланяясь кругом,— благодарю вас, я не обману ваших ожиданий; наша колония, если бы мне пришлось быть погребенным под ее развалинами, не попадет никогда в руки испанцев; вы знаете слишком хорошо, каков я, для того чтобы сомневаться в моей клятве. Я намерен сегодня же приняться за дело, так как, сказал адмирал, нам нельзя терять ни минуты; положитесь на меня, я сумею сохранить ваши интересы.

— Прежде чем мы расстанемся,— сказал Монбар,— кажется, следует еще несколько дней сохранить тайно наши намерения.

— Завтра можно безопасно разгласить их,— отвечал Красивая Голова,— только позвольте мне, братья, выбрать между вами помощников, которые мне нужны.

— Выбирайте,— сказали флибустьеры.

Красивая Голова назвал восемь авантюристов, слепая храбрость которых была ему известна, потом в последний раз обратился к депутатам, которые уже встали и приготавливались оставить люгер.

— Вы помните, не правда ли, что вы считаете меня начальником экспедиции?

— Помним,— отвечали они.

— Следовательно, вы обязаны мне полным повиновением во всех приказаниях, которые я вам отдам для общих выгод.

— Обязаны,— опять подтвердили депутаты.

— Следовательно, вы клянетесь повиноваться мне без нерешимости и без ропота?

— Клянемся.

— Хорошо, теперь до свидания, братья.

Пироги были призваны флагом, выкинутым на большой мачте, через несколько минут все депутаты съехали с люгера, кроме Красивой Головы и восьми помощников, выбранных им.

Монбар и Красивая Голова оставались взаперти несколько часов, без сомнения сговариваясь между собою о мерах, которые следовало принять для достижения желанного результата; потом незадолго до заката солнца новый губернатор простился с адмиралом, сел в шлюпку, приго-

товленную нарочно для него, и воротился на берег в сопровождении своих офицеров.

К одиннадцати часам вечера, когда в городе, по-видимому, все спали, все двери были заперты, все огни погашены, тот наблюдатель, который мог видеть, что происходит, присутствовал бы при странном зрелище. Вооруженные люди украдкой пробирались из домов, бросая направо и налево вопросительные взгляды, которые как будто хотели проникнуть сквозь глубокую темноту, окружавшую их; они шли поодиночке, заглушая шум своих шагов, по большой площади и присоединялись к другим людям, вооруженным так же, как и они, которые уже ждали их. Скоро число людей, увеличивавшееся каждую минуту, сделалось значительно; по приказанию, отданному тихим голосом, они разделялись на несколько групп, уходили с площади и с различных сторон составили около города огромную сеть.

Последняя группа из сорока человек осталась, однако, на площади и, разделившись в свою очередь, не вышла из города, а отрядами из десяти человек сошла с площади с четырех противоположных пунктов и направилась по улицам. Эти отряды занялись домовым обыском; они входили во все дома и осматривали их с самым мелочным вниманием, пробовали стены и потолки, отворяли даже шкапы и комоды. Такие поиски должны были продолжаться долго, и действительно, они прекратились только на рассвете. В домах найдено было восемь испанских шпионов и трое остановлено часовыми во время их побега, всего одиннадцать. Губернатор велел пока заковать их в кандалы и отправить на люгер, чтобы они не могли убежать.

На восходе солнца буканьеры, жители, работники и флибустьеры, все вооруженные заступами и топорами, принялись рыть около города ров. Работа эта, производимая с необыкновенным усердием, длилась три дня; ров имел двенадцать футов ширины и пятнадцать глубины; на краях, приподнятых откосом со стороны города, вбили колья, укрепленные между собою крепкими железными скобками, оставив изредка амбразуры для пушек и бойниц.

В то время, как все население трудилось с тем

лихорадочным жаром, который совершает чудеса, большие прогалины были сделаны в лесу, окружавшем гавань, потом зажгли лес, позаботившись о том, чтобы пожар не распространился более чем на полмили по всем направлениям. Эти гигантские работы, которые в обыкновенное время требуют довольно значительного времени, были окончены в десять дней, что показалось бы невероятным, если б об этом обстоятельстве не упоминалось во многих сочинениях, достойных веры. Таким образом Марго по милости и энергии губернатора и бесстрастного повиновения, с которым флибустьеры исполняли его приказания, был защищен не только от неожиданного нападения, но поставлен в такое положение, что мог выдержать правильную осаду. Все это было сделано секретно, так что испанцы не подозревали этой перемены, столь грозной для них, которая предвещала им ожесточенную войну. Когда укрепления были окончены, губернатор велел поставить виселицы на площади, и несчастных испанских шпионов повесили, и тела их остались прикованными к виселице железными цепями для того, как сказал Красивая Голова со зловещей улыбкой, чтобы вид трупов казненных напугал их соотечественников, которые вздумают последовать их примеру и пробраться в город. Все жители были потом созваны на большую площадь, и Красивая Голова, войдя на эстраду, приготовленную нарочно для этого, сообщил им о намерениях, принятых им для общей пользы, и просил у них одобрения. Жители не могли отказать ему в этом одобрении, тем более что пред ними находились подвиги совершенные и что в этих подвигах все служило к их пользе. Губернатор, видя, что поступки его одобряются, просил жителей выбрать из их среды совет из семи членов. На это предложение они согласились с радостью, предположив основательно, что эти советники станут защищать их интересы. Семь муниципальных советников были избраны тут же и немедленно по приглашению губернатора заняли места возле него на эстраде. Тогда губернатор объявил толпе, что в колонии не переменилось ничего, что она по-прежнему будет управляться законами флибустьерства, что все будут жить так же свободно, как и прежде, что меры эти были приняты для того, чтоб оберегать общую

пользу, но вовсе не с намерением подчинить колонистов унижительному игу. Это последнее уверение произвело самое лучшее действие на толпу, и губернатор удалился среди криков и самых горячих уверений в преданности. Хотя Монбар оставался в стороне, ему одному жители были обязаны этими улучшениями; Красивая Голова был в его руках бесстрастным и покорным агентом.

Когда адмирал увидал, что дела пришли в такое положение, какого он желал, он решился уехать и после последнего разговора с губернатором оставил город с флибустьерами.

Мишель Бискаец уехал за несколько часов перед Монбаром с секретным поручением, и с ним отправились девяносто решительных человек.

С этой поры началась собственно экспедиция, но каков будет ее результат, этого никто предвидеть не мог.

XXVIII

ПОБЕГ

Не трудясь даже посмотреть на письма, отданные ему, дон Санчо спрятал их в свой полукафтан и наскоро отправился в комнату сестры. Та ждала его с беспокойством.

— Вот и ты, брат!— вскричала она, приметив его.

— Разве ты не ждала меня, милая сестра?— отвечал молодой человек, целуя ее.

— Нет, я тебя ждала, брат, но ты так долго не ехал; откуда ты так поздно?— спросила она с волнением.

— Откуда я? С охоты; это единственное удовольствие, позволительное для дворянина в здешнем краю.

— Как, так поздно!

— Милая Клара, с охоты возвращаешься когда можешь, особенно в здешней стране, где иногда радуешься и тому, что можешь воротиться.

— Ты говоришь загадками, брат, я вовсе тебя не понимаю; будь так добр, объяснись яснее; ты имел какую-нибудь неприятную встречу?

— Да, и даже несколько раз; но прости, милая Клара, если тебе это все равно, начнем по порядку; ты желала видеть меня тотчас по возвращении, вот я к твоим услугам; будь так добра, скажи мне, в чем я могу быть тебе полезен, потом я расскажу тебе ряд странных приключений, разнообразивших сегодня мою охоту; я не скрою от тебя, что я спрошу у тебя некоторых объяснений и, наверно, ты не откажешь дать их мне.

— Что ты хочешь сказать мне, Санчо?

— Ничего; теперь же, сестра, говори первая, прошу тебя.

— Если ты требуешь.

— Мне нечего требовать от тебя, сестра, я могу только тебя просить.

— Хорошо, я исполню твою просьбу; я получила несколько писем.

— И я также, но признаюсь, я еще их не прочел; притом я нахожу их очень важными.

— А я прочла свои, и знаешь ли, что сообщают мне между прочим?

— Нет, разве только меня назначают главным алкадом испанского острова, что весьма удивило бы меня,— сказал он, смеясь.

— Не шути таким образом, Санчо, дело очень серьезное.

— В самом деле? Говори же, сестра, ты видишь, что у меня физиономия такая же спесивая, как и у твоего любезного супруга.

— О нем-то и идет речь.

— Ба! Уж не занемог ли мой зять, исполняя свои благородные и скучные обязанности?

— Нет, он здоров по-прежнему.

— Тем лучше для него; я не желаю ему зла, хотя он самый скучный господин, какого я знаю.

— Хочешь выслушать меня, да или нет?— спросила Клара с нетерпением.

— Но я только это и делаю, милая сестра.

— Ты, право, несносен!

— Полно, не сердись; конечно, я смеяться не стану.

— Ты видел солдат, расположившихся лагерем около дома?

— Да, и даже очень удивился, признаюсь.

— Ты удивишься гораздо больше, когда узнаешь, что мой муж едет сюда.

— Он? Это невозможно, сестра, он не сказал мне ни слова об этой поездке.

— Потому что она секретная.

— А! а!— сказал молодой человек, нахмутив брови.— Ты знаешь наверно, что он едет?

— Наверно. Тот, кто мне пишет, видел его отъезд, которого не подозревает никто, а посланный, который привез мне это известие и которому велено было спешить, опередил его только несколькими часами.

— Это действительно очень важное известие,— прошептал молодой человек.

— Что же делать?

— Конечно, принять его,— отвечал молодой человек беззаботно, но устремив на донну Клару вопросительный взгляд.

— О!— вскричала молодая женщина, с отчаянием ломая руки.— Мне изменили, он едет с желанием отмстить.

— Отмстить! За что же, сестра?

Она бросила на него взгляд со странным выражением и, наклонившись к нему, сказала глухим голосом:

— Я погибла, брат мой, погибла, потому что этот человек знает все и убьет меня.

Дон Санчо невольно был растроган этой горестью; он обожал свою сестру, ему сделалось стыдно той роли, которую он играл в эту минуту перед нею.

— И я также, Клара,— сказал он,— я знаю все.

— Ты! Ты! О, ты насмехаешься надо мною, брат!

— Нет, я не насмехаюсь, я люблю тебя и хочу тебя спасти, даже если б для этого пришлось отдать тебе мою жизнь; успокойся и не смотри на меня глазами, помутившимися от горести.

— Но, ради Бога, что ты знаешь?

— Я знаю то же, что, вероятно, какой-нибудь изменник продал твоему мужу то, что ты уезжала отсюда на лодке в Ниев, что там...

— О, ни слова более, брат мой!— вскричала она, падая на руки к нему.— Ты действительно знаешь все, но клянусь

тебе, брат, именем всего священного на свете, хотя наружность осуждает меня, что я невинна.

— Я это знал, сестра, я никогда в этом не сомневался; какое у тебя намерение, ты будешь ждать твоего мужа здесь?

— Никогда, никогда! Разве я тебе не говорила, что он меня убьет?

— Что же делать, когда так?

— Бежать, бежать немедленно, сию минуту.

— Но куда?

— Почему я знаю? В горы, в леса, скорее к диким зверям, чем оставаться здесь.

— Хорошо, поедem; я знаю, куда тебя отвезти.

— Знаешь?

— Да, ведь я тебе сказал, что сегодня на охоте со мною случились разные приключения.

— Действительно; но какое отношение?..

— Очень большое,— перебил дон Санчо,— майордом, провожавший меня, и я, мы нечаянно наткнулись на буканьеров.

— А!— сказала донна Клара, еще больше побледнев.

— Да, и я намерен проводить тебя к ним; притом один из этих буканьеров дал мне поручение к тебе.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего более того, что говорю, сестра.

Она подумала с минуту, потом решительно обернулась к молодому человеку.

— Хорошо, брат, отправимся к этим людям; хотя уверяют, что они жестоки, но, может быть, не всякое человеческое чувство погасло в их сердце и они сжалятся надо мною.

— Когда мы поедem?

— Как можно скорее.

— Это правда; но за домом наблюдают; верно, солдаты получили секретные приказания; вероятно, ты не подозреваешь, что ты пленница, бедная сестра; по какой другой причине находились бы здесь эти солдаты?

— О, когда так, я погибла.

— Может быть, есть средство; вероятно, запрещение касается тебя одной; к несчастью, путь, который ты должна

предпринять, будет продолжителен, утомителен и усыпан бесчисленными опасностями

— Что за беда, брат! Я сильна, не беспокойся за меня.

— Хорошо, мы попытаемся; ты непременно хочешь бежать?

— Во что бы то ни стало.

— Подожди же меня несколько минут.

Молодой человек вышел и воротился через несколько времени с большим свертком под рукой.

— Вот платье моего пажа; мой слуга по ошибке уложил его в мой чемодан; оно совсем новое, и я помню, что портной принес его мне за несколько минут до моего отъезда из Сан-Доминго; но я благодарю за эту ошибку судьбу. Оденься, закутайся в плащ, надень на голову эту шляпу; я ручаюсь за все; притом этот костюм предпочтительнее женского платья для путешествия по степи. Особенно не забудь заткнуть эти пистолеты и кинжал за пояс; неизвестно, что может случиться.

— Благодарю, брат; через час я буду готова.

— Хорошо, а я в это время пойду посмотрю. Не отворяй никому, кроме меня.

— Будь спокоен.

Молодой человек закурил сигару и вышел с самым беззаботным видом, какой только мог принять. На дворе он очутился лицом к лицу с майордомом. Физиономия сеньора Бирбомоно была растревожена; это не укрылось от дона Санчо, однако он продолжал идти, притворяясь, будто не приметил майордома; но тот прямо подошел к нему.

— Я рад, что встретился с вами, ваше сиятельство; я шел постучаться в дверь вашей комнаты.

— А!— сказал дон Санчо.— По какой это причине?

— Вашему сиятельству известно, что происходит,— продолжал майордом, по-видимому, не примечая иронического тона молодого человека.

— Разве происходит что-нибудь?

— Разве вашему сиятельству это не известно?

— Вероятно, если я вас спрашиваю; впрочем, так как это, без сомнения, вовсе для меня не интересно, то вы можете и не рассказывать мне.

— Напротив, ваше сиятельство, оно интересно для вас так же, как и для всех живущих в этом доме.

— А! а! Что же это?

— Начальник этих солдат поставил часовых около дома.

— Хорошо, нам нечего бояться нападения буканьеров, которых вы так боитесь. Я пойду поблагодарить офицеров.

— Это как вам угодно, ваше сиятельство, только это будет для вас трудно.

— Почему же?

— Потому что отдан приказ всех впускать в дом, а из дома не выпускать никого.

Трепет пробежал по жилам молодого человека при этих словах; он страшно побледнел, но, сделав усилие над собою, отвечал небрежным тоном:

— Это запрещение не может касаться меня.

— Извините, ваше сиятельство, оно касается всех.

— Итак, вы думаете, что если я захочу выйти?..

— Вас не пустят.

— Черт побери! Это довольно неприятно, не потому, чтобы я имел намерение уйти, но мне по моему характеру нравится все, что мне запрещают.

— Вы не прочь бы прогуляться, ваше сиятельство?

Дон Санчо взглянул на Бирбомоно, как будто хотел прочесть в глубине его сердца.

— А если действительно я намерен?— сказал он наконец.

— Я берусь вывести вас.

— Вы?

— Ведь я майордом.

— Это правда, стало быть, запрещение не касается вас.

— Оно касается меня так же, как и других; но солдаты не знают этого дома так, как знаю я; я проскользну у них из рук, когда захочу.

— Мне очень хотелось бы попробовать.

— Попробуйте, ваше сиятельство. Я приготовил трех лошадей в таком месте, где никто другой не найдет.

— Для чего три лошади?— спросил молодой человек.

— Потому что, верно, вы имеете намерение отправиться на прогулку не с одним со мной, а, верно, хотите взять еще кого-нибудь.

Дон Санчо понял, что майордом угадал его мысли, и тотчас же решился.

— Будем вести открытую игру,— сказал он,— можешь ли ты быть верен?

— Я верен и предан также, ваше сиятельство, вы имеете на это доказательство.

— Кто мне поручится, что ты не расставляешь мне засаду?

— Для чего?

— Для того, чтобы получить награду от графа.

— Нет, ваше сиятельство, никакая награда не заставит меня изменить моей госпоже; я люблю донну Клару, которая всегда была добра ко мне и часто меня защищала.

— Я тебе верю, притом мне некогда рассуждать с тобой; только вот мои условия: пулю в голову, если ты мне изменишь; тысячу пиастров, если останешься мне верен. Согласен?

— Согласен, ваше сиятельство. Пиастры мои.

— Ты знаешь, что я напрасно не угрожаю.

— Я вас знаю.

— Хорошо; что же надо делать?

— Только следовать за мной; наш побег будет самый легкий; я все приготовил тотчас по приезде; я подозревал, увидев этих демонов солдат; подозрения мои скоро перешли в уверенность, как только я ловко стал расспрашивать направо и налево; преданность к госпоже сделала меня проникательным; вы видите, что я хорошо поступил, приняв предосторожности.

Тон, которым майордом произнес эти слова, имел такой отпечаток истины, физиономия его была так чистосердечна, что последние подозрения молодого графа рассеялись.

— Подожди меня,— сказал он.— я схожу за сестрой.

Он удалился большими шагами.

— Э!— сказал с усмешкой Бирбомоно, оставшись один.— Я не знаю, будет ли доволен сеньор дон Стенио Бехар, когда жена, которую он думал захватить, убежит от него; бедная сеньора! Она так добра ко всем нам, что было постыдно изменить ей. Притом этот добрый поступок принесет мне тысячу пиастров,— прибавил Бирбомоно, потирая себе руки,— это довольно хорошая цифра.

Было около одиннадцати часов вечера; майордом позаботился, чтобы все огни в доме были погашены, невольники были отосланы спать, торжественная тишина тяготела над природой, тишина, прерываемая только в равных промежутках часовыми, которые однообразными голосами перекликались между собою.

Дон Санчо воротился с сестрой, закутанной, так же как и он, в длинный плащ. Донна Клара не говорила ничего, но, подойдя к майордому, протянула ему правую руку, которую тот почтительно поднес к своим губам. Хотя офицеры велели солдатам караулить старательно не только дом, но и окрестности, те, напуганные темнотой и мрачной и таинственной глубиной окружавшего их леса, неподвижно стояли за деревьями, перекликаясь только каждые полчаса, но не отваживаясь отходить даже на несколько шагов от убежища, которое они выбрали себе. Причины этой трусости были просты; хотя мы их уже объяснили, мы их повторим для большей ясности.

Первое время высадки буканьеров в Сан-Доминго отряды, которые губернатор посылал в погоню за ними, были вооружены мушкетами, но после нескольких встреч с французами, встреч, в которых французы их страшно разбили, страх солдат к авантюристам сделался так велик, что, как только их посылали против этих людей, которых они считали почти демонами, как только они входили в леса, или в ущелья гор, или даже в степи, где они могли предполагать, что буканьеры сидят в засаде, они начинали стрелять из мушкетов, чтобы предупредить неприятеля и заставить его удалиться. Из этих искусных маневров происходило то, что авантюристы действительно уходили и становились неуловимыми; губернатор, приметив этот результат, наконец угадал причину; тогда для того, чтобы устранить подобные факты, он отнял мушкеты у солдат и дал им копья; спешим прибавить, что эта перемена была вовсе не по вкусу храбрым солдатам, которые видели себя снова подверженными ударам своих грозных врагов.

Майордом и два лица, которым он служил проводником, не будучи принуждены принимать других предосторожностей, кроме как идти тихо и не говорить, успели выйти из дома с противоположной стороны от того места, где

солдаты раскинулись биваком. Пройдя линию часовых, беглецы пошли скорее и скоро достигли чащи, среди которой три лошади в полной упряжи были так хорошо спрятаны, что их не мог найти тот, кто не знал, что они находятся тут; для большей предосторожности, чтобы не допустить их заржать, майордом завязал им веревкой морды.

Как только три путешественника сели на лошадей, Бирбомоно обратился к дону Санчо:

— Куда мы едем, ваше сиятельство?

— Вы знаете, где расположились буканьеры, которых мы с вами встретили сегодня?— отвечал молодой человек.

— Знаю, ваше сиятельство.

— Вы думаете, что найдете это место в темноте?

Майордом улыбнулся.

— Ничего не может быть легче,— сказал он.

— Отведи же нас к этим негодяям.

— Хорошо, только, ваше сиятельство, не гоните вашу лошадь; мы еще слишком близко от дома; малейшая неосторожность может поднять тревогу.

— Вы думаете, что они осмелятся преследовать нас?

— Поодиночке, конечно, нет, но так как их много, они решатся, тем более что, как я слышал, они уверены в том, что буканьеры никогда еще сюда не приходили, что удваивает их храбрость, доказательство которой они не прочь были бы дать за наш счет.

— Справедливое рассуждение; распоряжайтесь нашей ездой, как найдете нужным; мы будем действовать по вашим советам.

Отправились в путь. Кроме предосторожностей, которые необходимо было принимать, путешествие это не имело в себе ничего неприятного, в ясную душистую ночь под небом, усеянным блестящими звездами, среди восхитительного пейзажа, малейшие подробности которого позволяла угадывать прозрачность атмосферы.

Через час после езды умеренной рысью поехали скорее, а потом поскакали галопом. Донна Клара, пригнувшись к шее своей лошади, жадно устремив глаза вперед, как будто обвиняла медленность езды, которая, однако, приобрела лихорадочную быстроту погони; иногда она поворачивалась

к брату, который ехал рядом с нею, и спрашивала прерывающимся голосом:

— Скоро мы приедем?

— Скоро, имей терпение, сестра,— отвечал молодой человек, подавляя вздох сострадания к сестре, сжимавший сердце его в тоске.

Уже звезды гасли на небе, атмосфера делалась свежее, горизонт покрывался широкими перламутровыми полосами, легкий морской ветерок доносил до путешественников свое едкое благоухание, ночь прошла. Вдруг в ту минуту, когда всадники выезжали из леса, в котором уже целый час они ехали по тропинке, проложенной дикими волами, и въезжали в степь, майордом, ехавший на несколько шагов впереди остановил свою лошадь и, наклонившись назад, вскричал голосом, прерывавшимся от волнения:

— Остановитесь, ради Бога!

Молодые люди остановились, дрожа, но не понимая этого приказанья. Майордом наклонился к ним.

— Смотрите!— шепнул он, протянув руку к степи.

Звук быстрого галопа, приближавшийся каждую секунду, донесся до слуха их, потом почти тотчас они увидели сквозь занавес листьев нескольких всадников, мчавшихся как ураган. Ветка сорвала шляпу с одного из всадников.

— Дон Стенио!— с испугом вскричала донна Клара.

— Только что мы успели!— вскричал дон Санчо.

XXIX

ХОД СОБЫТИЙ УСКОРЯЕТСЯ

Всадники продолжали бешено скакать, не примечая беглецов; один из них, однако, при крике донны Клары сделал движение, чтобы удержать свою лошадь, но, предположив, без сомнения, что он был игрушкой обманчивой мечты, после минутной нерешимости последовал за своими спутниками, к большому счастью для себя, потому что дон Санчо схватил уже пистолет, решившись прострелить ему голову.

Несколько минут беглецы оставались неподвижны, наклонив головы вперед, прислушиваясь к галопу лошадей, топот которых быстро утихал и скоро замер вдали, смешавшись с ночным шумом. Тогда они перевели дух, и дон Санчо опять вложил в луку седла пистолет, который до сих пор держал в руке.

— Гм!— прошептал он.— Горячая была тревога, только густой куст помешал им увидеть нас.

— Слава Богу!— прошептала донна Клара.— Мы спасены!

— То есть мы спасаемся, сестра,— отвечал молодой человек, будучи не в состоянии удержаться от маленькой насмешки, как ни важны были обстоятельства.

— Они скачут как бы уносимые на крылах ветра,— сказал майордом,— нам нечего их опасаться.

— Поедьте же,— продолжал дон Санчо.

— Да, да, поедьте,— прошептала донна Клара.

Они выехали из чащи, представлявшей им такое надежное убежище, на равнину. Небо прояснилось, и хотя солнце было еще ниже горизонта, однако влияние его уже давало чувствовать себя; природа выходила из своего ночного сна; уже птицы просыпались на ветвях деревьев с тихим щебетаньем; мрачные силуэты диких зверей виднелись в высокой траве, увлажненной росой; хищные птицы распускали свои могучие крылья, как будто хотели полететь к солнцу и приветствовать его при восхождении; словом; это была уже не ночь и еще не день.

— Э! Что я вижу там на вершине горы!— сказал вдруг дон Санчо.

— Где?— спросил Бирбомоно.

— Там, перед нами.

Майордом оттенил рукою глаза и внимательно посмотрел.

— Ей-Богу!— вскричал он через минуту.— Это человек.

— Человек?

— Право, так, ваше сиятельство, и, насколько я могу различить, это караиб.

— Черт побери! Что же он делает на этом пригорке?

— В этом нам легко будет удостовериться через минуту, если только он не улепетнет от нас.

— Поедемте же к нему скорее, ради Бога!

— Брат мой,— возразила донна Клара,— к чему нам замедлять наш путь, когда мы так торопимся?

— Это правда,— сказал молодой человек.

— Успокойтесь, сеньора,— продолжал майордом,— этот пригорок находится на нашем пути, нам непременно надо проехать мимо.

Донна Клара молча потупила голову, и все поехали дальше, потому что во время этого разговора всадники остановились. Они скоро доехали до пригорка, на который поднялись галопом. Караиб не сходил с места, но всадники остановились, пораженные оцепенением, когда увидели, что он не один. Индеец, встав на колена на земле, по-видимому, оказывал помощь человеку, распростертому около него и начинавшему приходить в себя.

— Фра Арсенио!— вскричала донна Клара, увидев этого человека.— Боже мой, он умер!

— Нет,— отвечал индеец кротким голосом и обернувшись к ней,— но его страшно пытали.

— Пытали!— вскричали все присутствующие.

— Взгляните на его руки,— продолжал караиб.

Испанцы вскрикнули от ужаса и сострадания при виде окровавленных и распухших пальцев бедного монаха.

— О, это ужасно!— прошептали они с горестью.

— Злодей!— сказал дон Санчо.— Это ты истерзал его.

Караиб с пренебрежением пожал плечами.

— Бледнолицый помешался,— сказал он,— мои братья не мучат начальников молитвы, они уважают их. Это такие же белые, как и он сам, так страшно его пытали.

— Объяснитесь, ради Бога!— продолжала донна Клара.— Каким образом этот достойный монах находится здесь в таком жалком положении?

— Лучше пусть он сам объяснится, когда придет в чувство. Прыгун знает немного,— отвечал караиб.

— Это правда,— сказала донна Клара, сходя с лошади и становясь на колена возле раненого,— бедняжка, какие страшные страдания он должен претерпевать!

— Итак, вы ничего не можете нам сказать?— спросил дон Санчо.

— Почти ничего,— отвечал караиб,— вот все, что я знаю.

Он рассказал, каким образом монах был поручен ему, как он служил ему проводником до тех пор, пока, встретившись с белыми, монах отпустил его, чтобы присоединиться к ним.

— Но,— прибавил караиб,— не знаю почему, тайное предчувствие не допускало меня удалиться; вместо того, чтобы уйти, я спрятался в кусты и присутствовал невидимо при пытке, которой они его подвергали, принуждая открыть тайну, которую он открывать не хотел; наконец, побежденные его твердостью, они бросили его полумертвого, тогда я кинулся к нему на помощь — вот все, что я знаю; язык у меня не лживый, ложь никогда не оскверняла губ Прыгуна.

— Простите мне неприятные слова, которые я произнес в первую минуту; я был ослеплен гневом и горестью,— сказал дон Санчо, протянув руку караibu.

— Бледнолицый молод,— улыбаясь, отвечал караиб,— язык его действует скорее сердца.

Он взял руку, так чистосердечно протянутую ему, и дружелюбно пожал.

— О! о!— сказал майордом, качая головой и наклоняясь к уху дон Санчо.— Или я очень ошибаюсь, или тут замешан дон Стенио.

— Это невозможно!— с ужасом сказал дон Санчо.

— Вы не знаете вашего зятя, ваше сиятельство, это натура слабая, а все слабые натуры злы; поверьте мне, я знаю наверно то, что вам говорю.

— Нет, нет! Это было бы слишком ужасно.

— Боже мой!— сказала тогда донна Клара.— Мы не можем оставаться здесь долее, однако мне не хотелось бы бросить таким образом этого бедного человека.

— Возьмем его с собой,— с живостью сказал дон Санчо.

— Но его раны позволят ли ему перенести утомительный и длинный переезд?

— Мы почти приехали,— сказал майордом и, обернувшись к караibu, прибавил:— Мы едем к букану двух буканьеров, которые со вчерашнего дня охотятся в лесу.

— Хорошо,— сказал караиб,— я провожу бледнолицых по узкой тропинке; они приедут прежде, чем солнце поднимется на горизонт.

Донна Клара села на лошадь, монаха осторожно положили перед майордомом, и маленький отряд опять отправился в путь шагом, под предводительством карайба.

Бедный фра Арсенио не подавал другого признака жизни, кроме глубоких вздохов, которые время от времени приподнимали его грудь, и стонов, вырывааемых горестью. Через три четверти часа езды, по милости той дороги, по которой провел их караиб, они доехали до букана. Он был пуст, но не брошен, как показывали воловьи шкуры, еще разложенные на земле, и копченое мясо, висевшее на вилах. Вероятно, авантюристы были на охоте. Путешественников раздосадовала эта неудача, но Прыгун вывел их из затруднения.

— Пусть не тревожатся бледнолицые, — сказал он, — начальник предупредит своих белых друзей, а в их отсутствие бледнолицые могут брать все, что находится здесь.

Подавая пример, караиб приготовил постель из сухих листьев, которую накрыл мехами, а на них, с помощью майордома, осторожно положил раненого, потом развел большой огонь и, в последний раз повторив беглецам уверение, что им нечего бояться, удалился, скользя как змея в высокой траве.

Майордом, достаточно знавший нравы авантюристов, с которыми он имел кое-какие сношения, хотя всегда очень осторожный, потому что, несмотря на то, что он хвастался своей храбростью, они внушали ему суеверный страх, успокоил своих господ, уверив их, что гостеприимство до того священно между буканьерами, что если бы они даже были самые ожесточенные враги их, а не гости, так как они приехали по их формальному приглашению, то и тогда им нечего было бы опасаться с их стороны.

По милости попечений, которые не переставала расточать ему донна Клара, бедный монах пришел в себя. Сначала он был очень слаб, но мало-помалу собрался настолько с силами, чтобы рассказать донне Кларе, что с ним случилось после их разлуки. Рассказ этот, конец которого согласовался во всех подробностях с рассказом карайба, привел донну Клару в оцепенение, которое скоро перешло в испуг, когда она подумала о страшных

опасностях, угрожавших ей. В самом деле, какой помощи она могла ожидать? Кто осмелится защитить ее против мужа, высокое положение и всемогущая власть которого уничтожат все ее усилия для того, чтобы избавиться от его мщения?

— Не теряйте мужества, дочь моя,— прошептал монах с нежным состраданием,— Бог выше человека! Уповайте на Него, Он вас не оставит, Он поспешит к вам на помощь и поможет вам.

Донна Клара, несмотря на свое полное упование в могущество Провидения, отвечала на эти утешения слезами и рыданиями; она чувствовала, что она погибла.

Дон Санчо ходил большими шагами перед палаткой буканьеров, кусал усы, топал с гневом ногою и перебирал в голове самые безумные планы.

— Ба!— пробормотал он наконец.— Если этот демон не захочет образумиться, я прострелю ему голову, и делу конец!

Очень довольный тем, что после таких усилий он нашел этот способ избавить сестру от насильственных мер, к которым, может быть, желание мщения побудило бы дона Стенио, молодой человек закурил сигару и терпеливо ждал возвращения буканьеров, совершенно успокоившись насчет будущего.

Майордом, почти равнодушный к тому, что происходило вокруг него, и радуясь обещанной награде, не терял времени; рассудив, что буканьеры по возвращении будут рады найти готовый завтрак, он поставил на огонь чугунок с огромным куском говядины и с большим количеством воды, вместо хлеба положил под золу иньям, потом начал готовить перечный соус, необходимую приправу буканьерского стола.

Беглецы уже часа полтора находились в букане, когда услышали страшный лай и десятка два собак с воем бросились к ним, но громкий свист, хотя отдаленный, призвал их, и они быстро убежали.

Через несколько минут испанцы заметили двух буканьеров; они шли с необыкновенной быстротой, хотя оба несли на плечах по крайней мере сто фунтов, и, кроме того, с ними было оружие и весь охотничий наряд. Первым

их старанием при входе в букан было бросить на землю десять воловьих шкур, свежих и отвратительно покрытых кровью и жиром. Потом они подошли к приезжим, которые, со своей стороны, встали их принять. Собаки как будто поняли, что они должны сохранять строгий нейтралитет, легли в траву, устремив, однако, пылкие глаза на испанцев, вероятно готовые прыгнуть им на горло по первому сигналу.

— Милости просим,— сказал Польшэ, снимая шляпу с вежливостью, которую трудно было предположить, видя его грубую наружность,— пока вам угодно будет остаться здесь, мы будем считать вас братьями; все, что мы имеем, принадлежит вам, располагайте всем как заблагорассудите, так же как и руками нашими, если вам представится случай требовать нашей помощи.

— Благодарю вас от имени моих спутников, кабальеро, я принимаю ваше любезное приглашение,— отвечала донна Клара.

— Женщина!— вскричал Польшэ с удивлением.— Извините меня, сеньора, я вас не узнал.

— Я та самая донна Клара Бехар, которой, как мне сказали, вы должны отдать письмо.

— Стало быть, милости просим еще раз, сеньора; письмо это поручено не мне, а моему товарищу.

— Черт побери!— вскричал Олонец, подходя к больному.— Прыгун говорил нам, что этому бедному монаху порядком досталось, но я не ожидал найти его в таком жалком положении.

— В самом деле,— сказал Польшэ, нахмутив брови,— я не очень религиозен, но посовестился бы поступить таким образом с монахом; только язычник способен на подобное преступление.

Тут с заботливостью, истинно сыновней и возбуждавшей в испанцах восторг, грубый авантюрист начал облегчать нестерпимые страдания раненого, что по милости продолжительной практики в лечении ран всякого рода удалось ему вполне, и фра Арсенио заснул живительным сном. В это время Олонец отдал донне Кларе письмо, порученное ему Монбаром, и молодая женщина отошла в сторону прочесть его.

— Скажите пожалуйста,— весело сказал Олонец, ударив майордома по плечу,— вот какой умный молодец, он подумал о существенном, завтрак готов!

— Если так,— сказал Польшэ, значительно подмигнув своему товарищу,— закусим вдвойне, у нас скоро будет дело.

— Разве мы не подождем возвращения индейского начальника?— спросил дон Санчо.

— Для чего?— смеясь, отвечал Олонец,— не беспокойтесь о нем, сеньор, он недалеко; у каждого из нас есть свое дело.

— А у вас, должно быть, чутье очень тонкое, сеньор,— сказал Польшэ,— вы так скоро явились на наше приглашение.

— Как это?

— Вы скоро это узнаете; но послушайте меня, набирайтесь сил, кушайте.

В эту минуту донна Клара присоединилась к обществу; осанка ее была тверже, а лицо почти веселое. Завтрак был скоро готов; листья служили вместо тарелок; сели не за стол, а на землю и храбро принялись за провизию. Дон Санчо сделался очень весел; эта жизнь казалась ему очаровательна; он хохотал как сумасшедший и ел с аппетитом; даже донна Клара, несмотря на свою озабоченность, сделала честь этому импровизированному пиршеству.

— Ну, мои красавчики,— сказал Польшэ своим собакам,— не ленитесь, ступайте караулить окрестности, пока мы будем завтракать; вашу долю вам оставят.

Собаки вскочили, разбежались во все стороны и скоро исчезли.

— Какие у вас славные собаки!— сказал дон Санчо.

— Вы, испанцы, знаете в собаках толк,— отвечал буканьер с лукавым видом.

Граф почувствовал насмешку, но не хотел возражать. Действительно, испанцы в Сан-Доминго ввели странный обычай дрессировать собак в погоню за индейцами.

Завтрак кончился и самое чистосердечное дружелюбие не прекращалось во все время. Когда господа позавтракали, настала очередь собак. Олонец свистнул им, и в одно мгновение они собрались вокруг него, а он раздал им пищу

по равной доле. Буканьеры, предоставив гостям свободу употреблять время как хотят, занялись приготовлением шкур.

Несколько часов прошло таким образом. К трем часам пополудни одна собака залаяла и тотчас замолчала. Мы забыли сказать, что после завтрака, по знаку Олонца, собаки воротились к своему посту. Буканьеры переглянулись.

— Один!— сказал Олонец.

— Два!— почти тотчас отвечал Польшэ, когда лай другой собаки раздался в противоположном направлении.

Скоро, как электрическая искра, лай собак раздался с необыкновенной быстротой со всех сторон. Между тем ничто по наружности не оправдывало эти предостережения караульных; не слышалось никакого подозрительного шума, степь казалась погружена в самое полное уединение.

— Извините, кабальеро,— сказал дон Санчо Польшэ, который продолжал работать с прежним усердием, лукаво посмеиваясь со своим товарищем.— Позвольте мне сделать вам вопрос.

— Спрашивайте, сеньор; спрашивать иногда бывает хорошо; притом, если этот вопрос мне не понравится, я могу и не ответить; не так ли?

— О! Совершенно так.

— Говорите же без опасения, я слушаю вас.

— Вот уже несколько минут ваши собаки подают вам сигналы, так по крайней мере предполагаю я.

— Вы предполагаете справедливо, это действительно сигналы.

— А не будет ли нескромно спросить вас, что значат эти сигналы?

— Вовсе нет, сеньор, тем более что они должны интересовать вас столько же, как и нас.

— Я вас не понимаю.

— Вы сейчас поймете; эти сигналы значат, что степь в эту минуту занята отрядами солдат, которые идут сюда, чтобы окружить нас со всех сторон.

— Черт побери!— вскричал молодой человек, вздрогнув от удивления.— Это вас не волнует?

— Для чего тревожиться заранее? У меня с моим

товарищем была очень спешная работа, которую нам надо было закончить; теперь она кончена, и мы подумаем, как нам поступить.

— Но нам невозможно сопротивляться такому множеству врагов. Мы с сестрою подвергаемся большой опасности, и мы не теряя ни минуты должны бежать.

— Бежать!— сказал буканьер с насмешкой.— Полноте! Вы смеетесь, сеньор, мы обведены непроходимым кругом.

— Стало быть, мы погибли.

— Как вы скоро решили! Напротив, погибли они.

— Они? Но ведь нас только четверо против ста.

— Вы ошибаетесь; там двести человек; на каждого из нас придется по пятидесяти. Свистни собакам, Олонец, теперь они бесполезны. Смотрите, видите вы наконец?

Он протянул руку перед собой. Длинные копья испанских солдат виднелись над высокой травой. Польшэ не солгал; эти копья составляли круг, суживавшийся все более и более около букана.

— Красиво это?— прибавил буканьер, поглаживая дуло своего длинного ружья.— Сеньора, сядьте возле раненого.

— О, позвольте мне выдать себя!— вскричала она с порывом.— Эта ужасная опасность угрожает вам из-за меня.

— Сеньора!— продолжал буканьер, ударив себя в грудь с необыкновенным величием.— Вы находитесь под охраною моей чести, и клянусь Богом, что пока я жив, никто не осмелится коснуться вас пальцем. Сядьте возле раненого.

Невольно подчиняясь тону, которым буканьер произнес эти слова, донна Клара поклонилась и молча села у изголовья фра Арсенио, который все спал.

— Теперь, кабальеро,— обратился Польшэ к дону Санчо,— если вы никогда не присутствовали при экспедиции буканьеров, я обещаю вам, что вы увидите славный праздник и что он доставит вам удовольствие.

— Что ж?— беззаботно отвечал молодой человек.— Будем драться, если нужно; пасть в сражении — смерть прекрасная для дворянина.

— Вы славный молодой человек,— сказал буканьер, дружески ударив его по плечу,— из вас выйдет кое-что.

Солдаты все приближались, а круг все суживался.

МОНБАР ИСТРЕБИТЕЛЬ

На несколько минут зловещая и грозная тишина тяжело нависла над степью. По свисту Олонца собаки стали позади своих хозяев; потупив головы, оскалив острые зубы, сверкая глазами, они ждали приказа броситься вперед, но не только не лаяли, даже не ворчали.

Олонец, опираясь на свое длинное ружье, спокойно курил трубку, бросая насмешливые взгляды вокруг. Польшэ очень хладнокровно приводил в порядок утварь букана, взятую с места для работ, которыми он занимался утром. Майордом, хотя внутренне беспокоился о последствиях этой битвы, столь несоразмерной, старался, однако, не унывать, но он понимал, что если он попадет в руки своего господина, то он не должен ждать от него никакой пощады, так как он пошел наперекор его плану, способствуя побегу графини. Дон Санчо Пеннафлор, несмотря на природную беззаботность и задорливый характер, также несколько тревожился, потому что, будучи офицером в испанской армии, он должен был занимать место в рядах не буканьеров, а солдат, приготавливавшихся их атаковать. Донна Клара, стоя на коленях возле монаха, сложив руки, подняв глаза к небу, с лицом, орошенном слезами, горячо молилась, испрашивая защиты Всемогущего. Фра Арсенио спокойно спал.

Таков был живописный и величественный вид букана в эту минуту; четыре человека холодно приготавливались бороться против двухсот человек регулярного войска, от которых, как они знали, им нельзя было ждать никакой пощады, но которых их безумное сопротивление должно было раздражить и побудить к жестоким мерам.

Между тем круг все суживался и уже головы солдат начали показываться над высокой травой.

— Э! э! — сказал Польшэ, потирая свои жесткие руки с радостным видом. — Кажется, пора начать пляску; что ты скажешь, мой милый?

— Да, пора, — отвечал работник, взяв головню.

— Смотрите, не трогайтесь с места,— сказал Польша обоим испанцам,— а то вам придется плохо.

Он сделал на этом последнем слове насмешливое ударение.

Буканьеры, устраивая свой букан, вырвали траву шагов на тридцать около палатки; трава эта, высохшая от солнца, была положена на краю очищенного места. Олонец положил ружье, прямо подошел к этой траве, зажег ее, потом воротился к своим товарищам. Вспыхнувшее пламя тотчас распространилось по всем направлениям, и скоро большая часть степи представляла вид обширного горнила. Буканьеры смеялись над тем, что им казалось превосходной шуткой. Испанцы, застигнутые врасплох, вскрикнули от ужаса и бросились назад, преследуемые пламенем, которое распространялось постоянно в их сторону. Но было очевидно, что авантюристы не имели намерения сжечь живьем несчастных испанцев; трава загоралась и потухала необыкновенно быстро; буканьеры только хотели возбудить панический страх в своих врагах и произвести в них беспорядок, в чем вполне и успели. Солдаты бежали с криками ужаса перед этим огненным морем, не оглядываясь, не повинаясь приказаниям своих начальников и думая только, как бы избавиться от ужасной опасности, угрожавшей им.

В это время Польша холодно объяснял дону Санчо вероятный результат придуманного им способа.

— Видите ли, сеньор,— говорил он,— пожар этот не значит ничего; через несколько минут все погаснет; если эти люди трусы, то мы отделались от них, а если нет, они воротятся, и тогда дело выйдет серьезное.

— Но если вы признаете недействительность этого способа, для чего вы его употребили? По моему мнению, он скорее вреден, чем полезен для нашей защиты.

Буканьер несколько раз покачал головой.

— Вы неправы,— сказал он,— я имел несколько причин для того, чтобы действовать таким образом. Во-первых, ваши соотечественники, если даже вы считаете их храбрыми, теперь растерялись, и очень трудно будет воротить им мужество, которого у них уже нет; с другой стороны, мне хотелось немножко осмотреться вокруг при

свете огня и очистить степь. Потом,— прибавил он с лукавым видом,— почему вы знаете, что огонь, зажженный мною, не сигнал?

— Сигнал!— вскричал дон Санчо.— Так у вас здесь недалеко есть друзья?

— Как знать? Мои товарищи, сеньор, большие непоседы, и часто их встречаешь там, где меньше всего ждешь.

— Признаюсь, я не понимаю ни слова.

— Потерпите, сеньор, потерпите! Вы скоро поймете, уверяю вас, и для этого вам не нужно будет никаких особенных усилий ума. Олонец,— обратился он к своему товарищу,— кажется, тебе не худо идти туда теперь?

— Правда,— отвечал Олонец, небрежно бросив ружье на плечо,— он должен меня ждать.

— Возьми с собою собак.

— Для чего?

— Чтобы найти дорогу, мой милый. Теперь нетрудно заблудиться; посреди этого пепла все следы сбились.

Олонец позвал нескольких собак по именам и ушел.

— Посмотрите,— продолжал Польша, указывая на Олонца, который шел так скоро, что казалось, будто он бежит,— какой красавец! А он, однако, только два месяца в Америке; предсказываю вам, что через три года это будет один из самых знаменитых авантюристов.

— Вы его купили?— спросил дон Санчо, не очень интересуясь этими подробностями, не имевшими для него никакой важности.

— К несчастью, нет; его дали мне только на несколько дней; он обязанный работник Монбара Истребителя. Я давал за него двести пиастров, он не хочет мне продать.

— Как!— вскричал молодой человек.— Монбар, знаменитый флибустьер?

— Он сам, это мой друг.

— Стало быть, он здесь, в окрестностях?

— Это, сеньор, входит в категорию тех обстоятельств, о которых вы скоро узнаете.

Как предвидел буканьер, пожар погас так же скоро, как вспыхнул, по недостатку пищи в степи, где росла только трава и кое-какой хворост. Испанцы укрылись на берегу реки, песчаные берега которой предохранили их от

огня. Лес, слишком отдаленный от центра пожара, остался невредим, хотя несколько огненных языков, угасая, коснулись первых деревьев. Из букана легко было видеть, как испанские офицеры старались восстановить порядок между их отрядами, чтобы, без сомнения, предпринять новую атаку, которая, однако, по-видимому, нисколько не тревожила Польшу. Между офицерами особенно был замечен один; он был верхом и чрезвычайно суетился, чтобы опять составить ряды; другие офицеры поочередно подходили к нему за приказаниями. Этого офицера дон Санчо узнал с первого взгляда.

— Вот чего я боялся, — прошептал он, — граф сам командует этой экспедицией; мы погибли.

Действительно, это был дон Стенио Бехар. Приехав в дель-Ринкон на рассвете и узнав о побеге графини, он сам захотел командовать экспедицией.

Положение авантюристов было критическое. После ухода Олонца их осталось только трое, в голой степи, без всяких окопов, а между тем уверенность буканьера не уменьшалась, и он с ироническим видом рассматривал приготовления неприятеля.

Испанцы, с большим трудом приведенные в порядок стараниями своих офицеров, наконец снова направились на букан с такими же предосторожностями, как и прежде, то есть составя круг, чтобы совершенно оцепить букан.

Но солдаты шли медленно, осторожно по земле, едва остывшей, которая могла скрывать новую засаду. Граф, указывая своей шпагой на букан, напрасно подстрекал солдат ускорить шаги и покончить разом с негодьями, осмеливавшимися сопротивляться войскам его величества; солдаты не слушали и шли очень осторожно; спокойствие и мнимая беззаботность врагов пугали их более неприятных демонстраций и, по их мнению, должны были заключать в себе какую-нибудь страшную засаду.

В эту минуту положение усложнилось одним странным эпизодом: пирога показалась на реке и пристала к тому самому месту, которое испанцы оставили только несколько минут тому назад. В этой пироге сидело пять человек: три авантюриста и два испанца. Авантюристы сошли на землю так спокойно, как будто были одни, и, толкая испанцев

перед собой, решительно направились к солдатам. Те, удивленные и сбитые с толку такой смелостью, смотрели на них, не смея сделать ни малейшего движения, чтобы не пустить их пройти. Эти три авантюриста были Монбар, Мишель и Олонец, за ними шло восемь собак; оба испанца шли безоружные впереди, тревожась за свою участь, как показывали бледность их лица и испуганные взгляды, которые они бросали вокруг. Граф Бехар, приметив авантюристов, вскрикнул от бешенства и бросился к ним навстречу с поднятой шпагой.

— Руби! Руби этих негодяев!— вскричал он.

Солдаты, стыдясь, что их не боятся три человека, повернулись и решительно бросились на них. Авантюристы были окружены в одно мгновение; не испугавшись этого маневра, они тотчас остановились друг к другу плечом к плечу; они, таким образом, могли обороняться со всех сторон. Солдаты инстинктивно остановились.

— Смерть им!— закричал граф.— Нечего щадить негодяев!

— Молчать!— отвечал Монбар.— Прежде чем угрожать, послушайте, какие известия привезли вам эти два курьера.

— Схватите этих негодяев!— снова закричал граф.— Убейте их как собак!

— Полноте!— продолжал Монбар с иронией.— Вы с ума сошли! Схватить нас! Попробуйте-ка!

Три авантюриста, вынув горлянки с порохом, висевшие у них за поясом, высыпали порох в свои шапки, а сверх пороха побросали пули из ружей и держали каждый в одной руке шапку, превратившуюся таким образом в брандер, а в другой — зажженную трубку.

— Будьте осторожны, братья!— продолжал Монбар.— А вы, негодяи, пропустите нас, если не хотите, чтобы мы взорвали всех вас на воздух!¹

Твердыми шагами три авантюриста подошли к испанцам, пораженным ужасом и ряды которых расступились, чтобы пропустить их.

— О!— с насмешкой прибавил Монбар.— Не бойтесь,

1

Этот поступок, несправедливо приписываемый разным буканьерам, действительно принадлежит Монбару.!

мы не убежим, мы хотим только добраться до наших товарищей.

Таким образом, двести человек боязливо следовали в почтительном отдалении за тремя флибустьерами, которые, куря на ходу, чтобы не дать трубкам погаснуть, насмехались над трусостью испанцев. Польшэ был вне себя от восторга, а дон Санчо не знал, чему он должен удивляться более, безумной ли отваге французов или трусости своих соотечественников.

Таким образом, авантюристы соединились со своими товарищами, не будучи ни на минуту потревожены испанцами, несмотря на довольно продолжительный путь. Несмотря на просьбы и увещания, граф добился от солдат только того, чтобы они продолжали идти вперед, а не отступали, как они намеревались.

Но в то время, как авантюристы влекли солдат за собой и сосредоточили все внимание на себе, случилось одно обстоятельство, которое граф приметил слишком поздно и которое начало внушать ему серьезное беспокойство относительно результата этой экспедиции. Позади круга, образуемого испанскими солдатами, составилась другой круг как бы по волшебству из буканьеров и краснокожих караيبов, во главе которых виднелся Прыгун. Буканьеры и индейцы действовали так разумно, так быстро и в особенности так тихо, что испанцы были окружены уже железной сетью, прежде чем успели догадаться об угрожавшей им опасности. Граф вскрикнул от бешенства, солдаты отвечали ему криком ужаса. Действительно, положение было чрезвычайно критическое для несчастных испанцев. Только одно чудо могло избавить их от смерти. Дело шло уже не о том, чтобы сражаться против нескольких человек, решительных, это правда, но с которыми численность могла наконец совладать; флибустьеров было по крайней мере двести, и со своими союзниками карайбами они составляли отряд в пятьсот человек, храбрых как львы, тремястами более испанцев; те поняли, что они погибли.

Дойдя до букана, Монбар тотчас пожал руки Польшэ и, похвалив его за то, что он успел выиграть время; занялся со своими товарищами приведением в порядок пороха и

пуль, рассудив, вероятно, что теперь они сделались бесполезны.

Пока флибустьер занимался этим, донна Клара, бледная как смерть, устремила на него пылкий взор, не смея, однако, приблизиться к нему. Наконец, она отважилась сделать несколько шагов и, сложив руки с мольбой, прошептала дрожащим голосом:

— Я здесь.

Монбар вздрогнул при звуке этого голоса и побледнел, но, сделав усилие над собою и смягчив несколько жесткое выражение своего взгляда, отвечал, вежливо поклонившись:

— Я пришел сюда только для вас, сеньора; я сейчас буду иметь честь явиться к вашим услугам; позвольте мне только позаботиться о том, чтобы разговор наш происходил спокойно.

Донна Клара потупила голову и воротилась сесть у изголовья больного. Авантюристы все подвигались. Они находились только на расстоянии десяти шагов от испанцев, ужас которых увеличивался от этого неприятного соседства.

— Эй, братья!— закричал Монбар громким голосом.— Остановитесь, пожалуйста!

Флибустьеры немедленно остались неподвижны.

— А вы,— обратился Монбар к солдатам,— бросьте ваше оружие, если не хотите быть немедленно расстреляны.

Все копья и все шпаги солдат упали на землю с таким согласием, которое показывало их желание, чтобы эта угроза не была исполнена.

— Отдайте вашу шпагу,— сказал Монбар графу.

— Никогда!— вскричал граф, подскакав с поднятой шпагой к флибустьеру, от которого он находился на расстоянии только четырех шагов.

В эту минуту раздался выстрел, и шпага разлетелась вдребезги; граф был обезоружен. Схватив одной рукой лошадь за узду, Монбар другой рукой снял графа с седла и бросил его наземь.

— Что за дьявольская мысль одному идти против пятисот!— смеясь, сказал Польшэ, опять заряжая свое ружье.

Граф приподнялся; смертельная бледность покрывала

его лицо, черты были искривлены гневом; вдруг он увидел графиню.

— А!— закричал он, заревев как тигр и бросаясь к ней.— По крайней мере я отмщу!

Но Монбар схватил его за руку и принудил остаться неподвижным.

— Одно слово, одно движение, и я прострелю вам голову, как хищному зверю, на которого вы похожи!— сказал он.

В словах флибустьера было такое выражение угрозы, движение его было так быстро, что граф невольно сделал шаг назад и, скрестив руки на груди, остался спокоен по наружности, хотя вулкан рокотал в его сердце, а взгляд упорно оставался устремлен на графиню. Монбар смотрел с минуту на своего врага с выражением печали и презрения.

— Граф,— сказал он наконец с иронией,— вы захотели помериться с флибустьерами; вы узнаете, чего это стоит; пока, побуждаемый безумным желанием мщения, вы гнались за женщиной, благородное сердце и блистательные добродетели которой вы не достойны были оценить, половина острова, которым вы управляете, была отнята навсегда моими товарищами и мною от вашего государя; Черепакха, Леоган, Сан-Хуан, даже ваш дель-Ринкон, застигнутый неожиданно, были завоеваны почти без кровопролития.

Граф поднял голову; лихорадочный румянец покрыл его лицо; он сделал шаг вперед и закричал голосом, прерывавшимся от бешенства:

— Ты лжешь, негодяй! Как ни велика твоя дерзость, а ты не мог захватить тех пунктов, о которых говоришь.

Монбар пожал плечами.

— Оскорбление от такого человека, как вы, ничего не значит,— сказал он,— вы скоро получите подтверждение моих слов; но довольно об этом; я хотел захватить вас в свои руки, чтобы сделать вас свидетелем того, что я скажу этой госпоже; пожалуйста, сеньора,— обратился он к донне Кларе,— простите меня, если я захотел увидеться с вами не иначе как в присутствии того, кого вы называете вашим мужем.

Донна Клара встала дрожа и приблизилась к флибустьеру. Наступило минутное молчание. Монбар, склонив голову на грудь, казался погружен в горькие мысли; наконец, он приподнял голову, провел рукою по лбу, как бы желая прогнать последние тучи, затемнявшие его рассудок, и сказал донне Кларе кротким голосом:

— Сеньора, вы желали меня видеть, чтобы напомнить время, навсегда прошедшее, и вверить мне тайну; я не имею права знать эту тайну; граф де Бармон умер, умер для всех, особенно для вас, так как вы не постыдились отречься от него, и, принадлежа ему узами законного брака и еще более могущественными узами законной любви, вы малодушно позволили связать себя с другим; это преступление, сеньора, которого никакое раскаяние не может загладить ни в настоящем, ни в прошедшем.

— Сжальтесь надо мной, над моими страданиями!— вскричала несчастная женщина, разбитая этим проклятием, падая на колена и заливаясь слезами.

— Что вы делаете, графиня?— вскричал граф Бехар.— Встаньте!

— Молчите!— резко сказал Монбар.— Оставьте эту преступницу падать под тяжестью ее раскаяния; вы были ее палачом и менее всякого другого имеете право защищать ее.

Дон Санчо бросился к сестре и, оттолкнув графа, приподнял ее. Монбар продолжал:

— Я прибавлю только одно слово, сеньора: у графа де Бармона был ребенок; в тот день, когда он придет просить у меня прощения для своей матери, я прощу ее... может быть,— прибавил он слабым голосом.

— О!— вскричала молодая женщина, с лихорадочной энергией схватив руку флибустьера, которую он не имел мужества отнять.— О! Вы велики и благородны; это обещание возвращает мне всю надежду и все мужество... Мое дитя! Клянусь вам, я его найду.

— Довольно,— возразил Монбар с плохо сдерживаемым волнением,— этот разговор и без того уже слишком долго продолжался. Ваш брат вас любит и сумеет вас защитить; я сожалею, что не вижу здесь еще одного человека, потому

что он подал бы вам совет и поддержал вас в вашем огорчении.

— О ком вы говорите?— спросил дон Санчо.

— О духовнике сеньоры.

Молодой человек отвернулся и ничего не отвечал.

— Посмотри, брат,— сказал тогда Польша,— вот он полумертвый; взгляни на его обгорелые руки.

— О!— вскричал Монбар.— Какое чудовище осмелилось...

— Вот кто!— продолжал буканьер, ударив по плечу графа Бехара, онемевшего от испуга, потому что только в эту минуту он заметил свою жертву.

Пламя сверкнуло из глаз Монбара.

— Злодей!— вскричал он.— Пытать безвредного человека! О, испанцы! Порода ехидн, какими страшными муками могу я вас истерзать?

Все присутствующие задрожали от ужаса при этом гневе, столь долго сдерживаемом, который наконец разрушил свой оплот и вылился с непреодолимой силой.

— Горе тебе, палач!— продолжал флибустьер зловещим голосом.— Ты мне напоминаешь, что я Монбар Истребитель. Олонец, разведи огонь в буране.

Неописанный ужас овладел всеми присутствующими при этом приказании, которое ясно говорило, на какую ужасную муку был осужден граф; сам дон Стенио, несмотря на свою неукротимую гордость, почувствовал холод в сердце. Но в эту минуту монах, который до сих пор лежал неподвижно, по-видимому не чувствительный ко всему происходившему, встал с трудом и, опираясь на донну Клару и ее брата, которые поддерживали его, шатаясь, подошел и стал на колени перед флибустьером.

— Сжальтесь!— вскричал он.— Сжальтесь именем Господа!

— Нет,— сурово отвечал Монбар,— этот человек осужден!

— Умоляю вас, брат, будьте милосердны,— настойчиво просил монах.

Вдруг граф вынул два пистолета, спрятанные в его полукафтани, и направил один на донну Клару, а другой приставил себе ко лбу.

— К чему умолять тигра!— сказал он.— Я умру, но по собственной воле, и умру отмщенный!

Он спустил курки. Двойной выстрел раздался. Граф повалился на землю с разбитым черепом; второй выстрел, дурно направленный, не попал в донну Клару, а поразил фра Арсенио прямо в грудь и опрокинул его к ногам убийцы. Последнее слово бедного монаха было:

— Сжальтесь!

Он умер, устремив глаза к небу, как бы обращая последнюю мольбу за своего палача...

На закате солнца степь опять воротилась к своему обычному уединению; Монбар, похоронив в одной могиле жертву и убийцу, для того чтобы праведник заступился за преступника перед престолом Всевышнего, уехал в Марго с флибустьерами и караибам.

Донна Клара с братом воротилась в дель-Ринкон в сопровождении испанских солдат, которым Монбар, из уважения к донне Кларе и дону Санчо, согласился возвратить свободу.

Когда-нибудь мы станем продолжать историю этих знаменитых флибустьеров, которые первые были основателями французских колоний в Америке, если этот рассказ, служащий как бы прологом, понравится читателям.

Морские цыгане

Флибустьеры — это были сначала французские авантюристы, имевшие качество корсаров. Это были хищные птицы, слетавшиеся со всех сторон... Никогда римляне не делали подвигов таких блистательных. Если бы политика их равнялась непобедимому мужеству, они основали бы великое государство в Америке.

Вольтер

I

«ЛОСОСЬ»

17 октября 1658 года, в восьмом часу вечера, два человека сидели в большой зале «Лосося», главной гостинице города Порт-де-Пэ, обыкновенное сборище авантюристов всех наций, которых жажда к золоту и ненависть к испанцам привлекали на Антильские острова.

В этот день страшная жара тяготела над городом; большие желтоватые облака, пропитанные электричеством, расстилались с одного конца горизонта до другого, и ни малейшее дуновение воздуха, даже на закате солнца, не освежало землю, замершую от зноя. Слышался глухой

шум в горах, и эхо повторяло раскаты отдаленного грома. Море, черное как чернила и волнуемое каким-нибудь подземным потрясением, поднималось бурными волнами и тяжело разбивалось о скалы со зловещим стоном. Словом, все предвещало приближающийся ураган. Жители Порт-де-Пэ, грубые моряки по большей части и давно привыкшие бороться с самыми страшными опасностями, невольно подчиняясь всеобщему беспокойству природы, заперлись в своих домах; улицы были пусты и безмолвны, город казался брошен, и гостиница «Лосось», которая обыкновенно в это позднее время была наполнена посетителями, укрывала под закопченным потолком своей обширной залы только двух человек, о которых мы говорим и которые, опираясь локтями о стол, опустив головы на руки и с трубками во рту, рассеянно следили за фантастическими клубами дыма, сгущавшимися около них синеватым облаком.

Оловянные стаканы, бутылки, карты, кости, разбросанные по столу, доказывали, что давно уже эти два человека находились в гостинице и что, испытав все развлечения, они бросили их или от утомления, или от того, что более серьезные мысли занимали их и мешали наслаждаться, как они, может быть, желали бы, соединенными удовольствиями игры и вина.

Первый был старик, еще бодрый, гордо державший на плечах красивую голову, которой длинные белые волосы, брови, еще черные, усы, густые и седые, и небольшая бородка придавали очень благородный характер. Его простой, но изящный костюм был совершенно черный, шпага со стальным эфесом была небрежно брошена на стол возле шляпы и плаща.

Другой был гораздо моложе своего товарища. Ему казалось от сорока пяти до сорока восьми лет, не более; это был человек с атлетическими формами, плотный, плечистый; черты его, довольно обыкновенные, были бы незначительны, если бы выражение редкой энергии и неукротимой воли не придавало его физиономии совершенно особенный отпечаток. На нем был костюм богатых буканьеров, роскошный до сумасбродства, сверкавший золотом и бриллиантами; тяжелая и массивная фанфаронка

окружала его шляпу, украшенную страусовыми перьями, прикрепленными бриллиантовым аграфом, составлявшим целое богатство; длинная рапира, висевшая сбоку на широкой портупее, для большего удобства, без сомнения, стояла в эту минуту между его ног, два пистолета и кинжал были заткнуты за пояс, широкий красный плащ висел на спинке стула.

Давно уже угрюмое молчание царствовало между этими людьми; они продолжали курить и взаимно посылали друг другу в лицо клубы дыма, по-видимому не думая друг о друге.

Трактирщик, высокий, худощавый, в грязном и оборванном платье, с лицом висельника, несколько раз, под предлогом поправить свечильню в лампе, чего совсем было не нужно, вертелся около этих странных посетителей, не привлекая их внимание, и уходил, пожимая плечами с презрительным видом к таким неприбыльным посетителям.

Наконец младший вдруг поднял голову, разбил трубку об пол с гневом и, ударив кулаком по столу, так что стаканы и бутылки запрыгали, зазвенев, закричал грубым голосом:

— Ей-Богу! Этот франт насмехается над нами! Неужели мы вечно должны оставаться здесь? Клянусь моей душой! Есть отчего сбеситься, прождавши так долго!

Старик поднял голову и, устремив спокойный взгляд на своего товарища, сказал тихим голосом:

— Потерпи, Пьер, еще не поздно.

— Потерпи! Вам легко говорить, господин д'Ожерон,— проворчал тот, кого называли Пьером,— почему я знаю, куда этот воплощенный черт запропастился!

— А я разве знаю, друг мой? Однако, ты видишь, я жду, не жалуясь.

— Гм! Все это прекрасно...— продолжал Пьер.— Вы его дядя, а я его закадычный друг, это другое дело.

— Правда,— ответил, улыбаясь, д'Ожерон,— и в качестве закадычных друзей вы не должны ничего скрывать друг от друга, не правда ли?

— Именно. Притом, вы знаете это так же хорошо, как и я, вы ведь в молодости долго воевали с испанцами.

— И славное было времечко, Пьер,— сказал д'Ожерон, подавляя вздох,— я был тогда счастлив; у меня не было никаких огорчений и забот.

— Ба! Вы говорите, что были счастливы тогда? А разве вы не счастливы теперь? Все Береговые Братья, флибустьеры, буканьеры и жители любят вас и обожают, как отца; первый я, мы все дадим изрубить себя за вас. Его величество — да защитит его Господь!— назначил вас нашим губернатором; чего более можете вы желать?

— Ничего. Ты прав, Пьер,— ответил он, печально качая головой,— действительно, мне нечего больше желать.

Настало молчание на несколько минут. Буканьер продолжал разговор.

— Вы позволите сделать вам вопрос, господин д'Ожерон?— сказал он с некоторой нерешимостью в голосе.

— Конечно, друг мой,— ответил старик.— Посмотрим, какой это вопрос.

— О! Может быть, я напрасно спрашиваю вас об этом, но, право, не могу удержаться, признаюсь вам.

— Хорошо! Спрашивай. Чего ты боишься?

— Прогневить вас, господин д'Ожерон; вы знаете, что я не слышу робким.

— Я думаю, ты, Пьер Легран, то есть Великий, один из наших отважнейших флибустьеров, одно имя которого заставляет дрожать испанцев.

Пьер Легран выпрямился с очевидным удовольствием при этом заслуженном комплименте.

— Ну!— сказал он тоном человека принявшего решительное намерение.— Вот о чем идет дело. Когда мой работник Питриан отдал мне ваше письмо, натурально, моим первым движением было повиноваться вам и спешить на свидание, которое вы мне назначили в «Лососе».

— Благодарю тебя за поспешность, которую ты выказал в этом случае, друг мой.

— Хорошо было бы, если б я не пришел! Это было бы даже смешно, право! Итак, я пришел; мы играли, пили; очень хорошо, ничего не может быть лучше; только я спрашиваю себя, какая серьезная причина заставила вас уехать с острова Святого Христофора инкогнито в Порт-де-Пэ.

— Ты эту причину желаешь знать, Пьер?

— Да; если это не неприятно вам, разумеется; а то положите, что я не сказал ничего, и не будем более об этом говорить.

— Напротив, будем говорить, друг мой; мне хотелось открыть тебе эту причину при моем племяннике, твоим закадычным друге; но так как он не приходит, ты ее узнаешь сейчас.

— Может быть, но это все равно; притом он уже почти знает мои планы; слушай же меня.

— А! Хитрец, он ничего мне не сказал.

— Я ему запретил.

— Тогда это другое дело, он хорошо сделал, что молчал.

— Слушай меня внимательно, дело стоит того. Ты помнишь, не правда ли, как кавалер де Фонтенэ, атакованный неожиданно испанской эскадрой, был принужден после геройского сопротивления оставить Черепуху?

— Конечно, помню, господин д'Ожерон, и прискорбно было нашему сердцу видеть, как развевался испанский флаг на порте Роше и как эти проклятые испанцы поддразнивали нас и смеялись нам под нос! Ей-Богу! Не знаю, чего не дал бы я, чтобы сыграть хорошую шутку с этими проклятыми донами и прогнать их с нашего острова.

Д'Ожерон, улыбаясь, слушал буканьера. Когда тот замолчал, он наклонился к нему, положил руку на его плечо и, пристально посмотрев ему в лицо, сказал тихим и сдерживаемым голосом:

— Ну! Пьер, друг мой, я также хочу сыграть хорошую шутку с испанцами и прогнать их с нашего острова.

— Э!— сказал Пьер с нервным трепетом.— Правду ли говорите вы? Это действительно ваше намерение?

— Клянусь честью, Пьер; вот почему я оставил остров Святого Христофора и приехал инкогнито в Порт-де-Пэ; здесь нет недостатка в испанских шпионах; им не нужно знать, что я так близко от Черепухи.

— А! Хорошо; если так, мы посмеемся.

— Я надеюсь на это.

— Мы на них нападем?

— Мы дадим испанцам сдачи; они напали на нас врасплох, мы нападем на них.

— Прекрасно!— вскричал Пьер, весело потирая руки.

— Я рассчитывал на тебя, Пьер.

— Вы хорошо сделали, господин д'Ожерон.

— Ты понимаешь, что мне неизвестны ваши дела; я решительно ничего не знаю, что происходит здесь; мне нужно собрать сведения; никто лучше тебя не может сообщить мне то, что мне нужно знать.

— Спрашивайте, я буду отвечать, господин д'Ожерон.

— Какие у нас теперь здесь капитаны?

— Гм!— сказал Пьер, потирая себе лоб,— мы довольно бедны людьми. Однако, есть несколько старых Береговых Братьев, на которых в случае надобности положиться можно.

— Черт побери! Это неприятно. Что сделалось с Истребителем?

— Монбар уехал полгода тому назад, и с тех пор о нем не было известий.

— Черт побери! Черт побери!— сказал старик с задумчивым видом.

— Это так. Морган, Прекрасный Лоран, Красивая Голова, Рок Бразилец, Олонец, Тихий Ветерок, все уехали, а может быть, и умерли, никто этого не знает.

— О, о! Это неприятно, кто же остался у нас?

— Во-первых, я.

— Правда; но еще?

— Еще, кроме четырех или пяти надежных, я не вижу никого.

— Кто же эти четверо или пятеро?

— Мишель Бискаец, Дрэк, Польшэ, ваш племянник Филипп.

— Кто еще?

— Других не вижу.

— Гм! Это мало, потому что дело будет жаркое; испанцы легко не дадут себя взять.

— Надеюсь; но имена, названные мною, известны вам давно; это люди решительные.

— Знаю, мой друг; но если нам не удастся, это будет для нас неисправимым уроном; лучше, может быть, воздержаться.

— Я не согласен с этим, господин д'Ожерон; каждый

из нас может набрать несколько решительных авантюристов.

— Это правда, но Черепаха почти неприступна, особенно если ее станут хорошо защищать, а это будет.

— Вы можете быть спокойны. Дон Фернандо д'Авила, командующий испанским гарнизоном, даст убить себя и всех своих солдат скорее чем сдастся.

— Ты видишь, что было бы безумством покуситься выгнать его с такими ограниченными силами, какими располагаем мы.

— Ба! Когда же мы считали наших врагов? Береговые Братья все такие же, какими были в ваше время, господин д'Ожерон; поверьте, каждый из них стоит десяти испанцев.

— Ах, зачем не приходит Филипп! Может быть, он подал бы нам хороший совет.

— Филипп сказал бы вам то же, что и я, господин д'Ожерон.

— Очень может быть, друг мой; но дело серьезное и заслуживает глубокого размышления.

— Размышляйте, но не отказывайтесь. Клянусь вам, теперь, когда я знаю ваши планы, у меня слюнки текут, и если вы нас оставите, ей-Богу! — я возьму остров без вас; это так же справедливо, как и то, что меня зовут Пьер Легран и что я ненавижу испанцев! Не знаю, как я сделаю, но это все равно. Я уверен, что буду иметь успех.

Д'Ожерон расхохотался этой выходке флибустьера.

— Успокойся, пылкая голова,— сказал он,— я не говорил, что отказываюсь.

— Ну и прекрасно!

В эту минуту в залу вошел человек; он остановился на одно мгновение на пороге двери, бросил вокруг себя подозрительный взгляд, потом, узнав, без сомнения, двух человек, которые одни находились в гостинице, он снял плащ и большими шагами подошел к ним.

— Э!— вскричал Пьер.— Вот Филипп, наконец! Здравствуй, друг,— прибавил он, протянув ему руку.

— Здравствуй, Пьер,— ответил пришедший,— я здесь, чего ты хочешь от меня? Ей-Богу! Дело должно быть стоящее, а не то, предупреждаю тебя, что я рассержусь,

зачем ты принудил меня прийти сюда, когда я надеялся провести время гораздо приятнее.

Пьер расхохотался.

— Смотри,— сказал он, указывая на д'Ожерона, который, увидя своего племянника, отодвинулся немного в тень.

Филипп обернулся к нему.

— Э!— весело вскричал он.— Я не ошибаюсь, добрый дядюшка, неужели это вы?

— Кто же это может быть?— спросил Пьер насмешливым тоном.

— Тебе приятно видеть меня, племянник?— спросил старик.

— Неужели вы сомневаетесь, дядюшка?— вскричал он, бросившись в объятия, раскрытые ему д'Ожероном.

— Нет, Филипп, не сомневаюсь,— сказал он с волнением,— я знаю, что ты меня любишь.

— Благодарю, дядюшка. Какой добрый ветер вас привел? Вы приехали у нас поселиться? Вы сделали бы мне приятный сюрприз.

— Может быть, племянник; не могу сказать ни да, ни нет; это будет зависеть от некоторых условий.

— Посмотрим эти условия, дядюшка; предупреждаю вас, что я приму их с закрытыми глазами.

— Хорошо, теперь ты слишком спешишь.

— Почему же? Не должен ли я желать, чтобы вы жили со мною?

Говоря таким образом, он взял стул и сел между дядей и приятелем.

Филипп был красивый молодой человек лет двадцати шести, с гибким и стройным станом; его несколько худощавое, но нервное тело, казалось, одарено необыкновенной силой и редкой ловкостью. Лицо его было изумительно красивое. Оно показалось бы женственным, если бы не яркий блеск, сверкавший в его черных глазах при малейшем волнении, и выражение неукротимой энергии, которое оно принимало тогда. Несмотря на костюм более чем простой, во всей его наружности было врожденное изящество, обнаруживавшееся без его ведома и показывавшее аристократическое происхождение.

Дядя с удовольствием его рассматривал и, по-видимому,

не мог насмотреться на него. Молодой человек улыбнулся и, поцеловав старика, сказал:

— Для чего вы не предупредили меня о вашем приезде, дядюшка? Я был бы так рад узнать, когда вы приедете. Нехорошо удивлять меня таким образом.

— Ты сожалеешь об этом, племянник?

— Напротив, только я предпочел бы, чтоб было иначе.

— Невозможно было, Филипп, мое присутствие здесь должно оставаться неизвестным для всех: я приехал инкогнито.

— А! Это совершенно меняет дело; у вас есть какой-нибудь план, конечно?

— Да,— перебил Пьер,— и даже большой план.

— Скажите пожалуйста! Тебе, кажется, это известно?

— Еще бы!

— Хорошо; стало быть, дядюшка и мне скажет.

— Я этого желаю, тем более что я хочу знать твое мнение.

— Что бы это ни было, вы будете правы, дядюшка.

— Ты еще не знаешь, о чем идет дело; какой ты сумасшедший!— отвечал, смеясь, старик.

— Это ничего не значит, дядюшка; для меня очевидно, что вы не можете ошибаться. Теперь говорите; я вас слушаю.

— В двух словах вот причина моего приезда; я хочу с помощью моих бывших товарищей взять остров Черепакха и прогнать оттуда испанцев.

— А!— сказал Филипп задыхающимся голосом и вдруг побледнел как смерть.

II

КАПЕЛЛА БОГОМАТЕРИ

В шестнадцати милях от Порт-де-Пэ, среди великолепной степи, через которую протекает широкий ручей и которая укрыта от морских ветров высокими лесистыми горами, расположен очаровательный испанский городок,

называемый Сан-Хуан-де-Гуаява, в котором было тогда от четырех до пяти тысяч жителей. По своему положению, которое подвергало его нападениям авантюристов, он был окружен рвами и земляными стенами, доставлявшими ему достаточное укрепление для того, чтобы сопротивляться атаке его смелых соседей.

Почти посреди главной улицы этого города находился тогда дом из красного кирпича, крыльцо которого, поддерживаемое двумя колоннами художественной работы, выходило на обширный двор, в центре которого находился колодец. Крыльцо с двойной лестницей вело в главный корпус здания, с правой и левой стороны которого стояли башенки любопытной резьбы.

В тот день, когда начинается наша история, к восьми часам утра, величайшее одушевление царило в этом доме, который был тогда гостиницей и которая теперь, без сомнения, не существует. Суетившиеся слуги входили и выходили, путешественники приезжали, другие уезжали, пеоны седлали лошадей или водили их к водопою, крики и ругательства скрещивались в воздухе с говорливостью, свойственной южным народам.

В самую оживленную минуту всадник, закутанный в широкий плащ, въехал во двор. Один пеон, без сомнения, поджидавший его приезда, быстро приблизился к нему, схватил поводья его лошади, потом, сойдя наземь и наклонившись к нему, сказал ему на ухо вполголоса:

— В церкви Мерчед.

— Благодарю,— отвечал всадник таким же тоном и, вложив золотую монету в руку пеона, повернулся, не занимаясь своей лошадью, прикрыв плащом лицо, вышел со двора и направился большими шагами к церкви, находившейся на этой же улице, только несколько повыше.

Как все церковные испанские монументы, церковь Мерчед в городе Сан-Хуан-де-Гуаява была настоящая игрушечка и снаружи и внутри. Кроме двух женщин, закутанных в мантильи, стоявших на коленях и, по-видимому, набожно молившихся, церковь была пуста. При шуме шагов вошедшего, шпоры которого зазвенели на плитах, они обернулись. Незнакомец устремил на них проница-

тельный взгляд, потом дошел до исповедальной, находившейся в углу боковой капеллы, остановился, сбросил свой плащ, скрестил руки на груди и, по-видимому, ждал. Обе женщины, обменявшись шепотом несколькими словами, встали; одна направилась к двери, другая, хотя с робким и боязливым видом, прямо пошла к исповедальной, возле которой стоял молодой человек. В нескольких шагах от него она приподняла свою мантилью и обнаружила восхитительное шестнадцатилетнее личико, о каком только мог мечтать поэт. Молодой человек почтительно ей поклонился и прошептал голосом прерывавшимся от волнения:

— Да благословит вас Бог, Хуана, за то, что вы согласились на это крайне важное свидание!

— Может быть, я поступила нехорошо,— отвечала она тоном невыразимо грустным,— но я не хотела уехать, не простившись с вами еще раз.

— Увы!— прошептал он.— Разве ваш отъезд так близко?

— Сегодня вечером, завтра, уж никак не позже, фрегат, на котором мы едем, должен отплыть, скоро мы расстанемся навсегда. Вы забудете меня, Филипп?

— Забыть вас, Хуана!.. О, вы этого не думаете!— вскричал он горестно.

Молодая девушка печально покачала головой.

— Отсутствие все равно что смерть,— прошептала она.

Молодой человек бросил на нее проницательный взгляд и, схватив руку, которую нежно пожал, спросил дрожащим голосом:

— Стало быть, вы забудете меня, Хуана?

— Я? О нет!— отвечала она.— Я умру, верная моей первой, моей единственной любви. Но вы, Филипп, вы молоды, вы хороши собой... вы будете разлучены со мною неизмеримым морем, вы не увидите со мною более, и другая женщина изгонит любовь ко мне из вашего сердца, а воспоминание обо мне — из вашей памяти.

Наступило короткое молчание.

— Хуана,— продолжал молодой человек,— верите ли вы моей любви?

— Да, Филипп, верю, верю всеми силами моей души.

— Если так, почему же вы сомневаетесь во мне?

— Я не сомневаюсь в вас, Филипп... увь! Я боюсь будущего.

— Будущее в руках Бога, Хуана. Он, разлучающий нас сегодня, может, если ему будет угодно, соединить нас когда-нибудь.

— Никогда не увижу я Испаньолы,— прошептала она,— я чувствую это; я умру в этой дикой и неизвестной стране, где меня принуждают жить вдали от всего, что я люблю.

— Нет, вы не умрете, Хуана, потому что если не можете воротиться вы, бедное дитя, то я мужчина, я силен, я сумею приехать к вам.

— О!— сказала она с радостью.— Но нет,— прошептала она тотчас,— я не смею верить такому счастью.

Филипп кротко улыбнулся, услышав эти слова.

— Дитя!— сказал он с нежностью.

Молодая девушка бросила на него долгий взгляд из-под полузакрытых век.

— Вы гордый и храбрый дворянин, Филипп,— сказала она,— может быть, много женщин оспаривают честь союза с вами, между тем как я только бедная девушка...

— Что вы хотите сказать, Хуана?— продолжал он с жаром.— Разве я не люблю вас и не предпочитаю вас всем?

— Да, вы это думаете, Филипп. Вы искренне говорите таким образом, но наступит день...

— Никогда, повторяю вам, Хуана!

Она несколько раз печально покачала головой. Молодой человек с удивлением наблюдал за нею, не понимая этого упорного недоверия.

— Филипп,— сказала она наконец печальным тоном, который сжал сердце молодого человека,— сегодня, может быть, в последний раз позволено нам видеться; дайте мне высказаться, друг мой,— прибавила она, приложив свою крошечную ручку к его губам, как бы не допуская его прерывать ее.— Я не хочу расстаться с вами так, чтобы вы не знали, кто я. Вы знаете только мое имя... Два месяца тому назад молодая девушка, неблагоразумно отважившаяся въехать в Большую степь, подверглась нападению бешеного вола. Свирепое животное, разорвав двух лошадей, ранив и обратив в бегство слуг, бежало к

ней, нагнув голову и со страшным ревом; молодая девушка, вне себя от испуга, скакала по степи, уносимая своею лошадыю и чувствуя позади себя необузданный бег вола, приближавшегося к ней с головокружительной быстротой. Вдруг в ту минуту, когда всякая надежда оставляла ее, когда она поручала душу свою Богу в последней молитве, какой-то человек с ружьем решительно бросился между нею и волем, прицелился и выстрелил. Вол покатился наземь и с ревом бессильной ярости издох у ног своего победителя. Эта молодая девушка была я, Филипп, ее спаситель — вы. Вы помните это страшное приключение, не правда ли?

— Да, Хуана, помню и благословляю его, потому что ему обязан счастьем нашего знакомства,— сказал он страстно.

— Теперь слушайте меня, друг мой. Вы, может быть, предполагали, видя меня богато одетой и окруженной многочисленными слугами, что я богата и принадлежу к благородной фамилии.

— Я ничего не предполагал, Хуана, я вас полюбил, вот и все.

Она вздохнула, отирая слезу.

— Меня зовут Хуана,— продолжала она,— я никогда не знала ни отца, ни матери. Мне сказали, что отец мой был убит на войне до моего рождения, а мать моя умерла, дав мне жизнь. Вот все, что я знаю о моем семействе; даже имя моих родителей никогда не произносилось при мне. Мои первые годы покрыты покрывалом, которого я никогда не могла поднять; я не помню ничего; только мне кажется, что я жила в другой стране; я долго оставалась на море и, прежде чем поселиться в Испаньоле, жила в таком краю, где небо не так чисто, деревья темнее, а солнце холоднее; но это только предположения, не опирающиеся ни на какое прочное основание. Мне кажется также, что я слышала и сама говорила на другом языке, а не на кастильском; но какой это язык, я сказать не могу. Одно считаю я положительным — мне покровительствует могущественная фамилия, постоянно наблюдающая за мною и никогда не теряющая меня из вида. Дон Фернандо д'Авила не родня мне, я это знаю наверно.

Это выслужившийся солдат, который, по всей вероятности, обязан высоким положением, которого он достиг, и тем еще высшим положением, которое ему обещано, только попечениям, которым он окружал мое детство. Вот моя история, Филипп, она очень коротка, очень мрачна и очень таинственна; но я обязана из любви к вам, обязана из уважения к самой себе познакомить вас с моей историей, и, убежденная, что исполнила священный долг, я без ропота покорюсь вашей воле, какова бы она ни была.

— Хуана,— сказал он наконец дрожащим голосом,— вы праведное и благородное дитя; ваше сердце чисто, как у ангелов! Я недостойн вашей любви, потому что я вас обманул!

— Вы меня обманули, Филипп, это невозможно!— сказала она с лучезарной улыбкой.— Я вам не верю.

— Благодарю, Хуана! Но в свою очередь я хочу вам рассказать кто я.

— О! Я знаю, вы красивый и храбрый дворянин, которого я люблю; что мне за нужда до остального!

— Позвольте мне говорить, Хуана; когда вы узнаете все, вы осудите меня или извините. Я дворянин, вы сказали правду, дворянин даже знатного рода, но я беден.

— Что же мне до этого?

— Ничего, я это знаю; но мне остается открыть вам тайну, тайну страшную, которая, когда вы ее узнаете, может быть, навсегда разрушит мое счастье.

— Продолжайте,— сказала она, качая головой с движением недоверия.

— Я не испанец, Хуана.

— Знаю,— сказала она, улыбаясь,— я еще знаю, что вы француз, что вы один из начальников страшного общества морских цыган, как называют их испанцы, перед которым дрожит кастильское могущество; так это-то, Филипп, страшная тайна, которую вы не решаетесь мне открыть? Полноте, друг мой, давно уже знаю я все касающееся вас; разве это не часть моего существа?

— Итак, вы мне прощаете?

— В чем мне вас прощать, Филипп? Я не мужчина, я даже не знаю, испанка ли я. Эти ссоры и эта ненависть

меня не интересуют; я женщина и вас люблю — вот все, что касается меня.

— О, да благословит вас Бог за эти слова, Хуана, они возвращают мне жизнь!

— Вы сомневались, Филипп?

— Я не смел надеяться, — отвечал он кротко.

— Одни женщины умеют любить, — прошептала она печально, — ах, мы должны расстаться!

— О! Нет еще, нам ни к чему торопиться.

— К чему увеличивать нашу горечь, продолжая это жестокое прощание?

— Разве вы не хотите более увидеться со мною?

— После того что я вам сказала, разве вы считаете меня достойной вас, когда я более ничего как бедная девушка?

Глаза Филиппа бросили яркую молнию.

— Пойдемте, — сказал он.

— Куда вы меня ведете?

— Пойдемте, Хуана, я хочу вам отвечать у подножия алтаря.

Она пошла за ним, дрожа от надежды и боязни, в боковую капеллу во имя Божьей Матери Всех Скорбящих.

— Встаньте на колена возле меня, Хуана, и запомните слова, которые я буду произносить; примите клятву, которую я произнесу в присутствии Божьей Матери.

Молодая девушка встала на колена, ничего не отвечая.

— Я клянусь, — сказал тогда молодой человек твердым голосом, — никогда никого не любить, кроме вас; клянусь приехать к вам, в каком месте вы ни находились бы; клянусь быть возле вас прежде года. Пусть Святая Дева, которая видит меня и слышит, накажет меня, если я не сдержу этой клятвы, которую я произношу из глубины моего сердца!

— Я клянусь, что буду вас ждать, Филипп, и буду вам верить, что бы ни случилось, — ответила молодая девушка, сложив руки и подняв глаза на святое изображение.

Они встали.

— Вот, Хуана, — продолжал Филипп, сняв перстень с левой руки, — возьмите этот перстень, пусть он будет наш

обручальный; вы одна, отослав мне его, можете возвратить мне свободу.

— Пусть будет как вы желаете, Филипп; я вас люблю и верю вам; я принимаю ваш перстень, возьмите взамен мой,— прибавила она, подавая ему богатый бриллиантовый перстень,— я никогда с ним не расставалась. В детстве я носила его на шее, на золотой цепочке; может быть, это последняя вещь на память от моей матери, которую она завещала мне, умирая. Сохраните его, он теперь принадлежит вам, потому что я ваша невеста, ваша супруга пред Богом.

В ту минуту, когда молодые люди разменялись таким образом перстнями, яркий луч солнца блеснул в окно капеллы и облил их блестящим светом.

— Принимаю это предзнаменование,— сказал, улыбаясь, молодой человек,— мы будем счастливы, Хуана. Святая Дева покровительствует нам и благоприятствует нашей любви.

— Да будет она благословенна!— набожно отвечала молодая девушка.

— Когда вы уезжаете и куда вы едете, Хуана?

— Наш отъезд еще не назначен. Дон Фернандо д'Авила ждет с минуты на минуту, что его назначат губернатором в Панаму.

— Так далеко!— сказал Филипп, нахмутив брови.

— Ах! Вы видите, что мы разлучены навсегда.

— Не говорите таким образом, моя возлюбленная! Ничего нет невозможного для некоторых; я поклялся приехать к вам и сдержу мою клятву.

— Да услышит вас небо!

— Я вспомнил, кажется, дон Фернандо д'Авила губернатор острова Черепахы?

— Да.

— Это славный воин и сильный противник, мы виделись уже вблизи.

— Сегодня или завтра я должна отправиться к нему; с острова Черепахы поедem мы на твердую землю. Вы видите, Филипп, что мы не должны думать о возможности увидеться, по крайней мере скоро.

— Моя возлюбленная, разве я не приехал сюда к

моим врагам? Почему же мне не иметь возможности пробраться на Черепаху? Поверьте мне, одно не труднее другого.

— Но если вас узнают, вы лишитесь жизни.

— Успокойтесь, моя возлюбленная, опасность не так страшна, как вы предполагаете.

Молодая девушка печально вздохнула.

— Теперь,— продолжала она через минуту,— расстанемся, Филипп.

— Уже расстаться, моя обожаемая Хуана!— с мольбою сказал молодой человек.

— Это необходимо, Филипп, более продолжительное отсутствие может возбудить подозрения. Притом, не должны ли мы увидеться? Теперь я счастлива, я надеюсь!

— Повинуюсь вам, Хуана, уйду, если вы желаете; еще одно последнее слово.

— Говорите.

— Что бы ни случилось, что бы ни сказали вам обо мне, вы не должны никогда верить, что я перестал вас любить.

— Я верю вам, Филипп, я буду верить только вам, я клянусь.

— Я принимаю вашу клятву, Хуана; она написана в моем сердце неизгладимыми чертами, и теперь я уйду исполненный верой; моя возлюбленная, я не прощаюсь с вами, а говорю до свидания!

— До свидания, Филипп!— отвечала она, протянув ему руку. Молодой человек подержал минуту эту крошечную руку в своей руке, нежно поцеловал ее несколько раз, потом, сделав усилие над собою, сказал задышающимся голосом:

— До свидания, Хуана, до свидания!

Он повернулся и большими шагами вышел из церкви. Хуана следила за ним глазами до тех пор, пока он исчез, потом упала на колени пред алтарем Божьей Матери Всех Скорбящих, прошептав голосом, прерывавшимся от волнения:

— До свидания, мой возлюбленный Филипп!

— Сеньорита,— сказала служанка, тихо приблизившись к своей госпоже после ухода молодого человека,— мы давно

уже ушли из дома, разве вы не боитесь, что отсутствие наше найдут очень продолжительным?

— Ведь мы в церкви, Чигала!

— Это правда, сеньорита, даже в прекрасной церкви, однако все-таки лучше, может быть, воротиться домой, ведь надо все приготовить к вашему отъезду.

— Правда, но так как, может быть, мне никогда более не придется воротиться сюда,— отвечала Хуана с кротким вздохом,— будьте так добры, Чигала, дайте мне еще только пять минут помолиться Святой Деве за того, кого я люблю.

Дуэнья покачала головой, как женщина осторожная, но ждала.

Через несколько минут обе дамы, закутавшись в свои мантильи, наконец вышли из церкви. На паперти они встретились с человеком, старательно закутанным в плащ и который почтительно поклонился им. Молодая девушка не могла удержаться от нервного трепета при виде этого человека и, ускорив шаги, наклонилась к дуэнье и шепнула ей тихим и дрожащим голосом:

— Как вы думаете, узнал он нас?

— Кто знает!— ответила дуэнья таким же тоном.

Между тем незнакомец остановился на церковной паперти и следовал за ними насмешливым взором.

— Опять надо повторить,— сказал он сквозь зубы,— я опоздал одною четвертью часа; терпение!

III

ОБЯЗАННЫЙ РАБОТНИК

Прежде чем продолжать наш рассказ, скажем два слова о том страшном товариществе флибустьеров, или Береговых Братьев, о которых мы говорили выше, как оно зародилось и каким образом успело утвердить себя на таком грозном основании.

Флавио Жиона, гражданин из Амальфи, в Неаполитанском королевстве, усовершенствовав в 1303 году компас, оказал мореходству огромную услугу. Это усовершенство-

вание, позволившее мореплавателям не держаться берегов, а выплывать в открытое море далеко от земли, подало мало-помалу повод тому духу открытий, который впоследствии отдал человеку владычество над морями и обеспечил ему обладание земным шаром, все части которого мог он отныне пробегать.

Мореплавание в 1322 году начинало принимать более смелые стремления. Испанцы отправились на Канарские острова, находившиеся за пятьсот миль от испанского берега, где они начали делать высадки для того, чтобы брать туземцев в рабство.

Первый же регулярный план открытий был задуман португальцами после изгнания мавров из их страны. Эти открытия, естественно, должны были направляться к Африканскому континенту. Мы не будем ничего говорить здесь об успехе этих отважных странствований, а ограничимся только замечанием, что в школе этих смелых мореплавателей образовался Христофор Колумб, которому предоставлена была честь открыть Новый Свет.

Странное дело, напрасно пытаюсь договориться с разными государями, отвергаемый всеми как сумасшедший или мечтатель, Колумб напоследок обратился к Фердинанду и Изабелле, тогда остановившимся перед Гренадой, которую они осаждали. Опять, после долгих переговоров, получил отказ, и уж без всякой надежды на успех он оставил лагерь, чтобы удалиться в Англию, куда уже несколько раз имел намерение отправиться, когда взятие Гренады вдруг изменило намерение обоих государей и заставило их принять предложения, от которых они так решительно отказывались сначала.

Христофор Колумб отъехал уже на несколько миль, когда курьер королевы догнал его. Сделавшись недоверчив от постоянных неудач, этот великий человек нерешительно и с принуждением решился воротиться в Санта-Фэ, где тогда был двор.

В Палосе, маленькой андалузской гавани, был снаряжен флот, который должен был дать Испании Новый Свет. Оснащение, оплаченное королевой, далеко не отвечало величию предприятия, все издержки не превышали ста тысяч франков. Эскадра, отданная под начальство Колумба,

назначенного адмиралом, состояла из трех кораблей умеренной величины, особенно два последних не многим были больше шлюпок.

Адмирал сел на «Санта-Марию», Мартин Алонсо Пинсон получил начальство над «Пинтой», имея лоцманом своего брата, и наконец «Нинья» была отдана под начальство Яньеса Пинсона. Суда эти взяли съестных припасов на год. Экипаж состоял из девяноста человек, матросов и дворян, решившихся последовать за Колумбом.

Незадолго до восхода солнца, 3 августа 1492 года, флот снялся с якоря у Сальтеса близ Гуельвы, в присутствии толпы зрителей, желавших успеха этому необыкновенному предприятию, но большая часть не надеялась увидеть смелых авантюристов.

Наконец, в пятницу 12 октября 1492 года, после шестидесятипятидневного плавания, на восходе солнца заметили остров Гванагани, или Сан-Сальвадор, один из островов Лукайского, или Багамского, архипелага. Великая проблема, до сих пор неразрешимая, была решена: Новый Свет открыт или, лучше сказать, отыскан.

Но только в третье путешествие Колумб достиг Американского континента. 1 августа 1498 года Алоизо Перец, матрос, родившийся в Гуельве, стоявший на часах на марсе, увидел остров Троицы, у устья Ориноко. Адмирал направил судно на запад, открыл континент и поплыл вдоль берегов Парии и Куманы, на которые несколько раз выходил.

Тотчас после первого путешествия адмирала Фердинанд и Изабелла, ослепленные великолепным и неожиданным результатом, достигнутым им, сочли за нужное принять предосторожности, чтобы обеспечить себе обладание землями, которыми их одарил гениальный авантюрист почти против их воли, и теми, которые в будущем он мог еще открыть. Следуя в этом примеру португальцев, которые в 1438 году заставили папу Евгения IV пожаловать им все страны, которые они откроют от мыса Нон до Индийского континента, король и королева обратились к папе Александру VI с просьбой не только укрепить за ними страны, которые они хотели занять, но и те, которые они после открыли.

Александр VI, родившись подданным Фердинанда, желая сделать приятное своему государю, не сделал никаких затруднений, чтобы исполнить его просьбу. Щедрым поступком, который ему не стоил ничего, но который увеличивал власть и притязания папы на всемирное владычество, он отдал буллою испанской короне все страны, открытые Фердинандом и Изабеллой, и те, которые впоследствии они могли открыть; однако, для того чтобы не повредить уступке, сделанной прежде Португалии, Александр VI определил границей между этими двумя государствами воображаемую черту, которая предполагалась проведенною от одного полюса до другого и проходящей в ста милях к западу от Азорских островов, давая полномочию своим все, что было к востоку от этой линии, Португалии, а все страны, находившиеся на западе, Испании.

Основываясь на этой булле, данной в 1493 году папой, который силою своей власти уступал обширные области, не только ему принадлежащие, но положение и даже существование которых было ему неизвестно, испанцы, считая себя законными владельцами Америки, присвоили ее, так сказать, в свою пользу, запретив другим народам не только поселяться там, но и выходить на берег с целью вести торг с жителями. Эти притязания, как ни чудовищны они кажутся нам ныне, не возбудили тогда в Европе никакого опровержения. В то время Старый Свет едва выходил из своих развалин и, занимаясь воздвижением национальностей, для замещения поглощенных опустошительным потоком непрерывных набегов варваров, был слишком серьезно озабочен для того, чтобы предпринимать отдаленные экспедиции и устраивать колонии в неизвестных странах.

Более ста лет дела оставались в таком положении. Испания, владычица моря, на котором имела деятельный надзор, безопасно вывозила в свои гавани золото Нового Света.

Но как ни строга была полиция, устроенная испанским правительством, некоторые иностранцы сумели обмануть ее бдительность. Воротившись в Европу, они показали золото, добытое ими, и пустили в ход баснословные

рассказы о неизвестных областях, которые они объехали. Эти рассказы, переходя из уст в уста, скоро приняли фантастические размеры, жадность пробудилась, из всех гаваней Франции, Англии и даже Германии отправились экспедиции исследовать новый Эльдорадо.

Испанцы, искренне считавшие себя владельцами Нового Света, считали себя ограбленными; они преследовали иностранцев и обращались с ними как с пиратами. К несчастью, ни Франция, ни Англия, ни другие европейские народы не имели флота, способного бороться с испанским, давно устроенным в грозных размерах. Они должны были склонить голову, проглотить свой стыд и признать свое бессилие.

Тогда-то, в то самое мгновение, когда морское могущество Испании казалось устроено на самом прочном основании, одинокие авантюристы, потерпевшие от междоусобных раздоров, изгнанные религиозными войнами, искавшие надежного убежища на уединенных островах Атлантического океана, угрожаемые в этом последнем убежище, решились сделать то, что вся Европа не смела предпринять, и смело бросили перчатку кастильскому колоссу. Эти авантюристы, принадлежащие всем нациям, говоря на всех языках, исповедуя все религии, но связанные между собою взаимностью нищеты и ненависти к угнетению, составили грозное товарищество Береговых Братьев, которое должно было около столетия сдерживать испанское могущество и положить начало европейским колониям в Новом Свете.

В то время, когда происходит наша история, французские военные суда, весьма немногочисленные, оставляли гавани только для коротких экскурсий вдоль берегов, так что торговый флот защищал себя как мог. Правительство не заботилось о нем, поэтому большая часть торговых судов имела многочисленный экипаж и лодки, чтобы защищаться против пиратов, наполнявших моря. Так что хотя Франция и Испания были в мире, французское правительство охотно закрывало глаза на снаряжения, делавшиеся в гаванях, и делало вид, будто принимает за мирных купцов смелых корсаров, приезжавших туда запасаться съестными припасами или даже уезжавших, когда построили себе суда для

того, чтобы преследовать испанские галионы. Поэтому корсары, уверенные заранее в безнаказанности, а в случае надобности в покровительстве французских властей, нисколько не заботились скрывать свои намерения и действовали в Дьеппе, в Нанте или Бресте так бесцеремонно, как будто находились у Антильских островов. Действительно, что могло сказать французское правительство авантюристам? Ничего, потому что для того, чтобы лучше уверить их в своем покровительстве, оно само выбирало губернатора, жившего среди них, чтобы предварительно вычестить на его имя подать из добыч, отнятых у испанцев. Правительства условились, что все, делавшееся по другую сторону экватора, не должно было ни в чем изменять европейский мир. Таким образом, американские моря были нейтрализованы в пользу Береговых Братьев, которые пользовались этой легкостью, чтобы разъезжать по ним во все стороны, гоняясь за кастильскими галионами.

Мы кончим теперь это отступление, конечно очень длинное, но необходимое для уразумения последующих событий, и начнем опять нашу историю с того места, где оставили ее, то есть в ту минуту, когда Филипп, после своего разговора с донной Хуаной, вышел из церкви Мерчед в волнении, которое, несмотря на все его самообладание, он не мог совершенно скрыть. Очутившись на улице, он надвинул на глаза поля шляпы и медленными шагами пошел в гостиницу. Лошадь его была оседлана, и ее держал за поводья пеон, который, как он приехал, сказал ему, чтобы он шел в церковь. Молодой человек сел в седло, бросил золотую монетку пеону и выехал со двора. Ему нечего было более делать в городе; благоразумие предписывало ему ехать как можно скорее. Однако он не ускорил бега лошади и ехал шагом, нисколько не заботясь об ужасной опасности, угрожавшей ему, если бы, несмотря на переодевание, в нем узнали флибустьера. Война испанцев с буканьерами была неумолима и беспощадна; всякий пленник, взятый испанцами, был немедленно повешен; флибустьеры расстреливали пленных: в этом была единственная разница. Впрочем, с той и с другой стороны это делалось необыкновенно скоро.

К счастью для молодого человека, был полдень, знойное

солнце прожигало землю, и жители, спрятавшись в домах для избежания изнурительной жары, отдыхали с запертыми дверями и ставнями, так что улицы были совершенно пусты и по тишине, царствовавшей в городе, он походил точь-в-точь на тот город «Тысячи одной ночи», жителей которой волшебник вдруг превратил в статуи.

Филипп благополучно доехал до ворот, которые за пиастр отворил ему один сонный ланчиро ворча и крепко за ним запер, и скоро очутился за городом. Пред ним расстилались огромные степи, покрытые роскошной растительностью и перерезываемые там и сям почти иссохшими ручьями. Оглянувшись на город, уже закрытый деревьями, он глубоко вздохнул и, пригнувшись к шее лошади, поскакал галопом, не обращая внимания на жару, увеличивавшуюся каждую минуту и становившуюся нестерпимой. Филипп чувствовал потребность сильным моционом и большой физической усталостью дать другое течение своим мыслям.

Уже более двух часов скакал он таким образом. Лошадь его начинала утомляться и замедлять свой бег, как вдруг обрадованный голос закричал:

— Я знал, что встречу его здесь!

Молодой человек остановился и с удивлением осмотрелся вокруг. На камне, под тенью огромного дерева, сидел человек и смотрел на Филиппа с насмешливым видом, выпуская клубы дыма из трубки с коротким чубуком.

— Питриан!— с удивлением вскричал Филипп.— Что ты тут делаешь, мой милый?

— Жду вас, господин Филипп,— ответил тот, вставая и подходя взять поводья лошади, пока молодой человек сходил наземь.

Этот Питриан был высокий, широкоплечий молодчик, лет тридцати пяти. Его умная, веселая физиономия как бы освещалась серыми глазами, вечто двигавшимися и сверкавшими смелостью и тонкостью; его кожа, сморщенная и загорелая от ветра, дождя, солнца и моря, приняла кирпичный цвет, делавший его более похожим на караиба, чем на европейца, хотя он был француз и парижанин. Костюм его был самый простой и самый первобытный; он состоял из небольшого холщового плаща и панталон,

спускавшихся до половины бедра. Надо было присмотреться вблизи, чтобы узнать, холстинная или нет эта одежда, так она была запачкана кровью и жиром. Старая шляпа с козырьком, пришитым спереди, покрывала его голову; за поясом у него был футляр из крокодиловой кожи, в котором находились четыре ножа и штык, и он положил возле себя под рукою одно из тех длинных ружей, которые Браши в Дьеппе и Желен в Нанте делали нарочно для буканьеров.

Питриан снял седло с лошади и начал прилежно обтирать ее, ворча сквозь зубы.

— Что ты там бормочешь, животное?— спросил, смеясь, молодой человек, который удобно лег в тени и играл с собаками работника.

— Животное!— отвечал тот, пожимая плечами.— Я знаю, ваша лошадь тоже животное. Возможно ли испортить таким образом благородную скотину?

Филипп расхохотался.

— Хорошо!— сказал он.— Ворчи, это облегчит тебя. Кстати, знаешь ли, что я умираю с голода; нет ли у тебя чего перекусить?

Работник, по-видимому, не слышал этого вопроса и продолжал обтирать лошадь. Филипп давно знал этого человека, он не настаивал и терпеливо ждал, чтобы Питриан занялся им. Питриан отвел лошадь в тень, дал ей напиться, положил перед ней две вязанки травы, потом приблизился к молодому человеку, который притворился, будто не думает о нем.

— Итак, вы говорите, что вы голодны?— резко спросил он.

— Еще бы! Я ничего не ел со вчерашнего дня.

— Есть смысл оставаться так долго без еды!— сказал он с досадой.— Но вы, должно быть, страшно проголодались?

— Признаюсь, я очень голоден.

— Я думаю! К счастью, я человек предусмотрительный, меня врасплох не застанут; посмотрите под моей палаткой.

Филипп посмотрел, там на листе, заменяющем тарелку, лежал большой кусок вареной говядины и стояла горлянка с водой.

— Я знал, что вы попросите у меня есть; вы видите, я запасся.

— Ты драгоценный человек,— сказал Филипп, схватив говядину,— разве ты не составишь мне компанию?

Они сели друг против друга, взяли ножи, и обед начался.

— Теперь,— сказал молодой человек,— ты сделаешь мне удовольствие и объяснишь, каким образом я нахожу тебя здесь?

— О! Это очень легко: я вас искал.

— Как! Ты меня искал?

— Капитан Пьер Легран сказал мне сегодня утром: «Я должен непременно сегодня вечером видеть моего друга Филиппа в гостинице «Лосось». Я не знаю, куда он запропастился. Отыщи его, Питриан, и не возвращайся без него». Я отправился отыскивать — вот и все.

— Ты отправился отыскивать, это очень хорошо, но как же ты пошел в эту сторону, а не в другую?

Питриан расхохотался.

— Ничего не может быть проще,— сказал он.— Я дал понюхать ваше платье Миро и сказал ему: «Ищи, Миро, ищи!» Добрая собака вертелась туда и сюда несколько минут, потом отыскала ваши следы и привела меня; теперь вы понимаете?

— Почти,— ответил молодой человек, бросая на работника подозрительный взгляд,— но разве Пьер хочет говорить со мною о чем-нибудь серьезном?

— Кажется.

— Ты не знаешь ничего?

— Ни капельки, только он непременно ждет вас в гостинице.

— Буду.

— А мною вы занялись, господин Филипп?

— Да, я устроил твое дело.

— В самом деле?

— Честное слово! Ты теперь мой, я купил тебя у Пьера за четыре собаки и бочонок с порохом.

— Это не дорого.

— Он черт знает как дорожил тобой.

— Я думаю! Он с трудом найдет такого другого, как я.

— Вот это устроено, ты можешь быть спокоен.

— Благодарствуйте, я ваш и телом и душой на два года, потом я буду свободен.

— Это решено.

— Да здравствует веселье! Я не отдал бы свое настоящее положение за сто луидоров с изображением короля французского; кстати, я принес ваше ружье, пороховницу и мешок с пулями.

— К чему?

— Неизвестно, что может случиться, несчастье скоро является, а по моему мнению, ничего нет глупее, как дать себя убить ни за что, ни про что.

— Ты прав.

Говоря таким образом, Филипп взял ружье, зарядил его и положил возле себя. Авантюристы отдыхали долго; жара была так сильна, что они предпочли дать пройти сильному зною, прежде чем отправились в путь. Было около пяти часов вечера, когда наконец они подумали об отъезде. Питриан сложил свою палатку из тонкого полотна, перекинул ее через плечо, оседлал лошадь. Филипп хотел на нее садиться, когда собаки вдруг наострили уши и начали жалобно лаять.

— Это что такое?— спросил Питриан.— Разве здесь в окрестностях есть испанцы, мои добрые собаки?

Собаки устремили сверкающие глаза на работника и завертели хвостами, повернув головы к тропинке, которая вела в город.

— Посмотрим, что это, мои красавчики,— сказал Питриан и, бросившись к дереву, ухватился за ствол и ловко влез на дерево с быстротою обезьяны. Через несколько минут он спустился.

— К нам едут гости,— сказал он.

— Хорошо, будем же вежливы и приготовимся хорошенько их принять,— отвечал Филипп, смеясь,— много их?

— Человек двадцать, насколько я мог различить.

— Немного.

— Я сам так думаю; притом они кажутся мне довольно мирными людьми. Это ланчери (копьеносцы), провожающие носилки, запряженные лошадами.

— Хорошо. Пусть едут.

Через несколько минут погремушки лошаков и хлопанье бича майорала слышались недалеко. Оба авантюриста бросились решительно с ружьями в руках и стали среди тропинки.

— Стой!— закричал Филипп громовым голосом.

Но это воззвание было бесполезно; при неожиданном появлении авантюристов лошади и солдаты остановились как бы по взаимному согласию; до того безумная отважность этих двух человек испугала их. Авантюристы обменялись насмешливыми улыбками и, небрежно бросив ружья под мышку, подошли к носилкам.

— Куда едете вы, проклятые испанцы?— грубо спросил Филипп у человека долговязого и желтого, дрожавшего всем телом, который казался начальником каравана.

— Мы путешествуем, благородный кабальеро,— отвечал тот невнятным голосом и низко кланяясь.

— Скажите пожалуйста!— сказал, смеясь, Питриан.— И вы путешествуете таким образом без позволения?

Тот не отвечал и со страхом осмотрелся вокруг, в руках солдат копья дрожали, так испуг был их велик.

— Ну,— насмешливо продолжал Питриан,— покажите-ка нам, кто запрятался в эти носилки, чтобы мы могли судить, какое уважение следует ему оказывать.

— Извольте, сеньор,— сказал кроткий и выразительный голос, при звуке которого Филипп вдруг задрожал.

Занавеси носилок раздвинулись, и очаровательное, грациозное личико донны Хуаны показалось в промежутке. Филипп взглядом приказал Питриану молчать и, сняв шляпу, сказал, почтительно поклонившись:

— Сеньорита, извините нескромное любопытство и продолжайте ваш путь, клянусь вам, никто не беспокоит вас.

— Я извиняю вас, кабальеро,— отвечала она с кроткой улыбкой.— Поезжайте,— обратилась она к майоралу.

— Позвольте пожелать вам благополучного пути, сеньорита,— печально продолжал молодой человек.

— Надеюсь, что оно окончится благополучно,— сказала она,— потому что оно началось хорошо.

Она поклонилась в последний раз, и носилки удалились. Филипп остался неподвижен, наклонив голову, со шляпой

в руке, до тех пор, пока караван исчез за углом тропинки, и вдруг, выпрямившись, глубоко вздохнул.

— Ты видел эту женщину, Питриан?— спросил он работника задыхающимся голосом.— Я люблю эту женщину, она моя невеста, она уносит с собой мое сердце!

— Хорошо!— смеясь, сказал Питриан.— Она должна возвратить его вам, если бы даже нам пришлось разрушить все испанские колонии, для того чтобы отыскать ее.

— Я дал клятву жениться на ней.

— Клятва священна для дворянина. Мы ее сдержим, я не знаю, как мы это сделаем, но мой отец, который был не дурак, говорил: тот всего дождетсЯ, кто умеет ждать, и он был прав.

Через десять минут авантюристы отправились по дороге в Порт-де-Пэ, куда прибыли к девяти часам вечера.

IV

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИК

Филипп отпустил своего работника и отправился наскоро в гостиницу, невольно тревожась насчет этого назначенного свидания, которого он не понимал; должно быть, случились обстоятельства очень важные, если Пьер Легран, вместо того чтобы просто ждать его в их общей квартире, призвал его в гостиницу в такое позднее время.

Появление дяди, которого он считал находящимся на острове Св. Христофора, где он был губернатором, явилось для него проблеском света и предостережением, чтобы он остерегался. Действительно, д'Ожерон не только был человек деятельный, очень заботившийся о чести авантюристов, опасности которых он несколько лет разделял, но кроме того, очарованный удовольствиями этой жизни, исполненной сильных ощущений и неожиданностей, он посвятил себя телом и душою счастью своих товарищей по оружию и мечтал о правильной организации их ненадежных убежищ, о том, чтобы дать Франции богатые колонии, превратив всех этих смелых хищных птиц, этих

отважных пленителей моря в мирных жителей и в трудолюбивых колонистов.

Этот план, достойный во всех отношениях человека с таким возвышенным умом и с таким обширным разумом, он старался исполнить всеми способами, жертвуя даже личным состоянием для его осуществления. Словом, он продолжал мысль Ришелье, которому хотелось если не совсем уничтожить огромную власть испанцев в Америке — дело невозможное пока, — то по крайней мере уравновесить ее, так чтобы большая часть богатств Нового Света служила в пользу Франции, будучи похищенная у Испании.

Французское правительство понимало величие этой благородной и патриотической идеи, но, слишком слабое для того, чтобы подкреплять д'Ожерона воинственными демонстрациями, оно могло только тайно поощрять его и предоставить ему полную волю, обязавшись заранее утвердить все, что он вздумает сделать.

Как ни ненадежна была эта слабая подпора, д'Ожерон удовольствовался ею и смело принялся за дело. Но задача была самая тяжелая: флибустьеры, привыкшие к полной свободе, к самой необузданной вольности, нисколько не были расположены сгибать голову под игом, которое хотел наложить на них губернатор острова Св. Христофора; они уверяли довольно основательно, что Франция, отвергнувшая их как испорченных членов своей семьи и предоставившая их самим себе, когда они были слабы, не имела теперь права, когда они стали сильны и отважны, вмешиваться в их дела и предписывать им законы.

Всякий другой человек, кроме д'Ожерона, без сомнения, отступил бы перед трудной задачей обуздать этих неукротимых людей, но этот могучий разум, поддерживаемый убеждением в исполнении великого и благородного подвига, напротив, был подстрекаем препятствиями неожиданными, которые на каждом шагу являлись со всех сторон, чтобы помешать успеху его планов. Не прошло четырех лет, как д'Ожерон начал это гигантское дело нравственного исправления, как уже его опыты принесли плоды и заметная перемена начала обнаруживаться в нравах авантюристов; невольно подчинялись они родительскому влиянию этого

человека, который посвятил себя их счастью и которого они привыкли уважать, как отца.

Д'Ожерон понял, что для достижения этой цели он должен не только прямо напасть на законы Береговых Братьев, но смело сделать почин самому, став во главе этого общества, и управлять его предприятиями. Авантюристы, которым лестно было видеть своим предводителем такого человека, весьма слабо сопротивлялись ему, убежденные в выгодах твердого и разумного управления.

Добившись этого результата, д'Ожерон уехал во Францию, и хотя в то время был самый разгар Фронды, он отправился в Булонь, где тогда находился кардинал Мазарини, которого принцы принудили удалиться, но который, однако, из этого изгнания тайно управлял делами короля. Министр благосклонно принял авантюриста, уговаривал его продолжать, любезно соглашался на все его просьбы, и д'Ожерон, не теряя ни минуты, уехал из Булони в Дьепп, откуда отплыл на остров Св. Христофора.

Но в его отсутствие случилось много событий, принудивших губернатора изменить намерение, задуманное им, и отложить на несколько времени его планы реформ.

Испанцы грубо начали дело против флибустьеров, разбили их в нескольких схватках, захватили большое их число и повесили безо всякого суда, и наконец смелым нападением отняли остров Черепакса, который укрепили грозным образом и где оставили многочисленный гарнизон под командою храброго и опытного офицера.

Потеря острова Черепакса нанесла губительный удар могуществу авантюристов, лишив их надежного убежища недалеко от Сан-Доминго и, следовательно, на пути испанских судов. Сверх того, это был урон постыдный и пятно, запечатленное кровавыми буквами на чести флибустьеров, которых до сих пор считали непобедимыми. Надлежало во что бы то ни стало отнять остров Черепакса, это орлиное гнездо, откуда так безопасно бросались флибустьеры, чтобы неожиданно нападать на испанские колонии.

Только что воротившись, д'Ожерон, не объявляя о своем присутствии жителям острова, надел флибустьерский костюм и сел с двумя своими людьми в небольшую лодку и сумел пройти неприметно среди многочисленных крейсеров,

и после семнадцатидневного путешествия, в котором он раз сто чуть не погиб, он высадился здоров и невредим в Порт-де-Пэ. Приехав в Сан-Доминго, губернатор отправил одного из своих людей к Пьеру Леграну, старому флибустьеру, которого он знал давно, назначил ему свидание в гостинице, и открыл ему свои планы, и, чтобы принять последние меры для успеха своего предприятия, стал уговариваться со своим племянником Филиппом, который имел сильное влияние на флибустьеров, благодаря своей необыкновенной энергии, львиному мужеству, а особенно удачи, сопровождавшей все его предприятия.

Д'Ожерон заметил на лице молодого человека выражение беспокойства, которое внезапно появилось, когда было упомянуто об острове Черепеха. Старик нахмурил брови и, устремив на молодого человека проницательный взгляд, спросил:

— Что это значит, Филипп? Ты колеблешься напасть на испанцев?

— Нет, дядюшка,— отвечал Филипп с очевидным замешательством,— я не колеблюсь, сохрани меня Бог!

— Только ты отказываешься,— сказал дядя с насмешкой.

Молодой человек побледнел еще более, если возможно, при этой язвительной иронии.

— Вы не понимаете смысла моих слов, дядюшка,— почтительно ответил он.

— Так объяснись откровенно,— сказал губернатор с нетерпением,— надо знать по крайней мере, что у тебя на уме.

Хотя уже очень пожилой, д'Ожерон, все еще молодой сердцем и умом, сохранил от прежней отважной жизни раздражительность, которая при малейшем противоречии заставляла кровь бросаться ему в лицо и возбуждала в нем страшный гнев.

— Я очень желаю объясниться, дядюшка, только сделаю это с условием.

— С каким? Говори.

— Вы должны слушать меня спокойно и не сердиться.

— Где же ты видишь, чтобы я сердился, черт побери!— вскрикнул раздражительный старик, ударив кулаком по столу так, что тот чуть не сломался.

— Видите, вы уже начинаете!

— Отправляйся к черту!

— Я ничего лучше не желаю,— ответил Филипп, делая шаг назад.

Но дядя торопливо остановил его за полу кафтана.

— Полно, оставайся здесь, и будем говорить,— сказал он кисло-сладким тоном.

— Хорошо, лучше кончить сейчас.

— Я сам так думаю.

— Вы хотите взять Черепаху?

— Хочу.

— Чем?

— Как чем?

— Я полагаю, что вы не имеете притязания захватить остров один?

— Еще бы!

— Так что же намерены вы делать? Гарнизон испанский многочислен, офицер, начальствующий им, опытен; он всегда остерегается, зная очень хорошо, что когда-нибудь мы вздумаем напасть на него врасплох, сверх того, он окружил остров укреплениями всякого рода.

— Я знаю все это, далее!

— Как далее?

— Да разве ты хочешь этим сказать, что остров Черепаха неприступен?

— Я не хочу этого говорить, напротив, я только хочу заставить вас понять, как затруднительна эта экспедиция, особенно теперь.

— Отчего же именно теперь?

— Оттого, что все наши самые храбрые братья в отсутствии и здесь никого не осталось.

— Я уже заметил это господину д'Ожерону,— сказал Пьер Легран, выбивая трубку на угол стола.

— А что я на это отвечал?

— Вы отвечали, что без отсутствующих можно обойтись.

— И опять отвечу то же, слышишь ли, племянник?

— Слышу очень хорошо, дядюшка.

— Ну, теперь ты хочешь, чтобы я сказал тебе мое мнение обо всем этом?

— Мне будет очень лестно узнать его, дядюшка.

— Вот мое мнение, милостивый государь: по причинам, неизвестным мне, но которые, будьте покойны, я узнаю, вы не желаете, чтобы Черепаха была атакована.

— О, дядюшка!— сказал Филипп, краснея.— Можете ли вы предполагать что-нибудь подобное?

— Полно, полно, племянник! Со мною увертки бесполезны, я слишком стар, чтобы меня можно было обмануть.

Молодой человек сделал усилие над собою.

— Вы действительно предлагаете нам отнять остров у испанцев?— спросил он резко.

— Конечно.

— Когда так, выслушайте меня, дядюшка.

— Я ничего лучше не жслаю. Вот уже целый час я приглашаю тебя говорить.

— Это дело слишком важное,— продолжал Филипп.— Его нельзя обсуждать здесь, куда всякий может войти, притом трактирщик ненадежен, испанских шпионов много в Порт-де-Пэ, наш план будет открыт тотчас же неприятелю.

— Все это очень хорошо. Вот я люблю, когда ты так говоришь.

— Сохраните ваше инкогнито, дядюшка, ваше присутствие здесь не должно быть известно, мы с Пьером послезавтра созовем наших братьев на островок Марго.

— Для чего послезавтра? Для чего на островок?

— Для того, что на островке никто не может шпионить за нами, там мы будем у себя и поговорим свободно.

— Хорошо, но послезавтра поздно.

— Надо время, чтобы предупредить наших друзей, сверх того нам нужны положительные сведения о состоянии обороны Черепахи.

— Правда, но кто нам доставит эти сведения?

— Я, черт возьми! Я проберусь на остров, и положитесь на меня, от меня ничто не ускользнет.

— Мы отправимся оба,— с живостью сказал Пьер.

— Благодарю, я пойду один, это будет гораздо лучше, один человек может спрятаться всегда, двое рискуют попасть в засаду.

— Как хочешь, друг.

— Это решено, дядюшка?

— Да, ей-Богу, решено, Филипп, ты настоящий молодец! Мне теперь жаль, что я вспылил на тебя.

— Ба! Забудьте это, дядюшка, я уже сам не помню.

— Решено, послезавтра.

— Непременно.

— Только не дай себя убить.

— Не так глуп! Испанцы меня не увидят.

— Теперь, что мы будем делать?

— Уйдем. Становится поздно, и вам надо отдохнуть.

— Итак, ты предлагаешь мне гостеприимство, Пьер?

— Еще бы! Хорошо было бы иначе!

Пьер позвал трактирщика, расплатился, и все трое встали, чтобы уйти. В ту минуту, когда они дошли до дверей, молния прорезала темноту и страшный удар грома потряс стекла.

— Э! э!.. это что такое?— спросил д'Ожерон.

— Начинается ураган,— отвечал Пьер.— Он собирается уже два дня. Я жалею о судах, которые пытаются пристать к берегу в подобную бурю.

— Шш!— вдруг вскричал Филипп, с живостью наклонив голову вперед.— Вы слышали?

— Что такое?— спросили они.

— Пушка?

— Как пушка?— вскричали они с беспокойством.

— Слушайте! Слушайте!..

Они прислушались, прошло несколько секунд, потом звук слабый, но в котором опытный моряк ошибиться не мог, послышался два раза.

— Это пушка!— вскричали они.

— Погибает судно.

— Да, да,— сказал д'Ожерон, печально качая головой.— Это сигнальная пушка, потому что ветер гонит судно к берегу и оно чувствует себя погибшим; но кто попытается помочь ему в такую бурю?

— Я, если не найдется никого другого!— благородно вскричал Филипп.

— Мы!— повторил Пьер, спокойно снимая свое красивое вышитое платье и старательно складывая его, чтобы не испортить.

— Вы с ума сошли, государи мои,— сказал д'Ожерон,—

да вы утонете двадцать раз, прежде чем приметите это судно. Притом, почему вы знаете, что это наши? Это, вероятно, какой-нибудь испанский крейсер, который прибило к берегу.

— Когда так, тем лучше, дядюшка!— весело сказал Филипп.

— Как тем лучше! Это почему?

— Потому что мы его возьмем,— отвечал Филипп, смеясь.

Д'Ожерон, поставленный в тупик этим ответом, потупил голову, сложил руки и пожал плечами. Такая смелость превосходила все, что он видел до сих пор.

— Ах, как я сожалею о Питриане в эту минуту!— сказал Пьер.

— Почему так, сударь?— спросил работник, неожиданно появившись.

— А! Ты здесь, мой милый! Добро пожаловать, ты, верно, колдун.

— Никак нет-с, только я догадывался, что буду здесь вам нужен, и пришел.

— Ты хорошо сделал. С тобой и моим приятелем Филиппом, я уверен, что мы успеем.

— Кто в этом сомневается!— просто ответил Питриан, даже не спрашивая, о чем идет дело.

— Проворнее!— вскричал Филипп.— Найдем лодку.

— Это будет не трудно,— сказал Пьер, смеясь.

Все трое, оставив д'Ожерона на пороге двери, бегом пустились к берегу.

V

ГЕРЦОГ ПЕННАФЛОР

За месяц до начала нашего рассказа, человек на сильной гнедо-чалой лошади и старательно закутанный в толстые складки длинного плаща ехал по едва проложенной дороге от Медаллина до Веракруса.

Было около одиннадцати часов утра, морской ветерок

спал, и жар начинал становиться изнурительным в этих бесплодных и песчаных окрестностях, которые окружают город и по которым всадник ехал шагом. Осмотрев окрестности подозрительно, всадник, успокоенный полным уединением, окружавшим его, решился снять с себя плащ и бросил его через седло.

Тогда легко было узнать молодого человека лет двадцати двух, с тонкими и благородными чертами; его широкий лоб, черные глаза, насмешливый рот с легкими темно-каштановыми усами, придавали его овальному лицу выражение гордости, презрения и жестокости; он был высок и строен, члены сильные, движения имели чрезвычайное изящество и непринужденность; костюм его, черный бархатный с серебряными позументами, прекрасно выставлял матовую белизну лица. Короткая шпага в серебряных ножнах доказывала, что он был благородного происхождения, потому что только одни дворяне имели в то время право носить шпагу; из-под шляпы из вигоневой шерсти, низкой и с широкими полями, выбивались длинные локоны черных волос, падавшие в беспорядке на плечи; ботфорты из желтой кожи с тяжелыми серебряными шпорами заходили выше колен. Словом, это был блистательный кавалер, донжуановская наружность которого должна была нравиться сладострастным всакускам и внушать ревность множеству мужей.

Только в нескольких шагах от города надел он свой плащ, потом проехал Гвариту и скоро достиг первых домов предместья Техерия. Впрочем, путешественник недалеко заехал в это предместье, скоро лошадь его сама остановилась перед черным и ветхим домом, массивная дверь которого любопытной резьбы тотчас отворилась для него. Молодой человек сошел с лошади и бросил поводья пожилому слуге, который, заперев дверь, подошел к нему, сняв шляпу:

— Герцог спрашивал меня, Эстеван?— сказал по-испански молодой человек слуге.

— Два раза, граф,— почтительно ответил Эстеван.

— Он не тревожился и не сердился на мое отсутствие?

— Не сердился, а тревожился, ваше сиятельство.

— Здесь нет ничего нового?

— Нет, ваше сиятельство, в те два дня, в которые продолжалось ваше отсутствие, герцог оставался взаперти в своих комнатах. Раз только он вышел, чтобы проститься с губернатором.

— Герцог едет?

— Приказано готовиться сегодня вечером, ваше сиятельство, ничего не изменено.

— Ко мне не приносили ничего?

— Сегодня утром, около часа тому назад, приходил человек с двумя комиссионерами, которые принесли сундуки.

— Хорошо, я приведу в порядок свой костюм, потом пойду к герцогу. Доложите ему о моем возвращении, Эстеван.

Слуга поклонился, передал лошадь конюху и вошел в дом заднею дверью, а молодой человек вошел в парадную дверь, поднялся на первый этаж, повернул ключ в двери и очутился в передней, где возле стен стояло несколько сундуков, те, о которых говорил Эстеван. Молодой человек прошел в эту комнату не останавливаясь и вошел в спальню, вероятно свою, потому что тотчас стал переменять свой костюм, измятый в дороге.

Он совершенно переоделся и бросил последний взгляд в зеркало, когда появился Эстеван.

— Чего вы желаете?— спросил он.

— Герцог ждет вас, граф, в столовой,— отвечал слуга, кланяясь.

— Ступайте, я иду за вами,— сказал граф.

Они спустились в нижнее жилье, прошли несколько комнат, богато меблированных и наполненных лакеями в парадных ливреях, пажами и конюшими, стоящими или сидящими, которые молча кланялись молодому человеку, и наконец остановились перед дверью, возле которой стояли два лакея с золотыми цепями на шее. Один отворил дверь, второй приподнял портьеру и доложил:

— Сеньор граф дон Гусман де Тудела.

Граф вошел в сопровождении Эстевана, на котором ливреи не было и который казался доверенным слугой. За ними портьера опустилась, и дверь затворилась. Комната, в которой находился тогда молодой человек,

была столовая. Два человека сидели за столом, поставленным среди комнаты и покрытым кушаньями, до которых еще не дотрагивался никто. Кравчий и двое слуг в черном с серебряными цепями на шее ждали приказа подавать.

Из двух человек, сидевших за столом, первый был старик лет восьмидесяти по крайней мере; хотя его волосы и борода были ослепительной белизны, однако он был еще прям и бодр; его черные глаза были исполнены огня и молодости, выражение лица жестко, мрачно и печально. На нем был богатый костюм из черного бархата, вышитый серебром, а на шее ордена Св. Духа и Золотого Руна. Это был герцог Пеннафлор.

Человек, сидевший возле него и моложе его по крайней мере тридцатью годами, был сын его, маркиз дон Санчо Пеннафлор. Несмотря на сорок лет, это был еще человек молодой; ни одной морщины не виднелось на его лбу, чистом и гладком, как будто ему было только двадцать лет; его красивое и мужественное лицо имело выражение веселости и беззаботности, составлявшее контраст с мрачной серьезностью отца. Костюм его, по последней моде французского двора, был сумасбродно богат и шел к нему восхитительно; он играл в эту минуту золотым эфесом своей шпаги, напевая вполголоса сегидилью.

— Добро пожаловать, дон Гусман,— сказал герцог, протягивая молодому человеку руку, которую тот почтительно поцеловал,— мы ждали вас с нетерпением.

— Ваша светлость,— отвечал граф,— только одна важная причина, независимая от моей воли, могла удержать меня вдали от вас.

— Мы не делаем вам упреков, милостивый государь, после вы нам объясните, что вы сделали, а теперь садитесь. Подавайте,— прибавил он, обратившись к кравчему.

— Э! Дон Гусман,— сказал маркиз, с любопытством на него смотря,— как вы нарядны, любезный кузен, я не видал у вас этих великолепных кружев. Это английские, не так ли?

— Да, кузен,— ответил граф.

— Пожалуйста, дайте адрес купца Эстевану.

— Я сделаю лучше, кузен,— сказал граф, улыбаясь,— если эти кружева так вам нравятся, я подарю их вам.

— Ей-Богу!— весело вскричал маркиз, потирая себе руки.— Это правда, я было забыл, верно, пройдет много времени, прежде чем вы...

— Вы, верно, сошли с ума, маркиз, что говорите такие вещи,— грубо перебил герцог, бросив на него строгий взгляд.

Дон Санчо потупил голову и закусил губы. Обед продолжался молча. Герцог и граф были озабочены, только маркиз сохранял свою обыкновенную веселость. Когда сладости были поставлены на стол, герцог сделал знак, слуги исчезли. Трое собеседников остались одни. Маркиз хотел встать.

— Что вы делаете, дон Санчо?— спросил герцог.

— Я оставляю вас, батюшка,— ответил он,— вы будете говорить о серьезных вещах с моим кузеном, мне лучше уйти.

— Оставайтесь, дело это касается вас более, чем вы предполагаете.

— Если вы желаете, я останусь, хотя не вижу, в чем мое присутствие может быть полезно здесь.

Герцог подал ему запечатанный конверт.

— Прочтите, это вам, я получил сегодня утром.

— Королевский приказ!— вскричал маркиз с удивлением.

— Да. Король удостоил, по моей просьбе, назначить вас губернатором острова Сан-Доминго.

— О! Батюшка, как я вам признателен!— вскричал маркиз, целуя руку герцога.

— Я хотел иметь возле себя единственного сына, остающегося у меня.

— Разве вы намерены уже оставить Новую Испанию, батюшка?

— Один и тот же курьер привез ваше назначение и приказание мне ехать в Панаму.

— Какая честь для нашей фамилии!

— Его величество осыпает нас милостями.

— Позвольте мне, герцог,— сказал граф,— присоединить мои поздравления к поздравлениям моего кузена.

— Вы отчасти причиною того, что случилось, дон Гусман,— с улыбкой ответил герцог.

— Я?— с улыбкой сказал граф.

— Конечно. Чтобы обеспечить успех трудного предприятия, вверенного вам, я согласился, несмотря на преклонные лета, принять место губернатора в богатой провинции Панама, убежденный, что, будучи уверены получить от меня помощь во всем, вы не колеблясь будете исполнять вашу обязанность до конца. Мы с вашим кузеном отправимся почти в одно время с вами. Дон Санчо будет служить нам посредником, таким образом, нам нечего будет опасаться измены, и мы ни с кем не разделим славы освобождения нашего отечества от ожесточенных врагов, которые столько лет бросали ему дерзкий вызов.

— Благодарю вас и постараюсь, клянусь вам, оправдать ваше доверие ко мне.

— Потрудитесь рассказать мне в двух словах, что вы делали в эти два дня.

— Я, кажется, исполнил вполне ваши поручения. Я уговорился с человеком, на которого вам указали; человек этот теперь вполне предан мне, сегодня же он должен меня представить капитану брига «Кайман», который завтра выйдет из гавани.

— И вы уверены в этом человеке?

— Как в себе самом.

— Итак, мы простимся с вами, потому что мы также уезжаем. Я написал инструкции, от которых вы не должны отступать; они содержатся в этой бумаге, возьмите ее и остерегайтесь, чтобы ее не похитили у вас.

Граф взял бумагу из рук герцога.

— Эти инструкции я выучу наизусть,— сказал он,— потом, когда они запечатлятся в моей памяти, я сожгу бумагу.

— Это будет благоразумнее,— улыбаясь, сказал герцог.

— Итак, кузен, мы будем там врагами,— весело сказал маркиз,— берегите себя и не позволяйте моим пятидесятиникам застать вас врасплох.

Герцог, склонив голову на грудь, глубоко размышлял.

— Вы будете с сильными людьми,— продолжал маркиз.— Я ведь знаю их давно.

— Вы с ними сражались, кузен?

— Я несколько раз имел с ними дело, то как друг, то как враг, это демоны! Однако,— прибавил он меланхолическим тоном, очень удивившим молодого человека,— я не могу дурно говорить о них, менее, чем всякий другой, я имел бы на это право.

— Потрудитесь объясниться, кузен...

— К чему?— перебил маркиз с живостью.— Вы сами узнаете их, помните только, что это люди во всем значении этого слова; они имеют все пороки и все добродетели, свойственные человеческой натуре: заходят так же далеко в хорошем, как и в дурном, всегда становятся выше каких бы то ни было событий, и ненависть к деспотизму породила в них неукротимую вольность, которую они величают именем свободы, слово, выдуманное ими и которое они одни могут понимать.

— Судя по тому, что вы мне говорите, кузен, я вижу, что мне придется очень трудно.

— Более, чем вы предполагаете, кузен. Дай Бог, чтобы вы не погибли в этом труде! Ах!— прошептал он вполголоса.— Для чего вы приняли это опасное поручение?

— Что мог я сделать?— отвечал граф тем же тоном.

— Это правда,— сказал маркиз, и, бросив взгляд на герцога, все погруженного в мысли, он продолжал:— Я не могу разговаривать с вами, как мне хотелось бы, дон Гусман, однако послушайте; так как я теперь губернатор в Сан-Доминго, я мог бы, кажется, быть вам полезен; вы знаете, какую дружбу я питаю к вам; не делайте ничего, не посоветовавшись со мною, может быть, мои советы будут вам полезны.

— Я тронут до глубины сердца вашими словами, кузен, но как же я увижусь с вами?

— Не беспокойтесь, вы получите от меня известие, мне остается прибавить только одно слово: будьте осторожны, самое легкое подозрение будет сигналом вашей смерти, эти люди не прощают, я имел доказательство.

В эту минуту герцог приподнял голову и провел рукою по лбу. Бросив повелительный взгляд на маркиза, как бы приказывая ему молчать, он наклонился к графу, и тоном

кротким и нежным, который граф слышал от него очень редко, он сказал ему:

— Дитя мое, через минуту мы расстанемся и, может быть, не увидимся никогда; я не хочу разлучиться с вами, не открыв вам некоторых обстоятельств, которые вам нужно, я скажу, даже необходимо, знать для успеха поручения и для успокоения вашей совести.

— Я слушаю вас с уважением и признательностью,— ответил молодой человек,— вы были для меня отцом, я всем обязан вам, я был бы самый неблагодарный человек на свете, если бы не имел к вам искреннего и глубокого уважения.

— Я знаю ваши чувства, дитя мое, я верю доброте вашего сердца и правоте вашего образа мыслей, вот почему я хочу до нашей разлуки разъяснить вам историю вашего детства, в чем я вам отказывал до сих пор. Вам известно, что наша фамилия одна из знатнейших в Испании, она восходит к первым временам монархии; наши предки всегда высоко ставили честь нашего имени, которое передали нам незапятнанным. Ваша мать была моя сестра; вы видите, дитя мое, что вы близкий мне родственник, потому что я вам дядя. Ваша мать, донна Инесса Пеннафлор, была гораздо моложе меня и еще ребенок, когда я женился. По смерти моего отца я сделался ее опекуном. В то время, о котором я вам говорю, любезный Гусман, Франция и Испания были в войне; по причинам, о которых бесполезно вам говорить, сестра моя была отдана в монастырь в городе Перпиньян, который тогда еще принадлежал нам; прошло несколько лет, Перпиньян, осаждаемый самим кардиналом Ришелье лично, был принужден сдаться после продолжительной и геройской обороны. Я приказал взять сестру мою из монастыря и отвезти ее в Испанию. Я нашел ее умирающей; монастырь был разграблен французами. Прогнанные и разбежавшиеся монахини укрылись где могли; сестра моя нашла убежище в бедной испанской семье, где я с трудом мог ее найти. Беспокоясь ее болезнью, я позвал доктора, чего бедные люди, принявшие ее к себе, сделать не могли по своей нищете. Сестра моя не хотела видеть доктора, я с величайшим трудом убедил

ее принять его. Он долго оставался у нее, когда наконец он уехал, я поспешил расспросить его; лицо его было печально, он отвечал на мои вопросы с принужденным и смущенным видом. Я вошел в комнату сестры, она плакала и также ничего не хотела мне сказать. Доктор воротился к вечеру, я снова расспросил его, он сказал мне несколько пошлых утешений, и мне показалось, что он старался удалить меня; настойчивость, с какою он уговаривал меня идти спать, внушила мне подозрения, я предчувствовал несчастье; я притворился, будто соглашаюсь, и вышел, но как только он вошел в спальню моей сестры, я проскользнул в комнату, отделенную от ее спальни одной перегородкой, и прислушался; скоро я узнал всю правду: сестру мою обольстил один француз, потом бросивший ее. Что мог я сделать? Я не колеблясь простил бедному обманутому ребенку, только потребовал, чтобы она назвала мне своего обольстителя. Человек этот носил одно из знатнейших имен французского дворянства. Я поехал к нему в Париж, где он находился тогда. Я требовал от него, чтобы он загладил сделанное им преступление, он захохотал мне в лицо и повернулся ко мне спиною, тогда я нанес ему одно из тех оскорблений, которые требуют крови; дуэль была назначена на другой день; он опасно ранил меня. Два месяца находился я между жизнью и смертью, наконец стал выздоравливать. Враг мой уехал из Парижа. Мне невозможно было узнать его местопребывание, и я воротился в Перпиньян с разбитым сердцем.

Герцог был бледен, капли пота выступили на его висках, слова срывались с губ сухо и отрывисто. Маркиз, пристально устремив глаза, наклонившись вперед, слушал отца с каким-то страхом. Граф, закрыв голову руками, не видел ничего, все его внимание было сосредоточено на рассказе старика. Тот продолжал:

— Сестра моя родила мертвого ребенка, но я нашел ее уже выздоровевшей. Я ничего не сказал ей о моем путешествии. Ничто не удерживало меня во Франции, я уехал с нею в Испанию. Три месяца спустя его величеству угодно было назначить меня вице-королем Новой Испании, я приготовил все к моему отъезду, который по

королевскому предписанию должен был состояться немедленно. Сестра моя, как мы условились, должна была ехать со мною в Мексику. В это время один из наших дальних родственников, живший в Мадриде уже несколько недель, явился ко мне и официально попросил руки моей сестры. Инессу, хотя она жила уединенно, несколько раз видел у меня наш родственник. Он влюбился в нее и желал на ней жениться. Его звали граф дон Луис де Тудела.

— Мой отец?— вскричал молодой человек.

— Ваш отец, да, дитя мое, потому что, несмотря на свое отвращение к этому союзу, сестра моя уступила моим просьбам и согласилась выйти за него. Через несколько дней после ее свадьбы я уехал из Испании в Мексику. Уже два года был я там, когда вдруг получил три известия, одно за другим, которые принудили меня поспешно вернуться в Испанию, рискуя подвергнуться немилости короля. Человек, обольстивший мою сестру, приехал в Мадрид в свите французского посланника. На одном балу при дворе он узнал в графине Тудела женщину, так постыдно брошенную им в Перпиньяне; вместо того, чтобы стыдиться своего прошедшего поведения и держаться в стороне, случай показался ему хорош, чтобы возобновить с ней любовную связь; с презрением отвергнутый графиней, человек этот имел гнусность публично обесславить ее, рассказав по-своему, что произошло между ними в Перпиньяне. Граф, узнав это, вызвал его на дуэль. Они дрались. Этот человек убил его.

— Вы знаете имя этого человека?— вскричал молодой человек голосом, дрожавшим от горести.

— Знал, но он оставил это имя и взял другое,— глухо сказал старик.

Молодой человек с унынием потупил голову и подавил рыдание.

— Моя сестра умерла с горя через несколько дней после своего мужа, оставив вас сиротой едва одного года. Я взял вас к себе, Гусман, и почти усыновил вас, но я сохранил для вас священное поручение — отомстить за вашего отца и вашу мать.

— Я непременно исполню это поручение. Благодарю, герцог,— сказал молодой человек лихорадочным тоном.

— Я с величайшим вниманием занимался вашим воспитанием, которое направил к морской службе, потому что вы должны были сделаться моряком для исполнения моих и ваших планов; слава Богу, хотя вы еще очень молоды, вы по справедливости пользуетесь репутацией офицера искусного и опытного. Теперь последнее слово.

— Я слушаю, герцог.

— Убийца вашего отца, обольститель вашей матери — один из главных начальников этих страшных людей, среди которых вы будете жить. Я это знаю наверное, только одно мне неизвестно — имя, которое он принял с тех пор, как вступил в эту жизнь, полную убийств и грабежей.

— Ах! Это для меня все равно!— вскричал граф с энергией.— Как ни хорошо спрятался бы этот человек, я его найду, клянусь вам!

— Хорошо, дитя мое, час нашей разлуки настал. Вы знаете, какое кровавое и мстительное поручение должны вы исполнить. Да поможет вам Господь! Даю вам мое благословение, уезжайте и не нарушайте вашей клятвы.

Молодой человек стал на колена пред стариком, который дал ему поцеловать свою руку, потом приподнялся и простился с маркизом.

— До свидания!— сказал маркиз, выразительно пожимая графу руку.

— До свидания!— ответил граф и вышел из столовой.

Герцог следил за ним глазами, прислушиваясь к шуму его шагов, который все более и более стихал, потом гордо поднял голову и сказал тоном торжества:

— На этот раз я держу наконец в руках мое мщение!

— Ах, батюшка!— прошептал маркиз печально.— Неужели вы неумолимы?

Старик повернул голову к сыну с невыразимым выражением презрения, пожал плечами и медленными шагами вышел из столовой.

— Бедный Гусман!— сказал дон Санчо, смотря, как удалялся его отец.

ВСТУПЛЕНИЕ В СЛУЖБУ

Дон Гусман де Тудела после своего разговора с герцогом Пеннафлором заперся в своей комнате.

Оставшись один и будучи уверен, что ему нечего опасаться нескромных взоров, молодой человек упал на стул, опустил голову на обе руки и довольно долго оставался погружен в совершенную неподвижность.

О чем мог он размышлять? Один он, конечно, мог бы сказать это. Может быть, он думал о своей погибшей будущности, о своих надеждах, вдруг разбитых ужасным открытием, сделанным ему. Может быть, он мечтал о мщении обольстителю своей матери, в котором он поклялся. Может быть также, посылал он последнее прощание любимому существу, которого долг принуждал его бросить без надежды увидеть когда-нибудь. В двадцать лет не есть ли любовь великим делом в жизни, и когда человек красив, богат и знатен, жизнь кажется так приятна и легка!

Впрочем, каковы бы ни были размышления несчастного молодого человека, должно быть, они были очень печальны, потому что жгучие слезы пробивались сквозь пальцы и заглушаемые рыдания вырывались из груди, несмотря на его усилия удержать их. Наконец он приподнял лицо, побледневшее от страдания, и провел рукою по влажному лбу.

— Прочь слабость! — сказал он с печальной улыбкой. — Прощайте мои прекрасные мечты! Мое сердце должно быть теперь мертво для всякого другого чувства, кроме ненависти!

Он отпер сундук, вынул матросское платье, положил его на стул и с последним вздохом стал снимать свой блестящий костюм.

Он заканчивал одеваться в матросское платье, когда тихо постучали в дверь.

— Это он! — прошептал граф и пошел отворить дверь.

Человек лет сорока, по наружности походивший на матроса, со шляпой в руке, почтительно стоял на пороге.

— Войдите, мэтр Агвир, — сказал граф.

Матрос поклонился и вошел в комнату.

— На каком языке будем говорить?— сказал он, бросая вокруг подозрительный взгляд.

— По-французски или по-испански, как хотите, мэтр Агвир,— ответил молодой человек, запирая дверь,— мы одни.

— Хорошо, если так, нам нечего будет опасаться нескромности, тем лучше, ваше сиятельство.

— Гм! Мэтр Агвир, отстаньте, пожалуйста, от привычки называть меня сиятельством, называйте меня просто Марсьяль, это имя намерен я принять.

— Буду повиноваться,— ответил Агвир, кланяясь.

— Хорошо, садитесь, и поговорим.

— По приказанию вашему, я был у капитана «Каймана».

— А! Судно зовут «Кайман»?

— Да.

— Хорошее имя для флибустьерского судна.

— Оно и есть флибустьерское.

— Знаю, а этого здесь и не подозревают?

— Вовсе нет, его принимают за судно для торга неграми; притом капитан осторожен, он никого не пускает на берег, вот уже неделя, как он бросил якорь в Сакрифиочиосе, и ни один матрос из его экипажа не был в Веракруссе.

— Да, смелая игра, но все может открыться наконец.

— Он сегодня ночью снимается с якоря.

— О! о! Стало быть, нам надо торопиться.

— Я это и сделал: по странной случайности я находился в Сакрифиочиосе во время прибытия этого судна; несмотря на то, что оно раскрашено, такого старого моряка, как я, оно обмануть не могло, его ухватки показались мне подозрительны и...

— Зачем путаться?— перебил молодой человек, улыбаясь.— Для чего не сказать мне откровенно...

— Как, что такое?— сказал Агвир, задрожав от изумления.

— Да! Конечно, ведь я теперь ваш. Дело очень просто. Вы бискаец из Байонны, то есть полуиспанец; вы воспользовались этим, чтобы поселиться здесь, но с какою целью? Теперь это меня не касается, так что я ничего

вам не скажу, только вы устроились так, чтобы вам всегда оставаться в сношениях с вашими друзьями Береговыми Братьями. Случай, о котором вы говорили сейчас, состоит в том, чтобы вы уже несколько дней ждали этого судна; теперь, когда мы поняли друг друга, как я надеюсь, пожалуйста продолжайте, я весь превратился в слух.

Все это было сказано тоном тонкой и язвительной насмешки, который до того смутил матроса, что он стал в тупик. Но так как это был человек смелый, он возвратил свое хладнокровие и, посмотрев прямо в лицо графу, сказал:

— Ну да, это правда. Дальше что?

— Больше ничего.

— Мне любопытно было бы узнать, кто доставил вам эти сведения, граф.

— Вы забываете наши условия, мэтр Агвир. Меня зовут Марсьяль, пожалуйста, запомните это раз и навсегда; что касается моих сведений, то вы понимаете, мой милый, что дело, в которое я вступаю, довольно серьезно для того, чтобы я принял предосторожности; я наблюдал за вами, вот и все, для меня довольно важно было, чтобы вы мне не изменили.

— Может быть, вы правы,— отвечал Агвир с видом сомнения.

— Воротимся к нашему делу.

— Вы знаете, что я еду на «Каймане» боцманом.

— Это решено?

— Я уже получил жалованье вперед.

— Как вперед?

— То есть,— сказал Агвир с замешательством,— капитан, по моей просьбе, дал мне вперед сумму, которая была мне нужна.

— Хорошо!— сказал граф с насмешливой улыбкой.— А насчет меня как вы устроили?

— Я предложил капитану взять вас, выдав вас за моего земляка, заблудившегося у этих берегов и преследуемого ненавистью испанцев. По моей рекомендации капитан вас берет, но хочет вас видеть прежде.

— Это справедливо; где я его найду?

— В Сакрифициосе, он ждет нас к четырем часам. Я приготовил лодку.

— Очень хорошо! Теперь моя очередь,— сказал молодой человек, положив на стол связку бумаг.

Глаза Агвира засверкали жадностью, он придвинул свой стул и наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть.

Марсьяль — мы сохраним ему это имя — развязал ленту, связывавшую бумаги, и начал раскладывать их, говоря:

— Счет дружбе не мешает, сдержите ваши обещания, а я сдержу свои; вот купчая на тот дом, в котором вы живете, вот еще пятьдесят тысяч ливров билетами, сосчитайте.

Матрос схватил с нервным трепетом бумаги, которые подал ему молодой человек, и рассмотрел их с самым строгим вниманием.

— Счет верен,— сказал он.

— Теперь,— продолжал молодой человек,— вот записка на пятьдесят тысяч ливров, но которые вы можете получить только по возвращении во Францию, по аттестату, написанному мною, в котором значится, что я доволен вашими услугами; возьмите. Вы видите, что я держу свои обещания, как вы держите ваши. Одно последнее слово, для того чтобы между нами не было недоразумений: если вы хотите служить вашим друзьям во вред испанцам, это до меня не касается, так как и вы не должны заниматься причинами моего поведения. Помните только, что вы принадлежите мне, что мы ведем открытую игру без хитрости и без измены и что вы обязаны мне неограниченным повиновением.

— На один год,— ответил матрос.

— До того дня, когда вы вернетесь во Францию.

— Решено!

— Да, но запомните хорошенько мои слова, мэтр Агвир; вы меня знаете довольно, не правда ли, чтобы быть убежденным, что при первом подозрении я прострелю вам голову?

— Угроза бесполезна,— отвечал матрос, пожимая плечами,— мои выгоды ручаются вам за мою верность.

— Хорошо, я подумал, что, может быть, вы никогда не воротитесь жить в Веракрус. Поэтому я прибавил к

обещанной сумме двадцать тысяч ливров в придачу, оставив вам в собственность этот дом.

— Благодарю, я отдал его внайм сегодня утром на пять лет и взял плату вперед.

— Я с удовольствием вижу, что вы знаток в делах,— сказал Марсьяль, смеясь,— это ручательство для меня; спрячьте все эти бумаги, теперь мы пойдем, когда вы хотите.

— Сейчас, если вы желаете.

— Хорошо, сейчас.

Уходя, молодой человек не мог удержаться от последнего вздоха, но он тотчас оправился и сказал твердым голосом своему спутнику:

— Пойдем.

Было три часа пополудни; они прошли весь город рядом, не встретив никого, улицы были пусты по случаю жары. Граф был персодет и не боялся быть узнанным своими друзьями. Они дошли до гавани беспрепятственно. В конце пристани была причалена маленькая лодка.

— Вот лодка,— сказал матрос.

— Пойдем,— лаконически ответил молодой человек.

Они сели в лодку и взялись за весла.

Переезд из Веракруса на остров Сакрифициос, где обыкновенно бросают якорь большие суда, находящие там надежное убежище, простирается на одну милю. Когда море спокойно, эта прогулка восхитительна. Вскоре поднялся легкий ветерок, позволивший путешественникам поднять парус и плыть без утомления.

По мере того как они приближались к острову, шхуна «Кайман» как будто выходила из воды и наконец явилась во всех подробностях. Это было прекрасное судно, длинное, тонкое и вровень с поверхностью воды; его высокий рангоут был отброшен назад; такелаж содержался с замечательным старанием. В середине корпуса, совершенно черного, была проведена тонкая полоса, красная как кровь. Пушечного борта не было видно, следовательно, и пушек. На палубе не было никого.

Граф сделал одно важное замечание: абордажные сети были натянуты, конечно, из опасения нечаянного нападения.

— Какое славное судно!— сказал он в ту минуту, когда лодка объезжала его.

— Да,— с удовольствием отвечал матрос,— и скорое на ходу, ручаюсь вам.

— Так вы его знаете?

— Еще бы! Я два года служил на нем под начальством Монбара.

Через несколько минут Марсьяль и Агвир вышли на берег острова Сакрифичиоса. Едва сделали они несколько шагов, как заметили человека, подходившего к ним.

— Вот капитан «Каймана»,— сказал моряк,— вы видите, что он аккуратно явился на свидание.

— А!— сказал молодой человек, подходя и с любопытством рассматривая его.

Так как этот человек должен играть важную роль в этом рассказе, мы в нескольких словах набросаем его портрет. Этот человек был в полном значении слова настоящий морской волк; действительно, он больше походил на тюленя, чем на человека. Хотя ему было по крайней мере лет пятьдесят, ему казалось на вид не более сорока, он был низенького роста, но толстый и сильный; загорелый цвет лица имел почти кирпичный цвет; серые глаза были живы и выразительны; физиономия, умная, хотя и суровая, дышала смелостью и спокойной неустрашимостью человека, привыкшего много лет бороться с опасностями, в каком бы виде они ни являлись; на нем был казакин из толстого синего сукна, все швы которого были покрыты галуном такого же цвета, только несколько светлее, концы галстука были украшены серебряными кистями, жилет серый, затканый большими цветами, широкие коричневые панталоны с такими же галунами, как и казакин, шелковые чулки и башмаки с серебряными пряжками; черная бархатная шапка со стеклянным образком Богоматери покрывала его голову. Широкий кожаный пояс сжимал стан, за этот пояс были заткнуты два длинных пистолета. Вот по наружности каков был этот человек, который, заметив приезжих, небрежно шел к ним, куря трубку с чубуком почти не приметным, который казался приклеен к его губам.

— А! Это ты,— весело сказал он матросу,— кого ты к нам привез?

— Капитан Тихий Ветерок,— отвечал он,— я привез к вам нового товарища, о котором говорил вчера.

— А-а!— сказал тот, бросив проницательный взгляд на молодого человека.— Молодец стройный и, кажется, крепкий; как тебя зовут, мой милый?

— Марсьяль, капитан,— ответил граф с почтительным поклоном.

— Имя хорошее, ей-Богу! Ты бискаец?

— Точно так, капитан.

— И тебя прибило к этому берегу?

— Да, капитан, вот уже два года лавирую я здесь и не могу дожидаться попутного ветра, чтобы выбраться отсюда.

— Хорошо, хорошо, мы тебя выведем, будь спокоен. Агвир мне сказал, что ты хороший матрос.

— Вот уже семнадцать лет, как я хожу в море, капитан, а мне еще нет и двадцати трех.

— Гм! Так ты должен знать свое дело, когда так. А ты знаешь кто мы, не так ли?

— Знаю, капитан.

— И не боишься вступить на наше судно?

— Напротив, я очень этого желаю.

— Очень хорошо. Я думаю, мы сделаем из тебя что-нибудь.

— Я также надеюсь.

— Есть у тебя оружие и порох?

— У меня есть все, что нужно.

— Теперь я должен предупредить тебя об одном: на суше мы все равны, на судне не так. Как только присягнули, мы должны покоряться; у нас только одно наказание.

— Какое?

— Смерть, чтобы избежать повторения проступка. Агвир, которого я знаю давно, поручился мне за тебя; измена с твоей стороны убьет не только тебя, но и его также; у нас кто поручился, тот и платит. Поэтому рассуди хорошенько, прежде чем решиться, ты еще свободен отказаться, если наши условия покажутся тебе

слишком трудны; когда дашь слово, тогда будет уже поздно.

— Я согласен,— ответил Марсьяль твердым голосом.

— Хорошо, но ты молод, я не хочу ловить тебя на слове, будь на бриге сегодня вечером в семь часов; постарайся окончить свои дела до тех пор, как ты прочтешь договор, и если после этого захочешь вступить к нам, тогда хорошо, ты будешь вторым лейтенантом.

— Все мои дела кончены, капитан, мне не нужно возвращаться в Веракрус. Агвир может привезти мне мой сундук и мое оружие.

— Ты мне нравишься, ты прехорошенький мальчик, пойдем же, если хочешь.

Они сели в лодку и в несколько минут приехали к бригу. Однако не без тайного сжатия сердца и нервного трепета молодой человек ступил ногой на корабль, где он должен был жить среди людей, которых ему представили хищными зверьми, живущими только убийствами и грабежом, не имеющими ни веры, ни законов, ни отчизны.

В ту же ночь, к трем часам утра, бриг «Кайман» вышел в море и увез лейтенанта Марсьяля и боцмана Агвира, двух новопоступивших. Капитан Тихий Ветерок направил путь из Сан-Доминго; его крейсерство кончилось, и он возвращался в Порт-де-Пэ.

VII

СПАСЕНИЕ

В ту минуту, когда три моряка под предводительством Филиппа бросились из гостиницы, страшное зрелище, вдруг представившееся их глазам, заставило их отступить с испугом. С одного конца горизонта до другого небо казалось огненной скатертью, беспрерывно перерезываемой зеленоватыми зигзагами молнии. Гром гремел безостановочно страшными раскатами, дождь лил как из ведра, море, побелевшее от пены, билось о берег с оглушитель-

ным шумом, ветер дул с бешенством, заставляя дома трещать, срывая крыши, вырывая с корнями деревья и вертя их, как соломинку. Лошади и весь скот выбегали из конюшен и хлевов с ревом и ржанием. Ураган, угрожавший с утра, разразился наконец с непреодолимой силой и яростью.

Авантюристы, прибежавшие на берег, чувствовали, несмотря на свою храбрость, трепет страха и, укрываясь под скалами, не имели мужества бороться с ужасным бичом, поразившим их город и угрожавшим разрушить его до основания. Свет и мрак менялись с такой быстротой, что невозможно было ничего различить, и даже самые близкие предметы внезапно исчезали, появляясь опять через минуту, но закрытые рыжеватым туманом, который смешивал их формы и обманывал относительно их положения и действительного расстояния. Словом, страшный был хаос, в котором море, небо и земля как будто готовы были смешаться в ужасном разрушении.

Однако, когда прошла первая минута изумления, Филипп с помощью Питриана и Пьера, решившихся не оставлять его, подошел к толпе авантюристов и просьбами и угрозами успел собрать вокруг себя человек пятьдесят, которые, подстрекаемые его примером, поклялись повиноваться ему во всем, что он им прикажет для общего спасения.

Как ни велика была опасность, которой подвергались жители, опасность эта не значила ничего в сравнении с опасностью для судна, прибываемого к берегу, которое уже несколько раз палило из пушки, призывая на помощь. К этому судну Филипп и решился направить свои усилия.

— Товарищи!— закричал он тем, кто ехал с ним.— Одно из ваших судов погибает, многие из наших братьев подвергаются опасности лишиться жизни, неужели мы дадим им умереть, как презренным испанцам, не попытаюсь их спасти?

— Нет! Нет!..— закричали в один голос Береговые Братья.— Поспешим к этому судну!.. К этому судну!..

— Прежде узнаем, где оно находится,— ответил Филипп.— Следуйте за мною.

Они побежали к морю так далеко, как только позволяли бешеные волны. Авантюристы никогда не выходили без оружия, следовательно, у них были ружья. Филипп приказал им дать залп из всех ружей. Почти тотчас на море мелькнул свет, за которым послышался довольно сильный выстрел.

— Судно находится на юго-западе, — сказал Филипп, — на шестьдесят сажен не более от нас. Поскорее давайте кабельтовы, пустые бочонки, доски — словом, все, что найдется! Ты, Пьер, вели развести большие костры, бросай в огонь смолу, чтобы пламя было ярче.

Эти различные приказания были исполнены чрезвычайно скоро. Люди, посвятившие себя общему спасению, как будто размножились. Притом, много авантюристов и жителей, увлекаемых их примером, присоединились к ним и наперерыв спешили приносить требуемые вещи. Скоро огромные костры покрыли берег на протяжении более одной мили. Судно их заметило, потому что с этой минуты стреляли из пушки ежеминутно. Ураган как будто стихал, молния блистала реже, и раскаты грома становились глуше. В минутном проблеске заметили высокий корпус большого корабля довольно близко от берега, потом снова настала темнота, и корабль, едва мелькнувший как бы во сне, вдруг исчез.

— Это «Кайман»! — закричали авантюристы. — Бриг Тихого Ветерка и Монбара, надо его спасти!..

Конечно, это намерение было прекрасное и достойное людей, принявших его, но исполнение было почти невозможно. Прошел целый час в бесполезных попытках спустить лодку в волнующееся море, которое тотчас выбрасывало ее на берег.

— Линь! — вдруг закричал Филипп. — Ей-Богу, скажут, что не нашлось человека между нами, чтобы спасти пятьдесят человек.

Он начал раздеваться. Принесли линь; это была веревка толщиной в мизинец, свитая вчетверо, длиною в четыреста сажен. Филипп привязал один конец к крепкому кабельтову, а другой к своему поясу. Почти тотчас разделись Пьер и Питриан.

— Оставайся здесь, друг! — вскричал Пьер. — Я должен

решиться на этот отчаянный поступок. Если я умру, что весьма вероятно, никто, кроме тебя, не будет обо мне сожалеть.

— Извините, извините,— вмешался Питриан,— я простой работник, до моей жизни или моей смерти нет нужды никому, стало быть, я должен решиться на это.

Спор угрожал продолжаться, никто из троих не хотел уступить. Вмешался четвертый, д'Ожерон.

— Дети,— сказал он своим симпатичным голосом,— поступок, замышляемый вами, смел, сумасброден.

— Дядюшка!— вскричал молодой человек.

— Молчи, дитя, и дай мне кончить,— сказал строго д'Ожерон,— Я не отговариваю вас, я знаю, что это было бы бесполезно, только если вы непременно хотите пожертвовать собою...

— Хотим!— закричали все в один голос.

— Так отправляйтесь все трое, вы будете друг другу помогать, если двое изнемогут, может быть, третий прибудет, и таким образом ваша жертва не будет бесполезна.

— Хорошо!— весело вскричали все трое.— Прекрасно придумано.

— Теперь будьте осторожны, я беру на себя спускать литье мало-помалу; отправляйтесь же с Божьей помощью!

Он обнял их и вдруг отвернулся, чтобы отереть слезу, которая невольно омочила его веки, потому что этот энергичный человек с львиным сердцем понимал всю неизмеримость опасности, которой подвергался его племянник и его товарищи, но он не считал себя вправе мешать их героической решимости.

Филипп, Пьер и Питриан плавали как рыбы, притом они давно привыкли к морю и знали, как надо действовать, чтобы не сделаться его игрушкой. Поговорив несколько минут, они рядом подошли к морю. Огромная волна, побелевшая от пены, бежала к ним, приподняв футов на двадцать свой грозный хребет. В ту минуту, когда она разбилась со страшным шумом в двух шагах от них и начала удаляться, они бросились и дали ей увлечь их. Собравшаяся на берегу толпа вскрикнула от испуга и восторга. В некотором расстоянии от берега

моряки смело нырнули и таким образом очутились под второю волной, бежавшей к берегу. Однако, как ни рассчитано было их движение, несмотря на их усилия, волна захлестнула их как бы мокрым саваном и унесла с собою. Но усилия их увенчались успехом: волна уже отступила и несла их в море, так что они не были выкинуты на берег.

— Мужайтесь, братья!— закричал Филипп.

— Мужайтесь!— закричали его товарищи.

Началась гигантская борьба разума и хладнокровия против грубой силы. Эти три человека держались часа полтора рядом среди моря, бросавшего их во все стороны, подвигаясь на метр, отступая на сто, но не унывая, позволяя увлекать себя, когда чувствовали, что силы их оставляют, потом удваивая усилия, когда несколько возвращались силы, и не отчаиваясь никогда.

Впрочем, ураган значительно уменьшился, дождь перестал, темнота сделалась не так густа. Авантюристы видели довольно ясно, чтобы верно направляться к той цели, к которой стремились их усилия.

Три товарища страшно утомились и уже слабо боролись с волнами, которые, хотя ветер значительно лишился своей силы, были еще ужасны, потому что после бури море еще долго не стихает.

Питриан, не спускавший глаз со своего господина, приблизился к нему и в ту минуту, когда Филипп, лишившись сил, шел ко дну, чтобы не лишать мужества своих друзей, нырнул, вытащил его из воды, принудил положить обе руки на свои широкие плечи. Филипп, задыхавшийся и почти без чувств, машинально принял эту помощь, даже не сознавая преданности своего работника.

Вдруг пловцы заметили судно, находившееся недалеко пред ними. У него остались только нижние мачты, и вообще оно находилось в страшном положении. Однако экипаж, по-видимому, не отчаивался в своем спасении: ясно слышался свисток боцмана, командовавшего маневрами, и размеренное пение матросов, исполнявших их.

Чудовищная волна подхватила судно на страшную высоту и уронила со страшным треском.

— Мы сорвались с якоря!— вскричала команда в один голос.

Действительно, два передних якоря сорвались, и судно накренилось набок, таща за собою задние якоря. Вдруг три человека перебрались через борт прямо из моря, полуобнаженные, страшные на вид. Первый бросился к румпелю, между тем как двое упали на палубу, как мертвые. Это явление было так внезапно и так неожиданно, что, кроме рулевого, никто на судне не заметил этого.

— Мы погибли!— вскричали моряки с тоскою.

— Вы спасены!— отвечал хриплый и громкий голос.

— Пьер Легран!— вскричал Тихий Ветерок с радостью.— Господь тебя прислал, брат! Как ты попал сюда?

— Через борт, а то как же?— ответил он, смеясь.— Вот уже два часа, как мы плывем, чтобы добраться до вас, но теперь не время разговаривать; отыщи Филиппа и Питриана, они упали где-то на палубе; у Филиппа линь, вели всей твоей команде взяться за него, и тяните изо всех сил, тысяча чертей! Я возьмусь за румпель, не беспокойся.

Тихий Ветерок не заставил повторять, он пошел отыскивать двух авантюристов, но тех уже подняли, и они начали приходить в себя. Отвязали линь от пояса молодого человека, и команда «Каймана» с капитаном во главе начала тянуть изо всех сил, понимая, что в этом заключалась их последняя надежда на спасение.

Между тем по приказанию Пьера, который принял начальство, задние якоря были отрублены, и судно приведено в некоторый порядок. Ветер стих, опасность миновала.

— Куда ты нас ведешь?— спросил Тихий Ветерок Пьера.

— Ты видишь,— отвечал тот,— течение несет нас к мысу Каренажу. На берегу прикрепили бечеву в трех местах. Если можем обогнуть мыс, мы благополучно бросим якорь.

— Без тебя мы погибли бы, брат.

— Полно, ты шутишь, притом эта мысль была не моя, а Филиппова, я только последовал за ним.

— Хорошо, я расплачусь с вами со всеми троими, ведь и храбрый Питриан тоже здесь.

— Еще бы! Без него Филипп не был бы здесь, он спас его в ту минуту, когда он тонул, рискуя утонуть сам.

Начинало рассветать. На берегу виднелась толпа мужчин и женщин, которые приветствовали подъезжающих, хлопая в ладоши и с громкими криками бросая в воздух шляпы; но спасение еще не пришло, как все думали. Вдруг матросы, тянувшие бечеву, упали навзничь, команда вскрикнула с отчаянием: бечева оборвалась.

— Молчать!— закричал Пьер громким голосом.— Бросайте якорь!

Можно было слышать прерывистое дыхание всех этих людей, до того тишина была глубока.

Якорь упал. Наступила минута глубокого беспокойства. Судно продолжало быстро приближаться к берегу; однако скорость его мало-помалу уменьшалась. Потом оно остановилось, медленно повернулось, якорь держался, судно было спасено. Команда закричала радостное «ура», на которое ответили с берега.

— Славное судно, брат,— сказал Пьер.— Жаль было бы потерять его.

— Его построил Монбар,— отвечал Тихий Ветерок,— а он знает толк.

VIII

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В то время, когда требования нашего рассказа снова ведут нас в гостиницу, то есть около полудня, Корник, хозяин этой гостиницы, печально стоял на пороге, смотря с испуганным видом на опустошения, сделанные ураганом в прошлую ночь. Достойный трактирщик позаботился запереться в своем доме и всю ночь дрожал от страха, так что зрелище, находившееся теперь перед его глазами, не только изумляло, но и пугало его, когда он думал об ужасных опасностях, которым он мог бы

подвергнуться, если бы так осторожно не притаился в своем доме.

Пробило половину первого; почти в ту же минуту вошли шесть моряков, или, лучше сказать, они ворвались в гостиницу так неистово, что чуть было не сшибли Корника с ног. Однако он не рассердился, напротив, он громко расхохотался и, с трудом возвратив равновесие, сказал троим или четверем голодным слугам, блуждавшим как тени по зале:

— Ну, проворнее, вина этим господам!

Эти господа были молодцы самой мошеннической наружности, с резкими и пьяными движениями, в оборванной одежде, но в карманах их при всяком движении слышался серебристый звук, очень приятный. Корник не ошибся насчет прибывших. Увидев их, он весело потер себе руки, пробормотав сквозь зубы:

— Хорошо, вот кайманы пристают к берегу, мы сейчас посмеемся.

Матросы сели за стол и начали пить, крича во все горло и говоря все сразу.

После этих пришли другие, потом еще и еще, так что зала наполнилась и там начался страшный шум. Более полутора ста авантюристов собрались в таком пространстве, где могли свободно поместиться только шестьдесят, но они так разместились вокруг столов и прилавка, что среди залы еще оставалось достаточно пространства для прохода трактирщика и его слуг. Те беспрестанно бегали от одного к другому и не знали, кого слушать. Корник сам откупоривал бутылки и не считал унижением наполнять стаканы своих посетителей.

Скоро толпа сделалась так велика в зале, что волны посетителей залили смежные комнаты. Марсьяль и Агвир, еще не привыкшие, по крайней мере первый, к странным поступкам авантюристов, с трудом пробрались к концу длинного стола, занятого уже двенадцатью флибустьерами, которые с трубкою в руках играли в кости на пригоршни золота, которое беспрестанно вытаскивали из своих карманов, глубоких как пропасть.

Марсьяль с любопытством рассматривал странное зрелище, находившееся у него перед глазами, и оставлял,

несмотря на замечания своего товарища, полный стакан, не думая его опорожнять. Между тем веселость становилась все шумнее, вино и водка разгорячали голову, крики гнева и вызова начинали примешиваться к хохоту и веселым песням, там и сям затевались драки, которые Корник со своими слугами все с большим трудом успевал прекращать.

В это время высокий и красивый молодой человек лет двадцати восьми, с надменными чертами, с насмешливой физиономией и развязной походкой, вошел в залу. Он был одет чрезвычайно щеголевато; золотая фанфаронка окружала его шляпу, украшенную дорогими перьями и молодецки надетую набекрень. Правая рука его, белая и аристократическая, почти закрытая волнами дорогих кружев, лежала на эфесе шпаги. Войдя, он бросил гордый взгляд вокруг, как бы отыскивая кого-то, потом решительно подошел к тому столу, где сидели Марсьяль и Агвир, грубо отталкивая всех попадавшихся на пути его, которые — отдадим им эту справедливость — спешили удалиться по первому его требованию. Сев у стола, молодой человек наклонился к играющим.

— Э!— сказал он.— Здесь забавляются, как кажется. Ей-Богу, и я участвовать хочу.

— А-а!— сказали некоторые авантюристы, весело подняв головы.— Это вы, кавалер, добро пожаловать!

— Давно ты здесь?— спросил другой.

— С час. Я оставил мое судно в гавани Марго и явился сюда.

— Браво! Хорошую экспедицию сделал ты?

— Еще бы! Ведь испанцы наши банкиры,— сказал он, смеясь.

— Итак, ты богат?

— Как четыре генеральных откупщика.

— Когда так, ты пришел кстати,— сказал один из игроков.— Этот демон Нантэ поклялся обобрать нас. Посмотри, капитан, что перед ним.

— Ба!— сказал Нантэ с громким хохотом, небрежно разбрасывая груды золота, находившуюся перед ним.— Это еще ничего, я надеюсь это утроить.

— Мы увидим,— ответил молодой человек, которого называли кавалером и капитаном.

— Когда ты начнешь, капитан?— продолжал Нантэ.

— Сейчас,— ответил тот и, тихо положив руки на плечо Марсьяля, сказал ему.— Уйдите отсюда, товарищ.

Молодой человек вздрогнул при этом прикосновении, но не тронулся с места. Капитан подождал с минуту.

— Разве вы глухи, товарищ?— продолжал он, снова положив руку на плечо его, на этот раз сильнее.

Марсьяль обернулся и взглянул прямо в лицо капитана.

— Нет,— ответил он.

— Хорошо,— сказал капитан, крутя усы,— вы не глухи? Я очень рад за вас, но если так, почему же вы не встаете?

— Потому что, вероятно, мне не угодно,— сухо сказал Марсьяль.

— Что?— произнес капитан, нахмутив брови.— Это гораздо смешнее, чем я предполагал.

— Вы думаете?

— Еще бы! Отойдите от двери,— обратился он к матросам, которые, привлеченные шумом этого спора, столпились позади него.

— Для чего им отходить от дверей?— спросил Марсьяль, внешне спокойный.

— Потому что,— отвечал капитан тоном насмшливо-вежливым,— если вы не встанете, то я буду иметь нсудовольствие выбросить вас отсюда.

— Вы с ума сошли!— сказал молодой человек, презрительно пожимая плечами и опоражнивая свой стакан.

Капитан, невольно изумленный твердой и решительной наружностью молодого человека, рассматривал его с минуту с удивлением, смешанным с любопытством.

— Не ребячьтесь, молодой человек,— сказал он,— я вижу, вы не знаете, с кем имеете дело.

— Действительно, не знаю,— ответил Марсьяль,— и мало забочусь об этом. Вас называют капитаном и кавалером, но это, по моему мнению, не дает вам никакого права быть грубым со мною.

— А-а!— сказал кавалер с насмешкой.— Ну знайте же, милостивый государь, что я кавалер де Граммон.

— Я не знаю никакого кавалера де Граммона и повторяю, что мне это все равно.

При этих словах, внятно и гордо произнесенных, трепет ужаса пробежал по всей зале. Кавалера де Граммона¹, одаренного геркулесовской силой и беспримерной ловкостью в управлении оружием, опасались все эти люди, которые однако справедливо хвастались, что не боятся ничего, но которые во многих случаях видели, как он давал доказательства сверхъестественной силы и свирепого мужества.

— Ну, друг мой,— медленно продолжал кавалер, сняв шляпу и кладя ее на стол,— так как я сказал вам мое имя и звание, мне остается только сообщить вам, на что я способен, и вы это скоро узнаете, ей-Богу!

Марсьяль встал, бледный и спокойный.

— Остерегайтесь,— сказал он,— вы не имеете никакой причины ссориться со мной, мы неизвестны друг другу, вы оскорбили меня без причины, я хочу об этом забыть, еще есть время, уйдите, потому что, клянусь Богом, мое терпение истощается, и если ваша рука коснется меня, я разобью вас, как этот стакан.

Он разбил вдребезги стакан, который держал в руке.

Авантюристы разразились громким смехом.

— Браво!— сказал капитан с насмешливым видом.— Очень хорошо сказано, клянусь моей душой, но мне это скучно; ну давайте место!

Он бросился на молодого человека. Тот наблюдал за всеми движениями кавалера и отскочил в сторону, молния блеснула в его взгляде; кинувшись как тигр на своего противника, он схватил его за затылок и за пояс, поднял над головой и, несмотря на его отчаянные усилия освободиться, швырнул на улицу, куда тот провалился, как чурбан. Дав авантюристам доказательство своей изумительной силы, молодой человек небрежно прислонился к столу и скрестил руки на груди. Но кавалер почти тотчас поднялся и бросился со шпагой в руке в залу с бешеным ревом. Он весь посинел, кровавая пена виднелась на его губах, сжатых от гнева.

1

Он действительно так назывался и принадлежал к этой древней фамилии.

— Его жизнь! Мне нужна его жизнь!— кричал он.

— Я безоружен, стало быть, вы хотите меня убить?— насмешливо ответил Марсьяль, не делая ни малейшего движения, чтобы уклониться от удара, которым ему угрожали.

Капитан остановился.

— Это правда,— пробормотал он задыхающимся голосом,— однако он должен умереть. Дайте ему шпагу, кинжал, что-нибудь.

— Я не хочу драться теперь,— сказал Марсьяль холодно.

— О! Он боится, трус!— вскричал кавалер.

— Я не боюсь, и я не трус,— возразил Марсьяль.— Только мне вас жаль: если мы будем драться, я вас убью, потому что вы опьянели и ослепли от гнева.

В эту минуту появилось новое лицо. При шуме, возбужденном этой ссорой, вместе с несколькими другими лицами незаметно вошел незнакомец. Он неожиданно ударил капитана по плечу. Тот обернулся, словно его ужалила змея, но при виде незнакомца, стоявшего перед ним холодно и с достоинством, его пыл вдруг простыл, и хотя нервный трепет пробежал по всему его телу, он опустил шпагу и прошептал задыхающимся голосом:

— Монбар!

Это действительно был знаменитый флибустьер. Он наслаждался с минуту своим торжеством над этой неукротимой натурой, потом заговорил.

— Твой противник прав, Граммон,— сказал он резким голосом,— ты не в состоянии драться.

— А!— сказал тот злобно.— И ты также против меня!

— Ты с ума сошел,— возразил Монбар, пожав плечами,— я только не хочу допустить тебя сделать глупость.

При виде Монбара авантюристы почтительно отступили, оставив широкое пространство среди залы.

— Этот человек обесславил меня, он должен умереть!— возразил капитан, с бешенством топнув ногою.

Марсьяль сделал два шага вперед.

— Нет, милостивый государь,— сказал он тоном, исполненным достоинства, который удивил всех зрителей этой странной сцены,— вы сами обесславили себя грубым и дерзким оскорблением, которым хотели меня заклеить,

я только защищался; я не сохраняю против вас ни гнева, ни вражды, я считаю вас — и говорю это громко перед всеми — честным человеком, то, что случилось между нами, не значит ничего, я был ловчее вас, потому что был спокойнее, вот и все!

Пока молодой человек говорил таким образом кротким и симпатичным голосом, Монбар внимательно рассматривал его, строгие черты флибустьера принимали выражение благосклонности, а когда Марсьяль замолчал, он прошептал, смотря на капитана:

— Хорошо сказано. Как ты думаешь, кавалер, мальчик, кажется, славный?

Кавалер оставался с минуту неподвижен, потупив глаза в землю, в сильном волнении, которое, несмотря на все его самообладание, он не мог преодолеть; наконец он поднял голову, лихорадочная краска покрыла его лицо, и, поклонившись молодому человеку, стоявшему перед ним, он сказал:

— Да, ей-Богу! Вы славный малый, и, что еще лучше, у вас благородное сердце, я же хищный зверь, я заслужил грубый урок, который вы дали мне; простите же меня, потому что я сознаюсь в моей вине.

— Это уже слишком,— ответил Марсьяль.

— Нет, это, напротив, хорошо,— сказал Монбар.

— Теперь последнее одолжение,— продолжал капитан.

— Я к вашим услугам.

— Согласитесь сделать мне честь и скрестить шпагу со мною.

— Милостивый государь...

— О! Не отказывайте мне, пожалуйста!— перебил кавалер настойчиво.— Во мне не сохранилось гнева к вам, но моя честь требует, чтобы вы дали мне это удовлетворение, хотя бы для того,— прибавил он с печальной улыбкой,— чтобы стряхнуть пыль, которою запачкано мое платье.

— Вы видите, я безоружен.

— Это правда,— сказал Монбар, вынимая свою шпагу из ножен и подавая ее Марсьялю.— Согласитесь драться этой шпагой, капитан прав, вы не можете отказать ему в удовлетворении, которого он требует.

— Я и не думаю об этом, я принимаю вашу шпагу, но где же будем мы драться?

— Здесь же, если вы хотите,— сказал капитан.

— Хорошо.

Оба противника сняли полукафтаны и встали в позицию.

Зала гостиницы представляла в эту минуту странное зрелище. Авантюристы отступали направо и налево, чтобы дать место сражающимся, они влезли на столы, сохраняли молчание, но тревожно высовывали головы над плечами друг друга, чтобы лучше следить за дуэлью.

Вежливо поклонившись, противники коснулись шпагами. С первых выпадов присутствующие поняли, что соперники были чрезвычайно искусны. Несмотря на быстроту нападений капитана, Марсьяль, неподвижный, как будто был пригвожден к месту, все держал шпагу наготове, его рука казалась железной. Со своей стороны, кавалер де Граммон, искусный во всех физических упражнениях и природная сила которого еще увеличивалась от стыда первого поражения, противопоставлял своему противнику непоколебимое сопротивление. Он возвратил все свое хладнокровие и, как бы играя, управлял шпагой чрезвычайно изящно и искусно.

Прошло минуты три; в это время в зале, наполненной людьми, не слышалось другого шума, кроме ускоренного дыхания обоих противников и зловещего звона клинков. Может быть, один из всех зрителей, Монбар угадывал превосходство гибкой и сжатой манеры Марсьяля над капитаном. Раз Марсьяль отразил нападение капитана таким верным и сильным ударом, что если бы он не придержал свою шпагу, то капитан был бы проткнут насквозь.

Монбар, заинтересованный этой сценой и не понимая намерений молодого человека, следил с беспокойством, которое против его воли обнаруживалось на его лице, за всеми подробностями этой странной дуэли. Он спрашивал себя мысленно, чем это кончится, как вдруг капитан сделал шаг назад и, опустив шпагу, сказал:

— Вы ранены?

— Это правда,— отвечал Марсьяль, подражая его движению.

Шпага кавалера слегка проткнула его плечо, на котором выступило несколько капель крови.

— Господа, довольно!— сказал Монбар, становясь между ними.

— Я нисколько не желаю продолжать,— сказал капитан.— Я сознаю себя побежденным вдвойне, этот господин захотел присвоить себе всю честь в этом деле, если бы захотел, он десять раз убил бы меня.

— О!— сказал молодой человек.

— Ба!— заметил весело кавалер.— Я не обманут вашей раной, я только школьник в сравнении с вами, вот моя рука, пожмите ее чистосердечно, это рука друга.

— С радостью,— отвечал Марсьяль,— поверьте, ничто не могло бы мне доставить живейшего удовольствия.

— Ты был скорее счастлив, чем благоразумен, мой добрый Граммон,— сказал, смеясь, Монбар.— Этот господин благородный человек, ты не ошибся, он, конечно, убил бы тебя, если бы захотел.

— Не будем говорить об этом, умоляю вас,— улыбаясь, сказал молодой человек.

— Напротив, будем говорить,— возразил капитан с резкой откровенностью.— Я грубиян, я заслужил этот урок, повторяю, но будьте спокойны, товарищ, я буду его помнить. Как жаль, что такой очаровательный молодой человек, как вы, не моряк!

— Извините, я моряк.

— В самом деле, вы моряк?— с радостью спросил кавалер.

— Разумеется,— сказал, подходя, Тихий Ветерок, слышавший весь этот разговор,— он мой второй лейтенант, я даже отчасти обязан ему спасением моего судна.

— Вот это прекрасно!— вскричал капитан.— Если вы хотите, мы будем плавать вместе и сыграем славные штучки с этими злодеями испанцами.

— Э! Позвольте,— сказал Тихий Ветерок,— дайте же мне представить его Монбару. С этим намерением я просил его прийти сюда.

— Он сам представился,— смеясь, отвечал флибустьер,— и теперь, товарищ, он может обойтись без тебя, потому что я за него ручаюсь.

Марсьяль, польщенный такой деликатной похвалой, поклонился Монбару, покраснев от удовольствия и гордости.

IX

БЕРЕГОВЫЕ БРАТЯ

Вследствие ли тайных причин или намерения, принятого заранее, Марсьяль в рассказанных нами происшествиях вел себя так твердо и решительно? Мы не можем сказать этого наверно. Может быть, молодой человек, по природе храбрый и гордый, почувствовал, как закипела его кровь при грубом оскорблении, полученном им так неожиданно, и невольно увлекся справедливым негодованием. Может быть также, выказав притворно гнев гораздо сильнее того, что он чувствовал действительно, он поспешно ухватился за случай, так благоприятно представившийся ему, чтобы тотчас явиться авантюристам таким тонким знатоком в этом деле, человеком решительным, которого ничто не может напугать, и сверх того, обстоятельства, стоившие соображения с подобными товарищами, человеком одаренным необыкновенной физической силой.

Если действительно таково было его намерение, успех превзошел его надежды; авантюристы, сначала сострадательно улыбавшиеся, когда он принял борьбу, предлагаемую ему одним из самых страшных их бойцов, совершенно изменили свое мнение с тех пор, как увидели его на деле; они смотрели на него с благосклонным любопытством и даже некоторым уважением. Никого из авантюристов не обманула его рана; это любезное снисхождение с его стороны тотчас привлекло к нему всеобщее расположение.

Не замечая внимания, предметом которого он был, молодой человек почтительно стоял перед Монбаром, готовый отвечать на его вопросы.

Знаменитый флибустьер был высокого роста. В то время, когда происходит этот рассказ, ему давно было уже за пятьдесят, на его мужественных чертах, которые в молодости были очень красивы, виднелись неизгладимые

следы продолжительной борьбы, которую, без сомнения, он должен был вести в продолжение своей отважной жизни. Его лицо, бледное как у трупа, имело выражение жестокой холодности и неумолимой решимости, которые внушали страх и уважение. Взгляд его черных глаз, горевших зловещим огнем, невозможно было выдержать. Его непринужденное и изящное обращение выдавало в нем дворянина хорошего происхождения. Костюм его, простой и без вышивки, замечательно опрятный, очень походил на костюм окружавших его матросов. На шее у него висел золотой свисток, на цепочке того же металла. Только одно это и шпага со стальным эфесом отличали его от товарищей.

Рассматривая несколько минут молодого человека со вниманием, которое не могло не внушить тому некоторого беспокойства, он сказал кротко:

— Надеюсь, что мы сделаем что-нибудь из вас.

— Я очень желаю служить под вашим начальством, — ответил Марсьяль.

— Тихий Ветерок уверил меня, что вы хороший моряк.

— Я пятнадцать лет в море.

— Гм! Пятнадцать лет! Который же вам год? Вы мне кажетесь очень молоды.

— Мне двадцать два года. Семи лет я вступил на корабль юнгой и с тех пор не оставлял моря.

— Вы, верно, все плавали около берегов?

— Извините, я ловил сельдей с фламандцами, китов с байоннцами и с голландцами ходил в жаркие страны.

Авантюрист печально покачал головою.

— Итак, — продолжал он, устремив вопросительный взгляд на Марсьяля, — вы желаете ходить в море с нами?

— Я уже вам сказал, что это самое дорогое мое желание.

— Вы несчастны? — сказал ему Монбар с печальной улыбкой.

Молодой человек невольно вздрогнул при этом вопросе, которого он вовсе не ожидал, и чувствовал, как он бледнеет.

— Я? — пролепетал он в замешательстве.

— Да, вы любите, не правда ли? Вашу любовь не разделили, ваше сердце разбито, тогда вам пришлось на

мысль отправиться в море, и вы с поспешностью ухватились за случай, представившийся вам, уехать на «Каймане».

— Но...

— Да, это безумие чуть было не стоило вам дорого, бедное дитя; впрочем, успокойтесь, я не спрашиваю у вас вашей тайны. Вам двадцать лет, вы молоды, хороши собой, это общая история, ничего не может быть обыкновеннее, мы все платили этот долг,— прибавил он, отирая свой мокрый лоб.— Вы хотите искать приключений?

— Да.

— Ну, хорошо, отныне вы наш. Дай Бог, чтобы вы никогда не раскаялись в пагубном намерении, которое принимаете сегодня!

— Я решился,— сказал Марсьяль твердым голосом.

— Когда так, все кончено, желаю вам успеха.

— А! а!— сказал кавалер де Граммон, подходя.— Еще вместе? Право, Монбар, ты совсем завладел нашим новым товарищем, никто не может с ним говорить.

— Говори, сколько хочешь,— улыбаясь, ответил авантюрист.— Что ты хочешь ему сказать?

— А вот что, я не прочь, чтобы ты слышал. Послушай,— обратился он к молодому человеку.— До сих пор я жил один, как медведь, не соглашаясь никогда вступать в товарищество ни с кем, разве только с человеком, так же высеченным из гранита, как и я. Ты такой человек, какого я ждал, хочешь быть моим закадычным другом?

— Конечно!— радостно воскликнул молодой человек.

— Ну, по рукам! Мы теперь братья,— сказал он, протягивая ему руку.

Марсьяль, не колеблясь, протянул ему свою руку.

— Как тебя зовут, брат?

— Марсьяль.

— Хорошо, только это имя не авантюристское, я тебе дам другое.

— Как вам угодно.

— Братья должны говорить друг другу «ты».

— Как тебе угодно, брат.

— Ну и прекрасно! Вот твое имя: ты теперь будешь называться Франкер. Или я очень ошибаюсь, или скоро это имя сделается знаменито между нами.

— Я сделаю все, что нужно для этого, будь спокоен, — весело ответил новый авантюрист.

Монбар слушал этот быстрый разговор молодых людей, улыбаясь так, как он умел улыбаться, то есть слегка сжав губы. Марсьяль, или Франкер, потому что теперь мы будем давать ему оба эти имена как случится, буквально утопал в радости, такой полный успех превзошел все его надежды.

— Теперь, — сказал Монбар, — если вы желаете служить под моим начальством, ваше желание будет исполнено.

Он ударил кулаком по столу.

— Эй, кайманы! — закричал он. — Подходите по порядку.

Матросы тотчас встали из-за стола. Монбар с минуту смотрел на эти смуглые лица с очевидным удовольствием, потом через минуту заговорил среди глубокого безмолвия присутствующих:

— Береговые братья, офицеры, квартирмейстеры и матросы, брат наш Малуэн, занимавший должность лейтенанта, был убит испанцами на abordage галиона «Сантиссима Тринидад». Пользуясь властью, данной мне договором, который вы все подписали со мною пред нашим отъездом из Порт-де-Пэ, я думаю заменить Малуэна человеком решительным и таким же настоящим матросом, как он, но, не желая возбуждать зависти между вами, братья, потому что вы все способны занять это место. Я не хотел взять ни одного матроса из команды, я выбрал, — прибавил Монбар, положив руку на плечо молодого человека, лицо которого сияло радостью и гордостью, — я выбрал вот этого человека, вы уже знаете его, вы видели его на деле здесь, я его назначаю лейтенантом на шхуну «Змея», которым имею честь командовать. Признайте же Франкера в этом звании, повинуйтесь ему во всем, что касается службы, как обязывает к этому договор, добровольно подписанный вами.

За этой речью последовал говор удовольствия, который скоро превратился в единогласные рукоплескания. Потом авантюристы подходили один за другим пожимать руку новому товарищу, обещая повиноваться ему. Исполнив эту обязанность, они снова встали позади Монбара.

— Братья, — сказал тогда Марсьяль, — я очень молод для того, чтобы начальствовать над такими людьми, как

вы, но забудьте мои лета, не вспоминайте даже то, что я сделал на нашем добром «Каймане», подождите, чтобы судить обо мне, когда серьезно увидите меня на деле, и будьте убеждены, что, с Божьей помощью, я оправдаю выбор, который удостоил сделать Монбар.

— Я прибавлю только одно слово, брат,— вскричал Граммон.— Франкер мой закадычный друг, не забывайте этого!

Авантюристы отвечали радостным «ура».

В эту минуту четыре человека вошли в гостиницу.

— Ребята,— сказал Монбар,— уйдите, мне нужно остаться одному с теми из наших братьев, которые уже несколько раз были начальниками экспедиций.

Никогда приказание султана дельгийского не исполнялось с большей быстротой. Через пять минут в зале остались только Монбар, Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Мишель Бискаец, Франкер, Дрэк, Польшэ, Филипп, Питриан и одиннадцатый, так старательно закутанный в складки широкого плаща, что невозможно было его узнать.

Кроме Марсьяля, это все были старые Береговые Братья, отборные флибустьеры, люди пренебрегавшие смертью во ста неравных битвах и совершавшие подвиги самой геройской смелости. Кавалер де Граммон сосчитал глазами членов собрания и вдруг, обратившись к Питриану, неподвижно стоявшему возле двери, которую он запер, сказал ему грубым голосом:

— Что ты здесь делаешь, негодяй? Убирайся проворнее, а не то...

— Умерьте ваш пыл, кавалер,— холодно перебил Филипп.— Питриан здесь, потому что я приказал ему остаться, и он останется до тех пор, пока я не прикажу ему уйти.

Кавалер искоса посмотрел на молодого человека, Граммон и Филипп ненавидели друг друга. По какой причине? — никто не мог бы этого сказать, может быть, они сами этого не знали, они чувствовали друг к другу непреодолимую антипатию; это происходило скорее от их нервов, чем от чего-нибудь другого. Положительно известно всем было только то, что они питали друг к другу сильную ненависть, которая угрожала разразиться когда-нибудь,

словом, катастрофа становилась неизбежною между обоими молодыми людьми, как только они встречались лицом к лицу.

— Это что такое?— надменно спросил Граммон.— Вы, кажется, здесь распоряжаетесь?

— Я всегда и везде распоряжался моими подчиненными, а часто и равными мне,— сухо ответил Филипп.

— Монбар отдал формальное приказание, этот негодяй не имеет права оставаться здесь, и я требую, чтобы он ушел.

— Его право остаться с нами столько же основательно, как и право вашего нового друга, который, кажется, моложе его в флибустьерстве.

Ссора разгоралась. Монбар вмешался.

— Вы оба неправы,— сказал он.— Твой друг, Граммон, и твой работник, Филипп, оба не могут присутствовать при разговоре, который будет происходить, они должны уйти.

— Я, со своей стороны, этому не сопротивляюсь,— почтительно отвечал Филипп,— и если бы вместо своей обыкновенной невежливости и колкости капитан Граммон заблагорассудил подождать несколько минут, мой работник вышел бы, я сам приказал бы ему. Он остался только потому, что я хочу сказать два слова собравшимся братьям и эти слова он должен слышать.

— Говори, брат, мы слушаем тебя.

— Я распространяться не стану.

— Посмотрим,— с иронией сказал кавалер.

— Наши законы требуют, чтобы тот, кто желает освободить работника, изъяснил перед советом об этом освобождении и о причинах, побудивших его к этой мере, не правда ли?

— Правда,— отвечали флибустьеры в один голос.

— Питриан, мой работник, спас мне жизнь в прошлую ночь с опасностью для своей жизни, многие из наших братьев могут это засвидетельствовать.

— Во-первых, я,— сказал Тихий Ветерок.

— И я,— прибавил Пьер Легран.

— Я освобождаю Питриана с этой минуты, признаю его свободным и равным нам, обними меня, брат Питриан.

— От всего сердца, и благодарю тебя, брат!— вскричал Питриан, бросаясь на шею Филиппу.— Только я не считаю себя расквитавшимся с тобой, Филипп; если я уже не работник твой, я хочу остаться твоим другом.

— И я так понимаю, брат.

Другие флибустьеры горячо пожали руку Питриану и поздравили его, освобождение случалось очень редко между флибустьерами.

— Теперь уйди, Питриан,— продолжал Филипп,— тебе сказали, что твое место не здесь, и уведи с собой друга кавалера, который также не может остаться здесь.

Граммон закусил себе губы от ярости, но не мог ничего сказать. Вдруг он протянул руку к человеку в плаще и, указав на него другим флибустьерам, сказал с иронией:

— А это также друг капитана Филиппа, и в этом качестве, верно, считает себя вправе присутствовать с закрытым лицом в нашем собрании?

— Я действительно один из лучших и старейших друзей капитана Филиппа,— холодно ответил человек в плаще.— И скоро вы получите этому доказательство, кавалер.

— Дайте же это доказательство!— запальчиво вскричал кавалер.

Незнакомец следил глазами за Марсьялем и Питрианом, которые выходили из залы; когда дверь заперлась за ними, он вышел на середину круга.

— Вот это доказательство,— сказал он, распахивая плащ и снимая шляпу.

— Господин д'Ожерон!— вскричали флибустьеры с радостным удивлением.

— Я сам, господа, довольны вы теперь, капитан Граммон?

— О, извините!— отвечал кавалер, почтительно кланяясь старику, которого все флибустьеры глубоко уважали.

— Оставим это,— улыбаясь, ответил д'Ожерон.— Мы должны заняться слишком важными интересами для того, чтобы возбуждать глупую ссору, по-моему, лучше чисто-сердечно пожать друг другу руку и все кончить между вами.

Оба молодые человека сделали шаг назад при этом предложении.

— Вы не хотите?— продолжал д'Ожерон.— Хорошо, не будем об этом говорить и приступим к делу. Принимаете вы предложение, которое я поручил Пьеру Леграну, нашему брату, сделать вам?

— Пьер Легран, без сомнения, по вашему приказанию,— отвечал Монбар от имени всего общества,— упомянул нам очень неопределенно об этом деле, которое следует предпринять для наших общих выгод, но не от вашего имени.

— Что же вы отвечали ему?

— Мы ему отвечали, что это предприятие очень отважное, что испанцы остерегаются, крепко укрепились и, находясь под начальством храброго офицера, станут защищаться как львы; что мы подвергаемся большой опасности не только не иметь успеха, но и совершенно бесполезно подвергнуть смерти многих наших товарищей.

— Очень хорошо, господа. Теперь выслушайте меня, пожалуйста. Я не стану вам напоминать, что я выхлопотал вам от Португалии каперные свидетельства, даже когда это государство было в мире с Испанией, не стану упоминать о других услугах, которые я имел счастье вам оказать, я убежден, что вы сохранили о них доброе воспоминание.

— Мы не неблагодарны, мы знаем, чем вам обязаны.

— Следовательно, я скажу вам только, что приехал из Франции, я видел кардинала Мазарини...

Трепет любопытства взволновал собрание. Д'Ожерон продолжал:

— Его преосвященство удостоил исполнить мои просьбы. Кардинал понял, что люди с вашими достоинствами, господа, не должны быть изгнаны из общества; вы уже не парии, не пираты, не корсары, вы верноподданные его христианнейшего величества; ваше законное существование признается королем; следовательно, хотя вы остаетесь свободными, как прежде, его величество король Людовик Четырнадцатый, в своей неисчерпаемой благосклонности к вам, дает вам свое полное и совершенное покровительство с правом носить его флаг на ваших судах. Сверх того, его величество удостоил назначить меня губернатором всех своих владений в Атлантическом океане. Принимаете вы

эти условия, господа, признаете вы во мне это звание, расположены ли вы повиноваться мне?

— Да здравствует король!— с энтузиазмом вскричали флибустьеры.— Да здравствует наш губернатор!

— Благодарю, господа, благодарю!

— Милости короля радуют нас,— отвечал Монбар холодно и с достоинством.— Выбор вас в губернаторы служит нам доказательством доброжелательных намерений его величества. Только это решено, что наша внутренняя организация остается все такою же, и никто, даже король, даже вы, не будете иметь право вмешиваться?

— Клянусь вам честью!— ответил д'Ожерон.

— Хорошо, мы принимаем ваше слово, мы знаем, что на него можно положиться. Теперь приказывайте, мы готовы повиноваться вам.

— Я хочу взять Черепаху.

— Мы возьмем ее,— просто ответил Монбар.— Завтра мы условимся насчет последних мер.

— Не здесь, если вы согласны. Порт-де-Пэ наполнен шпионами, мы соберемся на островке Собачья Голова завтра на закате солнца.

— Сколько человек вам нужно?

— Не много, только хороших.

— Они все хороши.

— Это правда. Ну так вы, Монбар, Тихий Ветерок, Граммон, выберите каждый по пятидесяти решительных человек из вашей команды; Пьер Легран найдет столько же, двухсот человек будет достаточно.

— Итак, до завтра с оружием на закате солнца на островке Собачья Голова.

— Будем,— отвечали флибустьеры.

Разошлись. Д'Ожерон остался один.

— С этими людьми можно кое-что сделать,— прошептал он.— Они инстинктивно понимают великое и прекрасное. Удастся ли мне укротить их и сделать полезными великой человеческой семье, вне которой они упорно продолжают жить?

Старик несколько раз покачал головою с задумчивым видом, закутался в свой плащ, чтобы его не узнали, и в свою очередь вышел из гостиницы.

ОСТРОВOK СОБАЧЬЯ ГОЛОВА

Островок, на котором флибустьеры назначили свидание, бесплодная скала или, лучше сказать, песчаный риф, на котором не растет никакой травы и который находится на расстоянии двухсот сажен от Порт-де-Пэ, на берегу Сан-Доминго, от которого он отделен проливом, судоходным только во время прилива. Островок этот, имеющий особенную форму, довольно похожую на собачью голову, что дало ему название, которое он носит, служит убежищем бесчисленному множеству морских черепах, которые в известное время года кладут свои яйца в песок.

Довольно трудно подойти к этому берегу, который не представляет никакого убежища для судов. Однако, несмотря на это, а может быть, именно поэтому флибустьеры выбирали его местом сблища, когда им приходилось обсуждать серьезные дела или экспедиции, касавшиеся общества Береговых Братьев. Впрочем, место было очень хорошо выбрано, если хотели избежать шпионов, потому что к островку невозможно было приблизиться с какой бы то ни было стороны, не будучи немедленно примеченными теми, которые находились на острове. Сверх того, море было видно до самого горизонта, и если флибустьеры сами не хотели быть видимы, то это сделать было легко, укрывшись в грот, довольно обширный, находившийся в центре островка, среди груды скал, вероятно вышедших из глубины моря вследствие одного из тех ужасных землетрясений, которые так часто случаются в тех странах и в несколько минут совершенно изменяют внешний вид земли.

На другой день после того, когда случай так кстати соединил главных начальников флибустьерства в гостинице, несколько пирог, по большей части с одним человеком, вышли на закате солнца с различных пунктов берега Сан-Доминго и направились к островку Собачья Голова, куда пристали почти в одно время.

Вытащив пироги на песок, чтобы море не унесло их, потому что их невозможно было прикрепить, те, которые сидели в них, направились поодиночке к гроту, находив-

шемуся посреди островка, о котором мы уже говорили выше. Грот был довольно темен, но так как те, которые пришли первые, позаботились зажечь факелы, воткнув их прямо в песок, приехавшие после, нашли свет достаточным, чтобы узнать своих товарищей и удостовериться, что никакой подозрительный человек не прокрался между ними.

Собрание было немногочисленное; оно состояло всего только из одиннадцати человек. Это были д'Ожерон, Монбар, Филипп, кавалер де Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Дрэк, Мишель, Марсьяль и Питриан. Двое последних присутствовали на заседании по особенному позволению, первый потому, что он был закадычный друг кавалера де Граммона и тот потребовал этого исключения, а второй потому, что Филипп д'Ожерон исходатайствовал ему это позволение под своей личной ответственностью, но в действительности для того, чтобы рассердить Граммона, которого он искренне ненавидел и которому не прочь был досадить.

Когда все флибустьеры собрались в грот, они поклонились друг другу и сели как могли на обломки скал, закурили трубки, и совещание началось под непосредственным председательством д'Ожерона. Его лета и влияние, которым он по справедливости пользовался между Береговыми Братьями, доставили ему эту честь. Д'Ожерон повторил, но с большими подробностями то, что говорил накануне. Он рассказал о своем путешествии во Францию, своем свидании с кардиналом Мазарини, распространился о выгодах, которые доставит товариществу Береговых Братьев всемогущее покровительство Людовика XIV, и настаивал, чтобы его слушатели оценили как следует благосклонность, которою их удостаивал король, потом дошел до главной цели конференции, то есть необходимости захватить как можно скорее Черепаху и не дозволять долее испанскому флагу развеиваться на их глазах, как бы поддразнивая их и насмехаясь над независимостью, приобретением которой они себя тешили.

Речь д'Ожерона, искусно подготовленная, произвела большое впечатление на его слушателей, самым живым чувством которых он льстил; люди эти, изгнанные из

общества, считавшиеся париями, с которыми враги их испанцы обращались как с пиратами, чувствовали внутреннюю гордость при мысли, что король Людовик XIV искал союза с ними и договаривался с ними, так сказать, как равный с равными. Это предложение короля возвысило их уважение к самим себе. Многие из них, брошенные обстоятельствами, не зависевшими от их воли, в эту жизнь приключений и случайностей, тайно желали оставить ее, чтобы занять место в обществе, изгнавшем их; слова д'Ожерона нашли тем более отголосок в их сердце, что они увидели надежду возвратить в недалеком будущем все блага, которые они считали навсегда потерянными и о которых вздыхали тем более, что не думали обладать ими когда-нибудь. Справедливо, что человек, как бы силен он ни был, никогда не может безнаказанно отделиться от общества, затоптать ногами законы, управляющие им, и жить одному вне его. Всему этому сопротивляется великая взаимная человеческая ответственность.

Монбар внимательно выслушал д'Ожерона; несколько раз во время его речи он неприметно нахмурил брови, потому что он один, может быть, угадал тайные мысли старика и цель, к которой он стремился.

— Милостивый государь, — ответил он от имени своих товарищей. — Мы, как и следует, признательны его величеству королю Людовику Четырнадцатому за благосклонность, которой мы вовсе не добивались.

— Это правда, — ответил д'Ожерон, почувствовавший удар и хотевший отразить его, — но его величество принимает участие во всех своих подданных, каковы бы они ни были, где бы они ни были, где бы они ни находились, и доволен, когда представится случай давать им знаки благоволения.

— Извините, — отвечал знаменитый начальник флибустьеров с горькой улыбкой, — вы, кажется, употребили не то выражение.

— Что вы хотите сказать?

— Вы, кажется, назвали нас подданными?

— Действительно, но, кажется, в этом выражении нет ничего оскорбительного для вас.

— Я только нахожу его несправедливым.

— Как! Разве вы не француз?— вскричал д'Ожерон с изумлением.

— Кто знает, какая у нас национальность,— отвечал Монбар с печальной иронией,— так как наша родина отказалась от нас; осмотритесь вокруг, нас десятеро, вот Дрэк англичанин, Мишель бискаец, Марсьяль, вероятно, испанец, и так другие; нет, мы не французы и, следовательно, не подданные короля Людовика, мы хищные птицы, которых судьба выкинула на подводные скалы, Береговые Братья, флибустьеры — словом, аттические цари, мы не признаем других законов, кроме тех, какие учредили мы сами, других властелинов, кроме нашей воли; не говорите же нам ни о благосклонности, ни о королевском покровительстве, пожалуйста, и обращайтесь с нами, как мы заслуживаем, то есть как с людьми свободными, которые приобрели себе независимость и сумеют ее сохранить во что бы то ни стало.

— Да здравствует Монбар!— закричали флибустьеры, воспламененные этими словами.

— Но если свободны, как уверяете,— продолжал д'Ожерон,— для чего же вы признали владычество Франции?

— Извините, вы опять смешиваете.

— Как смешиваю?

— Конечно, и ничего не может быть легче доказать. Не мы прибегали к французскому правительству, в котором никогда не нуждались, а, напротив, король французский присылал к нам своих агентов и просил нашей помощи против Испании, могущество которой в Новом Свете по справедливости пугает его.

— Монбар! Монбар!— прошептал, вздыхая, д'Ожерон.— Должно быть, вы очень ненавидите Францию, эту благородную землю, что говорите таким образом!

Глаза флибустьера бросили яркую молнию, но он воздержался.

— Милостивый государь,— отвечал он голосом спокойным и поклонившись старику,— мы все любим вас и уважаем, как вы заслуживаете; далека от меня мысль оскорбить вас или только огорчить, вы наш губернатор, мы признаем вас в этом звании и будем всегда рады повиноваться вам, но не забудьте, что это соединено с

непременным условием уважать наши законы и обычаи и никогда не вмешиваться в частные дела флибустьерства; прекратим же, заклиная вас, этот разговор, который только может нас раздражить без всяких выгод для вас и для нас, оставим короля Людовика Четырнадцатого, великого и могущественного монарха, с которым мы не хотим иметь ничего общего ни в настоящем, ни в будущем, и воротимся к причине, соединившей нас здесь, то есть к способам, которые мы должны употребить, чтобы захватить остров Черепах как можно скорее.

— Это так,— сказал Дрэк,— что нам за дело до королей?

— Да здравствует флибустьерство!

— Да здравствует флибустьерство!— повторили Береговые Братья.

Д'Ожерон понял, что он не должен более настаивать. Монбар своими словами разрушил все впечатление, произведенное его речью; он печально вздохнул и решился ждать лучшего случая, чтобы вернуться к предмету, составлявшему цель его жизни.

— Я жду, господа,— сказал он,— чтобы вы мне сказали, нашли ли вы людей, нужных нам для этой экспедиции.

— Это было не трудно,— ответил Пьер Лёгран.— У нас больше людей, чем нам нужно.

— Но этого недостаточно,— заметил кавалер де Граммон.

— Тем более,— прибавил Монбар,— что с тех пор, как испанцы овладели островом, так как они прекрасно поняли важность этой позиции, они значительно увеличили укрепления и поставили на острове значительный гарнизон.

— Не считая того,— перебил Дрэк,— что этим гарнизоном начальствует храбрый офицер дон Фернандо д'Авила; я его знаю, это искусный воин, он скорее даст себя убить, чем сдастся.

— Ну, его убьют,— грубо ответил Мишель.

— В этом нет никакого сомнения,— сказал Дрэк,— но он даст нам много дела перед этим.

— Как получить точные сведения об укреплениях на острове?— спросил д'Ожерон.— Это мне кажется очень трудно.

— Есть способ,— сказал тогда Филипп.

— Какой?

— Пробраться на остров,— смеясь, ответил молодой человек.

— Уж не вы ли собираетесь пробираться туда?— колко спросил Граммон.

— Почему же и нет?— перебил Филипп.

— Черт возьми!— вскричал Граммон.— Клянусь, если вы решитесь на эту глупость, я пойду с вами только для того, чтобы быть свидетелем, как вы выпутаетесь.

— Тише, господа!— вмешался д'Ожерон.— Пожалуйста, будем говорить серьезно.

— Уверяю вас, дядюшка,— ответил молодой человек,— что мое предложение серьезно, и, если мне дадут позволение, я готов исполнить его.

— Филипп прав,— сказал Монбар,— мы должны употребить только тот способ, на какой указывает он, как он ни опасен. Мы не можем предпринять ничего, прежде чем не узнаем положительно слабые пункты того места, на которое мы хотим напасть.

— Но,— возразил д'Ожерон,— пробраться на остров, который так хорошо охраняют, значит подвергнуться верной смерти.

— Попытка смелая, я это знаю, я нисколько не скрываю от себя затруднений; я знаю, что девяносто девять случайностей из ста против меня. Несмотря на это, я настаиваю, милый дядюшка, чтобы это поручение было мне дано; я убежден, что успею.

— Уж нет ли у вас там связей, любезный капитан?— сказал Граммон насмешливым голосом.

— Может быть,— отвечал он с иронией,— притом,— прибавил он, обращаясь к флибустьерам,— что за нужда до средств, какие я употребляю, только бы успеть, а повторяю, если мне позволят, я ручаюсь за успех.

— Что вы думаете об этом, господа?— спросил д'Ожерон.

— Мы думаем,— отвечал Мишель,— что часто в подобных обстоятельствах благородные люди жертвовали собою для общей пользы, то, что хочет сделать ныне капитан Филипп, другие уже делали, следовательно, мы должны предоставить ему действовать, как он хочет.

— Вы согласны с этим, господа?

— Да,— отвечали флибустьеры единогласно.

— Хорошо, племянник. Совет дает позволение пробраться на Черепаху; мы будем ждать вашего возвращения и не станем ничего предпринимать, чтобы сообразоваться со сведениями, которые вы нам доставите.

— Благодарю, братья,— отвечал Филипп,— будьте спокойны, сведения будут верные.

— Сколько времени вам нужно?

— Мне достаточно двух дней, но с условием, что я отправлюсь сейчас.

— Вы возьмете кого-нибудь с собой?

— Меня,— сказал Питриан.— Я еще так недавно был у него работником, что наш брат не откажет мне в позволении следовать за ним.

— Да,— сказал Филипп,— поезжай со мною, больше никого не нужно.

— Я думаю!— сказал Питриан, весело потирая руки.

— Совет дает вам два дня, которых вы требуете, племянник, прямо с Черепахи вы приедете сюда, где мы соберемся слушать ваше донесение, притом тотчас после вашего возвращения вы найдете нас готовыми действовать немедленно, вы можете ехать когда хотите.

Филипп поклонился собранию и повернулся, чтобы уйти.

— Вы рады, не правда ли, что вам поручена эта рекогносцировка?— сказал Граммон, подходя к молодому человеку.

— Почему это?— спросил Филипп, вздрогнув.

— Ба! Вы это знаете хорошо,— сказал Граммон с улыбкой.

— Клянусь честью, я вас не понимаю.

— В самом деле? А я себя понимаю.

Он насмешливо захохотал, поклонился молодому человеку и оставил его.

— О!— прошептал Филипп с испугом.— Неужели негодяй угадал? Ей-Богу! Пусть он остерегается идти наперекор моим планам, клянусь душою, я убью его как собаку!

Он выбежал из грота.

— Ну что?— спросил он Питриана, бежавшего к нему.

— Пирога готова,— отвечал тот,— мы едем?

— Сейчас, пойдем, нам нельзя терять ни минуты,— ответил он с волнением.

Они прыгнули в легкую лодку и уехали, изо всех сил гребя веслами.

— До свидания и счастливого успеха!— закричал им насмешливый голос Граммона, присутствовавшего при их отъезде.

— Этот негодяй замышляет какой-нибудь обман,— прошептал молодой человек,— я буду за ним наблюдать.

Скоро пирога исчезла в темноте и Граммон воротился в грот медленными шагами, по-видимому погруженный в серьезные размышления.

XI

САД

Прежде чем мы перенесемся на Черепаху, куда нас теперь ведут требования нашего рассказа, мы обязаны сказать, каков был этот остров и каким образом испанцы овладели им.

Остров Черепаха, который флибустьеры сделали так справедливо знаменитым в семнадцатом столетии, обязан этим названием своей форме, похожей на морскую черепаху; он имеет семьдесят километров в окружности; окруженный огромными скалами, вышедшими из моря и называемыми жителями железными берегами, он доступен только с юга посредством канала в семь километров шириной, который отделяет его от Сан-Доминго. Он имеет только одну гавань для больших судов и деревеньку, называемую Нижняя Земля. Почва его плодородна, все антильские плоды находятся там в изобилии и табак, который он производит, гораздо высшего сорта, чем табак на других островах. Сахарный тростник растет там хорошо и дичь изобильно размножается.

История Черепахи коротка, но запятнана кровью на каждой странице. Занятый сначала испанцами, этот остров

был отнят у них, как мы уже рассказывали¹. Береговые Братья, избавившиеся от смерти на острове Св. Христофора, решились сделать на этом острове свою главную квартиру и приняли меры, чтобы обеспечить себе обладание им. Но испанцы не дали им спокойно наслаждаться их завоеванием. Они отправили флотилию, которая напала на авантюристов врасплох и прогнала их после страшной резни; но они вернулись через несколько времени под командою Уиллиса, английского авантюриста, и снова захватили остров. Но французские авантюристы, с неудовольствием повиновавшиеся англичанину, требовали помощи от де Поанси, губернатора острова Св. Христофора, который послал к ним офицера, по имени Левассер, во главе многочисленной экспедиции. Уиллис сдался без кровопролития, и французы опять овладели Черепахой. Левассер осмотрел остров подробно, изучая пункты, которые следовало укрепить. Он узнал, что остров неприступен со всех сторон, кроме южной, как мы сказали выше. Он построил крепость на пригорке, отдаленном на триста метров от рейда, над которым она должна была возвышаться. Но так как над этой крепостью возвышалась скала в двадцать метров вышины с платформой в двадцать пять квадратных метров, губернатор выбрал эту платформу для того, чтобы выстроить там свой дом. К нему вели пятнадцать ступеней, высеченных в скале, и железная лестница, которую снимали. Эта платформа была вооружена четырьмя пушками, и к защите была еще прибавлена ограда, способная устоять против всякого приступа, потому что окрестности этой позиции, так удачно выбранные, были окружены пропастями, высоким лесом и непроходимым кустарником, которые делали ее неприступной. Тропинка, по которой могли пройти только три человека в ряд, одна вела к этому редуту, получившему название Крепости на скале.

Только что эти укрепления были окончены, как испанцы явились в числе восьмисот человек, чтобы их уничтожить. Разгромленные крепостной артиллерией, они пытались высадиться двумя милями ниже, на месте, называемом

1

В романе «Флибустьеры».

Кайона, но, потеряв двести человек, принуждены были удалиться. Победа эта не только придала отвагу авантюристам, но до того вскружила голову их губернатору, что он, забыв, что он нечто иное, как помощник де Поанси, захотел сделаться независимым, так что его подчиненные, привыкшие к безграничной и необузданной свободе, наскучив его тиранством, убили его.

В это время кавалер де Фонтенэ, отправленный де Поанси с острова Св. Христофора, приехал на Черепакху с пятьюстами человек, восстановил порядок и принял начальство над островом. Но кавалер де Фонтенэ был прежде всего авантюрист, первое употребление, которое он сделал из своей власти, было поощрение флибустьерских экспедиций, так что остров часто оставался почти без защитников. Испанцы, узнав об этом от своих шпионов, решились овладеть во что бы то ни стало этим страшным логовищем пиратов, вооружили эскадру и неожиданно явились перед островом, в эту минуту почти пустым. Де Фонтенэ и несколько авантюристов, которыми он мог располагать, геройски защищались, но, подавленные числом, имея недостаток в съестных припасах и боевых снарядах, они наконец были принуждены сдаться. Испанский генерал оставил гарнизон из шестидесяти человек на острове, под командою дона Фернандо д'Авила, офицера храброго и опытного, и вернулся в Сан-Доминго. Вот каких странных событий этот островок был театром в несколько лет, когда д'Ожерон, по возвращении из Франции, решился окончательно отнять его у Испании, чтобы сделать из него не главную квартиру флибустьеров, как прежде, а главу колонии, которую он намеревался основать в самом Сан-Доминго. Испанцы, приписывающие большую цену обладанию островом Черепакха, остерегались; следовательно, выгнать их с этого поста, который они сделали почти неприступным с тех пор, как овладели им, было предприятие очень трудное. Д'Ожерон, несмотря на сильное желание отважиться на это предприятие, боясь неудачи, не хотел ничего предпринимать прежде, чем надежный человек осмотрит местность, для этого выбрал своего племянника, зная, что может на него положиться.

В тот самый вечер, когда флибустьеры держали совет

в гостинице, трое человек ужинали в довольно обширной и богато меблированной зале Крепости на скале. Это были донна Хуана, очаровательная молодая девушка, которую мы видели на острове Сан-Доминго, ее дуэнья Чигала и дон Фернандо д'Авила, губернатор Черспахи.

Дон Фернандо был человек лет пятидесяти, с характерными чертами, с энергической физиономией, настоящий тип служаки того времени, которые не признавали другого довода, кроме шпаги, другого права, кроме силы.

Занимаясь кушаньями, поставленными перед ним, он разговаривал с донной Хуаной, приехавшей только в это утро на остров. Молодая девушка казалась печальна и озабочена; она отвечала односложными словами на благосклонные вопросы губернатора, которые она чаще всего не слыхала и, следовательно, на которые отвечала невпопад.

— Что с вами, милое дитя?— наконец спросил дон Фернандо, удивляясь, что он один поддерживает разговор.— Уж не больны ли вы? Это путешествие должно было утомить вас чрезвычайно, может быть, вам нужно отдохнуть?

— Вовсе нет,— ответила она рассеянно.

— Не стесняйтесь,— продолжал он кротко,— вы здесь у себя и можете действовать как хотите.

— Вы очень добры.

— Итак, с вами не случилось ничего необыкновенного дорогою, кроме неожиданной встречи этих двух негодяев?

— Решительно ничего.

— Вы очень испугались?

— Нет, уверяю вас.

— К счастью, вы теперь в безопасности, и вам опасаться нечего этих негодяев.

Молодая девушка слегка нахмурила брови, но воздержалась от ответа. Дон Фернандо встал.

— Я принужден оставить вас,— сказал он.— Извините меня. В этот час я осматриваю мои посты и никогда не пропускаю этого.

— Не занимайтесь мною, пожалуйста,— ответила она.— Вы видите, Чигала заснула, и я пойду в свою комнату, потому что, верно, в этой крепости нет сада, где можно бы подышать вечерним воздухом.

— Извините, милое дитя,— возразил губернатор с веселой улыбкой,— у меня есть сад, очень маленький, это правда, и вовсе не похожий на ваши великолепные сан-домингские сады; но, каков он ни был, я отдаю его в ваше полное распоряжение на все время, и вам тем легче будет в нем гулять, что он сообщается с вашей молельной.

— О, это очаровательно!— сказала она весело.— Пожалуйста, ведите меня скорее в этот сад.

— Ступайте за мною, мы будем там через пять минут.

Молодая девушка поспешно встала и вышла из залы в сопровождении дона Фернандо, не беспокоясь о Чигале, которая действительно заснула на кресле.

Пройдя двор, освещенный в эту минуту великолепным лунным сиянием, дон Фернандо отворил дверь, запертую только защелкой, и донна Хуана вдруг очутилась в саду, небольшом, но очень хорошо расположенном и по этой причине казавшемся с первого взгляда гораздо обширнее, чем он был на самом деле. Там были тень и цветы, птицы, приютившиеся на листьях, вылетали с шумом при приближении гуляющих. Густая живая изгородь из кактусов на самом краю пропасти служила оградой не только саду, но и зданиям крепости. Забор этот, как ни казался слаб, был более чем достаточен, потому что пропасть, почти вертикальная, в этом месте имела более сорока метров глубины.

— Вот мой сад, милое дитя,— сказал тогда дон Фернандо.— Пользуйтесь им как хотите, не боясь, что вас потревожат, потому что, кроме вас и вашей дуэньи, никто не ступит сюда ногой без вашего позволения.

— Благодарю вас, право, я не знаю, как мне изъяснить вам признательность за эту новую любезность с вашей стороны.

— Ведь я вам почти отец; ведь я заботился о вашем детстве.

— Вы правы, и я вас люблю за вашу неисчерпаемую доброту.

— В свою очередь благодарю вас, но, слава Богу, мы должны остаться здесь только на несколько дней. Я жду моего преемника с минуты на минуту.

— Это правда. Вы мне сказали, что мы должны отправиться в Панаму,— произнесла она с легким трепетом в голосе.

— Я это думал, но по последним письмам, кажется, мое назначение изменено.

— А! На какое же новое место назначают вас?

— Не знаю. Вероятно, мы отправимся на твердую землю; впрочем, это должно мало вас интересовать.

— Действительно, однако признаюсь, я не прочь узнать это новое назначение.

— Не бойтесь, как только сам узнаю, я поспешу сообщить вам.

— Благодарю.

В эту минуту капрал вошел в сад и почтительно приблизился к своему начальнику.

— Что вам нужно, Кабо Лопец?— спросил дон Фернандо.

— Ваше превосходительство,— ответил он.— Приехал курьер из Сантьяго.

— Так поздно!— с удивлением сказал губернатор.

Капрал молча поклонился.

— Хорошо, я иду за вами, ступайте.

Лопец повернулся как автомат и вышел в сад.

— Эта дверь,— продолжал дон Фернандо, указывая молодой девушке на большое балконное окно,— ведет в вашу молельную. Теперь я оставляю вас, гуляйте без опасения в этом саду, вам нечего бояться. Если я не увижусь с вами сегодня вечером, позвольте мне теперь пожелать вам приятно провести ночь, которую вы давно не проводили под моей кровлей.

Простившись таким образом, дон Фернандо ушел, и донна Хуана осталась одна.

Давно уже молодая девушка желала насладиться минутой свободы; она чувствовала потребность привести в порядок свои мысли и откровенно поговорить с собой. Ее отъезд из Сан-Хуан-де-Гуаява был так внезапен, путешествие так быстро, что эти немногие дни прошли для нее со скоростью сна, не оставив ей необходимого времени подумать о новом положении, в которое ее поставили события, и о неизбежных переменах, которые силою обстоятельств должны были произойти в ее жизни, до сих пор столь тихой и спокойной.

Для душ юных и верующих ночь имеет неизъяснимую

прелесть: бледный свет звезд, серебристые отблески луны, пробивающиеся сквозь ветви, ночной ветерок, проносящийся как вздох и таинственно шелестящий листьями, глухое жужжание насекомых, журчание ручейка, протекающего по тростнику, — все способствует тому, чтобы наполнить сердце упоением, и располагает душу к нежным и меланхолическим мечтам.

Донна Хуана, обойдя несколько раз тенистые аллеи сада, склонив голову, мало-помалу, сама того не замечая, подчинилась влиянию лучезарной природы, окружавшей ее со всех сторон и восхитительная гармония которых тихо раздавалась в ее ушах. Она села в боскете и довольно долго оставалась погружена в то восторженное состояние, которое не сон и не бодрствование и для которого в нашем бедном языке нет определенного выражения.

Недалеко от того места, которое она выбрала для отдыха, возвышалась изгородь, служившая забором саду; возле этой изгороди, обрыв, уже старый и прикрытый сухой высокой травой, открывался как отверстая пасть пропасти. Возле этого обрыва росло дерево, закрывая его своими могущественными ветвями. Взор молодой девушки машинально обратился к этому месту, независимо от ее воли.

Вдруг ей показалось, что какая-то тень медленно появилась из-за края обрыва и два глаза сверкнули в темноте, как два раскаленных угля. Донна Хуана внутренне задрожала при этом ужасном явлении и молча и боязливо прижалась в глубине боскета.

После двух или трех минут, показавшихся целым веком для испуганной девушки, эта тень увеличилась мало-помалу и приняла размеры человека, размеры, казавшиеся гигантскими при обманчивых отблесках луны. Насколько довольно отдаленное расстояние, на котором находилась донна Хуана, позволяло ей судить, человек этот не был испанец; костюм его скорее подходил костюму буканьера. Кто бы это ни был, человек этот осмотрелся вокруг проницательным взором, который как будто хотел проникнуть сквозь темноту, потом, успокоенный, без сомнения, глубокой тишиной, окружавшей его, он стал на колена на краю обрыва и, обвив ствол дерева одной рукой, без

сомнения, для того, чтобы удержаться, наклонился над ямой, потом тотчас же приподнялся, поддерживая рукою другого человека, который на четвереньках осторожно прыгнул в сад.

— Ты не видел никого?— сказал шепотом и по-французски второй первому.

— Никого.

— И ничего не слышал?

— Ничего.

— Стало быть, все хорошо. Теперь надо узнать, где мы.

— Этого я не знаю.

— И я также; подай сначала оружие. В случае тревоги я не прочь иметь чем защищаться.

Ничего не отвечая, товарищ его встал на краю обрыва и в несколько мгновений вытащил два ружья, крепко привязанных к веревке.

— Вот,— сказал он.

— Хорошо. Теперь надо осмотреться; это будет не трудно, потому что светло, как днем. Я направо, а ты налево, составим круг, центром которого будет этот обрыв: только чтобы глаза и уши были настороже. Надо сделать так, чтобы на нас не напали как на дураков.

Товарищ его сделал знак согласия. Они повернулись друг к другу спиной и немедленно начали приводить в исполнение свой план. Когда они повернулись, лучи луны прямо осветили их лица, остававшиеся до тех пор в тени.

— Филипп!— вскрикнула молодая девушка, узнав того, кого она любила, в одном из двух человек, таким странным образом забравшихся в сад.

XII

СВИДАНИЕ ВТРОЕМ

Это действительно были Филипп и Питриан, так неожиданно забравшиеся в сад губернатора Черехахи. При крике молодой девушки флибустьер вздрогнул.

— Кто-то говорил?— сказал он.

Бросив тревожный взгляд вокруг, он решительно подошел к боскету.

— Это я, Филипп,— сказала молодая девушка, подходя к нему.

— Вы? Вы, Хуана?— вскричал он радостно.— О, Бог привел вас сюда!

— Разве вы не знали, что найдете меня здесь?— отвечала она.

— Я не смел надеяться.

Вдруг он замолчал. Обойдя сад, что было не долго, Питриан возвращался к боскету; Филипп бросился к нему навстречу.

— Друг,— сказал он,— по неслыханному счастью, я встретил особу, которую одну хотел видеть, отправляясь сюда; покарауль, пока мы разменяемся несколькими словами и я узнаю сведения, необходимые для успеха наших планов.

Питриан улыбнулся.

— Хорошо,— отвечал он,— только не слишком долго разговаривайте, наше положение не весьма приятно, ни к чему нам позволять глупо зарезать нас в этом капкане.

— Будь спокоен, я прошу у тебя только десять минут.

— Даю вам четверть часа,— величественно ответил Питриан и встал за огромным стволом дерева.

Филипп наскоро воротился к Хуане, которая с беспокойством ждала результата его разговора с товарищем.

— Все идет хорошо,— сказал он,— мы можем разговаривать безопасно. Нас стережет друг. Слава Богу, милая Хуана, в своем неисчерпаемом милосердии, он нас соединил.

— Только на несколько минут,— прошептала она печально.

— Что за нужда до будущего, моя возлюбленная, воспользуемся настоящим, чтобы говорить о нашей любви. Когда вы приехали сюда?

— Сегодня утром.

— И долго думаете остаться?

— Не знаю. Дон Фернандо непроницаем, однако мне кажется, я угадала, что мое пребывание здесь будет непродолжительно.

— И знаете вы, в какое место вы должны ехать?

— Положительно нет. Мне говорили о Панаме и Маракайбо; правда, оба эти места мне неизвестны, и мне все равно, куда меня повезут, только бы я имела надежду увидеть вас там.

— Я дал вам клятву, Хуана, и сдержу ее во что бы то ни стало.

— Да, да, вы меня любите, Филипп; я полагаюсь на ваше слово, а между тем я боюсь.

— Боитесь чего, друг мой?

— Всего. Наши две нации, неумолимые неприятельницы, считают вас разбойниками, морскими цыганами, хищными зверьми, которых всякий честный человек имеет право истреблять.

— Какое нам до этого дело, моя возлюбленная? Разве вы не знаете, каким образом, когда к нам подступят слишком близко, мы поворачиваемся к охотнику и сражаемся с ним?

— Я это знаю, друг мой, и это еще более заставляет меня дрожать, притом,— прибавила она тише и нерешительно,— это еще не все.

— Гм! Еще что же, друг мой? Говорите без опасения. Она молчала, печально потупив голову.

— Разве это гораздо серьезнее, чем я предполагал?— вскричал Филипп, схватив руку молодой девушки и нежно пожимая ее.— Говорите, ради Бога, Хуана, умоляю вас, не оставляйте меня долее в этом смертельном беспокойстве.

— К чему?— ответила она кротко.— К чему говорить об этом вам, друг мой?

— Как — мне!— вскричал он.— Стало быть, дело идет лично обо мне? О, говорите, говорите, заклинаю вас!

— Ах! Дело идет об обоих нас,— прошептала она,— потому что оно касается нашей любви.

— Разве нашей любви угрожает что-нибудь?— спросил он с изумлением.

— Не знаю, друг мой, я, может быть, сумасбродствую, вероятно, я тревожусь понапрасну, но, повторяю вам, я боюсь.

— Для чего же тогда вы так упорно сохраняете молчание, убивающее меня?

— Вы правы, друг мой, лучше сказать вам все.

— О, говорите, говорите. Я слушаю вас.

Вдруг новое лицо явилось между собеседниками.

— Я буду говорить,— холодно сказал этот человек.

Молодые люди с ужасом отступили.

— Как я вас пугаю?— продолжал он с иронией.— Однако, клянусь моей душой, этого не было в моих мыслях.

— Ей-Богу!— вскричал Филипп, уже оправившийся от минутного волнения.— Человек ты или демон, и я узнаю, кто ты.

— Я не скрываюсь, можете смотреть на меня сколько вам угодно,— сказал он, становясь на свет.

— Кавалер де Граммон!— с удивлением вскричал Филипп.

— Он самый,— ответил кавалер, кланяясь с насмешливой улыбкой.

— Что вы здесь делаете, милостивый государь?— запальчиво спросил Филипп.

— А вы сами что?— спросил кавалер.— Черт возьми! Странно вы исполняете поручение, данное вам советом!

Донна Хуана, готовая лишиться чувств, уцепилась за изгородь боскета, чтобы не упасть.

— Не об этом поручении идет дело, милостивый государь,— грубо ответил молодой человек.

— А о чем же, позвольте спросить?— все с насмешкой продолжал кавалер.

— Я хочу знать, по какому праву пробрались вы сюда за мной?

— А если мне не угодно вам отвечать?— надменно сказал кавалер.

— Я сумею вас принудить,— ответил Филипп, выхватив из-за пояса пистолет.

— Стало быть, вы хотите меня убить, потому что я с вами драться не стану, по крайней мере в эту минуту; разве вы забыли, что наши законы запрещают дуэль во время экспедиции?

Филипп с бешенством топнул ногою и заткнул пистолет за пояс.

— Но я хочу быть великодушен,— продолжал Граммон.— Я вам отвечу, и отвечу откровенно, клянусь вам,

притом вы будете судить сами. Когда вы ушли из совета, чтобы приготовиться к исполнению вашего поручения, я просил позволения присоединиться к вам, заметив нашим братьям, что вас могут убить испанцы и что если случится это несчастье, то хорошо бы кому-нибудь заменить вас и докончить дело, вверенное вашей чести. Начальники одобрили меня и в этом заседании исполнили мою просьбу, вот почему я здесь, милостивый государь; но вы не это желаете знать, не так ли? Вы хотите узнать, по какой причине я просил этого поручения, ну оставайтесь довольны, эту причину я вам скажу.

— Я жду, чтобы вы объяснились,— сказал Филипп со сдерживаемым гневом.

— Имейте несколько терпения, я имею одно великое качество или один великий недостаток, как вам угодно об этом судить, — редкую откровенность. Догадываясь о том, что будет происходить между вами и этой молодой девицей, я поспешил сделаться третьим лицом в этом разговоре, чтобы избавить ее от затруднительного объяснения, которое, впрочем, кажется, было порядочно для нее неприятно.

— Пожалуйста, без околичностей и приступайте к делу, если это возможно.

— Что бы вы ни говорили,— сказала тогда Хуана с лихорадочным одушевлением,— ваши нападки и клевета не могут меня задеть, говорите же!

— Я не стану ни нападать, ни клеветать,— ответил кавалер, почтительно кланяясь молодой девушке.— Это оружие подлецов, и я не знаю, как его употреблять, я буду говорить правду, и только о себе.

— Кончайте скорее, место, в котором мы находимся, не годится для продолжительных рассуждений,— сказал Филипп.

— Мы в безопасности, ведь вы поставили вашего бывшего работника Питриана на карауле, он не допустит напасть на нас врасплох. Притом мне остается сказать вам только несколько слов.

Молодой человек буквально кипел нетерпением, однако он воздержался, он понимал, какие страшные последствия могла иметь огласка, не только для него — он мало заботился лично о себе — но и для донны Хуаны, которую

он любил и которая, волнуясь и дрожа, присутствовала при этом странном разговоре.

— Милостивый государь,— продолжал кавалер де Граммон с той изящной вежливостью, которая отличала его и которую он так хорошо умел употреблять, когда вспоминал, от какого рода он происходил.— Позвольте мне прежде всего согласиться с вами, что во всем случающемся с нами есть какой-то странный рок.

— Я вас не понимаю, что можем мы иметь общего друг с другом?

— Я объяснюсь. Вы любите эту девицу, все заставляет меня думать, судя по тому, что я слышал, что любовь эту разделяют.

— Да,— с живостью ответила донна Хуана с той храбростью, которою обладают в такой степени женщины в крайних положениях.— Да, мы любим друг друга, мы обручены даже, и клянусь вам, никогда моя рука не будет принадлежать никому, кроме дона Филиппа.

— Милая Хуана!— сказал молодой человек, горячо целуя ее руку.

— Вот именно в чем заключается тот рок, о котором я вам говорил сейчас,— холодно продолжал кавалер, не выказывая никакого удивления при этом признании.— Я также люблю эту девицу.

— Вы?— вскричали они с испугом, смешанным с удивлением.

— Да!— ответил он, почтительно кланяясь молодой девушке.

Филипп сделал шаг к кавалеру, тот остановил его движением руки.

— Вы прекрасны, я мужчина, ваша красота прельстила меня, и я невольно увлекся страстью, которая, когда я вас увидел, охватила все мое существо. Имеете ли вы право сделать мне за это упрек? Нет, любовь и ненависть два чувства, независимые от нашей воли, которые овладевают сердцем человека и самовластно господствуют в нем, об них рассуждать нельзя, мы принуждены им подчиняться. В первый день, как я вас увидел, я полюбил вас, ваш взгляд, упав на меня нечаянно, сделал меня вашим невольником. Вы видите, я откровенен. Напрасно пытался

я добраться до вас и признаться вам в любви, которая сожгла мое сердце, все мои попытки были бесполезны. Вы убегали от меня инстинктивно, вы, без сомнения, угадали мои чувства, и так как вы меня не любили, то возненавидели меня.

— Милостивый государь!— запальчиво вскричал Филипп.

— Дайте ему объясниться, милый Филипп,— с благородством сказала молодая женщина,— лучше, чтобы мы знали раз навсегда, как нам себя с ним держать.

— Если вы требуете,— прошептал он, стиснув зубы от гнева.

— Я вас прошу.

— Кончайте же, милостивый государь.

— Имею честь заметить вам,— ответил, поклонившись, кавалер,— что вы сами прервали меня.

Молодой человек топнул ногой и бросил страшный взгляд на кавалера, но промолчал.

— Итак, я угадывал, что у меня есть соперник,— спокойно продолжал тот,— и что соперник этот любим; открытие это, как ни неприятно было для меня, однако мало тронуло меня, по той простой причине, что с первой минуты, как вас увидел, я поклялся самому себе, что вы будете моею.

— Что?— с бешенством вскричал молодой человек.

— Я имею привычку,— холодно продолжал кавалер,— всегда держать свои клятвы, это значит, что я употребляю все на свете, чтобы не изменить моему слову.

— Это такая дерзость,— вскричал Филипп вне себя от раздражения,— что...

— Извините! Позвольте мне кончить,— перебил кавалер бесстрастно и холодно,— мне остается прибавить несколько слов; мы оба дворяне, хорошего происхождения, это значит, что между нами будет война честная, борьба вежливая. Это будет,— прибавил он с насмешливой улыбкой,— турнир, и более ничего.

— Но вы забываете одно,— сказала донна Хуана надменно,— обстоятельство, довольно важное, однако, как мне кажется.

— Что такое?— спросил он.

— То, что я вас не люблю и никогда не буду любить, — ответила она с презрением.

— О! — воскликнул кавалер с восхитительным чванством. — Что может ручаться за будущее? Едва можно рассчитывать на настоящее.

— Вы знаете, что я вас убью, — сказал Филипп, сжав кулаки и стиснув зубы.

— Я знаю по крайней мере, что вы попытаетесь. Ах, Боже мой! Вам следовало бы благодарить меня, вместо того, чтобы ненавидеть. Борьба, начинающаяся между нами, набросит необыкновенную прелесть на вашу жизнь; ничего не может быть скучнее любви, которой ничто не идет наперекор.

— Вы с ума сошли, кавалер. Все что вы нам насажали, не серьезно, — возразил Филипп, совершенно озадаченный странным признанием молодого человека и не допуская, чтобы все это было действительно.

— Я с ума схожу по этой девице — да, это правда. Что касается до того, что я вам сказал, думайте что хотите. Я вас предупредил, теперь вы должны остерегаться.

— Запомните хорошенько, — холодно сказала донна Хуана, — если когда-нибудь судьба отдаст меня в ваши руки, я скорее убью себя, чем изменю клятве, которую дала моему жениху.

Кавалер, ничего не отвечая, поклонился донне Хуане и, повернувшись к Филиппу, сказал:

— Итак, это решено, что мы перережем друг другу горло при первом удобном случае?

— О, конечно!

— Стало быть, бесполезно возвращаться к этому предмету, и я думаю, что пора нам заняться несколько делами, которые привели нас сюда. Идете вы со мною разузнавать или предпочитаете остаться еще несколько минут и поговорить с этой девицей? Вы видите, что у меня характер добрый.

— Дон Филипп и я, — перебила донна Хуана, — уверены друг в друге, и нам не нужно вести длинных разговоров, чтобы знать, что мы всегда будем любить друг друга. Оставляю вас, господа; становится поздно, и я возвращаюсь в свои комнаты.

Молодой человек с живостью приблизился к своей невесте.

— Не теряйте мужества, Хуана,— сказал он,— я отомщу за вас этому человеку.

— Нет,— ответила она вполголоса со странной улыбкой,— предоставьте это мне, Филипп, женщины в мщении гораздо опытнее мужчин, наблюдайте за ним только.

— Но...

— Прошу вас. Теперь прощайте.

Она вышла из боскета. В ту же минуту явился Питриан.

— Проворнее!— сказал он.— Губернатор.

Все трое бросились в кусты, где исчезли в ту минуту, когда дон Фернандо входил в сад и приближался большими шагами к донне Хуане, которая спешила к нему навстречу.

XIII

ДОН ФЕРНАНДО Д'АВИЛА

Губернатор казался озабочен, лоб его был бледен, брови нахмурены; он шел поспешно, бросая вокруг тревожные взгляды, он держал в руке бумаги, которые комкал с нетерпением.

— А! Вы здесь!— вскричал он, как только заметил донну Хуану, которая, как мы сказали, шла к нему навстречу.— Тем лучше, я рад, что нашел вас здесь. Я боялся, что вы воротились в ваши комнаты.

— Я возвращаюсь туда поздно, я слишком забылась в моей прогулке.

— Ночь светлая, небо сияет звездами; прошу вас, согласитесь остаться со мною на несколько минут.

— Я к вашим услугам на все время, какое вы пожелаете.

— Извините меня, поздно, время может показаться не совсем прилично, это правда, но курьер приехал сию минуту, и я должен сообщить вам важные известия.

— Мне?— спросила она с удивлением.

— Да, если только вы согласитесь выслушать меня.

— Я уже отвечала, что я к вашим услугам.

— Благодарю вас за ваше снисхождение и немедленно воспользуюсь позволением, которое вы мне даете.

Мы сказали, что тихая ночь, освещенная серебристыми лучами луны, была великолепна. Войдя в комнату за молодой девушкой, дон Фернандо оставил полуоткрытым балконное окно, выходящее в сад, или для того, чтобы впускать свежий ночной ветерок, или, несмотря на свое звание опекуна, он боялся испугать целомудрие молодой девушки, которой, спешим прибавить, он выказывал искреннюю дружбу, соединенную с глубоким уважением.

Оба сели на кресла возле двери; между тем авантюристы, оставшиеся одни в боскете, имели между собою быстрое объяснение.

— Итак, мы теперь враги,— надменно сказал Филипп.

— Враги — может быть,— сухо ответил Граммон,— а соперники — наверно.

— Пусть так, но это соперничество не должно ни в каком случае мешать нам исполнить нашу обязанность к нашим товарищам.

— Я тоже так думаю.

— Очень рад, что сошелся с вами. Что же намерены вы делать?

— В эту минуту?

— Да.

— Мне кажется, что случай необыкновенно покровительствует нам и дает возможность узнать тайну наших врагов.

— Наша рекогносцировка еще не кончена; слишком продолжительное пребывание в этом месте может не только погубить нас, это бы еще ничего, но испортить план наших братьев.

— Вы правы, но мне кажется, есть очень легкий способ все согласовать.

— Какой это способ, позвольте вас спросить? Я был бы рад воспользоваться вашими сведениями.

— Вот он: пока один из нас останется здесь и постарается уловить отрывки разговора губернатора с его питомицей, другой пойдет разузнавать, а Питриан останется возле обрыва, чтобы в случае надобности обеспечить наш уход.

— Гм!— сказал Филипп.— Этот способ действительно хорош; но кто из нас останется в саду?

— Вы, если хотите,— ответил Граммон,— дело идет не о любви в эту минуту, а о политике.

— Это правда, итак...

— Я иду,— перебил Граммон и сделал движение, чтобы удалиться.

— Позвольте,— остановил его Филипп,— я согласен на ваше предложение, но только с одним условием.

— С каким?

— Я буду ждать вашего возвращения, чтобы помочь вам, если будет нужно.

— К чему? Ведь мы уже не друзья.

— Но все еще братья.

— Вы правы, я соглашаюсь.

Церемонно поклонившись своему сопернику, кавалер удалился, проскользнув как призрак сквозь кустарник. Филипп, оставшись один, стоял с минуту неподвижен и задумчив, потом приподнял голову, бросил подозрительный взгляд вокруг и, смешавшись, насколько было возможно, с тенью, бросаемой ветвями, осторожно подошел к балконному окну и спрятался в чащу мастиковых деревьев, стоявших в нескольких шагах от дома и где почти невозможно было приметить его. Место было прекрасно выбрано так как собеседники не имели никакой причины умерять тон разговора, слова их внятно доходили до Филиппа, который приготовился слушать, прошептав:

— Может быть, я ее увижу и еще поговорю с ней.

Разговор авантюристов, меры, принятые ими, потребовали довольно долгого времени, так что когда Филипп стал слушать разговор дона Фернандо и донны Хуаны, он почти уже кончался. Молодая девушка говорила:

— И это известия верные?

— Официальные,— ответил губернатор,— нам привез их верный человек, притом мне их прислал губернатор Сан-Доминго.

— И вы приказываете мне вас оставить, когда такая великая опасность угрожает вам, может быть?

— Во-первых, милое дитя,— дружески сказал дон Фернандо,— я не приказываю вам, я только сообщаю

полученные мною приказания, а это другое дело; вы знаете, что мы с вами должны повиноваться этой особе, потому что она поручила вас мне ребенком.

— Но кто же эта особа?

— Для чего беспрестанно делать мне один и тот же вопрос, милое дитя, когда вы знаете, что я не могу на него отвечать?

Молодая девушка печально опустила голову. Дон Фернандо взял ее руку и нежно пожал.

— Не теряйте мужества, бедняжка!— сказал он с родительской нежностью.— Надеюсь, что когда-нибудь, а может быть, и скоро, тайна, так ужасно тяготящая ваше сердце, объяснится; не принадлежит ли вам будущее? Ведь вы еще почти ребенок.

— Вы добры, но этим нежным словам, которые вы мне говорите, я чувствую, вы не верите сами.

— Не унывайте таким образом, милая Хуана,— возразил дон Фернандо, стараясь отвлечь молодую девушку от этих печальных мыслей,— ведь я вам друг.

— О! Вы мне друг, почти отец!— сказала она с волнением.— Я люблю вас за все попечения, которыми вы окружали мое детство, вот почему я дрожу при мысли расстаться с вами таким образом.

— Опасность не так велика, как вы предполагаете; завтра я получу подкрепление из полтораста человек, которые в соединении с моим гарнизоном составят двести десять солдат решительных и опытных, сверх того, остров хорошо укреплен и снабжен съестными припасами. Будьте же спокойны на наш счет,— прибавил он, смеясь,— хотя эти негодяи сущие демоны, они вернутся со стыдом.

Молодая девушка бросила украдкой взгляд на сад и подавила вздох.

— Итак,— продолжала она,— только что приехала сюда, и опять еду, и еду одна.

— Не одна, ваша дуэнья поедет с вами.

— А вы?

— Я приеду к вам.

— Когда, друг мой?

— Скорее, чем вы думаете, может быть.

— Да услышит вас Бог!

Дон Фернандо встал.

— Итак, это решено,— сказал он,— завтра на рассвете вы будете готовы; шхуна, на которой вы приехали сюда, еще стоит в гавани. Вы поедете на ней.

— Но простите мне этот последний вопрос. Вы мне не сказали, куда я должна ехать.

— Разве вы не знаете?

— Ничего не знаю, вы мне говорили несколько времени тому назад о выгодном месте, которое вам предлагали в Панаме; мы едем туда?

— Нет, мой покровитель, со своей неисчерпаемой добротой, выхлопотал мне место гораздо почетнее, а в особенности гораздо выгоднее того, которое он обещал мне прежде.

— Какое же?

— Губернатора Гибралтара в заливе Маракаибо.

— И вы получили назначение?

— Как вы любопытны!— сказал он, улыбаясь.

— Отвечайте мне, пожалуйста.

— Это назначение пришло сегодня вечером, сию минуту.

— Стало быть, ничего не удерживает вас здесь?

— Извините меня,— отвечал он с замешательством,— я должен передать власть моему преемнику и ждать его приезда на остров.

— Ведь он приедет завтра.

— Кто вам сказал?

— Вы сами сейчас.

— Я вижу, что ничего невозможно от вас скрыть.

— Итак?..— продолжала она, улыбаясь.

— Я хотел вас увидеть, но вы так умеете вырывать у меня мои секреты, что нет никакой возможности сопротивляться вам, я предпочитаю все сказать вам сейчас.

— Да, скажите, скажите!

— Шхуна, вместо двух пассажиров, увезет троих, я еду с вами.

— Слава Богу!— вскричала она с радостью.

— Теперь мне ничего уже не остается вам сообщать; извините, что я так долго не давал вам спать; уже двенадцатый час, я ухожу, да хранят сон ваш Святая Дева

и ангелы, милое дитя; прощайте, закройте хорошенько это окно. До завтра.

Он вышел; молодая девушка проводила его до сада.

— Итак,— сказала она громко, без сомнения для того, чтобы слышал Филипп, если неравно он был еще тут,— мы едем в Маракаибо?

— Да, в Маракаибо, а не в Панаму; но воротитесь, не оставайтесь долее в саду, вечера опасны для здоровья, вы это знаете.

— Я возвращаюсь, друг мой.

— Я не уйду, пока вы не запретите окно.

— Я сделаю это сию минуту.

— Кстати; если вы услышите ночью шум в саду, не тревожьтесь, я имею обыкновение несколько раз обходить дозором. Воротитесь же и прощайте.

— Прощайте.

Молодая девушка заперла дверь тройным поворотом ключа. Дон Фернандо закутался в плащ, вышел из сада и небрежно затворил за собою калитку, считая бесполезным принимать предосторожности, так как он скоро должен был идти дозором. Притом он с этой стороны нападения не ожидал.

Прошло полчаса. Филипп ждал с нетерпением, чтобы дверь донны Хуаны отворилась, но его ожидание было обмануто. Ничто не пошевелилось, дверь оставалась заперта, и скоро огонь погас. Молодая девушка думала, что флибустьер давно ушел. Филипп безропотно вздохнул и вернулся в боскет, где нашел Питриана на карауле, но начинавшего серьезно тревожиться таким продолжительным пребыванием среди неприятельской крепости; действительно, неосторожности или какой-нибудь случайности было достаточно, чтобы выдать троих флибустьеров, и тогда они погибли бы.

Так как Филипп обещал кавалеру, он остался в боскете, не желая удалиться до его возвращения.

— Маракаибо!— шептал он.— Гибралтар! Не в первый раз имена эти раздаются в моих ушах. О, моя возлюбленная Хуана! Если бы даже моя жизнь зависела от этого, я скоро с тобою соединюсь.

Как все влюбленные во все времена, забыв, что

положение, в котором он находится, довольно критическое, молодой человек прислонился плечом к дереву, скрестил руки, опустил голову на грудь и погрузился в одно из тех восхитительных мечтаний любви, перед которыми бледнеют все холодные действительности жизни. Кто знает, сколько времени продолжалось бы это восторженное состояние, если бы вдруг он не был грубо отозван с неба на землю неприятным ощущением, которое было не что иное, как рука, тяжело опустившаяся на его плечо, между тем как насмешливый голос говорил ему на ухо:

— Вы спите, товарищ?

Филипп вздрогнул при звуках этого хорошо знакомого голоса и быстро приподняв голову, сказал:

— Нет, я мечтаю.

— Хорошо. Но как ни восхитительна эта мечта, прервите ее; надо ехать.

— Поедемте, я согласен.

— Вы не спрашиваете меня, что я сделал и откуда пришел?

— Что мне за нужда!

— Как что вам за нужда?— вскричал кавалер с удивлением.— Уж не помешались ли вы?

— Нет, извините,— отвечал Филипп с замешательством.— Я не знаю, что говорю; напротив, для меня это очень важно.

— Прекрасно, вот вы теперь совсем проснулись.

— О! Совершенно, клянусь вам, и доказательством служит то, что мне любопытно узнать, что вы открыли.

— Признаюсь, к стыду моему, что я ничего не открыл, кроме того, что остров сильно укреплен и гарнизон остерегается; везде стоят часовые.

— Черт побери!— сказал молодой человек.— Вы мне сообщаете неприятное известие.

— Знаю, но что же делать?

— И вы не открыли ни одного слабого места?

— Ни одного.

— Черт возьми!

— А вы что узнали?

— Ничего, мне невозможно было приблизиться настолько, чтобы услышать хоть одно слово их разговора.

— Стало быть, мы ничего путного не сделали?

— Пойдемте же.

— Пойдемте.

Они подошли к обрыву, в который спустились один за другим. Питриан замыкал шествие. Спуск был тем труднее, что обрыв был почти отвесный и флибустьеры на каждом шагу рисковали сломать себе шею; была даже минута, когда они, так сказать, висели между небом и землей, не будучи в состоянии ни подняться, ни слететь. Однако, после поисков, продолжавшихся не менее двадцати минут, они сумели найти тропинку, по которой прежде поднялись до платформы скалы. Спуск продолжался, им нужно было около часа, чтобы добраться до равнины. Отдохнув минуты три, они проскользнули в высокую траву и добрались наконец до берега моря, то есть к подножию скал, которые с этой стороны составляли неприступную стену около острова. Авантюристы начали подниматься на эти скалы. Скоро перед ними явилась трещина, по которой мог пройти только один человек. Тут Филипп остановился.

— Одно слово, кавалер,— сказал он.

— Говорите,— отвечал тот.

— Вы знаете, где пирога?

— Знаю.

— Узнаете вы то место, где мы находимся?

— Узнаю.

— Вы должны ехать.

— Один?

— Один.

— А вы?

— Я останусь с Питрианом. Вы отдадите отчет в нашей экспедиции совету через сорок восемь часов, не прежде, вы меня понимаете, не правда ли? Наши братья отправятся, и вы приведете их сюда.

— Приведу.

— Вы пристанете, когда увидите на берегу два зажженных фитиля.

— Хорошо.

— Я, с помощью Питриана, проложу дорогу, довольно широкую для того, чтобы могли пройти наши братья.

— Но если вас увидят и убьют?

— Как будет угодно Богу,— отвечал Филипп просто.

— Милостивый государь,— сказал кавалер, протягивая ему руку,— пусть будет так, как вы желаете, я сожалею о соперничестве, разделяющем нас, но если я не могу вас любить, я восхищаюсь вами.

— Прощайте, до свидания через сорок восемь часов.

— Через сорок восемь часов,— отвечал кавалер и ушел.

— Таким образом, что бы ни случилось,— прошептал Филипп,— я уверен, что моя возлюбленная Хуана уедет и, следовательно, будет вне опасности.

Питриан, которым Филипп так распорядился, не спросив даже его согласия, нисколько не казался удивлен этим поступком своего бывшего господина.

— Что мы теперь будем делать?— спросил он.

— Спать,— отвечал Филипп, укладываясь как можно удобнее среди скал.

— Хорошо, все-таки сколько-нибудь поспишь,— беззаботно сказал Питриан, ложась около него.

Через пять минут оба были погружены в глубокий сон.

XIV

САН-ДОМИНГО

Теперь нам надо, прежде чем мы пойдем дальше, объяснить читателю, какой образ правления приняли испанцы в Америке и какой системе следовали они в своих колониях после завоевания.

В силу дара папы, американские владения были собственностью короны; стало быть, страна принадлежала королю, и земли, занятые испанцами, или туземцами, считались королевскими владениями. Король не признавал никакого права корпорации, никаких привелегий, он брал подать со всего, он управлял посредством вице-короля. Вице-король начальствовал над армией, решал все военные вопросы, председательствовал в совете и назначал чиновников на вакантные места.

Высший трибунал, называемый аудиенция, служил

противовесом власти этого важного чиновника, как апелляционный суд всех трибуналов, гражданских и духовных, он судил окончательно каждый раз, когда предмет спора не превышал десяти тысяч пиастров — пятидесяти тысяч франков на французские деньги. Суд этот имел права, равнявшиеся государственному совету. Аудиенция сносилась прямо с индейским советом, этим великим регулятором всех дел, касавшихся испанских владений, члены аудиенции пользовались огромными привилегиями, но они должны были быть испанцы, и для того чтобы никакие семейные узы не могли привязывать их к Америке, их сыновьям запрещено было там жениться и приобретать собственность. Точно такое же запрещение касалось и вице-короля. После него был интендант финансов, имевший под начальством сборщика податей. Власть интендантов была так обширна, что они почти были независимы в своих провинциях. Словом, в управлении своими колониями Испания уравновесила все власти, так что ни одна не была неограниченна и не могла избежать контроля. Даже духовная власть, столь сильная в католических странах, подчинялась правилам, пред которыми она должна была преклоняться.

Состав американской церкви несколько не походил на состав церкви в отчизне. Папа имел номинальную власть над духовенством. Мексиканская церковь повиновалась только королю. Примушества, данные Фердинанду и Изабелле Александром VI и Юлием II, были так же обширны, как и примушества главы национальной церкви.

Испанский монарх на полуострове без малейших возражений повиновался самым преувеличенным требованиям римской церкви и папы, а представитель его в Америке имел неограниченную власть и располагал всеми местами. Мало того, никакая булла не принималась в Америке, не будучи рассмотрена и одобрена индейским советом. Муниципальные советы, состоявшие из реджидоров и алкадов, свободно назначались жителями каждого города, интересы которого они должны были защищать. Эти муниципалитеты представляли демократический элемент среди этой деспотической организации. Муниципалитет, или кабильдо, не забывал никогда обязанности, налагаемой на него его народным происхождением, и во время Войны за незави-

симось члены его храбро сделались органами народа и горячо поддерживали его права.

Вот какими формами управлялась не только Новая Испания, но и Перу, Чили, Буэнос-Айрес и вообще все владения короны кастильской в Америке.

Слишком глубокая ненависть, слишком резкая антипатия разделяли побежденных от победителей, для того, чтобы обе расы успели слиться в одну; они смешались тогда в третью расу, но остались все враждебными одна другой, и метисы, рожденные от этой смеси, сделались впоследствии самыми ожесточенными врагами испанцев и главными деятелями во всех мятежах.

В семнадцатом столетии Америка еще не совсем усмирилась, и несмотря на энергическое и неумолимое стеснение, внезапный мятеж в отдаленных провинциях обнаруживал время от времени испанскому правительству горячее желание свободы, которое, несмотря на все, что было сделано для погашения его, все тлело среди масс.

Мы кончим эту картину испанских владений, может быть слишком длинную, но мы считаем ее довольно любопытной, сказав несколько слов о состоянии общественного образования в тех странах. Было приказано, из политической меры и как бы в обеспечение повиновения и безопасности правительства, поддерживать массы в глубоком невежестве. Следовательно американцы были совершенно чужды всему, что происходило вне их отечества; они верили искренне, что участь других народов равнялась их участи. Они были убеждены, что их правительство самое просвещенное из всех, управлявших миром, и что Испания по своей политике и военной организации царица народов и, следовательно, сама могущественна.

Говорить по-христиански значило говорить по-испански, по выражению американцев, и они подразумевали под именем еретиков, с которыми добрые католики не могли иметь сношений, без всяких исключений англичан, французов, немцев, жидов или мусульман. Бесполезно говорить, что инквизиция, верная хранительница невежества, не пропускала никаких книг, кроме дозволенных ею, и преследовала с крайнею строгостью несчастных, у которых находи-

лось какое-нибудь сочинение, которое она заблагорассудила запретить. Правда, эти строгости поражали только мелкий люд и туземцев, высокие классы мало обращали внимания на инквизицию, которую открыто презирали.

Мы скажем в заключение, что испанские владения доставляли метрополии от пятисот до шестисот миллионов пиастров всякий год, несмотря на грабежи вице-королей, интендантов и всех чиновников. Вот отчего происходило старание испанцев закрыть Америку для иностранцев и желание иностранцев пробраться туда.

Из всех испанских колоний остров Сан-Доминго был самый пренебрегаемый и, следовательно, всех хуже управляемый. До половины семнадцатого столетия этот огромный остров оставался весь под владычеством испанцев, еще не знавших ему цены по той простой причине, что их внимание было исключительно направлено на колонии на твердой земле, где драгоценные металлы так легко удовлетворяли их ненасытную алчность. Словом, это была колония, ничтожная для Испании, потому что не только она ничего не приносила правительству, но еще стоила ему, напротив, каждый год значительных сумм, употребляемых на жалованье чиновников, солдат и прочее.

В то время, когда происходит наша история, население Сан-Доминго едва составляло четырнадцать тысяч жителей, испанцев, креолов и мулатов, не считая невольников, число которых, без сомнения, гораздо значительнее, не было определено. Справедливость требует прибавить тысячи полторы беглых негров, которые укрылись в горы с последними остатками караيبов. Эти первые обитатели острова выказывали независимость и часто спускались в равнины опустошать плантации и грабить их владельцев.

В столице, Сан-Доминго, считалось около пятисот домов; она была окружена стенами и защищаема тремя крепостями, довольно хорошо снабженными пушками для того времени. Сантьяго был второй город. Там поселилось много негоциантов и ювелиров, но его стены разрушались и укрепления были очень плохи. Другие центры народонаселения, кроме, может быть, одного или двух городов, были плохими селениями, совершенно открытыми и населенными жалкими жителями.

Прибытие французов на остров осталось неприметным для горделивых кастильцев. Чего они могли опасаться от колонии, состоявшей не более как из двухсот пятидесяти оседлых жителей и помещенной в кантоне, отдаленном от испанских владений? Это надменное равнодушие дало флибустьерам необходимое время укрепиться в Порт-де-Пэ, а особенно на Черепaxe. Так что когда испанцы, постоянно тревожимые своими смелыми соседями, вышли наконец из летаргии и вздумали прогнать их из области, которою они так дерзко овладели, они увидели сделанную ими ошибку, потому что им пришлось употребить все их ресурсы для того, чтобы возвратить пункты, которые они допустили у себя взять, или еще они поняли, что никогда не останутся отныне мирными обладателями Черепахи и той части острова, на которую флибустьеры вступили.

Так и случилось. Флибустьеры, для которых обладание Черепахой было очень важно, каждый раз, как были прогоняемы оттуда, храбро принимались за то же, и посредством хитростей снова завладевали этим островом, который через несколько времени опять отнимался у них. Вот почему, когда открывается наша история, мы видим их занимающимися устройством экспедиции, чтобы овладеть опять этим островом, но на этот раз совсем.

Теперь, когда мы дали читателю необходимые подробности, мы попросим его следовать за нами в Сан-Доминго, столицу острова, где будут происходить события, которые мы обязаны рассказать.

Маркиз дон Санчо Пеннафлор присутствовал с удивлением, смешанным с ужасом, при коварном рассказе, сделанном так неожиданно герцогом дону Гусману де Тудела. Старик, вдохновляемый неумолимой ненавистью, успел не только заинтересовать молодого человека своими планами, но даже заставить взяться почти с радостью исполнить мщение. Сдерживаемый уважением, а особенно страхом, который внушал ему старик, он не смел протестовать, что, впрочем, не имело бы никакого результата притом, на какие причины мог он сослаться, чтобы вывести из заблуждения своего несчастного родственника и не допустить его подвергнуться почти верной смерти? Сестра исчезла уже двадцать лет, без сомнения, она умерла. Графа

де Бармона или, лучше сказать, Монбара, старого врага его фамилии, касалось это дело, на него злился герцог, и преследовал своей ненавистью. Маркиз, будучи испанцем, не имел никаких благовидных причин защищать знаменитого флибустьера, которого, напротив, он должен был считать самым страшным противником кастильского могущества и желать его смерти; Монбар был душою флибустьерства; если он умрет, Береговых Братьев нечего будет бояться.

Он искренне жалел о своем родственнике, доне Гусмане де Тудела, которого искренне любил, и с ужасом видел, что он взялся за поручение, которое должно было, если флибустьеры догадаются о нем, быть причиною его гибели и привести его к позорной смерти.

Не смея объяснитьсь яснее из боязни подвергнуться гневу отца, маркиз, насколько это было возможно, уговаривал молодого человека не делать неосторожностей и в особенности ничего не предпринимать, не посоветовавшись прежде с ним. Он предполагал, что, сделавшись губернатором Сан-Доминго и вдали от герцога, он успеет заставить молодого человека отказаться от его пагубных планов и извлечь его из бездны, в которую его толкала неумолимая рука. Несмотря на его сдержанность, дон Гусман казался поражен его словами и дал ему требуемое обещание. Маркиз, почти успокоившись, думал только о приготовлениях к отъезду в Сан-Доминго, куда спешил приехать, чтобы избавиться утомительной подчиненности, налагаемой на него отцом, и если будет нужно, помочь своему кузену.

К несчастью, в то время не так легко путешествовали, как теперь; средства к переезду были очень редки, сверх того, так как флибустьеры походили на хищных птиц, засевших во всех проливах Антильских островов, готовых налететь на испанские суда, как только они являлись на горизонте, так что те отваживались выходить в море, только когда считали себя довольно многочисленными, а в особенности достаточно сильными, для того чтобы отбить нападение тех, кого они клеймили именем негодяев.

Прошло несколько дней, прежде чем довольно значительный поезд собрался в Веракрус, тем более что

вице-король хотел воспользоваться отъездом нового губернатора Сан-Доминго, чтобы снабдить припасами эту колонию, которая уже по милости дурной администрации испанского правительства начинала стоять страшно дорого метрополии, вместо того чтобы приносить ей выгоды, которых она имела право ожидать от страны, так богато одаренной природой.

Наконец пятнадцать больших кораблей собрались на острове Сокрифичиос и маркиз Пеннафлор уехал из Веракруса.

Переезд был благополучный, или оттого что флибустьеры на время оставили свои обычные засады, или, что вероятнее, они не считали себя довольно сильными, чтобы атаковать испанскую эскадру; ни один флибустьерский парус не показался в проливах, и новый губернатор доехал до Сан-Доминго не будучи потревожен. Приезд его был объявлен заранее, так что когда эскадра бросила якорь на рейде, все было готово, чтобы принять маркиза. Прием был великолепный; колокола звонили, народ, собравшийся большою толпой на дороге губернатора, приветствовал его радостными криками, пушки гремели безостановочно; переход с пристани в губернаторский дворец был для маркиза торжеством.

Однако дон Санчо был озабочен, глаза его беспрестанно устремлялись на толпу, как будто между этими людьми, собравшимися на пути его, он искал знакомое лицо. Маркиз невольно вспоминал то время, когда, будучи еще молод, свободен и беззаботен, он в первый раз приехал на этот остров, убегая от тиранского притеснения отца и чтобы навестить свою возлюбленную сестру. Где была теперь бедная Клара, которую он не видал почти пятнадцать лет, которая вдруг исчезла, так что было невозможно узнать, жива она или изнемогла от неизлечимой горести, терзавшей ее?

Эти мысли невольно овладели доном Санчо и наполнили его горькой грустью, как вдруг он вскрикнул от удивления, почти от радости, и остановился, не думая о сопровождавшей его свите, порядок которой могла расстроить эта внезапная остановка. Глаза маркиза нечаянно увидели человека, который, теснясь в последних рядах толпы, делал

гигантские усилия, чтобы добраться до маркиза, человек этот устремлял сверкающий взгляд на губернатора и как будто обращал к нему безмолвную мольбу. Дон Санчо сделал движение; от свиты отделился алгвазил, направился к указанному месту, растолкал толпу, без сопротивления расступавшуюся перед ним, и, кончиком своей палки дотронувшись до плеча незнакомца, приказал ему следовать за ним. Тот повиновался и остановился перед губернатором, которому почтительно поклонился.

— Вы хотели говорить со мною, друг мой, — сказал ему маркиз с благосклонностью, внимательно рассматривая его несколько минут.

— Я действительно желаю говорить с вашим сиятельством, — ответил незнакомец, поклонившись.

— Говорите, я слушаю вас.

— То, что я должен сказать вашему сиятельству, вам надо слышать одному.

— Хорошо, станьте за мною, пойдемте, господа, — обратился он к своей свите.

Опять двинулись и через четверть часа дошли до дворца. Незнакомец шаг за шагом следовал за маркизом и вошел за ним в приемную залу; никто не препятствовал ему. Началось представление властей острова новому губернатору; во все время, пока оно продолжалось, дон Санчо, несмотря на все свои усилия, чтобы казаться спокойным, с трудом скрывал свое нетерпение. Наконец эта церемония кончилась; не ожидая более, маркиз, к великому негодованию присутствующих, оскорбленных этим нарушением этикета, поспешными шагами подошел к незнакомцу, обменялся с ним шепотом несколькими словами, потом сделал ему знак следовать за ним, отвел его в другую комнату и сам запер дверь.

Отсутствие губернатора было продолжительно, наконец он вышел, но один; незнакомец, вероятно, ушел с другой стороны. Удивление присутствующих дошло до крайней степени. Они не понимали того, что происходило, и с беспокойством перешептывались между собою. Но удивление перешло в ошеломление, когда маркиз, не обращая внимания на их присутствие, приказал сейчас седлать лошадь и вышел из залы, не думая остаться с ними.

Сан-Доминго по справедливости носит название царицы Антильских островов. Он действительно самый красивый из всей группы островов, рассыпанных рукою Господа у входа в Мексиканский залив и цветущих на синих водах Атлантического океана.

Сан-Доминго находится к юго-востоку от Кубы и к востоку от Ямайки; он имеет шестьсот шестьдесят километров в длину и сто двадцать с ширину, тысяча четыреста в окружности, не считая губ, и тысяча шестьсот квадратных километров; стало быть, после Кубы это самый большой из всех Антильских островов.

Горы, покрывающие центр острова и разделяющиеся на три главных цепи, расходятся по всем направлениям и могут по большей части обрабатываться до вершины, и покрыты растительностью; многочисленные реки спускаются с этих гор; к несчастью, они не судоходны, некоторые только могут носить легкие суда. Три прекрасных озера не менее девяноста километров в окружности составляют водяную систему этой страны, великолепно плодоносной, где растут пальмы, бананы, мимозы всякого сорта, и вообще вся флора тропических областей.

Когда испанцы в первый раз высадились на этот остров, он был очень населен и разделен на пять племен, не зависевших одно от другого или родительски управляемых начальниками, власть которых над их подданными была неограниченна. Испанцы, побуждаемые ненасытной скупостью и гнусным фанатизмом, начали в этом краю, как во всех других колониях Нового Света, убийством и тиранством и организовали рабство и казни; они действовали с таким варварством, что из всего туземного народонаселения в 1542 году оставалось только, как утверждает Лас-Казас, двести человек на всем пространстве острова. Поэтому испанское правительство принуждено было позволить привезти на Сан-Доминго четыре тысячи невольников из Гвинеи. Караибская раса совсем исчезла, однако начало испанской колонизации было самое удачное. Очарованные красотой кли-

мата и перестав помышлять о разработке рудников, разумные колонисты являлись толпами с целью обработать эту плодоносную землю и создать истинное богатство вместо баснословного, о котором так давно мечтали. Устроили плантации и изобильные жатвы какао, занялись производством имбиря, индиго, хлопчатой бумаги, табака, сахара. Скот давал также чрезвычайную прибыль; он до того размножился в этом счастливом климате, что спустя едва сорок лет после ввоза первых коров целые суда нагружали кожами. К несчастью, совершенное истребление туземцев безвозвратно прекратило это благосостояние. Тогда пришлось заменить их неграми; плантаторы не захотели покупать работников, и все начало приходить в упадок. Испанское правительство, не заботившееся помогать колонистам и совершенно поглощенное своими богатыми владениями в Мексике и Перу, пренебрегло колонией, бывшей, так сказать, не приметной точкой в ее обширных достояниях. Упадок сделался всеобщий, и в то время, когда происходит наша история, не только остров Сан-Доминго, прежде столь богатый, не приносил ничего метрополии, но, напротив, она принуждена была посылать в колонию, которую нерадение сделало непроизводительной, ежегодные фонды на жалованье войскам и чиновникам, даже одежду и съестные припасы. Эта плодоносная земля, эта великолепная страна сделалась для Испании тягостным владением, медленно уничтожавшимся под тяжестью нищеты.

К счастью для будущности Сан-Доминго, именно в эту критическую минуту новые колонисты поселились в северо-западной части острова и своей неукротимой энергией, мужеством и железной волей должны были изменить положение и возвратить до некоторой степени этой стране, брошенной даже ее жителями, ее бывшее величие. Эти новые колонисты были флибустьеры, прогнанные с острова Св. Христофора испанцами и вдруг явившиеся, как стая хищных птиц, в Сан-Доминго, который Провидение, пути которого не понятны для ограниченного ума, предназначило к преобразованию и возрождению.

Теперь, когда мы вкратце познакомили читателя с этим островом, где будут происходить многие важные сцены нашей истории, мы примемся за наш рассказ, давно

прерванный. В нескольких милях от Сан-Доминго, столицы острова, в глубине узкой долины, почти тогда неизвестной и углубленной, так сказать, среди высоких гор, окружавших ее со всех сторон, возвышался скромный домик, построенный из древесных стволов и покрытый пальмовыми листьями. Домик этот стоял на краю речки, называемой Хаина, род потока, почти высохавшего во время сильной жары и который через несколько миль впадает в море недалеко от Сан-Доминго. Хаина, так же как и большая часть рек на острове, судоходна только для судов самых малых размеров, но ее извилистые берега, окаймленные высоким лесом, зелеными лугами и чащами мастиковых деревьев, восхитительны. Домик гляделся в ее светлые воды; за домиком небольшой двор, закрытый густой живой изгородью, впускал вечером две-три лошади и столько же коров, которые паслись на свободе в нескольких шагах от домика. В домик вела галерея из древесных сводов, составлявших колоннаду; направо и налево этой галереи отворялись два окна с тонкими рединками от комаров и длинной шторой из зеленой материи, чтобы смягчать жгучие лучи солнца.

Внутренность домика отвечала наружности, то есть все там было просто, скромно, но все показывало хороший вкус и изящную опрятность. Пройдя галерею, входили в переднюю, разделявшую комнаты надвое; одна дверь направо, а другая налево заставляли угадывать это разделение, между тем как третья дверь, напротив, вела в столовую, без сомнения общую, меблированную одним столом, четырьмя стульями и буфетом.

Было около десяти часов утра; женщина лет сорока, бледное лицо которой, утомленные черты, потухшие глаза сохраняли, однако, следы большой красоты, приготавлила с помощью негра, лет двадцати, веселого, живого, проворного и ловкого, как обезьяна, на которую он необыкновенно походил, стол для завтрака. Дама эта, погруженная по-видимому в печальную задумчивость, иногда останавливалась, чтобы бросить взгляд в окно или прислушаться к неопределенному шуму, потом качала головой, вздыхала и опять принималась за свое дело, которое снова бросала через минуту.

Когда она наконец кончила накрывать на стол, негр оставил ее. Она скорее упала, чем села, на стул, стоявший у окна, и осталась неподвижна, пылко устремив глаза на въезд в долину, очень хорошо видимый с того места, где она находилась.

— Он не едет,— прошептала она несколько раз с унынием,— теперь уже слишком поздно, бесполезно ждать его.

Вдруг она вздрогнула, вскочила, тихо вскрикнула и бросилась к двери с лихорадочной поспешностью. Всадник скакал к домику. Перед галереей он соскочил наземь, бросил поводья лошади негру и очутился лицом к лицу с женщиной.

— Наконец!— вскричала она с радостью.— Вы воротились; я вас уже перестала ждать.

— Сеньора,— ответил приезжий,— я замечу вам, что я уехал из Сан-Доминго в четыре часа утра, а теперь только одиннадцать, и сделал около пятнадцати миль верхом по ужасной дороге, рискуя двадцать раз сломать себе шею, что, может быть, было бы небольшим несчастьем, но не исполнило бы ваших намерений, стало быть, я думаю, что я времени не потерял.

Тот, кто говорил таким образом, был человек лет шестидесяти, сильный, с умными чертами, живые и блестящие глаза которого и черные волосы показывали, что он, несмотря на свои лета, еще не потерял ни силы, ни энергии.

— Извините меня, друг мой,— ответила кротко женщина,— я сама не знала, что говорила.

— Простить вам!— вскричал он с дружеской резкостью.— Разве я не слуга вам, даже невольник, готовый повиноваться вам при малейшем слове, при малейшем движении?

Женщина улыбнулась.

— Вы друг мой, и более ничего, Бирбомоно, мой единственный друг,— прибавила она со вздохом,— только ваша преданность никогда не изменяла мне.

— Прибавьте: и никогда не изменит,— ответил он с жаром,— и вы скажете истинную правду.

— Благодарю, друг мой; но пойдемте. Завтрак готов,

вы, должно быть, проголодались; мы будем говорить за завтраком.

— К вашим услугам, сеньора; признаюсь, действительно, я чувствую свирепый аппетит.

— Не будем же терять времени, пойдемте.

Они вошли в столовую и заняли места друг против друга за столом. Негр сунул свое толстое черное лицо в полуоткрытую дверь.

— Подавайте, Аристид,— сказала ему госпожа.

Невольник исчез и воротился с двумя блюдами, составлявшими завтрак.

— Послушай, Аристид,— сказал ему Бирбомоно,— так как ты пока нам не нужен, сделай мне удовольствие, хорошенько вычисти Негра; бедное животное скакало так, что взмокло, как будто вышло из реки; ты слышишь?

— Слышу,— отвечал негр,— я сейчас им займусь.

— Хорошо, мой милый, если ты понадобишься барыне, я тебя позову.

Негр вышел, заперев за собою дверь. Женщина только дотрагивалась до кушаньев, стоявших перед нею, но легко было увидеть, что Бирбомоно, как признался, имел большой аппетит, потому что его тарелка опорожнялась со страшной быстротой; женщина наблюдала за ним украдкой, горя нетерпением и с трудом сдерживая слова, готовые вырваться у нее. Наконец, когда первый голод ее собеседника несколько утолился, она не могла выдержать долее и решилась начать разговор.

— Ну что?— спросила она с легким трепетом в голосе.— Неужели на этот раз будет то же и вы опять ответите мне этим отчаянным словом: ничего?

Бирбомоно приподнял голову, выпил большой стакан ледяной воды, вытер бороду и усы и сказал:

— Кажется, сеньора, мое путешествие было не совсем бесполезно.

— О!— вскричала она, сложив руки с тоской.— Неужели вы узнали?

— Извините, сеньора,— перебил он,— я не хочу вас обманывать и подавать вам надежду, которая не может осуществиться.

— Ах!— сказала она с унынием.

— Только я привез вам известие, которое для вас будет интересно в высочайшей степени.

— Какое другое известие, кроме того, которого вы мне не привезли, может интересовать меня теперь?— произнесла она, печально качая головой.

— Кто знает, сеньора?— сказал он.— Я думаю, напротив, для вас очень важно узнать, что я делал во время моей поездки.

— Ах!— возразила она.— Видя, как скоро вы скачете, я почти надеялась.

— Поверьте, сеньора, что если бы у меня не было важной причины, я не рисковал бы испортить бедного Негра.

— Это правда, друг мой; говорите же, я вас слушаю.

— Прежде узнайте, сеньора, что губернатор острова переменился; это уже не дон Луис де Кордова.

Женщина посмотрела на него с глубоким удивлением.

— Что мне за нужда до этого, друг мой?— сказала она.

— Гораздо более, чем вы предполагаете, сеньора, и вы сами согласитесь с этим, узнав имя его преемника.

— Я очень этого желаю, друг мой,— ответила она, улыбаясь,— позвольте же узнать, как зовут этого нового губернатора?

— Вы прежде коротко его знали.

— Хорошо, но как его зовут?

— Вы даже имели к нему глубокую дружбу.

— Почему же вы не хотите мне сказать, кто это?— спросила она с нетерпением.

— Я боюсь...

— Чего?

— Впрочем, я, кажется, помешался; одним словом, Санчо Пеннафлор.

— Ох, Боже мой!— вскричала она, сложив руки и опрокинувшись на спинку стула, как будто лишилась чувств.

Бирбомоно бросился подать ей помощь, но она поспешно приподнялась и, усиливаясь улыбнуться, сказала кротко:

— Вы были правы, друг мой; известие, привезенное

вами, сильно меня интересует; теперь расскажите мне подробности, пожалуйста.

— Я это сейчас сделаю, сеньора.

XVI

ДВА СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ ЧИТАТЕЛЯ

Как бы по взаимному согласию, оба собеседника вдруг замолчали. Бирбомоно, уткнув нос в тарелку, машинально вертел в руках сигару, бросая украдкой проницательные взгляды на даму, сидевшую напротив него; та, еще бледнее обыкновенного, нахмутив брови и с неподвижным взором стучала вилкой по столу. Очевидно, оба были серьезно озабочены; ни тот, ни другая не сознавали, что делали в эту минуту. Женщина первая заговорила.

— Бирбомоно,— сказала она с некоторой нерешимостью в голосе,— вот три недели, как вы меня оставили; верно не все это время вы провели в Сан-Доминго?

— Конечно, нет, сеньора,— ответил он, поклонившись,— притом я был принужден сделать большой объезд, потому что вы мне приказали проехать через Сан-Хуан-де-Гуаява.

— И вы, без сомнения, долго оставались в этом городе?— спросила она с живостью.

— Нет, сеньора,— ответил он с притворным равнодушием,— только два часа, сколько было нужно, чтобы собрать сведения, потом я уехал.

— И эти сведения?

— Вот они: вы, сеньора, дали мне письмо к донне Хуане д'Авила; это письмо я привез вам назад.

— Вы привезли назад!— вскричала она с внутренним трепетом.— Не может быть, чтобы она отказалась принять его.

— Донны Хуаны д'Авила нет уже в Сан-Хуан-де-Гуаява, сеньора; она уехала к своему опекуну на Черепакху, где он губернатором.

— О!— сказала она, с унынием опуская голову на

грудь.— Мой бедный Бирбомоно, вы действительно привезли мне дурные известия.

— Вы видите меня в отчаянии, сеньора, но не лучше ли сказать вам правду, чем говорить ложь, что вы можете узнать случайно не сегодня-завтра, и сделаетесь еще несчастнее.

— Да, вы правы; резкая откровенность, как она ни тягостна, все-таки предпочтительнее.

— Притом, сеньора, Черепаха не так далеко, чтобы нельзя туда съездить.

— Продолжайте, продолжайте!

— Из Сан-Хуан-де-Гуаява, где ничто не удерживало меня более, потому что я ездил туда только для донны Хуаны, а донна Хуана уехала оттуда, я отправился в Сан-Доминго. Я удивился при въезде в город, что там праздник. Дома были украшены коврами, улицы усыпаны цветами и наполнены жителями в нарядной одежде; суда, стоявшие на якоре, были убраны флагами и беспрестанно стреляли из пушек; чрезвычайно удивленный этими знаками общественной радости, я напрасно ломал себе голову, чтобы угадать, какой важный праздник мог возбудить такие демонстрации; натурально, я не отгадал ничего. Был вторник, день более обыкновенный, посвященный Святому Поликарпу; праздновать этого скромного святого не стали бы с таким блеском. Размышляя, я приехал к Большой площади. Там стояли гарнизонные войска и играла военная музыка. Не будучи более в состоянии сопротивляться любопытству, я расспросил одного гражданина с бесстрастной физиономией, который случайно находился возле меня.

— Вы, должно быть, приезжий, сеньор,— ответил он мне,— если делаете такой вопрос.

— Положим, что так,— сказал я,— сделайте одолжение, скажите мне.

— С большим удовольствием, сеньор; мы празднуем приезд нового губернатора. Так же как и вас, сеньора, в первую минуту это известие очень мало интересовало меня; однако я притворился обрадованным, и так как пока мне нечего было делать, я продолжал разговор, спросив достойного горожанина, знает ли он имя нового

губернатора. Он мне отвечал, что это маркиз дон Санчо Пеннафлор. Мое удивление было так велико, услышав это имя, что я заставил своего собеседника повторить его несколько раз, чтобы убедиться, что он не ошибается. Я спросил его, приехал ли губернатор и затем ли собралась тут толпа, чтобы приветствовать его на пути. Гражданин ответил с неисчерпаемой любезностью, что губернатор приехал уже целый час, что он в эту минуту принимает во дворце поздравления городских властей; я узнал все, что хотел узнать, вежливо поклонился любезному горожанину и ушел, обдумывая в голове разные планы.

Рассказывая так подробно происшествия, по-видимому маловажные, Бирбомоно, очевидно, имел цель, без сомнения состоявшую в том, чтобы возбудить нетерпение сеньоры, отвлечь ее внимание, переменить течение ее мыслей и таким образом приготовить ее выслушать без волнения важные известия.

Он вполне достиг этой цели: сеньора с лихорадочным волнением слушала его с очевидным раздражением, хотя усиливалась казаться спокойной, чтобы не рассердить человека, неограниченную преданность к себе которого она знала и прекрасный характер которого ценила. Мы забыли сказать, что, говоря таким образом, вероятно обеспокоенный солнечными лучами, врывавшимися в открытое окно, Бирбомоно опустил штору, так что собеседники находились в относительной темноте и вид на окрестности был совершенно закрыт.

— Какие же планы обдумывали вы в вашей голове?— спросила сеньора.

— Разве я сказал: планы?— возразил он.— Стало быть, я ошибся, у меня был только один план: пробраться во дворец и представиться губернатору.

— Да, да,— сказала она с живостью,— и вы его исполнили, не правда ли, друг мой?

— По крайней мере постарался, сеньора. Но это было не легко; не то чтобы солдаты мешали мне войти, напротив, двери были открыты и все могли входить и выходить; но толпа была так тесна, число любопытных так велико, что буквально невозможно было подвигаться вперед.

Читатели видят, что дело происходило не совсем так, но, без сомнения, Бирбомоно имел причину слегка изменить истину.

Говоря, Бирбомоно прислушивался к шуму, сначала почти неслышному, но который увеличивался с минуты на минуту. Сеньора не слушала и не слышала ничего, кроме того, что ей рассказывал Бирбомоно. Все ее внимание было сосредоточено на этом рассказе.

— Однако,— продолжал он, возвысив голос,— хитростью и терпением успел я пробраться во дворец и войти даже в ту залу, где находился губернатор. Тогда случилось странное обстоятельство. Как только его сиятельство, разговаривавший в эту минуту с алкадом, заметил меня, так оставил его без церемонии, подошел ко мне и позвал меня по имени.

— Это удивительно! После такого долгого времени!

— По крайней мере через четырнадцать лет. Тогда губернатор отвел меня в сторону, не занимаясь более другими, и начал меня расспрашивать. Вы понимаете, сеньора, что разговор был длинен и интересен между нами; мне многое пришлось рассказывать ему.

— Ах!— прошептала она, вздыхая.— Бедный Санчо, которого я так любила! Он теперь меня не узнает.

— Почему же, сеньора?

— Горе так жестоко изменило меня, друг мой, что меня узнать нельзя. Однако я была бы так рада видеть его!

— Это зависит от вас.

— Я не смею отправиться к нему, друг мой.

— Почему бы не приехать ему?

— Захочет ли он?— прошептала она, вздыхая.

— Если вы изъявите желание, сеньора, я убежден, что он тотчас прискачет.

— Ах! Это невозможно, друг мой, он богат, счастлив, могуществен; он, может быть, считает меня умершей.

— Я все ему рассказал.

— Это правда, но я не принадлежу более свету; я существо проклятое. Если он меня увидит, он, может быть, от меня отречется.

— О, какая у вас ужасная мысль, сеньора! Чтобы дон Санчо, который так вас любил, отрекся от вас! О!

— Несчастье делает несправедливым, друг мой. Я прощу ему, если он меня разлюбил, но не хочу подвергаться его презрению.

— О, сеньора, сеньора! Вы жестоки.

— Да, это правда! Но, видите ли, я люблю его, друг мой; я люблю его, как любила двадцать лет тому назад, и, будь он здесь возле меня, на этом месте; я нашла бы еще в моих глазах, иссохших от горя, радостные слезы, чтобы приветствовать его возвращение.

Вдруг дверь отворилась, и дон Санчо Пеннафлор показался на пороге.

— Сестра,— сказал он, раскрывая объятия,— я все бросил, чтобы обнять тебя.

— Это ты! Ты!— громко вскричала она, и бросившись к маркизу, спрятала, заливаясь слезами, голову на груди его.

Бирбомоно рассудил, что его присутствие не нужно и, скромно удалился, прикрыв за собою дверь. Дон Санчо, столько же взволнованный как и сестра, смешивал свои слезы с ее слезами.

— Клара! Бедная Клара!— говорил он, и слова эти передавали его мысль; сердце его было так полно, что он не мог придумать слов, которые передали бы то, что он чувствовал.

— Брат мой! Милый Санчо!— шептала донна Клара сквозь слезы.— Наконец я вижу тебя, я прижимаю тебя к сердцу. О! Я счастлива, очень счастлива в эту минуту!

— Возлюбленная сестра, оправься, соберись с мужеством; мы соединились после такого долгого времени. О! Я заставлю тебя забыть твою тоску и прошлые горести.

Она вдруг выпрямилась при этих словах, откинула волосы, закрывавшие ее лицо, бледное и омоченное слезами, и, печально покачав головой, прошептала:

— Ах! Я проклятое существо; разве ты не знаешь, Санчо? Я одна, всегда одна.

Закрыв лицо руками, она начала опять плакать. Маркиз тихо привел ее к стулу и сел возле нее.

— Клара,— сказал он, держа ее за руку и с нежностью смотря на нее,— ты теперь не одна; я воротился, и разве ты не знаешь, что я буду помогать тебе всеми силами в твоих поисках?

— Ах! Ты уже раз дал это обещание, брат; помнишь? Однако...

— Да,— перебил он с живостью,— но тогда, сестра, я был молодым человеком, почти ребенком, без голоса, без воли. Взгляни на меня теперь, я возмужал, я силен, я могуществен; многое, чего не знал я тогда, я теперь знаю. Я помогу тебе, говорю тебе, сестра, и Бог защитит нас.

— Ты думаешь?— прошептала она.

— Надеюсь, сестра.

— О! Говори, говори, умоляю тебя; скажи мне, что ты знаешь.

— Расскажи мне сначала, как ты жила после нашей разлуки, что ты делала, для чего ты вдруг исчезла, заставив нас предполагать, что ты умерла?

— К чему рассказывать тебе об этом, брат? Говори прежде ты.

— Нет, я хочу знать, что было с тобой и для чего ты вдруг отказалась от света, чтобы похоронить себя в уединении и безмолвии?

— Ты требуешь, чтобы я рассказала тебе об этом, брат?

— Я желаю, Клара, расскажи мне все; не думай, чтобы мною руководило пустое любопытство; мне нужно знать твою жизнь, чтобы утешить тебя.

— Задача трудная, брат. Ах! Ничто на свете не может утешить мать в потере ее ребенка.

— Бедная сестра!

— А отец мой?— спросила она боязливо.

— Он жив,— отвечал дон Санчо,— и живет окруженный всеобщим уважением и осыпанный почестями.

— Да, да,— сказала она со вздохом,— так должно быть. Говорит он иногда о своей дочери?

— Никогда твое имя не срывалось с его губ; он считает тебя умершей.

— Тем лучше!— возразила она.— Может быть, эта уверенность сделает его снисходительнее к невинному, которого он преследует; одной жертвы должно быть для него недостаточно.

— Ты не знаешь нашего отца, бедная, милая Клара,

если ласкаешь себя этой мыслью. У него сердце железное, душа неумолимая; его ненависть так же сильна ныне, как и двадцать лет тому назад. Герцог Пеннафлор не прощает; он преследует свое мщение с жаром и упорством, которые усиливаются от затруднений и препятствий, а не слабеют.

— Ах! Я знала все это, однако не смела думать, чтобы это было справедливо. Где он? Конечно, в Испании?

— Нет; он одно время со мною приехал в Америку; он находится теперь в Панаме, но, кажется, не останется там.

— В Америке? Зачем он сюда приехал?

— Попытаться в последний раз исполнить мщение, которое он задумал так давно, сестра.

— Но что намерен он делать?

— Это я скажу тебе, будь спокойна, или по крайней мере открою тебе все, что мог уловить из темного заговора, который он составил с ужасным искусством и который, если Господь не помешает ему, должен неминуемо иметь успех, так хорошо принял он меры.

— Боже мой! Боже мой!— прошептала она, сложив руки с мольбою.

— Теперь твоя очередь, сестра, говори, я слушаю тебя.

— Что мне сказать тебе, Санчо? Жизнь такого жалкого существа, как я, не имеет ничего интересного; отвергнутая отцом, презираемая любимым человеком, изгнанная из общества, тайно обвинявшего меня в смерти моего мужа, лишенная моего ребенка, который составлял для меня все, не сожалея о прошлом, не надеясь на будущее, я укрылась в уединении; одно мгновение я струсилась и хотела умереть, но Господь помог мне; у меня оставалась цель: отыскать моего ребенка, получить прощение человека, которого одного любила я и который, как другие, считал меня виновной; я решилась жить. В один вечер — не знаю, помнишь ли ты, брат; ты отлучился из дворца, приглашенный, кажется, на обед — я осталась одна; предосторожности мои были приняты заранее, я вышла из дворца и уехала из Сан-Доминго, решившись никогда не возвращаться; меня провожал один человек; ты его знаешь, это

Бирбомоно; он один остался верен мне в несчастье; его преданность не изменялась никогда, его уважение ко мне осталось таким же, поэтому я не имею от него тайн; он разделял мои радости и горести; он уже не слуга мой, а друг.

— Я его поблагодарю,— сказал маркиз.

— Благодарность, которую он поймет лучше всего и которая более ему польстит, брат, это если ты согласишься пожать ему руку.

— Он достоин этого отличия, сестра, и, конечно, несмотря на расстояние, разделяющее нас, я непременно это сделаю.

Более этого донна Клара не могла требовать от надменного дворянина и не настаивала.

— Я заставила Бирбомоно купить под чужим именем этот дом, и с тех пор всегда здесь жила, но часто оставляла его, иногда даже на целые месяцы и годы, под надзором черного невольника под именем Аристид, которого я купила ребенком. Что сказать тебе еще, брат? То под одним переодеванием, то под другим, я сходилась с буканьерами, пробегала остров, даже ездила в Мексику, где отец мой был вице-королем; я сделала еще более: я переехала море и объехала Францию и Испанию, отыскивая моего ребенка, осматривая самые жалкие деревушки, входя в самые бедные хижины — и все напрасно, все!

Она заплакала; брат глядел на нее с умилением, не смея помешать ей; горесть этой несчастной матери казалась ему так же велика, как и древней Ниобеи. Клара отерла слезы с лихорадочным движением и продолжала прерывающимся голосом:

— Два раза показалось мне, что я попала на след, и сердце мое забилося от надежды; первый раз в Мадриде я нечаянно узнала, что какого-то ребенка отец мой воспитывал так старательно и нежно, как будто он был связан с ним узами крови; ребенка этого я видела, ему было тогда два года, он был красив. Его мужественные и гордые черты показались мне имеющими сходство с одним человеком; я успела приблизиться к этому прелестному ребенку и разговорила с ним; его звали Гусман де Тудела. Отец мой был его опекуном; но это имя могло

быть подложное; я осведомилась; ах! Я ошиблась, это имя было собственное его; обманутая надежда чуть не свела меня с ума.

— Бедная сестра!— прошептал маркиз, подавляя вздох.— Что же ты сделала тогда?

— Я уехала, я оставила Испанию, как проклятую землю; однако, признаться тебе, брат, воспоминание об этом ребенке никогда не выходит из моих мыслей. Я еще слышу звуки его голоса, нежного и свежего, заставлявшего дрожать мое сердце; после стольких лет черты его так запечатлены в моей памяти, что если бы случай свел нас, я узнала бы его, я уверена в этом. Не странно ли это, скажи, брат?

— Действительно, очень странно, милая Клара, но, пожалуйста, продолжай. Этот ребенок теперь взрослый мужчина, и я также его знаю; он находится в Америке, и, может быть, всемогущий Господь сведет вас вместе.

— Ты говоришь это странным образом, Санчо.

— Не приписывай моим словам более важности, чем они имеют в действительности, сестра; продолжай, я слушаю тебя.

— Во второй раз, здесь, в Сан-Доминго, около двух лет тому назад, случай привел меня в городок Сан-Хуан-де-Гуаява; я вошла в церковь, по окончании молитвы я выходила, когда очутилась возле кропильницы, лицом к лицу с очаровательной молодой девушкой, которая протягивала мне пальцы, омоченные святой водой; не знаю почему, но при виде этой незнакомой молодой девушки я вздрогнула, сердце забилося в моей груди; она поклонилась мне с кроткой улыбкой и ушла. Я оставалась несколько минут неподвижна, в странном волнении, сжимавшем мне сердце как в тисках, устремив на нее глаза и смотря, как она уходит. Наконец я решилась следовать за нею издали. Когда она вошла в дом недалеко от церкви, я осведомилась; ее звали донна Хуана д'Авила: это была питомица донна Фернандо д'Авила; я устроила так, чтобы опять встретиться с ней, я говорила с нею, мало-помалу успела с ней сойтись и бывать в доме, где она жила почти одна со старой дуэньей по имени Чигала. Опекун ее, дон Фернандо д'Авила, жил на Черепaxe, где

он был губернатором. Донна Хуана не знала своих родных, она не помнила ни мать, ни отца; ей дали фамилию ее опекуна и она носила это имя, не заботясь об этом; она знала только, но очень неопределенно, что ее поручил ребенком дону Фернандо какой-то знатный человек, принадлежавший к одной из могущественнейших фамилий на полуострове; человек этот, имя которого составляет тайну и никогда при ней не произносилось, не терял ее из вида и имел над нею надзор, хотя тайный, но неусыпный; он протезировал дону Фернандо, который был обязан ему всем и быстро шел вперед. Поэтому храбрый гидальго был предан душою и телом своему покровителю, хотя имел искреннюю привязанность к своей питомице, которую считал как бы своею дочерью. Все эти подробности, которые я узнавала в продолжении двух лет, возбудили в высшей степени мое любопытство; не будучи в состоянии выдержать долее, я несколько дней тому назад отправила Бирбомоно в Сан-Хуан-де-Гуаява, чтобы постараться узнать что-нибудь положительное, что оправдало бы неопределенную надежду, которая сжигает мое сердце.

— Ну и что же?— с любопытством спросил дон Санчо.

— Донна Хуана,— с унынием отвечала донна Клара,— уехала из Сан-Хуан-де-Гуаява к своему опекуну на Черепакху; но,— прибавила она с лихорадочной энергией,— я поеду на Черепакху, расспрошу дона Фернандо и...

— Извините, сестра,— перебил дон Санчо,— вам нечего более рассказывать мне?

— Нечего, брат; вы знаете теперь так же хорошо, как и я, какова была моя жизнь после нашей разлуки.

— Благодарю вас, сестра, за ваше доверие; теперь моя очередь говорить; потом, когда вы выслушаете меня, мы увидим, что следует сделать; слушайте меня с величайшим вниманием, потому что, клянусь вам, мой рассказ вас заинтересует.

Донна Клара вздрогнула при этих словах и, устремив свои большие глаза, полные слез, на маркиза, сказала глухим голосом:

— Говорите, брат, я вас слушаю.

ЗАДУШЕВНЫЙ РАССКАЗ

Завтрак кончился задолго до приезда дон Санчо; брат и сестра перешли из столовой в другую комнату, чтобы дать возможность негру убрать со стола. Комната эта служила спальней донне Кларе; хотя меблированная так же просто, как и весь дом, она издавала то нежное благоухание, которое показывает даже равнодушным любимое убежище светской женщины.

Донна Клара придвинула брату стул, села на другой, напротив него, и, нежно положив свою руку на его руку, сказала:

— Теперь говорите, брат, я вас слушаю.

Маркиз устремил проницательный взгляд на сестру и, видя ее столь печальной и бледной, подавил вздох.

— Вы нашли меня очень изменившейся, не правда ли, брат?— сказала она с меланхолической улыбкой.— Это оттого, что я очень страдала с тех пор, как мы не виделись; но не об этом идет дело теперь,— прибавила она,— говорите, умоляю вас!

— Бог мне свидетель, сестра,— сказал дон Санчо,— что мне очень хотелось бы приложить бальзам к вашим ранам, пролить хоть мимолетную надежду в вашу душу; а напротив, я боюсь, чтобы мои открытия, очень неполные, а в особенности очень мрачные, еще не увеличили, если возможно, вашу горесть.

— Да будет воля Божия и в этом, как во всем другом, брат мой,— отвечала она с покорностью,— я знаю, как вы любите меня, и если горесть должна посетить меня через вас, пусть будет так, потому что я искренне убеждена, что ваша воля этому чужда, теперь говорите без опасения, что бы это ни было, вы заранее оправданы.

— Я этого ожидал от вас, сестра, и признаюсь, мне было это необходимо, чтобы осмелиться все вам рассказать; выслушайте же меня, потому что дело это гораздо таинственнее, нежели вы подозреваете; вы так же хорошо, как и я, и даже лучше меня, знаете нашего отца; воля его неумолима, жестокость холодна, гордость громадна. Я

не сообщу вам ничего нового, сказав, что после смерти вашего мужа он ни разу не произнес вашего имени; узнав о вашем внезапном исчезновении, он не выказал ни удивления, ни беспокойства и не сделал ни одного шага, по наружности по крайней мере, для того, чтобы узнать, куда вы девались; после, когда о вас осведомлялись, он так решительно отвечал, что вы умерли, что, признаюсь вам, сестра, я был сам обманут этой ложью и оплакивал вас, как будто действительно вы лишились жизни.

— Мой добрый Санчо, как же вы узнали, что я еще жива?

— Только несколько дней тому назад я узнал от Бирбомоно, что вы живы.

— Как! Вы это думали столько лет?

— Да, сестра; кто мог вывести меня из заблуждения? Вы помните, что, отдав вашему мужу последний долг, я уехал отсюда, вызванный в Мексику моим отцом, и вернулся только двадцать четыре часа тому назад; я ездил в Испанию, где оставался несколько лет, потом посетил некоторые иностранные дворы, так что все соединилось, чтобы сгустить покрывало, которым, без сомнения, с намерением отец закрыл мне глаза. Однако я должен вам сказать, что невольно, когда воспоминание о вас приходило мне в голову, я не мог утешиться в вашей потере; я чувствовал, что сомнение пробуждается в моем сердце, и хотя ничто не оправдывало этого сомнения, я надеялся, что когда-нибудь свет просияет на эту катастрофу: или я узнаю, каким образом умерли вы, или вы вдруг явитесь моим глазам; странное дело: годы не только не ослабили эту мысль, а напротив, сделали ее сильнее и живее, так что хотя ничто не рассеяло мрак, среди которого я находился, я почти был уверен, что вы живы, и убедил себя, думая о ненависти нашего отца, что слух о вашей смерти был нарочно им распространен, чтобы окончательно заткнуть уста тем из наших родных, которые вздумали бы заступиться за вас против него. Вы видите, что я не ошибался.

— Правда, брат; но если бы случай не привел вас сюда?

— Извините,— перебил он с живостью,— случай ничего

не значит в этом деле, сестра; сомнение, о котором я вам говорил и которое мало-помалу перешло в уверенность, заставляло меня желать вернуться на острова. Я говорил себе основательно, что если вы действительно живы, то я найду вас только здесь. Я хотел принять необходимые меры, чтобы вернуться в Америку, когда в ту минуту, как менее всего думал об этом, отец объявил мне, что его величество удостоил назначить меня губернатором в Сан-Доминго.

— А отец наш остался в Испании?

— Нет, сестра; он выпросил себе интендантство в Панаме, но не знаю, по какой причине теперь передумал и находится пока в Маракайбо.

— Так близко от меня!— прошептала она с трепетом ужаса.— Но что нужды, мне теперь нечего опасаться его!

— Теперь, когда я разъяснил первую причину моего возвращения на острова, я должен вернуться назад, к тому времени, когда я провожал отца моего в Испанию, то есть через два года после смерти вашего мужа и вашего исчезновения. Здесь я вас прошу, сестра, обратить все ваше внимание, потому что рассказ мой делается до того таинственным, что я сомневаюсь, возможно ли мне будет когда-нибудь отличить истину от лжи и разрушить мрачный заговор, составленный герцогом с тем гибельным искусством, которое одна ненависть и могла ему внушить. Через несколько месяцев после нашего приезда в Мадрид отец мой, с которым я имел очень мало сношений, хотя жил в нашем фамильном дворце, находящемся, как вам известно, на улице Аточа, объявил мне однажды вечером после ужина, что он едет и что поездка его продолжится, может быть, несколько месяцев. Отец мой не заблагорассудил сообщить мне, куда он едет и зачем, я не смел расспросить его и почтительно ему поклонился. Он простился со мною и через час сел в карету. Признаюсь вам, сестра, что в первую минуту я не заботился о причинах, принудивших моего отца к этому путешествию; мне до этого было мало нужды. Я был молод, любил удовольствия, жил в легкомысленном обществе; отсутствие моего отца если не могло доставить мне удовольствия,

то по крайней мере возбуждало во мне равнодушие. Только через несколько дней на обеде у герцога Медина дель Кампо я случайно узнал, что отец мой уехал во Францию.

— Во Францию?— вскричала, вздрогнув, донна Клара.

— Да, мне это сказал сам герцог Медина, спрашивая меня, какие дела могли отозвать отца моего в Париж. Я отвечал, что не только ничего не знаю об этих делах, но что мне даже было неизвестно, что отец мой переехал Пиренеи. Герцог заметил тогда, что он сделал неловкость, он закусил себе губы и переменил разговор. Путешествие моего отца продолжалось семь месяцев; в одно утро, проснувшись, я узнал от моего камердинера, что он приехал ночью. Я пошел поздороваться с ним; он был еще мрачнее и холоднее, чем я привык его видеть. Он немного поговорил со мною о посторонних вещах, но о своем путешествии не сказал ни слова. Я подражал его сдержанности. Только за завтраком он сообщил мне, что один из наших дальних родственников, граф де Тудела, о котором я до тех пор ничего не слышал, умер, и отец мой заблагорассудил взять на свое попечение его единственного сына, оставшегося сиротой, и воспитать его, как своего родного сына. По приказанию моего отца слуга привел очаровательного шестилетнего мальчика, которого, признаюсь, я сейчас полюбил по какой-то симпатии, в которой невозможно дать себе отчет. Этого ребенка знали и вы.

— Гусман де Тудела?— вскричала она с живостью.

— Он сам; но он оставался в нашем дворце только несколько дней. Отец мой, неизвестно по какой причине, поспешил отдать его в монастырь Гееронимитский, где, как вам известно, воспитываются дворяне. Отец мой, хотя был очень строг к этому бедному ребенку, наблюдал за ним, однако, очень старательно и, по-видимому, радовался его успехам. Я часто ездил навещать Гусмана в монастырь и разговаривал с ним, иногда брал его гулять в город. Бедный ребенок очень этому радовался. Несколько лет прошло таким образом, потом отец мой взял его из монастыря и отдал в морской корпус; словом, теперь, несмотря на свою молодость, Гусман офицер в испанском флоте. Через год после того, как Гусман был взят к нам, отец мой опять

ездил во Францию. На этот раз также отсутствие его продолжалось несколько месяцев, и, воротившись, он привез еще ребенка, и на этот раз это была восхитительная девушка.

— Хуана, не так ли?— вскричала донна Клара.

— Почему вы знаете ее имя, сестра?— с удивлением вскричал дон Санчо.

— Это все равно, как бы я не знала, брат.

— Однако...

— Разве вы не помните, что я сейчас рассказывала вам, как я познакомилась в Сан-Хуан-де-Гуаява с этой молодой девушкой?

— Правда,— ответил он, ударив себя по лбу,— не знаю, как это я забыл.

— Продолжайте, умоляю вас.

— Итак, это была Хуана, как вы сказали, сестра; но Хуана была не одна, ее провожал офицер, которого отец мой называл ее опекуном. Это был дон Фернандо д'Авила. Оба поместились во дворце. Я знал прежде дону Фернандо, честного и храброго воина, которому оказал некоторые услуги; но, сколько мне известно, отец мой не имел никакой причины протектировать ему. Однако герцог, по-видимому, очень полюбил этого человека и имел намерение горячо протектировать ему. Это очень заинтересовало меня. Я спрашивал себя иногда, отчего отец принимает такое участие в этом человеке; действительно, дон Фернандо д'Авила, который после десятилетней войны во Фландрии с чрезвычайным трудом достиг чина альфереца, по милости горячей рекомендации моего отца в один год сделался капитаном и получил приказание ехать на острова командиром роты, которую купил ему мой отец. Девочка, несмотря на свою молодость, должна была ехать с ним. Не знаю, какое-то тревожное любопытство заставило меня в день отъезда дону Фернандо проводить его, без ведома моего отца, несколько миль по дороге в Севилью, откуда он должен был отправиться в Кадис. Не стану рассказывать вам, сестра, разговор, который я имел с капитаном, я повторяю вам только то, что я узнал. Отец мой ездил во Фландрию, где находился дон Фернандо, предложил ему взять попечение о ребенке, уверив его, что он не только

даст ему деньги, необходимые для воспитания этой девочки, но что поможет ему сделать карьеру. Дон Фернандо был беден, не имел никаких могущественных покровителей, способных вывести его из того положения, в котором он прозябал. Не осведомляясь о причинах, заставлявших человека с именем и званием моего отца делать ему такие необыкновенные предложения, он поспешил принять их; так хотелось ему во что бы то ни стало выйти из бедственного положения, которое он терпел так давно. Он обещал нашему отцу слепо ему повиноваться и немедленно последовал за ним в Париж. Там герцог отдал ему ребенка, потом они все трое поехали в Мадрид. Таким образом, милая сестра, по приказанию моего отца воспитаны двое детей. Мы с вами так хорошо знаем герцога Пеннафлора, что не станем оскорблять его предположением, будто любовь к человечеству и филантропия побудили его воспитать этих двух сирот. Какая же причина заставила его действовать таким образом? И кто такие эти люди? Вот что нам надо узнать.

— А вы что думаете об этом, брат?

— Причина, по-моему, сестра, мщение.

— Мщение? Какое мщение, брат?

— Послушайте, моя бедная сестра,— продолжал дон Санчо с печальной улыбкой,— вы умерли или по крайней мере слывете умершей, не правда ли?

— Правда, брат, ну?

— Дайте мне кончить; кто нам докажет, что герцог не знает, что вы еще живы, и что он распустил слухи о вашей смерти для того, чтобы укрепить мщение, в котором он поклялся не только против вас, но и против человека, который лишил его старшего сына и похитил у него дочь? Почему вы знаете, что наш отец не следил постоянно за всеми вашими поступками и бросил вас только для того, чтобы внушить вам более уверенности и успеть таким образом поразить в одно время двух смертельных своих врагов.

— О! То, что вы предполагаете, ужасно, брат!— вскричала она, с ужасом сложив руки.

— Сестра, я ничего не предполагаю,— ответил он сухо,— я только вывожу заключение. Для меня очевидно,

что герцог следует шаг за шагом плану, обдуманному давно, и вот тому доказательство: месяц тому назад, заметьте это хорошенько, пожалуйста, герцог Пеннафлор и дон Гусман де Тудела находились в Веракрусе. Я вам уже сказал, что дон Гусман морской офицер; по приказанию моего отца, который рассказал ему ужасную историю вашу, сестра, хотя он переиначил ее, этот молодой человек, обезумев от горести и стыда, не колеблясь бросил почетную карьеру, открывавшуюся ему, и отправился матросом на флибустьерском судне, решившись умереть или отомстить за свою мать, низко обесславленную, по словам моего отца, одним из этих людей.

— Но это ужасно, брат!

— Не правда ли? Однако это еще не все. Этот молодой человек, одаренный прекраснейшими качествами и благороднейшими инстинктами, обязался клятвенно преследовать своей ненавистью начальников флибустьеров, служить шпионом нашему правительству и предать в наши руки самых знаменитых между этими флибустьерами. Понимаете ли вы меня теперь, сестра? Должен ли я еще распространяться об этом?

— О! Нет, брат, ни слова более, ради Бога!— вскричала она с ужасом.

— К счастью,— продолжал он,— я мог обменяться несколькими словами с Гусманом. Я должен его видеть; может быть, мне удастся, особенно если вы согласитесь мне помочь, удалить его из пропасти, в которую он готов упасть.

— Сомневаетесь ли вы в моей готовности помочь вам, брат? Ах, Боже мой! Что делать?

— Я еще не знаю. Прежде всего мне надо его видеть.

— Это правда, Боже мой, это правда! Какое имя принял он между флибустьерами?

— Я не знаю.

Она с унынием потупила голову и молчала несколько минут. Брат печально смотрел на нее, не смея прервать ее мысли и возобновить разговор.

— Послушайте, брат,— сказала донна Клара через минуту, вдруг подняв голову, со сверкающими глазами и нахмутив брови, так что они сдвинулись.— Я оставалась

слишком долго трусливо спрятавшись в этой долине, час действовать наконец пробил; неумолимая борьба, которую я считала конченной между нашим отцом и мною, начинается опять. Хорошо, я принимаю ее; Господь поможет мне, потому что он покровительствует матерям, спасающим своих детей.

— Что хотите вы делать, Клара?

— Оставить этот домик и отправиться в Марго или в Пэ к флибустьерам, они будут для меня не так жестоки, как мои соотечественники.

— Остерегайтесь, сестра.

— Чему я подвергаюсь? Смерти? Она будет приятна, брат, если я успею отыскать моего сына и спасти его честь.

— Но какие средства хотите вы употребить, моя бедная Клара?

— Не знаю, Санчо; но Господь вдохновит меня, я добьюсь успеха, я в этом убеждена.

— Поступайте же как хотите, сестра, я не имею ни права, ни воли удерживать вас, но если Гусман не сын ваш?

— Ах!— сказала она с сомнением.

— Если вместо сына у вас дочь и если эта дочь Хуана? Потому что, моя бедная сестра, этим и ужасна наша история; вы мать, не зная, какому ребенку дали вы жизнь, не зная даже, не умер ли этот ребенок при рождении.

— Боже мой! Боже мой!— прошептала она, с отчаянием ломая руки.

— К несчастью, отец наш, побуждаемый ненавистью, не сделал ошибки, он все рассчитал, все предвидел. Помните, что когда с вами сделались первые боли, вам дали сильный усыпительный порошок, что во время вашего сна природа исполнила свое таинственное дело и что когда глаза ваши раскрылись, ваш ребенок исчез.

— Это правда, Санчо, это правда!— вскричала донна Клара, залившись слезами.— Я не видела моего ребенка! У меня его похитили прежде, чем я его поцеловала; эту первую ласку, столь сладостную для сердца матери, я не могла оказать моему ребенку! О, не ужасно ли это, брат?

— Успокойтесь, Клара, ради Бога; ваше отчаяние пугает меня.

— О! Вы внезапно оживили все мои горести; эта ужасная рана постоянно обливается кровью в моем сердце! Мать не утешится никогда.

— Клара, сестра моя, умоляю вас, вы знаете, как я вас люблю, я буду помогать вам всеми моими силами; клянусь вам, мы отыщем ребенка.

Вдруг она встала с пылающим лицом, с сухими глазами.

— Брат,— сказала она,— если эти оба мои дети?

— Что вы говорите, Клара?

— Я говорю, брат, что, как ни глубок мрак, окружающий нас, как ни замысловата ненависть моего отца, свет просияет на эту незаконную тайну. Поверьте мне, не даром после стольких лет Господь позволяет моему отцу и мне встретиться лицом к лицу. Вот час великой борьбы! Мы увидим, ангел или демон останется победителем в страшной партии, которая будет разыгрываться между нами.

XVIII

ДОННА КЛАРА

Побежденная волнением, донна Клара, произнеся со странной энергией слова, кончающие последнюю главу, упала почти без чувств на стул.

Дон Санчо был испуган состоянием, в котором видел сестру, единственное существо, к которому он чувствовал искреннюю дружбу во всю свою жизнь; сердце его сжалось, и горячие слезы, которые он не отирал, медленно скатились по щекам.

— Бедная сестра!— прошептал он, смотря на нее с кротким родительским состраданием.— Вся жизнь ее одно продолжительное мученичество! Почему я не могу вложить надежду в ее разбитое сердце! Боже мой, после стольких лет разве таким образом должен был я ее увидеть!

Он вздохнул, опустил голову на грудь и начал ходить с волнением взад и вперед по комнате. С четверть часа тишина нарушалась только сдержанными рыданиями донны

Клары. Вдруг она выпрямилась и, положив свою руку на руку брата в ту минуту, когда он проходил мимо нее, она сказала задыхающимся голосом:

— Дон Санчо, могу ли я рассчитывать на вас?

— Неужели вы сомневаетесь в этом, сестра?— ответил он, останавливаясь и взяв ее руку, поцеловал.

— Извините меня,— сказала она,— ах! Я так несчастна, что часто против моей воли не смею верить!

— Я не делаю вам упреков, сестра, я вас слушаю.

— Вы мне сказали, что вы любите этого дона Гусмана де Тудела.

— Как брата.

— Он хорош собой, не правда ли?

— Хорош и храбр, сестра.

— А!— сказала она с радостью.

— Да, это гордый дворянин.

— Он не изменит тому роду, от которого происходит?

— Это написано на его мужественном лице.

— Вы мне сказали, что надеетесь видеть его?

— Надеюсь, да; но не знаю, как и каким образом устроится это свидание.

— Разве вы не условились?

— Герцог наблюдал за нами ревнивыми глазами; я мог обменяться с Гусманом только несколькими неопределенными словами; только мне кажется, что он понял их.

— Знаете ли, что поручение, данное ему, ужасно, что роль, которую он принужден играть, гнусна!

— Знаю, но он этого не думает; напротив, он убежден, что исполняет долг.

— Но что же вы наконец подозреваете о нем? Это мнимое родство действительно ли существует?

— Что сказать вам, сестра? Все это покрыто для меня непроницаемой тайной; вы знаете так же хорошо как и я, что фамилия Тудела в близком с нами родстве, только, так как они никогда не жили при дворе, а всегда в своем имении, среди своих вассалов, у нас с ними не было почти никаких сношений; я не помню, чтобы видел у моего отца хоть одного человека, носящего эту фамилию; стало быть, я не могу утверждать, происходит или нет Гусман от этой фамилии, тем более что герцог Пеннафлор, я должен в

этом признаться, никогда не оказывал мне ни малейшего доверия и, зная глубокую дружбу, которую я всегда показывал к вам, всегда с умыслом скрывал от меня даже самые незначительные свои поступки.

— Повсюду мрак!— прошептала донна Клара.— О, небо несправедливо!— вскричала она с унынием.— Для чего оно позволяет таким образом добродетели изнемогать?

— Пути Господни неисповедимы для ограниченных взглядов людских, сестра,— отвечал дон Санчо с убеждением,— может быть, когда вы обвиняете его милосердие и правосудие, он готовится громкое оправдание и страшное мщение.

Донна Клара склонила свое бледное лицо, между тем как мрачная улыбка сжала ее губы.

— Нет,— возразила она,— я не могу долее ждать! Час настал, повторяю вам; если бы мне пришлось изнемочь в борьбе, я буду действовать.

— Что намерены вы делать?

— Разорвать раз и навсегда покрывало, протянутое перед моими глазами.

— Вам это не удастся.

— Пусть будет то, что угодно Богу, брат, я решилась; притом вы дали формальное обещание помогать мне.

— Во всем, что будет зависеть от меня, сестра, вы можете рассчитывать на это.

— Благодарю, дон Санчо; но дон Гусман, вступив в число Береговых Братьев, не сохранил, конечно, своего имени?

— Если бы знали, что он испанец, его сочли бы за шпиона.

— Вы знаете, какое имя он принял?

— Знаю, сестра.

— Какое?

— Марсьяль.

— Хорошо, этого для меня достаточно; будьте спокойны, дон Санчо, я скоро узнаю, сын ли мой этот молодой человек.

— Извините, если я стану вас расспрашивать, сестра; какие средства употребите вы, чтобы получить эту уверенность?

Донна Клара презрительно улыбнулась.

— Сердце мне скажет; мать не обманывается никогда, когда надо узнать своего сына.

— Но для этого вам надо его видеть.

— Я его увижу, и очень скоро.

— Я не смею понять вас, сестра; итак, вы хотите...

— Да,— перебила она запальчиво,— и я также хочу примешаться к Береговым Братьям, жить их жизнью, наблюдать за их поступками и видеть этого молодого человека, этого Марсьяля, но так чтобы он не знал, кто я, и заставить его полюбить меня; если, как я тайно убеждена, он сын мой, он невольно будет привлечен ко мне, и тогда...

— Но это безумство, сестра!— вскричал маркиз.— Вы несерьезно это говорите.

— Почему же, позвольте спросить, брат?

— Как вы будете жить с этими разбойниками, не имеющими ни веры, ни закона?

— У этих разбойников, не имеющих ни веры, ни закона, брат, больше чести, чем у тех, кто их презирает и преследует их, как хищных зверей; кажется, вы должны это знать лучше всех.

— Правда, сестра; лично я никогда не мог на них пожаловаться; напротив, они вели себя со мною как люди благородные, и поверьте, я сохраняю к ним глубокую признательность.

— Если так, почему же вы предполагаете, что они будут вести себя с женщиной не так, как с вами?

— Я не это хотел сказать, вы не поняли меня.

— Объяснитесь же,— ответила она с лихорадочным раздражением.

— Разве вы забыли, что между этими людьми есть один человек, который запретил вам являться перед ним?

— Если только я не возвращу ему сына; это правда.

— А!— сказал он.

— Я возвращу ему сына, брат; поверьте, мое сердце не обманывает меня.

Маркиз покачал головой и ничего не отвечал. Наступило молчание на несколько минут, донна Клара прервала его:

— Мое намерение принято, никакое человеческое могущество не заставит меня переменить это намерение; притом,— прибавила она печально,— будьте спокойны, дон Санчо, он меня не узнает; посмотрите на меня внимательно; вы брат мой, скажите мне, похожа ли несчастная, находящаяся перед вами и разбитая несчастьем, сторбленная под тяжестью незаслуженного стыда, на молодую женщину, которую вы знали двадцать лет тому назад! Нет, Нет! Монбар, или граф де Бармон, как хотите его назвать, не узнает меня; ах! Если он увидит меня, он пройдет возле меня, и взгляд его не остановится на несчастной, черты которой, страшно обезображенные слезами, ничего не напомнят его воспоминанию.

— Я не имею ни права, ни мужества не допускать вас до этого важного шага, сестра, хотя не предвижу ничего хорошего для вас; мои искреннейшие желания будут вас сопровождать, мое живейшее сочувствие отдано вам; действуйте как знаете, и да поможет вам Господь!

— Он будет со мною, брат, я надеюсь на это.

— Во всяком случае,— продолжал он с видом сомнения,— вспомните, что я губернатор в Сан-Доминго и что по милости этого звания я могу помогать вам, если вам понадобится действительная помощь. Хотя негодяи эти наши смертельные враги, они, однако, принуждены часто считаться с нами.

— Я знаю, как вы меня любите, дон Санчо, и этого достаточно для моей уверенности, что вы не измените мне при случае.

— Чего бы вы ни потребовали от меня, сестра, я сделаю это днем или ночью; при первом вашем призыве я буду с вами.

— Благодарю,— ответила она, протянув руку.

Маркиз дружески пожал ее руку и грустно прошептал:

— Бедная сестра!

— Дон Санчо,— продолжала она,— я имею тайное предчувствие, что мои горести приходят к концу и что скоро,— прибавила она восторженно,— я отыщу моего сына и прижму его к сердцу!

Маркиз поклонился сестре, подавив вздох.

— Теперь,— сказал он,— я принужден оставить вас; я

прискакал к вам, не предупредив никого; это продолжительное отсутствие должно показаться странным, пора мне явиться в Сан-Доминго, чтобы прекратить беспокойство, возбужденное этим поступком, непонятным для всех; я еще так недавно губернатор, что должен подумать о том, как достойным образом исполнить возложенную на меня роль; но надеюсь, что мы скоро увидимся; я еще многое должен вам рассказать после такой продолжительной разлуки.

— Я не знаю, когда мы увидимся, брат, и, как ни велико мое желание поговорить с вами, я не могу назначить вам время нового свидания.

— Стало быть, вы скоро намерены привести в исполнение ваш план?

— Сегодня же вечером я отправлюсь в Порт-де-Пэ.

— Так скоро, сестра?

— Я и то слишком медлила; не настаивайте, пожалуйста, это было бы бесполезно.

— Если так, сестра, я молчу, и мне остается только пожелать вам успеха, но увы! Я не надеюсь.

— Я не разделяю вашего мнения; прощайте, брат.

— Прощайте, сестра,— ответил он.

Они обнялись и долго оставались в объятиях друг друга. Донна Клара высвободилась наконец и сказала:

— Вооружитесь мужеством.

Они вышли; негр Аристид держал лошадь маркиза и водил ее перед домом. Дон Санчо сделал ему знак, в последний раз обнял сестру и сел на лошадь.

— Прощайте,— сказал он задышающимся голосом.

— До свидания!— ответила она.

Маркиз вонзил шпоры в бока лошади и ускакал галопом. Донна Клара осталась неподвижна на пороге двери и следила за ним глазами, пока могла его видеть. Когда наконец он исчез за поворотом тропинки, она перекрестилась, вздохнула и вернулась в дом, прошептав:

— Он всегда меня любил, добрый брат!

Бирбомоно стоял в первой комнате, донна Клара подошла к нему.

— Друг мой,— сказала она ему кротким голосом,— я уезжаю отсюда.

Бирбомоно молча поклонился.

— Я хочу уехать сегодня же, через час, если это возможно.

— Через час все будет готово,— сказал он почтительно.

Она колебалась, потом, вооружившись мужеством, продолжала:

— Видите ли, мой друг, я не знаю, когда я сюда ворочусь; мое путешествие может продолжиться долее, чем я желала бы; мне нужно взять с собою довольно значительную поклажу.

— Пока вы были с вашим братом, я все приготовил,— ответил Бирбомоно,— вы можете ехать, сеньора, когда пожелаете.

— Все приготовили?— воскликнула она с удивлением.— Почему же вы знали о моем намерении, когда час тому назад я сама о нем не знала?

— Стены здесь простые перегородки, сеньора, невольно, и не желая подслушивать, я слышал почти все, что вы говорили с его превосходительством.

Донна Клара улыбнулась.

— Я на вас не сержусь, Бирбомоно,— сказала она,— потому что у меня нет от вас тайн; притом я сама хотела вам сказать.

— Теперь это бесполезно.

— Во время моего отсутствия вы останетесь здесь; почему знать, может быть, мне посчастливится вернуться в этот домик, где я пролила столько слез и который по этому самому сделался мне дорог.

— Извините,— отвечал Бирбомоно, побледнев,— я не совсем хорошо понял приказания, которые вы изволили мне дать. Вы, кажется, изъявили желание, чтобы я остался здесь?

— Да, друг мой.

— Вы меня простите, сеньора, но это невозможно.

— Как невозможно?

— Вот уже двадцать лет, как я с вами, сеньора, я не соглашусь расстаться с вами, когда вы решаетесь на опасное предприятие, во время которого вам более прежнего понадобится преданный слуга.

— Но, друг мой, вы не подумали, что я буду жить

среди смертельных врагов испанцев и что, взяв вас с собою, я подвергаю вас страшной опасности.

— Извините, сеньора, я подумал об этом, но я имею честь заметить вам, где будем мы, находятся другие испанцы, которые живут, не будучи тревожимы никем под тем простым условием, чтобы они покорились законам флибустьерским и не вмешивались в их дела; я буду поступать как другие, вот и все.

— Я не знала то, что вы мне говорите, друг мой; однако я предпочла бы, чтобы вы согласились остаться здесь.

— Я уже имел честь говорить вам, сеньора, что это невозможно; если вы мне прикажете не следовать за вами, я буду повиноваться вам, но уеду один в Порт-де-Пэ.

— Настаивать долее значило бы не признавать вашей преданности, друг мой, но кто будет караулить дом во время нашего отсутствия?

— Негр Аристид, сеньора; он смышлен, предан и честен; я дал ему инструкции, вы можете положиться на него.

— Если так, я сдаюсь; надо сделать так, как вы хотите.

— Благодарю вас за столько милостей, сеньора,— ответил старый и добрый слуга,— вы очень огорчили бы меня, если бы потребовали, чтобы я расстался с вами в таких важных обстоятельствах, от которых зависит, может быть, счастье всей вашей жизни.

— Может быть, действительно так будет лучше, друг мой,— ответила донна Клара с задумчивым видом,— когда лошади будут оседланы, а лошаки навьючены, придите мне сказать, я буду готова.

Она сделала ему дружеский знак и вошла в спальню, заперев за собою дверь. Предпринимая эту последнюю и важную попытку, она имела потребность собраться с мыслями и рассчитать в своем сердце все вероятности на успех, какие она могла иметь.

Бирбомоно, обрадованный последними словами своей госпожи, весело начал приготавливать все к отъезду.

Незадолго до заката солнца госпожа и слуга выехали из домика, оставленного под надзором Аристида, гордившегося таким доверием, и направились в Порт-де-Пэ, позаботившись сдерживать своих лошадей, так чтобы приехать ночью и не привлекать на себя внимания.

ВЗЯТИЕ ЧЕРЕПАХИ

Мы воротимся теперь к двум нашим действующим лицам, которых требования нашего рассказа принудили нас оставить в положении довольно критическом. Мы говорим о Филиппе и его бывшем работнике Питриане, которые спрятались в расщелине грозных скал, называемых железными берегами и образующих острову Черепаха природные укрепления.

Оба флибустьера спали без просыпа всю ночь, и ничто не нарушило их спокойного сна. Только на рассвете, когда первые лучи дневного светила коснулись их глаз, они проснулись. Все было тихо и уединенно около них; море, едва волнуемое утренним ветерком, тихо замирало у подножия скал слабым и гармоническим журчанием. Глупыши и зимородки с криком касались своими крыльями воды; ни один парус не виднелся в море.

В одно мгновение авантюристы вскочили и спустились к берегу, где они очутились в сравнительной безопасности, потому что там их невозможно было приметить со стороны острова. К счастью, осматриваясь направо и налево, они заметили природный грот, образованный, без сомнения, постоянными усилиями моря. Он представил им надежное убежище не только от нескромных взоров, но и от солнечных лучей, которые в полдень производили нестерпимый жар.

— Э! Э!— сказал Филипп, как можно удобнее прислоняясь спиною к скале и набивая свою трубку.— Наше положение кажется мне довольно сносно, как ты думаешь, Питриан?

— Я думаю, что оно могло быть хуже, но также и лучше.

— Черт побери! Ты очень разборчив, мой милый, но я с тобою не согласен и нахожу, что мне очень хорошо.

— Согласен, но я думаю, что нам было бы гораздо лучше, если бы мы не забыли самого главного.

— Что ты хочешь сказать?

— Разве вы не чувствуете аппетита?— спросил Питриан, отвечая на вопрос другим вопросом.

— В самом деле, ты заставил меня вспомнить, я проголодался как волк.

— Хорошо, а где же провизия?

— Ты должен это знать лучше меня, Питриан, ведь ты взял ее с собой.

— Она в пироге, а пирога-то уехала с кавалером.

— Гм! Это невесело; как же нам быть?

— Не знаю, а вы?

— И я также не знаю, если спрашиваю тебя; в этом положении нет ничего приятного, и перспектива оставаться два дня без еды вовсе для меня не привлекательна.

— Я не вижу другого средства, разве только съедем друг друга.

— Ты сейчас придумаешь худшее; у нас нет провизии, но мы ее отыщем.

— Отыщем! Я очень этого желаю, только поостережемся, как бы нас не взяли.

— Как это ты не подумал о провизии? Ведь это было твоё дело.

— Я так думаю, что мы ничего не выиграем упреками, а лучше придумать способ выйти из затруднения.

— Это мне кажется нелегко.

— Кто знает! Попробуем.

— Попробуем! Я сам этого желаю, но сомневаюсь в успехе.

Разговаривая таким образом, оба встали и вышли из грота. Берег был еще пуст; пошли вдоль скал, чтобы воротиться на то место, откуда они пришли, чтобы перейти оттуда на остров. Они шли таким образом около десяти минут, внимательно рассматривая стену из скал, возвышавшуюся над ними, чтобы отыскать обрыв, через который они проскользнули накануне. Вдруг Питриан остановился и вскрикнул от удивления.

— Что такое?— спросил Филипп, ускорив шаги, чтобы поскорее его догнать.— Что там случилось нового?

— Придите посмотреть,— ответил Питриан,— ей-Богу! Это что-то странное.

Филипп подошел; в этом месте скалы, подорванные, вероятно, каким-нибудь вулканическим потрясением, составляли какой-то хаос; одна скала делала выступ к берегу.

Питриан, без всякого внимания, вместо того чтобы идти прямо, прошел сзади этой скалы и тогда, к своему величайшему удивлению, увидел перед собою вход в пещеру, довольно высокий и довольно широкий, так что человек обыкновенного роста мог войти не наклоняясь. Пол этой пещеры был покрыт легким слоем тонкого песка, на котором там и сям являлись не только следы шагов, но и довольно глубокая полоса, как будто тут тащили лодку.

— Это что значит?— вскричал Филипп.— Уж не проходили это?

— Нам легко в этом удостовериться; если мы не найдем выхода, мы расквитаемся тем, что воротимся назад.

— Это правда, беда невелика, слава Богу! У нас нет недостатка во времени.

— У нас недостаток только в провизии,— заворчал Питриан.

— Неблагодарный!— сказал Филипп, смеясь.— Может быть, эта пещера приведет нас в такое место, где мы провизию найдем.

— Дай Бог!

Тогда, не колеблясь более, они вошли в пещеру. Однако, так как авантюристы были люди осторожные и не знали, что могло случиться, они старательно осмотрели свое оружие и взвели курки, чтобы быть готовыми на всякий случай.

Пещера была довольно глубока и составляла несколько изгибов. Флибустьеры, по милости неприметных трещин, вероятно, существовавших в своде, видели довольно хорошо, чтобы верно направляться, хотя находились в каких-то сумерках, позволявших им весьма неопределенно различать предметы. Они скоро дошли до залы, довольно большой, формы почти круглой, куда свет проникал сверху; отверстие около четырех футов ширины пропускало солнце, лучи которого разливали довольно яркий свет. В этой зале флибустьеры заметили не одну, а три лодки, из которых две, правда, были в довольно плохом состоянии и не способны без починки плыть по морю; но третья была почти новая. Лодки эти старательно были приставлены

к стене и поддерживались подпорками; возле них лежали весла, багры, мачты, реи с парусами; снасти и другие рыболовные снаряды были разложены в лодках.

— Вот, если не ошибаюсь,— радостно сказал Филипп, потирая руки,— это избавит нас от тяжелого труда; эти лодки пришли сюда не одни, стало быть, существует проход, который мы найдем, так что нам не нужно будет рыть прохода и наши товарищи войдут на остров как к себе домой.

— К чему-нибудь да несчастье годится,— нравоучительно сказал Питриан.

— Как хорошо мы сделали, что забыли взять провизию!

— Гм! Я этого не нахожу.

— Ты глуп, Питриан, ты говоришь необдуманно. Если бы у нас была провизия, мы не стали бы ее искать, не правда ли?

— Это довольно вероятно,— ответил Питриан с насмешливым видом.

— Ну, выведи же последствия, дуралей; если бы мы не искали провизии, так как у нас она была, то мы не открыли бы этого прохода, столь удобного для успехов наших планов.

— Это правда; какой я дурак!

— Я тебе говорил, но не будем далее оставаться здесь; поспешим осмотреть это подземелье, чтобы поскорее узнать, куда оно ведет.

Они отправились в путь; после нескольких изворотов они дошли до конца пещеры. Там, как предвидел Филипп, через стену скал легко было перейти; пещера выходила во внутренность острова довольно широкой трещиной, прикрытой густым хворостом и грудой камней, в которой по ее складу легко было узнать руку человека. Флибустьеры пробрались между камнями, старательно раздвинули хворост и очутились не на открытом пространстве, как они предполагали, а на довольно обширном дворе, закрытом со всех сторон живою изгородью, в конце которого возвышалась жалкая бамбуковая хижина, покрытая пальмовыми листьями.

— Черт побери!— сказал Филипп.— Как это неприятно!

Хозяин, кто бы он ни был, как только нас увидит, раскричится и напустит жителей на нас; как же быть?

— Оставайтесь здесь, а я пойду вперед разузнавать; если не найду ничего подозрительного, я вам дам знать.

— Ступай и будь осторожен.

Филипп спрятался в хворост, а Питриан решительно пошел к дому. В некоторых случаях смелость лучшая тактика; поступок Питриана доказал это на этот раз. Он дошел до дома, отворил дверь, которая, по американскому обычаю, была заперта только на защелку, и очутился в комнате, жалко меблированной, служившей и кухней и спальней; комната эта была пуста, но и мебель, и утварь, словом, все, что заключалось в доме, находилось в таком запустении, что по всему было видно, что домик этот давно необитаем.

Осмотрев все и не найдя ничего, что открыло бы тайну, заключающуюся в этом жилище, флибустьер, которому придал смелость успех его отважного предприятия, захотел отворить дверь. Он не мог, несмотря на все свои усилия. Это сопротивление, которого он не ожидал, заинтересовало его; он стал отыскивать, что могло удерживать дверь. Тогда он заметил, что она забита гвоздями снаружи. Он подошел к окну — оно также было забито.

— Что это значит? — прошептал он.

В эту минуту он услышал шум шагов и с живостью обернулся, схватив ружье. Это был Филипп, который, соскучившись ждать и беспокоясь, что не видит Питриана, решился пойти к нему. Питриан в двух словах рассказал, в чем дело. Филипп подумал с минуту, потом расхохотался.

— Решительно Господь за нас, — сказал он весело, — теперь я понимаю все.

— Что вы понимаете? — с любопытством спросил Питриан.

— Вот в чем дело. Несколько времени тому назад нас уведомили, что на Черепaxe свирепствует чума; вероятно, жители этого дома все погибли от чумы; я уверен, что мы найдем их трупы в каком-нибудь углу. По испанскому обычаю, дом забит наглухо, на двери начертан красный крест, потом все заперто. Итак, мы здесь у себя дома, и нам нечего бояться, чтобы нам здесь помешали.

— Все это может быть справедливо.

— Постараемся найти провизию; я буквально умираю с голода.

Они принялись за поиски и обыскали всю комнату вверх и вниз. Филипп угадал справедливо: под навесом, выходящим во двор, смежный с садом, они нашли два трупа в состоянии сильного разложения. Несмотря на весьма естественное отвращение, флибустьеры поспешили вырыть глубокую яму и бросили в нее трупы, чтобы избавиться от нестерпимого запаха, распространяемого ими. Флибустьеры захватили говядины, фрукты, бутылку водки и воротились в пещеру, которую прошли не останавливаясь, и заняли свой пост на берегу.

— Право,— весело сказал Филипп, евший с аппетитом провизию, так кстати посланную им случаем,— надо признаться, что решительно небо помогает нам; эта отважная экспедиция, представлявшая девяносто девять дурных вероятностей против одной хорошей, до сих пор удалась вполне; как ты думаешь, Питриан?

— Я думаю,— ответил флибустьер с полным ртом,— что, может быть, вы и правы; но я не спешу радоваться; вы знаете испанскую пословицу?

— Какую? Их много.

— Идти за шерстью и воротиться остриженным; не будем же торопиться воспевать победу, наш успех совершенно зависит от Граммона.

— Это правда; если он попался, чего я не думаю, мы погибли.

— Не думаю, чтобы он попался, но он мог быть убит, а для нас это выходит одно и то же. Наши товарищи, видя, что мы не возвращаемся, предположат, что мы попали в руки испанцев, и откажутся от экспедиции; тогда что же мы будем делать здесь?

— Отправляйся к черту с твоими несчастными предсказаниями,— сказал Филипп,— ты зловещая птица; ничего этого не случится.

— Аминь!— от всего сердца сказал Питриан, так прихлебнув из бутылки с водкой, что она уменьшилась на добрую треть.

Они продолжали завтракать, разговаривая таким обра-

зом между собой, а по окончании завтрака стали наблюдать за открытым морем.

К одиннадцати часам утра они увидели несколько судов на парусах, старавшихся подойти к Черепакхе. Суда эти пересекались со шхуной, которая выходила из канала в открытое море. Филипп предположил, и это действительно было справедливо, что суда эти везли новый испанский гарнизон, а шхуна — донну Хуану и дона Фернандо д'Авила, ее опекуна. Несмотря на сильную горесть, которую возбудил в нем этот отъезд, он, однако, почувствовал тайную радость при мысли, что любимая им женщина находилась теперь вне всякой опасности.

Прошло два дня, и ничто не возмутило спокойствия, которым наслаждались оба флибустьера. Несколько раз возвращались они в дом за провизией, потом приходили опять на свои места к берегу моря. Все благоприятствовало им до конца: погода стояла совершенно хорошая; море, по морскому выражению, походило на масло; ни малейшего дуновения воздуха не сморщивало поверхности, гладкой как зеркало.

Вечером на второй день, около одиннадцать часов, в безлунную и очень темную ночь, двое часовых, притаившихся на берегу, заметили свет, блеснувший на секунду в темноте и почти тотчас угасший. Флибустьеры поняли, что блеск этот был порох, зажженный их товарищами, спрашивавшими их, могут ли они пристать к берегу. Они не заставили их ждать ответа; четыре затравочных пороха, сожженных один за другим, предупредили Береговых Братьев, что все спокойно и что они могут прямо плыть к берегу.

Однако прошло около часа, и ничто не доказывало флибустьерам, что сигналы их были примечены и поняты; тогда, около полуночи, они увидели несколько черных масс, вышедших из темноты, и глухой и размеренный шум показал им прибытие флибустьерской флотилии, состоявшей из одних только пирог. Через десять минут флибустьеры выпрыгнули на берег. Их было четыреста; все были вооружены с ног до головы; все решились победить или умереть. Главные начальники флибустьерства командовали ими: д'Ожерон, Монбар, Граммон, Пьер Легран, Тихий

Ветерок, Мишель, Дрэк, Марсьяль, Давид и многие почти столь же знаменитые или которые уже шли по следам этих героев.

— Ну, что нового?— спросил д'Ожерон своего племянника.

— Ничего, насколько мне известно, кроме того, что испанский гарнизон, кажется, удвоился.

— Да!— продолжал д'Ожерон.— Несмотря на тайну наших рассуждений, кажется, какой-то изменник замешался между нами и открыл наш план испанцам. Губернатор Сан-Доминго отправил двести человек подкрепления в гарнизон; они должны были высадиться вчера.

— Так действительно и было,— отвечал Филипп.

Если бы темнота не была так густа, краска, вдруг покрывшая лицо Марсьяля при словах д'Ожерона, обнаружила бы тотчас губернатору, какой изменник продал их тайну испанцам.

— Что мы будем делать?— спросил Монбар.

— Мы пойдем вперед,— ответил д'Ожерон,— но прежде послушаем план Филиппа.

— Вы делаете мне большую честь, дядюшка,— ответил молодой человек,— план этот прост. Вот он: сто человек, самых проворных между нами, под начальством Граммона и Питриана, проберутся на платформу крепости; триста других, под моим руководством, нападут на испанцев сзади, так, чтобы поставить их между двух огней.

— Хорошо, но очень трудно перебраться за железные берега с пушкой.

— Я нашел дорогу. Вам нравится этот план?

— Он нам нравится, так что мы, ничего не изменяя, приведем его в исполнение.

Граммон приблизился к Филиппу и дружески пожал ему руку.

— Благодарю, брат,— сказал он ему,— что вы уступили мне лучшую часть в этом предприятии, вы мне сделали одолжение, которого я не забуду.

— Я надеюсь на это обещание,— сказал Филипп с иронией, ускользнувшей от капитана.

— Будьте спокойны,— ответил он.

— Прежде чем мы пустимся в путь, не забудьте, дети,

что я дал клятву остаться здесь победителем или умереть,— сказал д'Ожерон.

— Мы победим,— ответили в один голос четыреста авантюристов.

— Обе атаки должны быть сделаны в одно время; они начнутся на рассвете. Теперь молчите и вперед!

Мы сказали, что ночь была темная и безлунная; ни одной звездочки не сияло на небе; ветер переменился, как это часто бывает к полночи, и дул с моря, так что оно очень бушевало и с шумом разбивалось о железные берега. Погода эта очень благоприятствовала флибустьерам, смешивая с шумом моря тот шум, который они, несмотря на все свои предосторожности, принуждены были делать, и не допуская таким образом, чтобы их заметили жители или гарнизон.

Первым делом д'Ожерона было разделить флибустьеров на два отряда, потом под предводительством Филиппа и Питриана Береговые Братья, безмолвные и смелые, как люди решившиеся победить или умереть и, следовательно, пожертвовавшие своей жизнью, направились торопливыми шагами к пещере, которая вдруг, к величайшему удивлению, представилась их взорам и в которую они вошли не колеблясь. Дорогою Филипп рассказал дяде, как случайно нашел он эту пещеру и этот домик. Это открытие сразу же вводило флибустьеров в середину крепости. При выходе из пещеры оба отряда разделились. Самый многочисленный, под командою Монбара, д'Ожерона и других и предводительствуемый Филиппом, засел в домике, двери и окна которого были отворены; домик этот находился у самого выхода в городок. Флибустьеры оставались неподвижны и безмолвны, ожидая, чтобы начать действовать, первых выстрелов из пушки второго отряда. Тому предстояли огромные затруднения, чтобы добраться до платформы. Но благодаря мужеству, ловкости, а особенно смелости флибустьеров, все эти затруднения были преодолены в несколько часов, и в ту самую минуту, когда солнце показалось на горизонте, два выстрела из пушки, заряженной картечью, раздались на платформе и разгромили Крепость на скале. В ту же минуту раздался страшный крик трехсот голосов, и первый

отряд, устремившись как поток, разрывающий плотину, начал атаку.

Гарнизон крепости, приведенный в беспорядок этой внезапной и сильной атакой, храбро бросился к оружию. Но испанцы, попавшие между двух огней, принуждены были сдаться после геройской обороны, продолжавшейся несколько часов. Город был в огне, две трети гарнизона пали.

Флибустьеры снова завладели Черепахой, но на этот раз они должны были ее сохранить. Испанцы сдались безусловно. Д'Ожерон, не желая оставлять такое множество пленных, потому что кроме гарнизона были еще жители, отправил всех испанцев на судах, взятых в гавани, в Кубу, находящуюся на расстоянии пятнадцати миль, и там оставил их на свободе, не требуя даже выкупа; правда, у них взяли все, что было, и несчастные буквально разорились.

Д'Ожерон назначил Давида начальником Черепахи, укрепления которой были восстановлены в грозном виде, потом, оставив в крепости гарнизон из трехсот отборных флибустьеров, губернатор вернулся в Порт-де-Пэ с главными начальниками экспедиции.

Марсьяль, опасаясь, чтобы не угадали его сношений с испанцами, так храбро сражался возле Монбара, что знаменитый флибустьер счел себя обязанным обратиться к нему с похвалой, которая наполнила молодого человека стыдом и замешательством, до того он считал себя недостойным ее. Но Береговые Братья, поняв иначе краску, покрывавшую его лоб, приписали ее скромности и горячо поздравляли его.

— Ну что? — спросил с лукавым видом Филипп кавалера де Граммона, воротившись в Порт-де-Пэ. — Вы должны быть довольны, капитан, предприятие было проведено хорошо; вы нашли какую-нибудь хорошую добычу в крепости?

Граммон искоса взглянул на него.

— Холодный насмешник! — сказал он. — Я вам отплачу, клянусь вам; вы знали, что она уехала с острова.

— Еще бы! — ответил Филипп и, смеясь, повернулся к кавалеру спиной.

Может быть, в первый раз в жизни кавалер де Граммон не нашелся, что ответить.

Взятие Черепахи, как ни было достославно для флибустьеров, было только началом другой экспедиции, гораздо более важной, которую замышлял Филипп д'Ожерон, чтобы соединиться с любимой женщиной; поэтому мы скоро увидим его, на этот раз не на острове посредственной важности, а среди богатых колоний Береговых Братьев, любви которого они благоприютствовали без своего ведома. Они завязали ту гигантскую борьбу, которая принадлежит скорее эпосе, чем истории, и которая набросила такой великий блеск на это товарищество страшных хищных птиц.

СОДЕРЖАНИЕ

Флибустьеры

I.	«Гостиница Французского Двора»	7
II.	Семейная сцена	14
III.	Арест	23
IV.	Остров Св. Маргариты	32
V.	Взгляд назад	40
VI.	Увлечение	50
VII.	Отчаяние	59
VIII.	Заключенный	68
IX.	Де л'Урсьер	78
X.	Люгер «Чайка»	86
XI.	Прощай, Франция!	97
XII.	Начало приключений	107
XIII.	Совет флибустьеров	115
XIV.	Второе предложение	126
XV.	Шпион	136
XVI.	Продажа невольников	145
XVII.	Набор	155
XVIII.	Ниев	164
XIX.	Экспедиция	173
XX.	Дель-Ринкон	182
XXI.	Рассказ майордома	192
XXII.	По дорогам	202
XXIII.	Запутанность	212
XXIV.	Марго	222
XXV.	Фра Арсенио	232
XXVI.	Последствия встречи	240
XXVII.	Организация колонии	248
XXVIII.	Побег	257
XXIX.	Ход событий ускоряется	266
XXX.	Монбар Истребитель	276

Морские цыгане

I.	«Лосось»	289
II.	Капелла Богоматери	297
III.	Обязанный работник	306
IV.	Дядя и племянник	317
V.	Герцог Пеннафлор	324
VI.	Вступление в службу	335
VII.	Спасение	342
VIII.	Представление	348
IX.	Береговые Братья	357
X.	Островок Собачья Голова	366
XI.	Сад	373
XII.	Свидание втроем	380
XIII.	Дон Фернандо д'Авила	388
XIV.	Сан-Доминго	396
XV.	Мыза	404
XVI.	Два старых знакомых читателя	410
XVII.	Задумчивый рассказ	420
XVIII.	Донна Клара	428
XIX.	Взятие Черепахи	436

Эмар Густав ФЛИБУСТЬЕРЫ

Клуб «Золотое перо»

Редактор М. В. Толмачева

Художественный редактор А. Б. Романова

Технический редактор А. Б. Кольчик

Корректор М. Б. Андреева

Подписано в печать 06.05.92. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2.
Печать высокая. Тираж 100 000 экз. Заказ № 7933. С4.

Фирма «Топикал», Ltd. 109390, Москва, 1-я ул. Текстильщиков, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Мининформпечати Российской Федерации.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

